Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
Российской академии наук

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Периодический сборник научных статей

Электронное научное издание

Выпуск 5

Москва 2013

Редакционная коллегия

В.А.Виноградов
М.Е.Алексеев
В.З.Демьянков
П.С.Дронов
А.В.Дыбо
Е.Р.Иоанесян (отв. редактор)
Д.Б.Никуличева
Н.М.Разинкина
Н.К.Рябцева
К.Я.Сигал
И.И.Челышева

Проблемы описания языка

Problems of Linguistic Description

Н.М. Абакарова (Институт языкознания РАН)

N.M. Abakarova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

О прецедентных текстах в английском художественном дискурсе

Precedent texts in English literary discourse

Аннотация

В статье рассматриваются трансформации прецедентных текстов в художественном дискурсе на примере произведений Шекспира, Джонсона, Бомонта, Шоу, Кэрролла, Уайльда и Агаты Кристи. Особое внимание уделяется анализу функций и механизмов трансформаций.

The article deals with the transformations of precedential texts (a term coined by J Û.N. Karaulov, encompassing phenomena of intertextuality, such as allusions, quotations, and calques) in the Elizabethan and Victorian literary discourse. Special attention is paid to the transformations as a means of creating a new sense in the detective fiction of the Golden Age.

Ключевые слова

трансформации прецедентных текстов, прецедентные имена, фольклорные прецедентные тексты

intertextuality, transformations of precedential texts, precedential names, folkloric precedential texts

В последнее время в центре внимания ученых все чаще оказываются прецедентные тексты. Понятие прецедентного текста, впервые введенное Ю.Н. Карауловым [3], непосредственно связано с категорией интертекстуальности и является

объектом целого ряда лингвокогнитивных, культурологических и семиотических исследований. Имена исторических личностей, литературных и мифологических персонажей, представляющие собой прецедентные тексты наименьшей протяженности, подвергаются различным семантическим трансформациям в диалогах ранненовоанглийской драмы. Семантические трансформации прецедентных имен имеют контекстуальную обусловленность и используются для создания нового смысла.

Одним из наиболее распространенных типов смысловой вариативности антропонимов является изменение их денотативного значения. Смена денотата нередко сопровождается актуализацией коннотативных сем в именах, которые подверглись трансформации. Исходной структурой при этом является имя персонажа пьесы, а трансформом — омонимичное ему имя прецедентного характера.

Bass. *Her name is Portia, — nothing undervalu'd*

To Cato's daughter, Brutus Portia (The Merchant of Venice, I, 1, 1650).

В данной реплике из пьесы Шекспира «Венецианский купец» прецедентное имя Порции, жены Марка Юния Брута, которая славилась своей добродетелью, способствует появлению положительных ассоциаций вокруг имени героини произведения. Как справедливо заметил Г.Г. Слышкин, «апелляция к прецедентному тексту дает возможность предельно кратко изложить свое видение той или иной ситуации,‹…›, выразить свое отношение» [5, 94]. В этом случае, видимо, можно говорить об апелляции к прецедентному имени в персуазивной функции, т.е. с целью убеждения коммуникативного партнера в своей правоте. Характер референции также изменяется: в начале реплики речь идет о субъекте, известном только говорящему (интродуктивная референция), а в конце — о субъекте, одновременно известном говорящему и адресату (идентифицирующая референция). Сравнивая свою невесту с героиней античности, Бассанио тем самым демонстрирует широкие фоновые знания и уровень образования. Таким образом, обращение к прецедентным именам может служить средством дифференциации культурного уровня коммуникантов.

О высокой степени прецедентности данной текстовой единицы в ранненовоанглийский период может свидетельствовать тот факт, что имя Порции имплицитно актуализируется и в пьесе Б. Джонсона «Вольпоне, или Лис», когда жена купца по имени Селия угрожает съесть горящие угли (именно так погибла добродетельная жена Брута):

Celia. *Sir, kill me rather. I will take down poison,*

Eat burning coals, do anything (Volpone, III, 7, 95—96).

Коннотативный элемент имени может контрастировать с внешним и внутренним обликом его носителя:

Escal. ....*What is your name? Master Tapster?*

Pom. *Pompey.*

Escal. *What else?*

Pom. *Bum, sir.*

Escal. *Troth and your bum is the greatest thing about you; so that in the beastliest sense, you are Pompey the Great* (Measure for Measure, II, 2, 203—207).

Имя комического персонажа из пьесы «Мера за меру» является семантически мотивированным и каламбурно обыгрывается Эскалом, который использует прецедентное имя *Помпей* (Гней Помпей Великий), чтобы подчеркнуть несоответствие высокой оценочной коннотации этого имени его носителю.

Lov. *What those i' the cellar*

The knight Sir Mammon claims?

Ana. *I do defy the wicked Mammon, so do all the brethren* (The Alchemist, V, 5, 95—97).

Имя сэра Эпикура Мамона является «говорящим», и в результате каламбурного обыгрывания трансформируется в прецедентное имя *Мамон* (*Мамона*). В данном случае мы имеем полное совпадение характера персонажа с пейоративной коннотацией его имени.

Искажения прецедентных имен (в частности, малапропизм) характерны для речи малообразованных персонажей и являются средством создания комизма. В диалоге из пьесы Ф. Бомонта «Рыцарь пламенеющего пестика» бакалейщик и его жена искажают не только ономастическую лексику, но и апеллятивные лексические единицы. Библейское имя *Иона* (*Jonas*) трансформируется в *Joan*, топоним *Ниневия* (*Nineveh*) в — *Ninivie*, а слово *whale* ‘кит’ — в *wall* ‘стена’.

Citizen. *Nay, by your leave, Nell, Ninivie was better.*

Wife. *Ninivie? Oh, that was the story of Joan and the wall, was it not, George?*

Citizen. *Yes, lamb* (The Knight of the Burning Pestle, III, 277—280).

Прецедентные имена, как и другие разновидности прецедентного текста, обладают большим игровым потенциалом. Стихия словесной игры может носить бескорыстный характер, без особых коммуникативных задач и с нарушением всех основных постулатов принципа кооперации, но развлекая адресанта реплики. В комедии Бена Джонсона «Вольпоне» все имена являются «говорящими» и восходят к итальянским словам (*Volpone* ‘лис’, *Mosca* ‘муха’, *Corvino* ‘подобный ворону’ и т. д.). Когда, обращаясь к Моске, Вольторе называет его *flesh-fly* ‘мясная муха’, он тем самым оживляет и обыгрывает внутреннюю форму имени:

Voltore. *Well, flesh-fly, it is summer with you now;*

Your winter will come on (Volpone, V, 9, 1—2).

Имена с прозрачной семантикой могут трансформироваться в имена персонажей прецедентных текстов, например, в Ворону и Лисицу из известной басни:

Volp. *Methinks*

Yet you… a witty merchant, the fine bird, Corvino,

That have such moral emblems on your name,

Should not have sung your shame and dropped your cheese,

To let the Fox laugh at your emptiness (Volpone, V, 8, 9—14).

В вышеприведенном примере людическое (игровое) использование прецедентного текста представляет собой загадку, разгадать которую способен не адресат

реплики, а адресат всего текста пьесы. Только соотнеся имя купца Корвино с его итальянским значением ‘подобный ворону’, а имя Вольпоне — с его значением ‘лис’, мы понимаем, кого действительно следует опасаться купцу.

Языковая игра с прецедентными текстами, основный корпус которых составляли имена библейских и античных мифологических персонажей, становится в ранненовоанглийской драме средством выражения отношения автора и его героев к окружающей действительности. Шекспир, Джонсон и Бомонт использовали семантическую неоднозначность, возникшую в процессе коммуникации, для создания юмористического эффекта, развития сюжета, индивидуализации речевой характеристики персонажей.

В пространстве викторианского текста наряду с античными мифологизмами и библеизмами присутствует большое количество реминисценций из шекспировских текстов, что свидетельствует о высокой степени их прецедентности.

Пьеса Дж.Б. Шоу «Смуглая леди сонетов» представляет собой некий палимпсест, когда из своего все время проступает чужое, в виде парафразы, цитаты или ироничного отголоска. Поскольку Шекспир выступает в роли одного из главных действующих лиц, то хрестоматийные строки: *Frailty: thy name is woman!* (О, женщина ей имя — вероломство); *All the perfumes of Arabia will not whiten thy little hand* (Всем благовониям Аравии не отбить этого запаха); *divine perfection of a woman* (О совершенство среди женщин) или слегка перефразированная *...there is music in your soul* (есть музыка в твоей душе), — вполне ожидаемы в данном текстовом пространстве. Интереснее другое: аллюзии, цитаты и метафоры из Шекспира, которые можно назвать прецедентными текстами, обеспечивают успех на внешнем уровне коммуникации (автор — читатель), но оборачиваются неудачей на внутреннем (персонаж — персонаж). Это можно объяснить тем, что и для стражника, и для королевы шекспировские слова и образы не являлись прецедентными текстами, а лишь семантически осложняли коммуникацию, что создает иронический парадокс в пьесе: автор и читатели из своего «сегодня» смотрят на то «вчера», когда только создавались тексты, которые «завтра» станут прецедентными.

Здесь невольно приходит на ум кэрролловский диалог Белой королевы и Алисы о том, можно ли помнить будущее (кстати, многие ученые положительно отвечают на этот вопрос).

Конечно, цитаты из Шекспира — не единственные прецедентные тексты в литературе викторианского периода. Одним из излюбленных приемов языковой игры является переосмысление устойчивых выражений, пословиц, поговорок, фразеологических единиц. Эта традиция не прерывается в английской литературе с ранненовоанглийского периода. Когда королева обращается к Гамлету с упреком (Hamlet, III, 4, 156—158): *O, Hamlet, thou hast cleft my heart in twain*, Гамлет отвечает: *O, throw away the worser part of it. And live the purer with the other half* (Отбросьте прочь его дурную часть и с половиной чистою живите). Обе реплики имеют образный смысл. Но в первом выражении (*to cleave sb's heart in twain* 'рассечь кому-л. сердце надвое/пополам') метафорический элемент практически не осознается, тогда как слова Гамлета являются стилистически релевантными именно благодаря оживлению этого метафорического элемента в реплике-реакции. В устах персонажей О. Уайльда подмена компонентов фразеологизмов происходит, как правило, имплицитно. Дамби из «Веера леди Уиндермир» шутливо замечает: *the youth of the present day are quite monstrous. They have no respect for dyed hair* ('современная молодежь ужасна. У нее нет никакого уважения к крашеным волосам' — вместо *respect for grey hair* 'уважение к сединам'). Алджернон из пьесы «Как важно быть серьезным» с не меньшей иронией заявляет: *Divorces are made in Heaven* ('разводы совершаются на небесах' — вместо *marriages are made in heaven* 'браки совершаются на небесах'). Разнообразные способы переосмысления прецедентных текстов находим у Л. Кэрролла. Это и паронимический каламбур *Take care of the sense and the sounds will take care of themselves* (отсутствующий компонент паронимического ряда представляет собой пословицу *Take care of the pence and the pounds take care of themselves*, ср. *копейка рубль бережет*), и реализация метафоры, лежащей в основе пословицы. Когда король приказывает Чеширскому коту — вернее, его голове, парящей в

воздухе: *Don't look at me like that* (в переводе Н.М. Демуровой: «И не смотри так на меня»), Алиса возражает: *A cat may look at a King. I've read that in some book but I don't remember where* (от пословицы *A cat may/can look at a king* 'нижестоящий сохраняет некоторые права и способности даже в присутствии вышестоящих'; в переводе Н.М. Демуровой: «Котам на королей смотреть не возбраняется. Я это где-то читала, не помню только — где»). Отсылка сразу к двум известным каждому англичанину поговоркам *mad as a hatter* (букв. 'безумен, как шляпник') и *mad as a March hare* (букв. 'безумен, как мартовский заяц') содержится в реплике Чеширского кота: *In that direction <...> lives a Hatter and in that direction lives a March Hare. Visit either you like: they are both mad* (Вон там живет Болванщик. А там — мартовский заяц. Все равно к кому ты пойдешь. Оба не в своем уме). Фоновое знание фольклорных текстов актуализируется еще в целом ряде эпизодов: суде над Валетом червей, встрече Алисы с Труляля и Траляля, битве Льва с Единорогом, беседе с Шалтаем-Болтаем.

Отсылки к детским фольклорным текстам (песенкам, стишкам и считалкам, известным как *nursery rhymes*) характерны для английской литературы и в последующие годы. Особый интерес представляет использование данного вида прецедентных текстов в произведениях детективного жанра. Как отмечает Т.В. Зуева, родовой признак детского фольклора — соотнесение художественного текста с игрой [2, 224]. Автор детектива также ведет игру с читателем. Читатель, как игрок, помещен в ситуацию неопределенности, провоцирующую ожидание продолжения того, что будет дальше. Объединяющим для фольклора и детектива становится момент карнавализации. Исследователь А.З. Вулис напоминает, что из карнавала берут начало все жанры. Ряжение, разоблачение, принцип срывания масок лежат в основе детектива. «Здесь каждый персонаж, иногда даже сыщик, — ряженый. И каждый эпилог — разоблачение, <…> как в игре» [1, 254]. Карнавальный момент становится структурообразующим в детективе.

Игровой характер детектива, в частности относящегося к периоду, называемому золотым веком британского детектива, может актуализироваться при использовании

прецедентных для читателей детских фольклорных текстов в качестве заглавий. Наиболее интересны в этом отношении романы Агаты Кристи, названия которых представляют собой строчки из старинных детских песенок и считалок. Широкую известность получили такие романы как «A Pocket Full of Rye» («Зернышки в кармане», «Карман, полный ржи»), «Ten Little Niggers» («Десять негритят»), «Five Little Pigs» («Пять поросят»), «Three Blind Mice» («Три слепых мышонка»), «Hickory Dickory Dock» («Хикори Дикори Док») и другие. Коснемся лишь одного из длинного списка произведений — «One, Two, Buckle My Shoe» («Раз, два, три, туфлю застегни»).

Отличительной чертой данного текста является то, что не только заглавие, но и эпиграф, а также названия всех десяти глав представляют собой один и тот же прецедентный текст: детскую считалку, отражающую, по мнению английских исследователей, особенности процесса изготовления шнурков: *One, two, buckle my shoe; // Three, four, shut the door; // Five, six, picking up sticks; // Seven, eight, lay them straight; // Nine, ten, a good fat hen; // Eleven, twelve, men must delve; // Thirteen, fourteen, maids are courting; // Fifteen, sixteen, maids in the kitchen; // Seventeen, eighteen, maids in waiting; // Nineteen, twenty, my plate's empty…*

Данный смысл практически не декодируется современным читателем, логическая связь между строками не улавливается и, в целом, считалка воспринимается как бессмыслица. У А. Кристи каждая строчка считалки находит сюжетную реализацию и обыгрывается в тексте. Заглавие, образующее сильную позицию любого текста, выполняет прогнозирующую функцию и подсказывает читателю возможное направление интерпретации. Оторвавшаяся пряжка туфли (*buckle*) — важная деталь, на которую невольно обращает внимание Пуаро еще до завязки сюжета в первой главе романа. В третьей главе эта же деталь — до сих пор не пришитая пряжка — снова не проходит мимо внимания Пуаро, а следом за ним и читателя детектива. Далее туфля с пряжкой (*a buckled shoe*), которая то пришита, то не пришита, выступает в качестве важной улики и помогает Пуаро разобраться в очень запутанной истории с несколькими убийствами. В решающей предпоследней главе романа он сам сообщает об этом виновнику

преступлений, раскрывая перед ним и читателем ход своих мыслей. Не все строчки из считалки имеют столь очевидное значение для сюжета, но каждая актуализируется. Например, *a big, fat hen* (пятая строчка, пятая глава) для Пуаро служит характеристикой самовлюбленной миссис Оливеры; *shut the door* (вторая строчка, вторая глава) реализуется как метафора «оказаться перед закрытой дверью» в тот момент, когда Пуаро узнал о смерти Амбериотиса; *maids in the kitchen* (восьмая строчка, восьмая глава) получает имплицитную реализацию через синонимичное слово *cook*, когда речь заходит о подруге одной из свидетельниц преступления — кухарке. Для Пуаро считалка — способ сосредоточиться, а для читателя? Если немного углубиться в историю, можно выяснить, что с помощью считалок определяли, кто возьмет на себя выполнение трудной и опасной для жизни работы. Этот изначально совсем не детский контекст перекликается с контекстом детектива как своеобразной волшебной сказки, где сыщик сродни фольклорному герою, который обязан одержать победу. Ю.М. Лотман указывает: «Получатель фольклорного художественного сообщения лишь поставлен в благоприятные условия для того, чтобы прислушаться к самому себе. Он не только слушатель, но и творец. С этим связано и то, что столь каноническая система не теряет способности быть информационно активной» [4, 318]. Получатель прецедентного фольклорного текста становится соавтором уже на уровне эпиграфа и далее играет в детектив вместе с автором.

Таким образом, трансформации прецедентных текстов в художественном дискурсе используются для решения общих и частных художественных задач, создают новые смыслы и являются одним из механизмов языковой игры.

Источники

Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. Пер. Н. Демуровой. М., 1979.

Beaumont, F. The Knight of the Burning Pestle. London, New York, 1995.

Carroll, L. Alice in Wonderland and Through the Looking-Glass. M., 2007.

Christie, A. One, Two, Buckle My shoe. M.,2011.

Jonson, B. The Alchemist and Other Plays. Oxford, New York, 1995.

Shakespeare, W. Complete Works. Glasgow, 1994.

Show, B. Mrs. Warren's Profession. СПб., 2002.

Wilde, O. Selected Works. M., 2001.

Wilde, O. Selected Prose. M., 2004.

Литература

1. Вулис А.З. Поэтика детектива // Новый мир, №1, 1978.

2. Зуева Т.В. Детский фольклор // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под. ред. А.Н. Николюкина. М., 2001.

3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

4. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс / Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002.

5. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

А. А. Ануфриев (Институт языкознания РАН)

A.A. Anufriev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Об одном типе конструкций с испанскими глаголами эпистемической оценки

On one type of Spanish epistemic constructions

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению конструкций с пропозициональным дополнением, образованных испанскими глаголами эпистемической оценки со значением предположения. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с употреблением наклонения глагола подчинённой пропозиции.

The article is devoted to the analysis of propositional complement constructions with Spanish epistemic modal verb that convey a meaning of supposition. Special emphasis is put on the problems related to the choice of a mood in a subordinate clause.

Ключевые слова

пропозициональная установка, эпистемический модус, уверенность, наклонение, индикатив, субхунтив

propositional attitude, epistemic modality, certainty, mood, indicative, subjunctive

В испанском языке широко распространены эпистемические конструкции типа (*su*)*pongamos que* ʻпредположим, что’, *imagina que* ʻпредставь, что’. Как правило, они образованы так называемыми миропорождающими глаголами (в испанской традиции creadores de mundos) (*su*)*poner* ʻпредполагать’**,** *imaginar* ʻвоображать’**,** *admitir* ʻдопускать’, которые употребляются, как правило, в форме 1-го лица множественного числа конъюнктива (субхунтива) или 2 лица ед. числа императива: *pongamos que, imagina que*.

Вышеназванные глаголы являются весьма употребительными в языке и составляют ядро эпистемической сферы. Как и другие оценочные предикаты, они

прагматически ориентированы. В зависимости от контекста, выбора грамматической формы предикаты типа *suponer* в роли пропозициональной установки могут выражать различную степень уверенности. Исходя из этого, в испанской традиции выделяются два вида мнения: с одной стороны, «некритическая» гипотеза — изложение уверенной точки зрения, не предусматривающей альтернатив (*aseveración*), с другой, «критическая» гипотеза-предположение, которая только ещё может служить основанием для точки зрения и предусматривает альтернативные мнения, дискуссию, критику со стороны собеседника (idea hipotética, conjetura) [4, 432—433].

По сути, эти два вида полагания представляют собой полюса на некоторой гипотетической шкале степеней уверенности [1, 483], шкале значений, которые может выражать *suponer* в конкретной прагматической ситуации. Например, в так называемых перформативных контекстах типа *supongo que* 'полагаю, что' выражается довольно высокая степень уверенности. В данном случае описывается практически мнение-констатация, а семантика предположения (гипотезы) при этом отступает на второй план. Напротив, наиболее эксплицитно сам факт гипотезы и собственно её «гипотетичность» выражается вышеупомянутой конструкцией с миропорождающим значением. Говорящий использует конструкции типа *pongamos que*, чтобы рассмотреть лишь одну из возможных версий среди многих, иногда заведомо фиктивную, чтобы показать собеседнику множество возможных вариантов: *Pongamos que esto sucedió así*. 'Положим, что это так'.

Семантические различия миропорождающих предикатов при употреблении в данной конструкции практически стираются, так как задача говорящего сводится к тому, чтобы рассмотреть одну из возможных среди множества гипотез. Изначально позиционируя своё высказывание только как гипотезу, намеренно от неё отстраняясь и вынося на всеобщий суд, говорящий часто пытается убедить собеседника в собственной объективности. В то же время говорящий требует от собеседника активного участия в дискуссии вместе с ним.

В любом случае можно говорить о том, что данные конструкции являются примером совмещения эпистемической и волитивной семантики [5, 3228]. С одной

стороны, говорящий, как уже было сказано, предлагает рассмотреть гипотезу, констатирует-утверждает возможность существования определённой точки зрения, т.е. выражает эпистемическую оценку. С другой стороны, формально говорящий не столько высказывает гипотезу, сколько предлагает всего лишь обсудить возможность её существования, побуждает к рассмотрению, выражает свою волю. Таким образом, можно рассматривать конструкции одновременно как эпистемисческие и деонтические.

Среди предикатов данной группы *suponer* наиболее употребителен и обладает наиболее широкой семантикой. Поэтому в качестве прототипической миропорождающей конструкции обычно рассматривают именно *supongamos que* [2; 3; 5]. При этом не уделяется внимание ни конструкциям второго лица (*supon que*), ни другим миропорождающим предикатам. Исследование узуса, основанное на анализе базы данных Испанской Королевской Академии, позволяет заключить, что из миропорождающих глаголов подобные конструкции также образуют *imaginar*, *figurar*, *admitir* и редко *calcular* [1].

Одной из наиболее интересных проблем, связанных с рассмотрением миропорождающих конструкций, является употребление наклонения глагола подчинённой пропозиции. Как известно, для испанских конструкций с пропозициональным дополнением характерно следующее: выбор наклонения придаточного предложения (индикатива или конъюнктива/субхунтива) зависит от семантического типа сказуемого в главном предложении. Во множестве случаев дистрибуция обусловлена формальными условиями: при выборе определённого предиката в модусе, в диктуме употребляется соответствующее наклонение. Например, предикаты волеизъявления употребляются с субхунтивом, предикаты восприятия — с

[1] Глагол *calcular* ‘высчитать’ образует миропорождащую конструкцию с более узким значением: *Calculemos que son necesarios de diez a quince minutos para recorrer un kilómetro.* ‘Допустим, мы посчитали, что нужно 10—15 минут, чтобы пробежать километр’. Интересно, что эпистемические глаголы уверенного мнения *pensar* ‘думать, полагать’ и *considerar* ‘считать, рассматривать’ также могут образовывать подобные грамматические конструкции, но уже с другим значением: *Consideremos que buena parte de los habitantes tienen muy difícil el acceso a la televisión.* ‘Примем в расчёт, что для большей части населения труднодоступно телевидение’. *Pensemos que más de un millón de jóvenes van a tener oportunidad de votar por primera vez.* ‘Вспомним, что более миллиона молодых людей смогут впервые голосовать’.

индикативом. Однако нередко узус демонстрирует колебания в выборе, что противоречит требованиям нормативной грамматики. Поэтому для некоторых глаголов можно говорить не о нормативном наклонении и исключениях, а лишь о доминирующем типичном и альтернативном, нетипичном. Наличие оппозиции индикатив/субхунтив, возможность выбора помогает говорящему корректировать смысл высказывания. Исходя из этого, особый интерес для исследования представляют как раз примеры нетипичного употребления наклонений, которое во многих случаях может мотивироваться прагматически.

Одной из интереснейших особенностей миропорождающих глаголов как раз является то, что семантика конструкции с конкретной грамматической формой предиката может влиять и на выбор наклонения зависимого глагола придаточной части. Традиционно им, как и другим путативным глаголам, приписывается употребление с индикативом. Исследование узуса показывает, что хотя употребление индикатива более типично, множество конструкций дают примеры с субхунтивом, причём в контекстах с некоторыми грамматическими формами нетипичный конъюнктив встречается даже чаще индикатива. Важно, что во многом именно возможность выбрать индикатив или субхунтив помогает говорящему выразить степень уверенности в истинности гипотезы в рамках конкретной конструкции.

В контекстах с миропорождающими предикатами в зависимой части возможно употребление обоих наклонений. Приводя данные конструкции как пример сближения эпистемической модальности с деонтической, выделяя в их семантике оттенок желания, Дескриптивная Грамматика испанского языка допускает употребление обоих наклонений (*Pongamos que* ***hablo/hable*** *de Madrid.* ‘Предположим, что я говорю о Мадриде’), граница между которыми стирается [5, 3228]. М. Анхелес Састре пишет о том, что в таких контекстах предпочтителен субхунтив, который семантически как раз противопоставлен индикативу [2, 80].

Таким образом, в испанской традиции встречаются различные точки зрения, касающиеся мотивировки употребления того или иного наклонения. При этом примеры,

приводимые в различных работах, в основном содержат только конструкции с формами (*su*)*pongamos*. Они действительно встречаются значительно чаще остальных, но представляется интересным рассмотреть и другие глаголы.

При использовании базы данных Испанской королевской академии анализ употребления наклонения в контекстах с наиболее употребительными формами миропорождающих глаголов дал следующие результаты: выбор в исследуемых конструкциях индикатива — наклонения уверенности, объективности, или конъюнктива — наклонения неуверенности, субъективного отношения, сложно предсказать (притом, что чаще в подчиненной предикации употребляется индикатив). Выбор оказывается обусловлен чисто прагматическими факторами: отношением говорящего к вероятности гипотезы, степенью её фантастичности, желанием убедить собеседника.

База данных даёт следующие статистические данные по употреблению конструкций с формами *poner* и *suponer*: *supongamos* — 209 контекста с индикативом на 39 с субхунтивом; *supón* — 10 контекстов с индикативом и 5 контекстов с субхунтивом; *suponga* — 9 контекстов с индикативом и 2 контекста с субхунтивом; *pongamos* — 27 контекстов с индикативом и 6 контекстов с субхунтивом; *pon* — 4 контекста с индикативом и 1 контекст с субхунтивом.

Попытаемся проанализировать следующие примеры:

(1). ***Supongamos*** *que lo que* ***queremos*** *es estudiar la producción en España.* ‘Предположим, что мы хотим изучить проблемы производства в Испании’ [2].

(2). ***Supongamos*** *que yo* ***tengo*** *una parcela*. ‘Предположим, что у меня есть участок’.

(3). ***Pongamos*** *que yo también lo* ***he manejado***. ‘Предположим, и я тоже им управлял’.

(4). ***Pongamos*** *que lo* ***he comprado*** *en una tienda en la que venden bolsitas.* ‘Предположим, что я купил её в магазине, где продаются сумки’.

---

[2] Приведённые здесь и далее примеры взяты из корпуса современного испанского языка Испанской Королевской Академии (www.rae.es).

(5). ***Supón*** *que te* ***apetece*** *ver por televisión una película que te interesa.* ‘Представь, что ты хочешь посмотреть по телевизору интересующий тебя фильм’.

(6). ***Pongamos*** *que* ***lleguemos a ver*** *hasta veinticinco o treinta árboles y arbustos diferentes.* ‘Предположим, что мы в итоге увидим вплоть до 25—30 различных видов деревьев’.

(7). *Pero* ***pongamos*** *que las cosas* ***fuesen*** *más complicadas y los secretos que provocarían la presumida furia del monarca no fuesen únicamente los que se dicen.* ‘Но давайте предположим, что всё было гораздо сложнее и тайн, которые вызовут предполагаемую ярость монарха, больше, чем говорят’.

(8). *Nos fuimos a dormir a las diez,* ***pongamos*** *que este imbécil* ***volviera*** *a las once.* ‘Мы пошли спать в 10, предположим, что эта сволочь вернулась в 11’.

(9). ***Supongamos*** *que eso* ***sea*** *verdad.* ‘Предположим, что это правда’.

(10). ***Supón*** *que* ***vivieses*** *en una sociedad regida por leyes radicalmente injustas.* ‘Представь, что ты жил бы в обществе с абсолютно несправедливыми законами’.

Из данных примеров видно, что индикатив, как правило, употребляется в случаях, когда говорящий хочет, чтобы собеседник наглядно представил себе ситуацию, хочет изобразить её как можно более реальной, ощутимой. В контекстах с субхунтивом ситуация подаётся говорящим более отстранённо.

В контекстах 1, 2, 5, 6, 9, 10, где гипотеза обращена к настоящему и будущему, говорящий либо в момент дискуссии для большей наглядности описывает некую возможную ситуацию как реальную (примеры 1, 2, 5), либо как бы уступает собеседнику, соглашаясь предположить то, что сам всё-таки считает маловероятным (примеры 6, 9) или вовсе невозможным (пример 10). В соответствии с этим выбирается индикатив или субхунтив.

Отметим, что в гипотезах, обращённых не к прошлому, субхунтив встречается довольно редко. Что же касается гипотез, касающихся прошлого (примеры 3, 4 и 7), то здесь говорящий обычно предполагает ситуации, о нереальности которых он уже знает заранее. Чаще всего таким образом он пытается доказать нечто от противного. Вполне

естественно, что в таких случаях используется субхунтив. С его помощью говорящий дополнительно может подчеркнуть иллюзорность, гипотетичность предположения, хотя искусственность ситуации уже эксплицируется самой конструкцией. Говорящий, зная об истинном положении вещей, предлагает рассмотреть то, как ситуация могла бы развиваться (пример 7).

Примеры 3 и 4 отличаются от остальных уже формально (сложный перфект описывает ситуации, ещё связанные с настоящим, реальность или нереальность их ещё может оспариваться.). В данном случае говорящий опять как бы уступает собеседнику, но при этом имеет иные цели. В обоих случаях ситуация прямо касается самого говорящего, и, употребляя индикатив, он, возможно, хочет подчеркнуть свою объективность и способность посмотреть на себя стороны также, как и на других. С помощью изъявительного наклонения говорящий как бы соглашается описать ситуацию такой, как её видит собеседник, склонный считать гипотезу истинной. Все же контексты с формами имперфекта и плюсквамперфекта без исключения употребляются с сослагательным наклонением.

Сходным образом употребляется наклонение и в контекстах с близким по смыслу в данной конструкции глаголом *imaginar*: *imaginemos* — 82 контекста с индикативом на 12 контекстов с субхунтивом, *imagina* — 56 контекстов с индикативом и 8 контекстов с субхунтивом, *imagine* — 20 контекстов с индикативом и 3 контекста с субхунтивом.

(11) ***Imaginemos*** *que* ***soy*** *policía y* ***voy*** *armado.* ‘Представим, что я полицейский и иду вооружённый’.

(12) ***Imaginemos*** *que Dios* ***llega*** *a la Tierra.* ‘Вообразим, что Бог сходит на землю’.

(13) ***Imaginemos*** *que* ***existe*** *esta foto -dice con rabia.* ‘Допустим, что эта фото существует, — говорит он с раздражением’.

(14) ***Imagina*** *que ese marido* ***es en realidad*** *un hombre enamorado de su esposa.* ‘Представь, что этот муж **действительно** влюблён в свою жену’.

(15) ***Imagine*** *que* ***es*** *un día cualquiera de estos días.* ***Está*** *usted* ***paseando*** *por la calle...* ‘Представьте, что это один из многих обычных дней. Вы прогуливаетесь по улице…’.

(16) ***Imagine*** *que* ***está viendo*** *su teleserie favorita.* ‘Представьте, что Вы смотрите свой любимый сериал’.

(17) ***Imaginemos*** *que* ***exista*** *en Francia una poderosa organización terrorista.* ‘Вообразим, что во Франции существует мощная террористическая организация’.

(18) ***Imaginemos*** *que* ***fuera*** *posible comprimir la masa del Sol.* ‘Представим, что возможно уменьшить массу солнца’.

(19) ***Imaginemos*** *que* ***existiera*** *alguien capaz de resucitar a los muertos.* ‘Представим, что существует некто способный воскрешать мёртвых’.

(20) ***Imaginemos*** *que* ***fuera*** *noticia que un niño ha desayunado en su casa sin que se produjera ninguna explosión de gas.* ‘Представим, что существует новость о том, что ребёнок завтракал дома, и никакого взрыва газа не было’.

(21) ***Imaginemos*** *que* ***no se hubiera oído*** *hablar de esto.* ‘Представим, что он бы не услышал, как об этом говорили’.

(22) ***Imagine*** *que alrededor de las pirámides* ***comenzaran*** *a construer casas feas* ‘Представьте, что рядом с пирамидами начали строить уродливые дома’.

(23) ***Imagina*** *que te* ***traten*** *así por defender tu hogar.* ‘Представь, что с тобой так (ужасно) обращаются за то, что ты защищаешь свой дом’.

(24) ***Imagina*** *que* ***no*** *la* ***hubieran descubierto****.* ‘Представь, что его (остров) бы не открыли’.

(25) ***Imagina*** *que* ***no hubiera llegado****...* ‘Представь, что он бы не пришёл’.

Типичные примеры с индикативом (примеры 11—16), как правило, опять же описывают конкретную правдоподобную ситуацию, говорящий пытается как можно реальнее нарисовать картинку собеседнику (не случайно в примерах 15 и 16 используется герундий). При этом иногда данная картинка выглядит весьма фантастичной (пример 12). В примерах 13 и 14 употребление индикатива выглядит менее логичным: говорящий как бы вынужден согласится с правдоподобностью гипотезы, что иногда создаёт комичный эффект (пример 14). В примере 13 употребление индикатива выглядит нетипичным: для сравнения можно рассмотреть близкие по смыслу примеры 17—19 и 22 с субхунтивом,

где описываются маловероятные (примеры 17, 22) и невозможные (примеры 18, 19) для говорящего ситуации. Другие примеры с сослагательным наклонением чаще всего описывают ситуации, которые говорящий преподносит только как гипотезы, причём часто говорящий уже знает о том, что они не оправдаются (пример 20) или не оправдались (примеры 21, 24—25). В примере 23 говорящий, возможно, хочет сгладить неприятное для собеседника содержание гипотезы, употребляя субхунтив и тем самым погружая ситуацию в сферу ирреального.

В отличие от *suponer* и *imaginar*, глагол *admitir*, напротив, даёт всего лишь 2 примера употребления нетипичного субхунтива в конструкции admitamos que (на 15 примеров с индикативом приходится 2 с сослагательным наклонением):

(26) ***Admitamos*** *que no lo* ***dijera*** *porque fuese asunto ajeno a sus preocupaciones.* ‘Допустим, что он этого не сказал, потому что это дело было ему не интересно’.

(27) ***Admitamos*** *que* ***pueda*** *ser una mujer traidora a su sexo,* ***pero*** *entonces seguro que tiene las hormonas hechas un lío.* ‘Допустим, что это может быть женщина, изменившая своему полу, **но** тогда у неё точно непорядок с гормонами’.

В этом типе конструкций данный глагол имеет несколько другую семантику: он описывает не столько допущение, сколько принятие, соглашение с возможностью допущения. Поэтому столь редкое употребление субхунтива может свидетельствовать о нежелании говорящего делать допущение, которое, по его мнению, явно бессмысленно.

Таким образом, выбор наклонения в данных конструкциях отнюдь не всегда является случайным. В частности имеет место определённая закономерность, касающаяся контекстов, обращённых к прошлому (в них почти всегда употребляется субхунтив). При этом в контекстах, где гипотеза обращена к будущему и настоящему, выбор наклонения часто легко можно мотивировать прагматически. Обычно при употреблении индикатива говорящий акцентирует внимание на самой ситуации, которую предлагает рассмотреть собеседнику, погрузится в неё. Употребляя субхунтив, говорящий рассматривает ситуацию скорее извне, отстранённо, и иногда тем самым подчёркивает своё отношение к

ней как к маловероятной изначально. При этом часто он как бы делает уступку собеседнику, соглашаясь рассматривать то или иное допущение.

Можно с уверенностью утверждать, что миропорождающие конструкции более выпукло отражают семантику предикатов предположения и проясняют различия с глаголами уверенного мнения. Наряду с выбором собственно данной конструкции для эпистемической оценки также и выбор наклонения глагола придаточной части позволяет говорящему выразить оттенки значения предикатов, описывающих более точные эпистемические смыслы. В целом адекватное описание эпистемической оценочной лексики невозможно без описания различных пропозициональных конструкций с употреблением различных грамматических форм, где предикаты ведут себя совершенно по-разному, в том числе и относительно употребления наклонения зависимого глагола.

Литература

1. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

2. Ángeles Sastre M. El subjuntivo en español. Salamanca, 1997.

3. Matte Bon F. Gramática comunicativa del español. De la idea a la lengua. Madrid, 2001.

4. Molho M. Sistemática del verbo español. Madrid, 1975.

5. Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid, 2000.

П.С. Дронов (Институт языкознания РАН)

P.S. Dronov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Буквализм как способ создания оригинальных метафор и проблема их перевода (на примере повести В.В. Набокова «Пнин») [1]

Literal translation as a means of forming original metaphors, or How to render them in the translation (based on Vladimir Nabokov's *Pnin*)

Аннотация

Данная статья посвящена одному из характерных способов создания творческих метафор в повести В.В. Набокова «Пнин» — буквальному переводу фразеологизмов с другого языка (как правило, с русского). Рассматриваются разные подходы к переводу этих метафор в трех русских изданиях повести.

The article deals with one of the peculiar ways of coining creative metaphors in Vladimir Nabokov's *Pnin*, namely the literal translation of idioms from another language (primarily from Russian). The author considers various approaches to rendering it in Russian as demonstrated by the three Russian translations of the short novel.

Ключевые слова

оригинальные (творческие) метафоры, фразеологизмы, перевод, буквализм

creative metaphors, idioms, translation, literality

Творчество В.В. Набокова постоянно привлекает исследователей, см., например, работы [1; 2; 3; 5; 11; 12]. Данная статья посвящена метафорам четвертого англоязычного произведения Набокова — повести «Пнин» (см. [4; 8]); оригинальный текст при этом

[1] Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1140.2012.6 «Образы языка в лингвистике начала XXI века».

сопоставляется с русскими переводами [2]. Метафоры в «Пнине» можно разделить на два вида: стандартные языковые и экспериментальные авторские. Примерами первых могут послужить метафоры *to be in the know* ‘знать’ (букв. ‘быть в знании’), *frozen spine* ‘оцепеневший позвоночник’ (букв. ‘замороженный, застывший позвоночник’), *ignited by the sun* ‘воспламененный солнцем’.

Экспериментальные метафоры характеризуются не только необычным уподоблением одного предмета или явления другому (*the cranium is a spacetraveller's helmet* ‘череп — это шлем космического скитальца’), но и необычной лексической и семантической сочетаемостью, а также двойной актуализацией, ср.: *Her abdomen tightly girdled under the black skirt jumped up two or three times with mute, cosy, good-natured reminiscential irony* (букв. ‘ее брюшная полость, плотно препоясанная под черной юбкой, подпрыгнула два или три раза в безмолвной, уютной, добродушной иронии воспоминаний’; созвучно с библеизмом *girded loin* ‘препоясанные чресла’).

Приведем более широкий контекст.

1. **a.** When inviting to deliver a Friday-evening lecture at Cremona—some two hundred versts west of Waindell, *Pnin's academic perch since 1945* <…> **b.** Приглашая его прочесть ежепятничную лекцию в Кремоне — это примерно в двухстах верстах к западу от Вайнделла, *академического пристанища* Пнина с 1945 года… **c.** <…> Уэйнделя, *академического насеста* Пнина с 1945 года. **d.** <…> Уэйндела, *предоставившего Пнину университетский насест* в 1945 году.

Academic perch буквально можно перевести как ‘академический/учебный насест’. Здесь кафедра иронически сравнивается с курятником. Кроме того, возможны аллюзии на идиомы *to hop the perch* ‘умереть’ (букв. ‘запрыгнуть на насест’) и *come off your perch* ‘не зазнавайтесь’ (букв. ‘слезьте с насеста’). Буквализм в (1c, d) позволяет частично передать авторскую иронию, а в (1b) отступление от исходного текста лишает его иронии.

[2] Далее в тексте примеров литеры **a, b, c, d** обозначают, соответственно, оригинальный текст и переводы С.Б. Ильина, Г.А. Барабтарло (при участии В.Е. Набоковой) и Б.М. Носика.

Русское происхождение главного героя — профессора Тимофея Пнина (судя по фамилии, происходящего от незаконнорожденного потомка фамилии Репниных; ср. также фамилию *Бецкой*, образованную путем усечения *Трубецкой*), и рассказчика (в поздних главах, по сути, именно он становится протагонистом) обуславливает использование русских реалий (*versts*), а также устойчивых выражений в авторском тексте и несобственно-прямой речи Пнина, ср. *crossed his legs po amerikanski* (*the American way*). С.Б. Ильин и Г.А. Барабтарло заключают его в кавычки (*скрестил «по-американски» ноги*), Б.М. Носик оставляет транслитерацию и прибегает к перифразу: *закинул ногу на ногу po amerikanski* (*на американский манер*).

Особенно интересны экспериментальные метафоры, представляющие собой некий синтез предыдущих видов: автор создает их с помощью перевода — подчас буквального — с другого языка. В таких ситуациях интересно рассмотреть не только его подход, но и переводческие решения, ср. (2):

2. **a.** By the time he was helpless with it he would have his students *in stitches, with abrupt barks of clockwork hilarity coming from Charles* and *a dazzling flow of unsuspected lovely laughter transfiguring Josephine,* who was not pretty, while Eileen, who was, *dissolved in a jelly of unbecoming giggles*. **b.** К тому времени, когда *сам он становился совсем беспомощным,* студенты уже *валились на пол от хохота*: Чарльз *прерывисто лаял, как заводной, ослепительный ток неожиданно прелестного смеха преображал лишенную миловидности Джозефину*, а Эйлин, отнюдь ее не лишенная, *студенисто тряслась и неприлично хихикала*. **c.** К тому моменту, *когда он уже совершенно изнемогал*, его *студенты помирали со смеху*, причем Чарльз*, хохоча, отрывисто лаял, как заводной, ослепительно прелестный поток смеха неожиданно преображал невзрачную Джозефину,* тогда как очаровательная Эйлина *расплывалась в желе непривлекательного гогота*. **d.** К тому времени, как *сам он начинал изнемогать*, студенты его *уже были во власти безудержного веселья; механически, через равные промежутки доносились лающие восторги Чарльза*, чарующая *волна прелестного смеха преображала черты дурнушки Джозефин*, а миловидная Эйлин *растекалась в желе безобразных хиханек*.

Фраза *abrupt barks of clockwork hilarity*, вероятно, является авторской метафорой, поскольку почти все контексты ее употребления (с атрибутом *abrupt* и без него) относятся или к дате выхода «Пнина» или к более позднему времени. *Clockwork hilarity* (букв. «заводное веселье») — вольный перевод на английский язык русской идиомы *хохотать как заводной/заведенный*. В результате переинтерпретации устойчивое выражение на одном языке превращается в авторскую метафору на другом. С.Б. Ильин и Г.А. Барабтарло (2b, c) переводят эту метафору с помощью исходной идиомы, тогда как Б.М. Носик пытается передать метафору: *механически, через равные промежутки доносились лающие восторги Чарльза*. Оба варианта перевода можно соотнести с неким «игровым» буквализмом Набокова. О последнем стоит рассказать подробнее.

С одной стороны, отношение Набокова к переводу широко известно (ср. работу Б.М. Носика «Набоков-переводчик и переводчики Набокова» [6]): он считал точный перевод невозможным. Одной из иллюстраций этого может служить его автоэпиграмма, написанная онегинской строфой по случаю выхода подстрочного перевода «Евгения Онегина»: *What is translation? On a platter // A poet's pale and glaring head, // A parrot's speech, a monkey's chatter, // And profanation of the dead* (Что есть перевод? На блюде // бледная и гневно глядящая голова поэта, // речь попугая, верещание обезьяны // и глумление над мертвыми) [10, 34]. Далее, обращаясь к Пушкину, он так характеризует свой подстрочник: *All thorn, but cousin to your rose* 'Это все терновник, но он родствен вашей розе' [Ibid.]. С другой стороны, он практикует перевод с одного языка на другой как средство языковой игры. Примером может послужить «пародия», опубликованная в сборнике «Poems and Problems» [9]: *Какое сделал я дурное дело // и я ли развратитель и злодей, // я, заставляющий мечтать мир целый // о бедной девочке моей?* Сам В.В. Набоков утверждал, что пародирует стихотворение Б.Л. Пастернака «Нобелевская премия» и полностью заимствует из него строку (видимо, имеется в виду следующая строфа: *Что же сделал я за пакость? // Я убийца и злодей? // Я весь мир заставил плакать // Над красой земли моей*). Фактически, произошел перевод на английский — нечто вроде *What kind of wrongdoing have I done?* — с обратным буквальным переводом

на русский. Подобная переинтерпретация и буквализм оказываются приемами для передачи авторской иронии, направленной прежде всего на себя, и пародия оказывается самопародией (заметим в скобках, что словосочетание *о бедной девочке моей* является одновременно аллюзией и на «Лолиту», и на «Евгения Онегина», см. также [7, 290, 460]).

Рассмотрим другой пример — авторскую модификацию английской идиомы и ее переводы на русский язык:

3. **a.** Timofey Pnin settled down in the living-room, crossed his legs po amerikanski (the American way), and entered into some unnecessary detail. It was *a curriculum vitae in a nutshell—a coconut shell*. **b.** Тимофей Пнин уселся в гостиной, скрестил «по-американски» ноги и ударился в разного рода ненужные подробности. *Curriculum vitae — сжатое до размеров ореха (правда, кокосового)*. **c.** Тимофей Пнин уселся в гостиной, заложив ногу на ногу «по-американски» и пустился в ненужные подробности. *Curriculum vitae, сжатое до размеров ореховой скорлупы (кокосовой).* **d.** Тимофей Пнин уселся в гостиной у Клементсов, закинул ногу на ногу po amerikanski (на американский манер) и пустился в ненужные подробности. *Это было «куррикулюм витэ», жизнеописание, сжатое до размеров ореха — кокосового ореха*.

В данном контексте употреблена лексическая модификация идиомы *in a nutshell* ‘вкратце, в двух словах, в общих чертах’ (букв. ‘в скорлупе ореха’). Автор заменяет компонент идиомы *nutshell* (композит) на композит *coconut shell* ‘скорлупа кокосового ореха’, содержащий ту же основу и отсылающий к внутренней форме выражения. Это приводит к эффекту двойной актуализации и антифразису: «краткая автобиография» изобилует ненужными подробностями. Во всех переводах идиома переводится буквально, и это позволяет сохранить каламбур.

В некоторых случаях оригинальная метафора появляется в результате не авторского (игрового), а переводческого буквализма, ср.: *after the second round of drinks — после второго круга напитков* (С.Б. Ильин). Коллокация *round of drinks* имеет значение ‘порция напитка, как правило, алкогольного (рюмка и пр.), предлагаемая

каждому гостю’. В переводах Б.М. Носика и Г.А. Барабтарло она передана с помощью стандартной русской метонимии: *после второй рюмки*.

При переводе В.В. Набокова буквализм может быть оправдан, поскольку характерен для языковой игры самого автора. На наш взгляд, наиболее приемлемым вариантом здесь является «узнавание» русских идиом и, в качестве компенсации, буквальный перевод английской фразеологической единицы (с варьированием формы). Более того, переводческие решения могут дополнять набоковскую метафорику, подобно — если воспользоваться оборотом из повести «Пнин» — отражениям в крыше седана.

Источники

Nabokov, V. Pnin // http://nabokovandko.narod.ru/Texts/Pnin_eng.html.

Набоков В.В. Пнин. Пер. с англ. Геннадия Барабтарло при участии В.Е. Набоковой // http://nabokovandko.narod.ru/Texts/Pnin_rus01.html.

Набоков В.В. Пнин. Пер. с англ. Б. Носика // http://nabokovandko. narod. ru/Texts /Pnin_rus02.html.

Набоков В.В. Пнин. Пер. с англ. С. Ильина // http://nabokovandko. narod. ru /Texts /Pnin_rus03.html.

Литература

1. Березина А.Г. Роман В. Набокова «Отчаяние», прочитанный германистом (Проблема цитирования) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. СПб., 1994. Вып. 1.

2. Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М., 2000.

3. Линецкий В. «Анти-Бахтин» — лучшая книга о Владимире Набокове. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994.

4. Люксембург А.М., Ильин С.Б. Комментарии // Владимир Набоков. Собрание сочинений американского периода в пяти томах. Т. 3. Пнин. Рассказы. Бледное пламя. СПб.: Симпозиум, 2004.

5. Ляпон М.В. Время как предмет рефлексии у В. Набокова // Логический анализ языка. Лингвофутуризм: взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011.

6. Носик Б.М. Набоков-переводчик и переводчики Набокова // Иностранная литература, №11, 1993.

7. Русская литература XX века в зеркале пародии. М.: Высшая школа, 1993.

8. Barabtarlo G. Phantom of Fact: A Guide to Nabokov's Pnin. Ann Arbor: Ardis, 1989.

9. Nabokov, V. Poems and Problems. New York; Toronto: McGraw-Hill, 1970.

10. Nabokov, V. Poetry: On Translating "Eugene Onegin" // The New Yorker, January 8, 1995.

11. Seifrid, T. Nabokov's Poetics of Vision, or, What *Anna Karenina* is Doing in *Camera Obscura* // Nabokov Studies, ed. Don Barton Johnson, 1996: III.

12. Stowe, S. The Return of Charles Kinbote: Nabokov on Rorty // Philosophy and Literature, 1999: 23.1.

Е.Р. Иоанесян (Институт языкознания РАН)

E.R. Ioanesân (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Специфика предикатов, отражающих разные способы концептуализации времени в языке

Specifics of predicates mirroring different modes of time perception

Аннотация

В статье изучаются особенности русских, английских и французских глаголов, в семантике которых ключевыми являются метафорические концепты ВРЕМЯ — ЭТО РЕСУРС и ВРЕМЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ.

The article is devoted to the study of predicates based on the metaphorical concepts TIME IS A RESOURCE and TIME IS A CONTAINER. Here is given a comparative analysis of Russian, English and French verbs mirroring different modes of time conceptualization.

Ключевые слова

французский язык, английский язык, русский язык, семантика, концептуальная метафора, семантические переходы, языковая картина мира

French, English, Russian, semantics, conceptual metaphor, semantic shifts, language picture of the world

Время, как известно, может метафорически концептуализироваться разными способами [1]. Оно может осознаваться как некоторый ограниченный ресурс: «ВРЕМЯ — ЭТО РЕСУРС: ВРЕМЯ — это вид абстрактного вещества; оно может быть достаточно точно *исчислено количественно*; его единице может быть приписана *стоимость*; оно *целесообразно* используется; оно постепенно тратится по мере достижения цели» [8, 102]. Время может осмысляться как контейнер, вместилище, заполняемое определенными действиями, процессами или состояниями [Там же, 95]. В этой статье мы попытаемся

[1] См. о понятии коцептуальной метафоры в [2; 3; 8].

рассмотреть ряд русских, английских и французских глаголов, опирающихся на две указанных концептуальных метафоры: ВРЕМЯ — ЭТО РЕСУРС и ВРЕМЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ (или КОНТЕЙНЕР) [2].

ВРЕМЯ — ЭТО РЕСУРС

1. В замечательной статье Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева «Как мы проводим дни и ночи» [6] проводится сравнение русских глаголов *тратить* и *проводить* и английских глаголов *to spend*, *to waste* и *to pass*. Так, описывая употребление русских предикатов, авторы пишут: «Определяющим для семантики глагола *потратить* является то обстоятельство, что в качестве дополнения при нем выступает обозначение некоторого ресурса (в рассматриваемом типе контекстов это время, которым располагает человек); этот ресурс расходуется тем или иным образом. Глагол *провести* делает совсем иной акцент: здесь временной промежуток предстает как контейнер, который должен быть заполнен какой-то деятельностью. В соответствии с этим, у глагола *потратить* есть валентность ‘на что’, а у глагола *провести* — валентность ‘каким образом’ (чем был «заполнен» обсуждаемый промежуток времени)» [6, 449] [3].

Анализируя семантику глагола *to spend*, авторы отмечают, что для него в фокусе внимания «оказывается восприятие времени, в том числе и свободного, как некоторого ресурса, который человек может потратить (*to spend*) с пользой для себя, в том числе для получения удовольствия. Если человек неразумно распоряжается этим ресурсом, это называется *to waste time* ‘тратить напрасно’, ‘выбрасывать’, ‘терять’. Таким образом, главный вопрос состоит в том, разумно ли распорядился человек своим ресурсом» [Там же, с. 455].

На наш взгляд, у предиката *to spend* можно усматривать два разных значения. Первое значение опирается на концептуализацию времени как ограниченного ресурса. Второе значение базируется на концептуализации времени как контейнера, вместилища,

---

[2] Мы не будем специально останавливаться на таких глаголах, как *to have*, *to give*, *to use*, *to use up*, *to invest*, *to pass* и т.д., которые уже хорошо изучены.

[3] Ср., например, описание русских глаголов с приставкой *про-* в [7, 126, 160 и др.] как глаголов, в фокусе внимания которых «находится временной отрезок, который заполняется соответствующим действием». См. также, определение одного из значений слова *время* в русском языке в [4].

заполняемого определенными действиями, процессами или состояниями. Исторически первое из указанных значений появилось раньше в результате метафорического переноса от значения ‘тратить (деньги)’. Для удобства изложения мы будем называть выделяемые нами значения глагола *to spend* значением ‘тратить’ и значением ‘проводить’, хотя, как будет видно из дальнейшего анализа, употребление глагола *to spend* во втором значении отличается от употребления русского глагола *проводить*.

Заметим, что некоторые английские толковые словари также разделяют эти два значения глагола *to spend*. См., например, в словаре «Collins English Dictionary» [CED]: 2. tr. to concentrate (time, effort, thought, etc) upon an object, activity, etc.; 3. tr. to pass (time) in a specific way, activity, place, etc.

Первое значение английского глагола — ‘тратить’ — реализуется в контексте дополнений, выраженных именами, обозначающими ресурсы разного рода [4]. Это и обычные для нас слова типа *money*, *time*, *life*, *material*, *resources*, *effort*, *energy*, *labor*, *trouble*, и менее обычные — *thought*, *words*, *wrath*, *wisdom*, *anger*, *kisses*, *enchantements*, *talents*, *emotion* [5] и т.п.

(1) *“You may think differently, but I’m spending all my spare cash on buying up essential commodities,” said Dyadyev*. Вы как знаете, — сказал Дядьев, — а я все свободные средства бросаю на закупку предметов первой необходимости (И. А. Ильф, Е. П. Петров. Двенадцать стульев (1927)) [НКРЯ] [6].

(2) *He has wasted all his sister’s dowry on eating and drinking, and in fact all they had he spent on eating and drinking during the year he was in the service.* Он проел и пропил приданое своей сестры, да и всё у них проел и пропил в тот год, как служил (Ф.М. Достоевский. Подросток) [ABBY].

---

[4] Ограниченные или трудно восполняемые ресурсы (в картине мира носителей английского языка).

[5] Особенно много примеров с такими лексемами встречается, когда ими управляет глагол *to waste* ‘напрасно тратить’, см. ниже.

[6] Здесь и далее для удобства английские переводы из русской литературы будут предшествовать оригинальным русским фразам.

(3) *“Well”, she said, “be brief; I have spent half the day on you already”* (Robert Louis Stevenson. Catriona (1893)). — Ну, говорите, только покороче, — сказала она. — Я и так уже потратила на вас полдня [НКРЯ].

(4) *He spent much time and energy on the project* [WED]. На этот проект у него уходит много сил и времени (‘он тратит на этот проект много времени и энергии’).

(5) *Why do you spent so many words on this subject?* [OUD]. Зачем столько говорить об этом? (‘тратить столько слов по этому поводу’).

Во втором значении глагол *to spend* в большинстве своих употреблений (но не всегда, см. об этом ниже) может быть переведен русским глаголом *проводить*.

В некоторых контекстах невозможно определить, реализуется ли в данном случае первое значение — значение ‘тратить’ — или второе значение глагола *to spend* — значение ‘проводить’. Так, например, конструкции вида X *spent* Y (*in*) Z-*ing* / *in Z*, вообще говоря, допускают и первое, и второе понимание. Однако существуют очевидные случаи, не оставляющие сомнений в том, какое из рассматриваемых двух значений имелось в виду.

Мы усматриваем здесь три возможных случая:

1) В первую очередь, это контексты, в которых субъект X является пациенсом, объектом или адресатом действия Z. Z не является контролируемым для X. В этом случае единственно возможным представляется понимание времени как вместилища, контейнера. Действительно, восприятие времени как ресурса подразумевает возможность его использования: мы можем им распорядиться по своему усмотрению, разумно или неразумно, но это будет наш выбор — мы выступаем в роли субъекта: предикаты *использовать* и *распоряжаться* предполагают свободную волю субъекта. Это означает, что при концептуализации времени как ресурса актант X в конструкции X *spent* Y (*in*) Z-*ing* / *in Z* является субъектом действия Z. Тогда как при концептуализации времени как контейнера X может быть пациенсом, объектом или адресатом действия Z (а не только субъектом этого действия, как в предыдущем случае). В соответствии с этим мы считаем, что приводимые ниже примеры иллюстрируют второе значение глагола — значение

‘проводить’. Следует оговорить, что для русского глагола *проводить* указанные контексты [7], по всей видимости, не являются характерными, о чем свидетельствует, в частности, невозможность их использования в приводимых ниже примерах. Примеры:

(6) *One small hand closed on the letter beside him and he slept on, not knowing he was special, not knowing he was famous, not knowing he would be woken in a few hours' time by Mrs. Dursley's scream as she opened the front door to put out the milk bottles, nor that he would spend the next few weeks being prodded and pinched by his cousin Dudley…* (Joanne Kathleen Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997)). Маленькой ладошкой он сжимал письмо, лежавшее рядом, и спал крепко, не зная, что он особенный; не подозревая, что он знаменитый; не ведая, что через несколько часов ему предстоит проснуться под вопли миссис Дурслей, которая выйдет на крыльцо с молочными бутылками; не имея ни малейшего представления о том, что следующие несколько недель его непрерывно будет пихать и щипать двоюродный братец Дудли…[НКРЯ] (букв. ‘не имея ни малейшего представления о том, что он проведет следующие несколько недель будучи пихаемым и щипаемым двоюродным братцем Дудли’).

(7) *While he was a prisoner he had spent nearly all his time tied up at the back of the stable, and had of course heard none of the enemies' plans* (Clive Staples Lewis. The Chronicles of Narnia. The Last Battle (1956)). В плену он все время был привязан позади Хлева, и конечно, слышал некоторые планы врагов [НКРЯ].

(8) *I spent forty years getting phone calls at all hours of the night* (Michael Connelly. City Of Bones (2002)). Мне сорок лет звонили в любой час ночи (букв. ‘Я провела сорок лет, принимая телефонные звонки в любой час ночи’) [НКРЯ].

(9) *I am not going to spend another evening being danced about in front of Mark Darcy like a spoonful of puried turnip in front of a baby. I am going to have to leave the country or something* (Helen Fielding. Bridget Jones's Diary (1996)). Я не собираюсь проводить еще

[7] Т.е. для русского языка первый актант глагола *проводить* не может соответствовать роли пациенса, объекта или адресата.

один такой вечер. Чтобы мною снова крутили перед носом Марка Дарси, как ложкой с пюре из репы перед ребенком [НКРЯ].

2) Второй вид контекстов представлен фразами, в которых Z является обозначением состояния (например, эмоционального) или какого-то поведения человека, являющегося проявлением его физического или эмоционального состояния. Трудно представить, что подобные фразы могут описывать тó, как человек «распорядился» своим временем. Примеры:

(10) *He was in a perfect rapture, especially as he had spent the whole time of his friend's absence in extreme dejection*. Он был в полном восторге, тем более, что всё время разлуки со своим другом провел в крайнем унынии (Ф.М. Достоевский. Бесы) [ABBY].

(11*) For she too died three years afterwards. She spent those three* years *mourning and grieving for both of us*. Ибо через три года сама скончалась, все три года по нас обоих грустила и трепетала (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы) [ABBY].

(12) *The mother spent whole* nights *in weeping and lamenting, while all the time the cause of her grief slumbered peacefully*. Лизавета Прокофьевна даже плакала за нее по ночам, тогда как в те же самые ночи Александра Ивановна спала самым спокойным сном (Ф.М. Достоевский. Идиот) [ABBY].

(13) *The balance of the night we spent shivering in our inadequate sleeping silks and furs upon the snow that lies at the foot of the ice-barrier* (The Warlord of Mars. Burroughs, Edgar Rice). Мы провели остаток ночи в глубоком снегу, который лежал у подножия стены, дрожа от холода [ABBY].

(14) *I realized that I have spent so many years being on a diet that the idea that you might actually need calories to survive has been completely wiped out of my consciousness* (Helen Fielding. Bridget Jones's Diary (1996)). Вдруг осознала — я столько лет провела на диете, что взгляд на калории как на необходимое условие для выживания совершенно стерся из моего сознания [НКРЯ].

(15) *Suddenly the fantasies were replaced by images from the film Barfly, where the couple spent the whole time blind drunk, screaming and throwing bottles at each other, or Harry Enfield's The Slobs with Daniel yelling, 'Bridge. The baby Is bawlin'. Its 'ead off* (Helen Fielding. Bridget Jones's Diary (1996)). Мои фантазии сразу уступили место сценам из фильма "Барфлай", в котором пара проводила все время, зверски напиваясь (букв. ʻпроводила время мертвецки пьяной'), ругаясь и кидаясь друг в друга бутылками [НКРЯ].

(16) *…while the ex-partner is spending his evenings bursting into tears at the sight of the toothbrush mug* (Helen Fielding. Bridget Jones's Diary (1996)) …в то время как бывший возлюбленный проводит вечера, рыдая при виде забытой зубной щетки [НКРЯ].

(17) *So he returned dismally to town and spent an evening plunged in gloom* (John Galsworthy. In Chancery (1920)). И он печально вернулся в город и провел вечер в глубочайшем унынии [НКРЯ].

(18*) He'd then spend his nights drinking and being angry at me* (Michael Connelly. City Of Bones (2002)). Сэм каждый вечер пил и напускался на меня [НКРЯ].

(19) *I spend my doleful days in dumps and dolors* (Vladimir Nabokov. Lolita (1955)). Я провожу томительные дни в хандре и грусти [НКРЯ].

3) Третий вид представлен фразами, в которых первая валентность глагола *to spend* заполнена именами, обозначающими «не-людей»: именами животных, которых тоже трудно представить в роли субъектов, планирующих распределение своего временного ресурса, или названиями каких-то устройств или программ и т.п. Примеры:

(20) *The sheep spent the whole day there browsing at the leaves under Squealer's supervision* (George Orwell. Animal Farm (1945)). Овцы целый день паслись там, щипали листья под надзором Стукача [НКРЯ].

(21) *Our cat spends most of his time sleeping* [MWD]. Наша кошка большую часть дня спит.

(22) *Process priority, amount of CPU time consumed recently, amount of time spent sleeping recently* (Modern Operating Systems Tanenbaum, Andrew S.). Приоритеты

процессов, процессорное время, потребленное за последний учитываемый период, количество времени, проведенное процессом в режиме ожидания) [ABBY].

Заметим, что перевод последнего примера является откровенно плохим («время, проведенное процессом в режиме ожидания»). Это отражает расхождения в употреблении английского глагола *to spend* в значении ‘проводить’ и русского глагола *проводить*. Как видно из примеров (6) — (9), приведенных для иллюстрации первого из выделенных нами контекстов, русский глагол, в отличие от английского, не используется в контекстах, где его первый актант является объектом, пациенсом или адресатом действия Z (третья валентность обоих глаголов). Не всегда он может быть использован и в последнем из выделяемых нами случаев.

Очевидно, что примеры (6) — (22) не могут быть истолкованы так, как это предложено для глагола *to spend* в работе [6], а именно, что указанный глагол описывает тó, как субъект распорядился своим временным ресурсом. Здесь можно говорить лишь о том, что некоторый временной отрезок У был заполнен действием Z, направленным на субъекта X, или некоторым состоянием Z субъекта X, в частности, вызванном чьими-то действиями.

2. Если время концептуализируется как ресурс, то можно говорить о разумном или неразумном расходовании этого ресурса. В английском языке смысл неразумного, неоправданного использования временного ресурса выражается гораздо бóльшим количеством предикатных лексем, чем в русском. Одними из наиболее употребительных являются глагол *to waste* и соответствующее существительное *waste* [8]. У этих единиц, как нам представляется, можно выделить два значения, которые соотносятся примерно так же, как два значения русского наречия *напрасно* — *напрасно*$_1$ и *напрасно*$_3$ в работе Анны А. Зализняк [5, 117, 121]:

X напрасно$_1$ *P* = [през.]: ‘X производит действие P

X хочет, чтобы было Q

[8] Интересно, что у глагола *to spend* в некоторых словарях тоже отмечается значение неразумной траты (см., например, OUD), правда, не указывается, используется ли он в этом значении по отношению ко времени.

X считает, что P приведет к Q'.

[acc.]: P не приводит к Q.

Например: [*Людмила*:] *Буду умолять, плакать перед ним*. [*Николай*:] *Напрасно. Ничто не поможет*; *это не человек, а железо* (А.Островский, Поздняя любовь) [http://slovari.ru]. *Он ничего не может сообщить, догадалась Софи, вспомнив, что туристы с мобильными телефонами, пришедшие в этот зал, напрасно пытались дозвониться домой, чтобы сообщить радостную новость: они наконец увидели" Мону Лизу"* (Дэн Браун. Код Да Винчи) [НКРЯ].

При этом P и Q должны быть связаны между собой логической связью: P должно обозначать действие, целью которого является достижение результата Q. Например, искать и найти, убеждать и убедить, ловить и поймать, бороться и победить, пытаться дозвониться и дозвониться, умолять кого-то помочь — получить помощь и т.д.

Конструкция *X wasted*$_1$ *time in / on Z-ing* / *to Z* обозначает безрезультатность некоторого поступка Z (цель, на достижение которой было направлено действие Z, достигнута не была) ≈ X *напрасно*$_1$ совершил действие Z.

Приведем примеры на первое значение глагола *to waste*:

(23) *What do you want of me? I haven't got any more cellars. You're just wasting your time, I assure you*. Что вы хотите? У меня другого погреба нет. Вы напрасно время тратите. Уверяю вас, напрасно (Н. А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 1) (1930-1934)) [НКРЯ].

(24) *The conviction came suddenly to June that she was wasting her time; even were she to put a question point-blank, she would never get anything out of this woman* (John Galsworthy. The Man of Property (1906)). Джун вдруг поняла, что напрасно теряет здесь время: если даже поставить вопрос прямо, от этой женщины все равно ничего не добьешься [НКРЯ].

(25) *"Perhaps you would not mind telling me if your suspicions point in any particular direction?" "No, I can hardly answer that. " "Then I have wasted my time and need not prolong my visit"* (Arthur Conan Doyle. The Adventure of the Devil's Foot (1910)). Не могли

бы вы сказать, подозреваете ли вы кого-нибудь? — На это я вам не могу ответить. — В таком случае я пришел напрасно, не стану задерживать вас более [НКРЯ].

(26) *The man was definitely a Gray, short and wide, with the kind of iron grip he knew would be a* <u>*waste*</u> *of time to struggle against* (The Green And The Gray. Zahn, Timothy). Это явно был серый, приземистый и коренастый; он держал Роджера железной хваткой, так что было ясно, что сопротивление бесполезно [ABBY].

(27) *He said, "No grown Emotional would — Dua would never—n." "She would. She does. Don't* <u>*waste*</u> *time arguing the point… She can penetrate anywhere in the caverns* "(Isaac Asimov. The Gods Themselves (1972)). Он растерянно пробормотал: — Ни одна взрослая эмоциональ никогда…Дуа ни за что… — Нет, это так. Не трать времени на бесплодные возражения… Она способна проникнуть в любую пещеру [НКРЯ].

(28) "*And what the devil should I drag myself over there for? It's just a* <u>*waste*</u> *of time"!* Да и на кой черт мне туда таскаться… только время терять! (И. С. Тургенев. Новь (1877)) [НКРЯ].

(29) *It will just be a* <u>*waste*</u> *of your time and a* <u>*waste*</u> *of the investor's time, too* (Crash Profits: Make Money When Stocks Sink And Soar. Weiss, Martin D). Это было бы просто потерей Вашего времени, а также времени Ваших инвесторов [ABBY].

Значение конструкции *X wasted*$_1$ *У in Z-ing* в некоторых случаях должно быть модифицировано. Речь идет о примерах типа (30):

(30) *We may* <u>*waste*</u> *time in following the wrong one, but sooner or later we must come upon the right* (Arthur Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles (1902)). Мы можем потратить лишнее время, ухватившись не за ту нить, за которую следует, но рано или поздно найдем и нужную [НКРЯ].

Подобные примеры невозможно истолковать как 'Мы можем напрасно$_1$ пойти по ложному следу'. Для примеров такого рода мы предлагаем следующее толкование:

X wastes$_1$ *time* У *in Z* = [през.]: 'X использует время У для совершения действия P

X хочет, чтобы было Q

X считает, что P приведет к Q

имеет место Z

Z мешает осуществлению Q

[acc.]: P не приводит к Q'.

В этом значении валентности P и Q не имеют поверхностно-синтаксического выражения при глаголе — их смысл может быть определен только из более широкого контекста.

Например, *Peter wasted two weeks in following the wrong track* в ситуации, когда Питер потратил две недели на поиски преступника, означает примерно следующее: в течение двух недель Питер производил какие-то действия (P), чтобы найти преступника (Q); Питер считал, что эти действия должны привести его к цели (Q); в действительности Питер шел по ложному следу (Z), который не мог привести его к поимке преступника.

В таком употреблении глагол *to waste* очень близок к глаголу *to lose* во втором значении (см. ниже).

Второе значение глагола *to waste* перекликается с третьим значением русского наречия *напрасно*.

X напрасно$_3$ *P* = [през.]: 'имеет место P (X)

[acc.]: говорящий считает, что P плохо

или: …что некоторое R, которое могло бы быть вместо P,

лучше, чем P (в частном случае R = отсутствие P)' [5, 121].

Например: *Корчагин понял, что перед ним опасный противник: напрасно Павел отнесся к этой игре так неосторожно* (Н. А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 2) (1930-1934)) [НКРЯ]. *Напрасно, Дмитрий Иванович, вы так делаете* (Л. Н. Толстой. Воскресение (1899)) [НКРЯ].

Другими словами, если конструкция вида *X напрасно*$_1$ *сделал P* указывает на безрезультатность некоторого поступка, то конструкция вида *X напрасно*$_3$ *сделал P* обозначает, что этот поступок вообще не следовало совершать [6, 451].

Конструкция *X wasted*$_2$ *Y in/on/over Z-ing* обозначает, что говорящий негативно оценивает то, как субъект X распоряжается своим временным ресурсом, потратив его на

Z (= не следует тратить время на Z), драгоценное время должно использоваться иным образом. Эта негативная оценка распространяется и на само Z. *X wasted*$_2$ *У in/on/over Z-ing / to Z* ≈ X *напрасно*$_3$ совершил действие Z (см. примечание 1).

Примеры:

(31) *You don't go to silly films, even if you want to; you don't read cheap newspapers; you don't listen to trash on the wireless and the telly;. you don't* <u>*waste*</u> *time talking about nothing* (John Fowles. The Collector (1963)). Не ходи на дурацкие фильмы, даже если тебе этого очень хочется; не читай дешевку в газетах и журналах; не слушай чепухи, звучащей по радио или по телеку, не трать жизнь на разговоры ни о чем [НКРЯ].

(32) *Why* <u>*waste*</u> *your final hours racing about your cage denying you're a squirrel?* (Ray Bradbury. Fahrenheit 451 (1953)). Зачем тратить свои последние часы на то, чтобы кружиться по клетке и уверять себя, что ты не белка в колесе? [НКРЯ].

(33) *Rikki-tikki knew better than to* <u>*waste*</u> *time in staring* (Rudyard Kipling. The Jungle Book: Other Stories (1894)). Рикки-Тикки не хотел тратить времени, смотря по сторонам [НКРЯ].

(34) *"Just as if any of us would want to* <u>*waste*</u> *half the morning trailing round with a crowd of strange grown-ups "* (Clive Staples Lewis. The Chronicles of Narnia. The Lion, the Witch and the Wardrobe (1950)). — Была охота тратить полдня, таскаясь по дому с кучей взрослых [НКРЯ].

(35) *You stand and fall by your own work, remember, and it's* <u>*waste*</u> *of time to think of any one else in this battle* (The Light That Failed. Kipling, Joseph Rudyard). Помни, что для тебя важна только твоя работа, которая одна может спасти или погубить тебя, а, следовательно, незачем терять время, оглядываясь на то, что делают другие [ABBY].

(36) *People* <u>*can waste*</u> *their whole life over a small thing, just because someone insulted them* (The Empty Boat: Encounters with Nothingness. Osho, Bhagvan Shree Rajneesh). Люди способны растратить всю свою жизнь на всякую ерунду лишь из-за того, что кто-то когда-то их оскорбил [ABBY].

(37) "*We are wasting precious time listening to silly talk," snapped out the lady of the house, and she looked reprovingly at her husband.* Теряется золотое время, слушая глупые разговоры, — отрезала хозяйка и взыскательно посмотрела на мужа (Бесы. Достоевский, Фёдор) [ABBY].

Итак, второй класс употреблений глагола *to waste* описывает неразумное использование времени, пустую трату, потерю времени. Противопоставление первого и второго значений этого глагола можно охарактеризовать как противопоставление «недостигнутой» и «недостойной» цели, аналогично тому, как это было сделано для русских наречий *напрасно*$_1$ и *напрасно*$_3$ в работе [5] И так же, как для русских наречий [9], в определенных контекстах различие двух значений глагола *to waste* может стираться. Например:

(38) *But come, we waste time in such talk* (Clive Staples Lewis. The Chronicles of Narnia. The Voyage of the 'Dawn Treader' (1952)). Но послушайте, мы теряем время в этих разговорах (≈ 'не следует вести такие разговоры, потому что они ни к чему не приведут') [НКРЯ].

(39) *"What a waste of time it was taking up with you!" Ippolit Matveyevich was completely crushed.* Напрасно я с вами связался, кажется. Ипполит Матвеевич был совершенно подавлен (И. А. Ильф, Е. П. Петров. Двенадцать стульев (1927)) [НКРЯ] (≈ не следовало мне с вами связываться — это не принесло никаких результатов).

Глагол *to waste* имеет еще одну модель управления, в которой первая валентность соответствует причине, вызвавшей напрасную$_{1/3}$ трату времени:

(40) *"It's quite clear what we have to do. We must join King Caspian at once." "The sooner the better," said Trumpkin. My being such a fool has already wasted about an hour* (Clive Staples Lewis. The Chronicles of Narnia. Prince Caspian (1951)). — Тогда совершенно

[9] См. [6, 452].

ясно, что мы должны делать. Мы должны сейчас же присоединиться к королю Каспиану. — Чем скорее, тем лучше. Моя глупость уже отняла у нас целый час [НКРЯ] [10].

Первая валентность глагола *to waste* может заполняться также именной группой, обозначающей человека, чьи действия, присутствие и т.п. привели к потере времени:

(41) "*Yes," he said;" the doctor's been with me to-day and* <u>*wasted*</u> *an hour of my time.*" Да, — сказал он, — нынче доктор был у меня и отнял час времени (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)) [НКРЯ].

(42) *Unless you are ready to be reborn, don't* <u>*waste*</u> *my time* (Dao: The Pathless Path, Volume 1. Osho, Bhagvan Shree Rajneesh). До тех пор, пока вы не готовы переродиться, не отнимайте у меня времени [ABBY].

В контексте отрицания модель управления для обоих значений глагола *to waste* может претерпевать изменения. Так, в примерах, приведенных ниже, конструкция (*in*) *Z-ing* не заполняет третью валентность глагола *to waste*. Иными словами, Z в этих примерах не обозначает тó, на что расходуется время. Примеры:

(43) *My enemies on the Closed Council* <u>*will waste*</u> *no time in turning this farce to their advantage* (The Blade Itself. Abercrombie, Joe). Мои враги в закрытом совете не упустят случая использовать этот фарс к своей выгоде [ABBY].

(44) *Man-Afraid* <u>*wasted*</u> *no time in returning to Red Cloud's camp on the Powder* (Bury my Heart at Wounded Knee. Brown, Dee). Боящийся Своих Лошадей, не теряя времени, вернулся в лагерь Красного Облака на реке Паудер [ABBY].

(45) *He'*<u>*d wasted*</u> *no time getting it back to the Barracks* (Ricochet. Brown, Sandra). Он сразу же побежал обратно в «Казармы» [ABBY].

(46) *She beckoned me over, and once I was there, she didn't waste time* [11] (Duma Key. King, Stephen)). Она подозвала меня и, как только я подошёл, не стала терять времени [ABBY].

---

[10] Русский глагол *тратить* не имеет такой модели управления, и поэтому в подобных случаях переводным эквивалентом часто выступает глагол *отнимать*.

[11] В этом примере третья валентность глагола *to waste* не выражена на поверхностно-синтаксическом уровне — действие Z «вычитывается» из более широкого контекста.

Сравним два предложения *Peter wasted time in coming to London* и *Peter wasted no time in coming to London.* Первое предложение означает, что Питер напрасно приехал в Лондон (безрезультативность его приезда): действие Z —‘приезд в Лондон’, не привело к желаемой цели. Во втором предложении говорится о том, что Питер приехал в Лондон (Z), не потратив время на какие-то другие (менее важные) действия.

В стандартных случаях соотношение фразы с отрицанием и без него является другим: *X wasted*$_1$ *time* (*in*) *Z-ing* ≈ Он напрасно$_1$ сделал Z; *X didn't waste*$_1$ *time* (*in*) *Z-ing* ≈ Он не напрасно$_1$ сделал Z. *X wasted*$_2$ *time* (*in*) *Z-ing* ≈ Он напрасно$_2$ сделал Z; *X didn't waste*$_2$ *time* (*in*) *Z-ing* ≈ Он не делал Z. Примеры:

(47) *Well, Pussy my lad, I <u>haven't been</u> <u>wasting</u> my time, either. Fifteen roubles. Altogether that's enough*. Ну, Кисочка, и я провел время недаром. Пятнадцать рублей, как одна копейка. Итого—хватит (И. А. Ильф, Е. П. Петров. Двенадцать стульев (1927)) [НКРЯ].

Предложение *I have been wasting my time* означает, что я не добился того результата, на достижение которого я потратил время и усилия (*to waste*$_1$); из предложения *I haven't been wasting my time* следует, что результат был достигнут (время было потрачено не напрасно).

(48) *But he <u>did not waste</u> his time in listening* (Rudyard Kipling. The Second Jungle Book: Mowgli Stories (1895)). Но юноша не терял времени на подслушивание [НКРЯ].

Фраза *He wasted his time in listening* (*to waste*$_2$) означает, что юноша использовал свой временной ресурс на недостойное занятие — подслушивание; отрицательная фраза *He did not waste his time in listening* указывает на то, что юноша не подслушивал.

И в повелительном наклонении соотношение фраз с глаголом *to waste* с отрицанием и без него является стандартным: *Don't waste*$_1$ *time in Z -ing* ≈ ‘Не трать время на Z, это не приведет тебя к нужному результату’ (примеры (49) и (50)); *Don't waste*$_2$ *time in Z* ≈ ‘Не трать время на Z, это недостойное занятие (пустое времяпровождение)’(пример (51)). Например:

(49) *He could have placed the antimatter on St. Peter's tomb — a highly restricted locale — and then commanded his guards* <u>*not to waste*</u> *time searching the Vatican's restricted areas. Rocher KNEW nobody would ever find the canister* [12] (Dan Brown. Angels and Demons (2000)). Он вполне мог поместить ловушку с антивеществом в гробницу апостола (вход туда был практически для всех запрещен) и дать команду гвардейцам обыскивать только доступную для публики территорию. Рошер был уверен, что никто не сможет найти антиматерию [НКРЯ].

(50) <u>*Do not waste*</u> *your life attempting to change what cannot be changed* (The Fires of Heaven. Jordan, Robert). Не потрать жизнь впустую, пытаясь изменить то, чего изменить нельзя [ABBY].

(51) *But* <u>*do not waste*</u> *your time on this extra task. It is unnecessary* [13]. Вы же не тратьте время на эту арифметику. Это ни к чему.

3. Мы выделяем еще одно значение у глагола *to waste*. К сожалению, мы нашли в литературе всего несколько примеров, причем в одном из них речь идет не о времени, а о другом ресурсе — энергии. Мы, тем не менее, решили привести этот пример тоже, поскольку и время, и энергия воспринимаются как ограниченные ресурсы и часто «идут в одной связке», как, например, в предложении (53).

Конструкция вида *X wasted*$_3$ *Y in/on/over Z-ing* / *to Z* не обозначает неправильное, ошибочное использование временного ресурса субъектом X, как в предыдущем случае. Она указывает на то, что X использовал этот ресурс на Z, но это был вынужденный акт, это не было результатом неправильного выбора субъекта. Здесь на первый план выступает семантический компонент ‘жалко’: жалко, что время было потрачено на Z. Это эмоциональное переживание особенно очевидно при совпадении субъекта оценки и субъекта Z.

(52) *I knew that they would be a good hour getting the samovar; that grandfather would be not less than an hour drinking his tea, and then would lie down to sleep for two or three*

---

[12] Здесь приказ выражен косвенной речью (*to waste*$_1$).

[13] Это предложение является переводом французской фразы из романа Сент Экзюпери «Маленький принц»: *Mais ne perdez pas votre temps à ce pensum. C'est inutile*.

hours; that I should waste a quarter of the day waiting, after which there would be again the heat, the dust, the jolting cart. Я знал, что самовар будут ставить целый час, что дедушка будет пить чай не менее часа и потом заляжет спать часа на два, на три, что у меня четверть дня уйдет на ожидание, после которого опять жара, пыль, тряские дроги (А. П. Чехов. Красавицы (1888)) [НКРЯ].

(53) *The physiological advantages of the practice of injection are undeniable, if one thinks of the tremendous waste of human time and energy occasioned by eating and the digestive process* (H. G. Wells. The War of the Worlds (1898)). Нельзя отрицать физиологических преимуществ способа инъекции, если вспомнить, как много времени и энергии тратит человек на еду и пищеварение [НКРЯ].

(54) "*I'm afraid that we have too many of these public duties in these latter days. Just as in old days there were so many government functionaries that one had to call in a functionary for every single thing, so now every one's doing some sort of public duty. Alexey has been here now six months, and he's a member, I do believe, of five or six different public bodies. Du train que cela va, the whole time will be wasted on it.*" Я боюсь, что в последнее время у нас слишком много этих общественных обязанностей. Как прежде чиновников было так много, что для всякого дела нужен был чиновник, так теперь все общественные деятели. Алексей теперь здесь шесть месяцев, и он уж член, кажется, пяти или шести разных общественных учреждений—попечительство, судья, гласный, присяжный, конской что-то. Du train que cela va все время уйдет на это (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)) [НКРЯ].

(55) *Often I forget ordinary words, and I always have to waste a great deal of energy in avoiding superfluous phrases and unnecessary parentheses in my letters*. Часто я забываю обыкновенные слова, и всегда мне приходится тратить много энергии, чтобы избегать в письме лишних фраз и ненужных вводных предложений (А. П. Чехов. Скучная история (1889)) [НКРЯ].

Пример (53) является особенно показательным для демонстрации различия второго и третьего значений. Очевидно, что время и энергия, которые требуются на

протекание процесса пищеварения, не зависят от воли субъекта и, следовательно, нельзя говорить о неразумном их расходовании. Можно выразить лишь сожаление, что этот процесс занимает столько времени и отнимает столько энергии.

Если с помощью конструкции вида *X wasted*$_2$ *Y in/on/over Z-ing / to Z* говорящий сообщает, что субъект X неправильно распорядился временным ресурсом У, то при помощи конструкции *X wasted*$_3$ *in/on/over Z-ing / to Z* он, указывая на то, что субъект X использовал временной ресурс У на Z, сообщает, что ему жалко этого времени (при этом говорящий не оценивает поведение субъекта X). Глаголы *waste*$_1$ и *waste*$_2$ (и соответствующие им существительные) описывают ситуации, которые можно охарактеризовать как напрасную трату времени, как потерю времени. Ситуации, вводимые глаголом *to waste*$_3$ (и существительным *waste*$_3$), как нам представляется, не могут быть охарактеризованы таким образом. Соответственно, в первых двух случаях (но не в третьем случае) мы можем оценивать описываемые положения дел как *just a waste of time* (см. выше примеры (23), (28), (29)), *such a waste of time, sheer waste of time*, *only waste of time* или охарактеризовать их с помощью наречия *merely* 'только, просто' [14], например:

(56) *I had* <u>*merely wasted*</u> *my time*. Я только потерял время [ABBY] (*to waste*$_1$ или *to waste*$_2$).

(57) *No,' retorted Chichikov, "I* <u>*am merely wasting*</u> *my time, and must be off"*. Право, я напрасно время трачу, мне нужно спешить (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835-1852)) [НКРЯ] (*to waste*$_1$).

(58) *'Don't argue, my dear child, please don't argue! ' cried Mr. Wonka. 'It's* <u>*such a waste of precious time*</u>*!* (Roald Dahl. Charlie and the Chocolate Factory (1964)). — Не спорьте, мой юный друг, пожалуйста, не спорьте, — сказал мистер Вонка. — Не тратьте попусту драгоценное время [НКРЯ] (*to waste*$_1$).

(59) *Silly boyish amusement. I've given that up LONG ago.* <u>*Sheer waste of time*</u>*, that's what it is. It makes me downright sorry to see you fellows, who ought to know better, spending*

---

[14] Ср. в [6, 452]: «…вместо *напрасно потратил время* можно сказать *только потратил время*, и это тоже будет означать, что потратил напрасно».

all your energies in that aimless manner (Kenneth Grahame. The Wind in the Willows (1908)). Глупые мальчишеские забавы! Я уже давным-давно это оставил. Пустая трата времени, вот что я вам скажу. Мне просто до слез вас жалко, когда я вижу, как вы тратите столько драгоценной энергии на это бессмысленное занятие [НКРЯ] (*to waste*$_2$).

4. Анализ употребления глаголов *to spend* и особенно глагола *to waste* (и соответствующего существительного) обнаруживает расхождения в английской и русской языковых картинах мира. См., например, о соответствующем фрагменте русской картины мира в [6, 450—451]: «Представление о *трате времени* органично вписывается в общую картину того, что, согласно русскому языку, можно *тратить*. Как оказывается, *тратить* можно очень ограниченное количество сущностей, а именно: *деньги*, *время* и *силы*, а также некоторые другие виды жизненно необходимых и трудно восполнимых ресурсов. Это может быть вода (питьевая, горячая или просто вода, запас которой ограничен), дрова, спички, электроэнергия, свечи, мука, сахар, масло, краска, цемент, кирпичи и т.п., а также энергия и нервы (но это только уже в специальных контекстах)». Для носителей английского языка в число ограниченных ресурсов входит, например, пространство, слова, способности, талант, остроумие, движения, шансы и даже чувства и эмоции — гнев, симпатию и т.п.:

(60) *"I'm somehow pleased that in the Spartan surroundings of the Moon, you can afford to* <u>*waste*</u> *so much* <u>*room*</u> *on frivolity."* (Isaac Asimov. The Gods Themselves (1972)). Почему-то мне очень приятно, что, несмотря на спартанские условия Луны, вы позволяете себе пожертвовать такое количество свободного пространства на развлечения [НКРЯ].

(61) *Why* <u>*waste a truck*</u> *on a statue, when there was probable need of another truckload of food?* (Walter M. Miller, Jr.. A Canticle For Leibowitz (1960)). Зачем было занимать грузовик статуей, когда лучше было бы загрузить его едой? [НКРЯ].

(62) *Why* <u>*waste words and wrath*</u> *on those unhappy creatures?* (J. R. R. Tolkien. The Hobbit (1937)). — Неразумные люди! — проговорил Бэрд. — К чему тратить слова и гнев на тех несчастных? [НКРЯ].

(63) *Father Brown and Flambeau, however, kept this weird contradiction to themselves and DrHarris was not a man to waste his thoughts on the impossible* (Gilbert K. Chesterton. The Innocence of Father Brown (1911)). Ни отец Браун, ни Фламбо не высказали вслух недоумения, а доктор был не из тех, кто иссушает ум бесплодными догадками [НКРЯ].

(64) *You don't know how much I need some one to waste a little affection on me* (Theodore Dreiser. Sister Carrie (1900)). Вы не знаете, как я нуждаюсь хоть в капельке нежности [НКРЯ].

(65) *It suits not our condition to hold with thee long communication, nor do we waste words or time upon any one* (Walter Scott. Ivanhoe (1819)). В нашем звании не подобает вести с тобою продолжительные разговоры, притом мы ни на кого не любим тратить время и слова [НКРЯ].

(66) *"But," Lord Vorkosigan went on earnestly, " you have too much talent and energy to waste on idleness"* (The Warrior's Apprentice. Bujold, Lois McMaster). Но ты слишком талантлив и энергичен, чтобы бездельничать [ABBY].

(67) *'Don't waste sympathy on me,' I said. 'I'll get along somehow*' (All flesh is grass. Simak, Clifford D.). Можете меня не жалеть, — сказал я. — Уж как-нибудь да выкручусь [ABBY].

(68) *But Brot was too much of a man of the immediate present to waste any emotion on might-have-beens* (The Outposter. Dickson, Gordon). Но Брот являлся твердым человеком настоящего, чтобы не разбрасываться эмоциями насчет того, что там-могло-бы-быть [ABBY].

5. Глагол *to expend*, как и глагол *to spend*, ведущий свое происхождение от латинского глагола *expendere*, имеет значение 'тратить' применительно к разным ресурсам — деньгам, времени, материальным средствам, энергии, усилиям и т.п. Особенностью этого глагола является то, что он имеет две разных модели управления:

1) *X expent Y* (*in*) *V-ing /to V / on / upon V* ≈ X потратил Y на V:

(69) *You may have to expend a further year in completing your book*. Тебе, быть может, придётся потратить ещё год на завершение своей книги [ABBY].

2) *V expent Y* ≈ На V потребовался (ушел) ресурс У:

(70) *Firing up sixteen miles of electromagnets to create a tiny specimen of antimatter expended more energy than the resulting antimatter contained* (Dan Brown. Angels and Demons (2000)). Работа шестнадцатимильного ускорителя для создания крошечного образца антиматерии требовала гораздо большей энергии, чем та, которую можно было получить от него [НКРЯ].

Как отмечают английские лексикографы, у этого глагола есть еще одно значение — ʻистратить ресурс полностью' (одна модель управления) и ʻисчерпать ресурс' (вторая модель управления:

(71) *Every effort seemed to expend her spirit's force* (George Meredith) [AHD]. Казалось, любое усилие отнимало у нее все душевные силы.

(72) *Whatever energy had been trapped inside the pyramid had been expended* (Map of Bones. Rollins, James). Что бы ни представляла собой энергия, содержавшаяся в пирамиде, она закончилась [ABBY].

6. Еще один глагол, описывающий расходование разного рода ресурсов, в частности, временного, английский глагол *to misspend* (производный от глагола *to spend*). Подобно описанным выше глаголу *to waste* и существительному *waste*, этот предикат может обозначать использование времени на действия, которые не привели к желаемому результату (соответствует глаголу *to waste*$_1$), и неправильное, неразумное использование времени — на то, на что не следует тратить время (соответствует глаголу *to waste*$_2$) [15]. Примеры:

(73) *I will put bibles and other good and proper books into their hands; will allow them time to read and assure myself that they do not misspend this time* (The Education of the Negro Prior to 1861 A History of the Education of the Colored People of the United States from the Beginning of Slavery to the Civil War) [WN]. Я дам им Библию и другие хорошие и

[15] В некоторых случаях, как уже отмечалось, противопоставление «недостигнутой и недостойной цели может стираться».

правильные книги; дам им время на чтение и удостоверюсь, что они не напрасно потратили время [16].

(74) *I shall have little or no temptation to misspend my time to earn my subsistence, and prosecute revenge* (The Adventures of Peregrine Pickle) [WN]. У меня нет искушения тратить мое время на то, чтобы зарабатывать себе на пропитание и продолжать мстить.

(75) *You need to misspend your teen years, late adolescence and much of adulthood to learn tricks like that* (A Big Boy Did It and Ran Away) [WN]. Ты не должен тратить 10 лет, молодость, многие годы зрелости, на то, чтобы научиться таким трюкам.

(76) *No less criminal and dangerous is the disposition of those who misspend their precious moments in reading romances* (The Lives of the Fathers, Martyrs, and Principal Saints January, February, March) [WN]. Не менее пагубным и опасным является поведение тех, кто склонен тратить драгоценное время на чтение романов.

(77) *"My somewhat misspent youth was spent right here," Mr. Lipton said* (New York Times_Aug 5, 2010 [VC]. «Моя, в каком-то смысле загубленная юность ('напрасно потраченная'), прошла именно здесь», — сказал мистер Липтон.

7. Глагол *to squander* 'тратить напрасно$_{1/2}$' сначала использовался только по отношению к денежным ресурсам (первая фиксация значения — 1593 г. [OUD]), затем — ко времени (1693 г. [OUD]) и к другим ресурсам. Примеры:

(78) *… and the peasants used to drink then for three days; they squandered on drink fifty roubles of money belonging to the Mir, and then collected more for vodka from all the households….* мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественных денег и потом еще со всех дворов собирали на водку (А. П. Чехов. Мужики (1897)) [НКРЯ].

(79) *I propose to devote the remainder of mine to it, and can only regret the wasted years that lie behind me, squandered in trivialities* (Kenneth Grahame. The Wind in the

[16] В этом примере глагол использован в значении 'напрасно$_1$ сделать что-либо', ср.: «…если говорится, что *время потрачено не напрасно*, это означает, что был получен некоторый осмысленный результат» [6, 452].

Willows (1908)). Я хочу посвятить этому остаток своей жизни и могу только скорбеть о зря потраченных годах, выброшенных на пустяки [НКРЯ].

(80) *I had just squandered three years on a book project that never made it into print* (Salon May 27, 2012). Я напрасно потратил три года на одну книгу, которая так и не была напечатана [WN].

(81) *Two months of beauty, two months of tenderness, would be squandered forever, and I could do nothing about it, but nothing, mais rien* (Vladimir Nabokov. Lolita (1955)). Двум месяцам красоты, двум месяцам нежности, предстояло быть навеки промотанным, и я не мог сделать против этого ничего, mais rien [НКРЯ].

8. Русский глагол *терять*, управляющий дополнением, обозначающим отрезок времени, имеет несколько разных способов употребления.

Первое значение можно условно назвать «неудачным расходованием времени». Речь идет о ситуациях, когда часть временного ресурса используется не по назначению: у субъекта имеется определенная цель Q, на достижение которой необходимо определенное количество времени; тем не менее, часть этого времени расходуется на что-то другое, не имеющее отношение к цели, или вообще не заполнена никакой деятельностью. Таким образом, часть времени оказывается потерянной для субъекта — на его цели остается меньше времени:

(82) *Я уже говорил, что Л.В. объяснял свою неуемную страсть работать тем, что потерял время в лагере* (Самуил Алешин. Встречи на грешной земле (2001)) [НКРЯ].

Пребывание в лагере отняло у человека время, которое он хотел бы посвятить работе.

(83) *Из-за этого чертова барона с его партийной кассой я потерял двое суток из пятнадцати дней отпуска* (Борис Васильев. Дом, который построил Дед (1990-2000)) [НКРЯ].

(84) *Я очень боюсь, что мы теряем время и не успеем ничего приготовить к неизбежной, по-видимому, войне. Великий князь Николай Николаевич, который всегда торопится в распоряжениях, заботится уже о перевозке морем гвардии и гренадер,*

вместо того, чтобы заняться прежде всего восстановлением благоустройства в своей армии, весьма дезорганизованной и не готовой к новой войне (Д.А. Милютин. Дневник (1878)) [НКРЯ].

(85) *Год назад у него умерла жена, он жил теперь один, очень неустроенно, и Лариса Васильевна встречала его не раз то в овощном магазине, то в молочной, то в булочной, и всегда можно было почувствовать, что он теряет время, нужное ему, наверное, для проверки письменных работ или подготовки к очередному занятию* (В.Г. Лидин. Прилет птиц (1962)) [НКРЯ].

Цели, о которых идет речь, могут быть самыми разными, не всегда четко обозначенными. Иногда цели имеют самый общий характер, например, такой целью может быть самосовершенствование человека. Иногда «правильными» считаются только цели, направленные исключительно на свои, личные интересы, и расходование времени на все то, что непосредственно не служит этим интересам, расценивается как потеря времени:

(86) *Я так размышляю: меня ненавидят, значит теряют время, которое могли бы употребить на себя, я ненавижу — значит я теряю время, которое мог бы обратить на увеличение моего физического и нравственного благосостояния* (П. В. Анненков. Письма к И.С.Тургеневу (1852-1874)) [НКРЯ].

(87) *К чему терять время на благотворительность, когда можно его употребить с пользой для себя собственно…* (Д. В. Григорович. Замшевые люди. (Заноза) (1891)) [НКРЯ].

(88) *Я теперь думаю, может быть, с ним все было бы нормально, если бы я его проводил. Ну потерял бы час, зато теперь бы не мучился.*

По понятным причинам, тó, на что «теряется» время, часто сопровождается негативной оценкой, и к смыслу ‘временной ресурс на достижение цели Q уменьшился’ добавляется смысл ‘часть временного ресурса, который необходим для достижения цели Q, был потрачен напрасно$_3$’, т.е. на недостойную цель:

(89) *Раздражающий перерыв в действии, когда вдруг вспоминаешь, что у тебя полно неотложных дел, а ты сидишь здесь, теряешь время на какую-то чепуху* (Дина Рубина. Камера наезжает (1993-1994)) [НКРЯ].

(90) *Прежде господин профессор не стал бы терять время, положенное для прогулки, на пустые разговоры с каким-то мальчишкой* (А. Алданов. Девятое термидора (1921)) [НКРЯ].

Второй класс употреблений можно назвать «лишним расходованием времени». В этом случае мы имеем дело с ситуациями, в которых достижение цели потребовало большего временного ресурса, чем следовало бы: в процессе достижения цели возникли какие-то обстоятельства, которые привели к тому, что субъект затратил больше времени, чем это должно было бы быть, если бы все шло «нормально»:

(91) *20 сентября, 2.00. Продолжаем движение вниз. Щель над колодцем оказалась вполне проходимой, но все-же потеряли время на протаскивание и спуск мешков. Несмотря на все мои убеждения, мешки спускаем веревкой* (Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978-1996)) [НКРЯ].

Спуск мешков является одной из составляющих движения членов экспедиции вниз. Иными словами, речь не идет о том, что время расходуется на какую-то постороннюю цель, как это было в первом круге употреблений. «Потеря» времени выражается здесь в том, что продвижение экспедиции оказалось более длительным из-за недостаточной ширины щели, через которую происходит спуск людей и оборудования.

(92) *Потом на дуатлоне проиграл «первому месту» 6 сек, да и то совершил тактический промах— хотел обойти конкурентов по обочине, и швед наступил ему на лыжу. Случайно или умело, но «вовремя». Сергей потерял секунды три* (На лыжне и вокруг лыжни (2003) // «Спецназ России», 2003.03.15) [НКРЯ].

Маневр шведа во время гонки привел к тому, что Сергей затратил на прохождение трассы на три секунды больше, чем мог бы или должен был.

(93) *Сволочи, так наколоть! Мог ведь уже сруб поставить, если бы не ждал от них… «Пила, бревна, цемент — пожалуйста». Два месяца потерял!* (Роман Сенчин. Елтышевы (2008) // «Дружба Народов», 2009) [НКРЯ].

Строительство дома затянулось из-за того, что два месяца не поступали строительные материалы [17].

(94) *Косарь увернулся от бросившегося на него в этот момент Сержанта — сунул руку под рубашку, схватил рукоятку пистолета, резко дернул… Пистолет зацепился за ремень, и Косарь потерял время, какую-то секунду… Когда он выхватил наконец пистолет, Сержант был уже снова рядом: вцепился одной рукой в запястье той руки Виктора, что держала пистолет, а другой — ему в горло* (Анатолий Мельник. Авторитет (2000)) [НКРЯ].

(95) *Когда в начале гонки он наехал на обломки, один из них повредил передние тормоза, и всю оставшуюся гонку на его машине работали только тормоза задних колес. Поэтому-то он и потерял в начале двадцать секунд, пока привыкал к новым «особенностям» своего автомобиля, но затем даже на покалеченной машине сумел выиграть гонку* (Владимир Маккавеев. Неизвестный Сенна (2002) // «Формула», 2002.05.15) [НКРЯ].

В некотором смысле «потери» времени в первом значении («неудачное расходование времени») и во втором значении («лишнее расходование времени») являются противоположными: в первом случае мы имеем дело с уменьшением времени на достижение некоторой цели, во втором — с увеличением этого времени. Общим же остается тó, что в обоих случаях обстоятельства складываются для субъекта неблагоприятным образом и расцениваются как «потеря»:

1. Уменьшение времени на осуществление какого-либо действия воспринимается как потеря, поскольку естественным образом ассоциируется с бóльшими трудностями, которые возникают или могут возникнуть в этом случае.

[17] Два месяца не были потрачены на какую-то другую цель — в ходе строительства возникли обстоятельства (плохая работа поставщиков материалов), которые обусловили увеличение сроков окончания работы на два месяца.

2. Вынужденное увеличение времени ощущается как потеря тогда, когда оно приводит к нежелательным результатам, в частности, к сбоям в последующих действиях субъекта, см., например, (94). Косарь хотел выстрелить в Сержанта, но дольше, чем следовало (на одну секунду), доставал пистолет, и это свело его действия на нет — Сержант успел перехватить его руку, и выстрела не последовало. Кроме того, поскольку время является ограниченным ресурсом, то выделение дополнительного ресурса на какое-то действие приводит к уменьшению количества ресурса на другие цели.

Третье значение глагола *терять* — ‘тратить напрасно$_1$’. Часто имеет место плеонастическая конструкция с наречиями *напрасно*, *зря* и т.п.:

(96) *«Я потерял день», — воскликнул один из древних мудрецов, вспомнив, что он в течение целого дня не оказал никому из своих подданных никакого благодеяния* (архимандрит Георгий (Тертышников). Проповеди // «Альфа и Омега», 2001) [НКРЯ].

(97) *Полтора года назад мы уже подписывали подобные документы, но только потеряли время из-за того, что те договоренности командой Бидаша были в одностороннем порядке расторгнуты* (Кирилл Пальшин, Елена Строителева. Таганрогская осада. Акционеры «Тагмета» не верят в возможность договориться (2002) // «Известия», 2002.03.31) [НКРЯ].

(98) — *Едва ли, Владимир Алексеич, мы его догоним, — отозвался на это Бутаков, — только зря потеряем время* (С.Н. Сергеев-Ценский. Синопский бой (1940-1941)) [НКРЯ].

(99) *Потому что не считаю нужным терять на это время. — То есть, позвольте, почему ж вы знаете, что вы потеряете время* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)) [НКРЯ].

Четвертое значение глагола встречается довольно редко. Мы назовем его условно «упущенная возможность» — время, в которое могло быть осуществлено некоторое действие, безвозвратно ушло, «потеряно»:

(100) *Чтоб кончить все это разом, ей оставалось одно: заметив признаки рождающейся любви в Штольце, не дать ей пищи и хода и уехать поскорей. Но она уже потеряла время: это случилось давно, притом надо было ей предвидеть, что чувство разыграется у него в страсть: да это и не Обломов: от него никуда не уедешь* (И. А. Гончаров. Обломов (1859)) [НКРЯ].

(101) *Выслали, а у нас, конфискация? — ах, надо было успеть раздать, потеряла время! Жжёт. Всё жжёт. Звонят, поздравляют — с несчастьем?* (А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом (1967-1974)) [НКРЯ].

Возможно, и следующий пример, демонстрирует это значение, если его понимать как сожаление Романа Карцева о том, что за все тридцать лет их совместной с другом работы он не смог высказать ему свою любовь и благодарность:

(102) *Я никогда так не рыдал, на поминках даже не мог говорить, не мог взять себя в руки. Да и зачем? Я ведь потерял тридцать лет жизни! Мы никогда не говорили друг другу приятных слов, не заискивали, почти не врали, не пили за наш талант, мы были даже немного жестокими к себе, к работе, к партнерам. И сейчас, когда прошел уже не один год после его ухода, я бы мог наговорить ему массу ласковых слов, но я скажу одно: «Спасибо, Витя, что ты у меня есть».* (Роман Карцев. «Малой, Сухой и Писатель» (2000-2001)) [НКРЯ].

9. Работа с английскими словарями и корпусами текстов показала, что глагол *to lose* в целом очень похож по своим свойствам на глагол *терять*. Приведем примеры на первое значение «неудачное (неправильное) расходование времени:

(103) *You have lost time by your illness; you must regain it now or never* (Philip Stanhope, 4th Earl of Chesterfield. Letters to His Son by the Earl of Chesterfield, on the Fine Art of Becoming a Man of the World and a Gentleman (1746-1749)). Ты много времени потерял из-за болезни, надо наверстать его — сейчас или никогда [НКРЯ].

(104) *And hardest of all was it to shut up the algebra or physics, put note-book and pencil aside, and close his tired eyes in sleep. He hated the thought of ceasing to live, even for so short a time, and his sole consolation was that the alarm clock was set five hours ahead. He*

would lose only five hours anyway, and then the jangling bell would jerk him out of unconsciousness and he would have before him another glorious day of nineteen hours (Jack London. Martin Eden (1909)). А труднее всего было захлопнуть учебник алгебры или физики, отложить книгу и карандаш, закрыть усталые глаза и уснуть. Самая мысль, что надо выключиться из жизни, даже так ненадолго, была ненавистна и утешало одно, что уже через пять часов зазвенит будильник. Все же он потеряет не больше пяти часов, а потом трезвон вырвет его из беспамятства, и начнется новый чудесный день длиной в девятнадцать часов [НКРЯ].

Время, отнятое от работы, расценивается Мартином Иденом как потеря.

(105) *If she went with Camila, she would lose valuable time in her search for Daryl* (A Coming Of Age. Zahn, Timothy). Если она пойдет с Камилой, то потеряет ценное время, отпущенное ей на поиск Дэрила [ABBY].

Как и у глагола *терять*, у глагола *to lose* тó, на что «теряется» время, расценивается как напрасная$_3$ трата времени. Поэтому *to lose* в этом значении близок к глаголу *to waste*$_2$, ср. например, *to waste time in idle occupations* и *to lose time in idle occupations*. На первый взгляд, это синонимичные предложения, и часто в русских переводах подобных фраз фигурирует глагол *терять*. Однако, как нам кажется, различие все же есть. У глагола *to lose* в фокусе внимания находится тот факт, что таким образом отнимается время от достижения какой-то цели (пусть даже довольно абстрактной), а глагол *to waste* ставит акцент на неправильном расходовании времени как ограниченного ресурса, ценности, безотносительно необходимости его использования для реализации определенной цели.

Примеры на второе значение — «лишнее расходование времени»:

(106) *His way lay directly in front of the cottage. His heart beat quickly when he bethought himself of this; and he half resolved to turn back. He had come a long way though, and should lose a great deal of time by doing so* (Charles Dickens. Oliver Twist (1838)). Путь его лежал как раз мимо коттеджа. Сердце у него сильно забилось, когда он об этом

подумал, и он чуть было не повернул назад. Но он уже прошел немалое расстояние и потерял бы много времени на обратный путь [НКРЯ].

Страх, который испытывал Оливер при мысли, что ему нужно пройти мимо коттеджа, чуть было не заставил его изменить маршрут (вернуться назад и пойти другим путем). Если бы он это сделал, он «потерял бы много времени» — добрался бы до своей цели намного позже.

(107) *This fourth level was large and broken into many compartments. The Russians would lose time, hunting through the level; hopefully they'd miss the loose hatch for a while*. Задача у противника была не из легких — прочесывание огромного уровня в поисках неприметной лазейки могло затянуться надолго [ABBY].

(108) *He knew that wherever the trackers lost his path they must circle and lose time before they found it again*. Он знал, что, потеряв след, ищейки будут кружить там, где он оборвался, пока снова не нападут на него, и это отнимет у них немало времени [ABBY].

Примеры на напрасную (*напрасно*$_1$) трату времени:

(109) *Hurstwood visited some of the advertised opportunities to purchase an interest in some flourishing down-town bar... He lost a number of days looking up these and finding them disagreeable* (Theodore Dreiser. Sister Carrie (1900)). Покончив с хлопотами по устройству квартиры, Герствуд отправился по нескольким объявлениям, рассчитывая приобрести долю в каком-нибудь преуспевающем баре… Он только зря потратил несколько дней на их осмотр: все они были очень неприглядны [НКРЯ].

(110) *Under the influence of Carrie's announcement he brightened up somewhat. "You didn't lose any time, did you?"* (Theodore Dreiser. Sister Carrie (1900)). Когда Гансон узнал об удаче Керри, лицо его несколько прояснилось. — Однако ты не теряла времени зря! [НКРЯ].

Мы нашли лишь один пример употребления глагола *to lose* в четвертом значении — значение «упущенной возможности». Характерно, что в русском переводе фигурирует глагол *упускать*:

(111) *I've come to you early like this because there's not an hour to lose — if he lost an hour he might fail himself yet!* (John Galsworthy. In Chancery (1920)). Я пришел к вам так рано, потому что здесь нельзя терять ни минуты! (Если он упустит хоть минуту, он уже потом не решится.) [НКРЯ].

Возможно, предложение *Researchers say they have lost years of work* [18] тоже относится к этому значению, если его понимать следующим образом: исследователи считают, что были годы, когда можно было бы заниматься научной работой, но эта возможность не была реализована.

10. Потери времени (и «неудачное расходование», и «лишнее расходование») могут компенсироваться тем или иным способом. В русском языке для обозначения ситуаций компенсации потерь времени используется практически одни глагол — *наверстывать*. В английском языке таких глаголов как минимум четыре — *to recover*, *to regain*, *to make up* и *to catch up*:

(112) *You have lost time by your illness; you must regain it now or never* (Philip Stanhope, 4th Earl of Chesterfield. Letters to His Son by the Earl of Chesterfield, on the Fine Art of Becoming a Man of the World and a Gentleman (1746-1749)). Ты много времени потерял из-за болезни, надо наверстать его—сейчас или никогда [НКРЯ].

(113) *I must work hard to recover lost time*. Я должен усердно трудиться, чтобы наверстать потерянное время [ABBY].

(114) *An hour's extra running that night caught up only part of the lost time* (Jack London. The Burning Daylight (1910)). В этот вечер они прошли лишний час, чтобы хоть отчасти наверстать потерянное время [НКРЯ].

(115) *Perrault, to make up lost time, pushed them late and early* (Jack London. The Call of the Wild (1903)). Перро решил наверстать потерянное время и гнал их вперед и вперед [НКРЯ].

[18] Nature Apr 24, 2013 [VC].

(116) *You must* <u>*make up*</u> *the time that you have wasted this afternoon, by working late tonight*. Чтобы возместить впустую потраченный день, тебе придётся работать сегодня допоздна [ABBY].

У глаголов *to recover* и *to regain* в основе переносного значения ‘наверстывать’ лежит смысл ‘получать обратно (возвращать себе)’, который составляет суть их прямого значения: *to lose time* (потерять время = ‘перестать иметь время’) — *to recover* / *to regain time* (‘снова начать иметь время’). У фразового глагола *to make up* значение ‘наверстывать’, возможно, развилось из значения ‘восполнять’, ‘добавить то, чего не хватает’ [19] — ‘добавить недостающее время’. Глагол *to catch up* (‘догонять’), очевидно, отражает ту же метафору, что и русский глагол *нагонять* — *нагонять упущенное*, *нагонять по арифметике* и т.п.

11. Глагол *to steal*, подобно глаголам *терять* и *to lose*, может иметь значение ‘неправильное расходование времени’, при котором часть времени расходуется напрасно (*напрасно*$_3$), и значение ‘напрасная (*напрасно*$_1$) трата времени’. При этом первый актант глагола *to steal* может соответствовать: 1) тому, на что расходуется время (в ущерб интересам субъекта) — пример (117); 2) семантической роли «причина» — тó, что привело к этой ситуации, или тот человек, который своими действиями заставил другого человека потерять время — пример (118):

(117) *But this incurable loitering beside Bathsheba Everdene* <u>*stole*</u> *his time ruinously* (Thomas Hardy. Far from the Madding Crowd (1874)). Но он топтался, как на привязи, возле Батшебы Эвердин и упускал время (букв. ‘его праздное времяпровождение воровало его время’) [НКРЯ].

(118) *The Second World War which* <u>*had stolen*</u> *six years of his life was still no more than a threatening cloud on the horizon*. Вторая мировая война, укравшая из его жизни шесть лет, была не более чем грозовой тучей на горизонте [ABBY].

Аналогичное значение имеет глагол *to rob* ‘грабить’:

---

[19] “To supply what is lacking or deficient in; complete” [CED].

(119) *It was "fancy starch" that robbed them of their hard-won minutes* [20] (Jack London. Martin Eden (1909)). Фасонное белье пожирало их с трудом сэкономленные минуты [НКРЯ].

Еще одно значение глагола *to steal* тоже связано с перераспределением временного ресурса. Но в данном случае речь идет о намеренных действиях — о сознательном использовании времени или части времени, предназначенного на некоторый процесс или действие, для осуществления других задач. Семантика глагола *to steal* 'воровать, красть' изначально несет в себе идею незаконности, неправомерности действий субъекта. В интересующем нас значении эта «нелегитимность» проявляется в двух вариантах:

1. Субъект начинает использовать на какую-то цель время, которое должно быть использовано на осуществление жизненно важных для человека процессов — таких, как например, сон, отдых, еда и т.п.

2. Субъект начинает использовать на какую-то цель время, которое должно быть использовано на осуществление обязательных с его точки зрения [21] действий.

Примеры:

(120) *The hours which he steals from sleep are not lost* (Howitt, William) [VC]. Часы, которые мне удается урвать у сна, не тратятся напрасно.

(121) *And now, though I have dinner to get ready, I'll steal time to arrange you so that Edgar Linton shall look quite a doll beside you: and that he does* (Emily Brontë. Wuthering Heights (1847)). А теперь, хотя мне пора готовить обед, я урву часок и приведу тебя в такой вид, что Эдгар Линтон покажется рядом с тобою куклой: кукла он и есть! [НКРЯ].

(122) *She can almost always steal a few moments from her work at this time of day* (Mary Mapes Dodge. Hans Brinker or the Silver Skates (1865)). В этот час ей почти всегда удавалось на несколько минут оторваться от работы [НКРЯ].

---

[20] Вторая валентность глагола *to rob* — валентность объекта — может вводиться предлогом *of*.
[21] Или с точки зрения автора высказывания, если субъект глагола *to steal* не совпадает с субъектом речи и повествование ведется не с его позиций.

(123) *As if in review, her anchorite existence passed before her: six days of the week spent in the office and in journeying back and forth on the ferry; the hours stolen before bedtime for snatches of song at the piano* (Jack London. The Burning Daylight (1910)). Чем наполнены ее дни: шесть дней в неделю уходят на контору и на дорогу туда и обратно; перед сном иногда удается урвать часок-другой для игры на рояле [НКРЯ].

Есть, по-видимому, еще одно «временное» значение глагола — *to steal*, которое не отражено в словарях. Это значение не совпадает с предыдущим, и глагол в этом значении (в отличие от предыдущего случая) может стоять во временах Continuous. В данном употреблении активируется еще один семантический признак глагола *to steal* в его исконном значении ‘воровать, красть’ — ‘тайно; незаметно для других’ [22]:

(124) *The story begins on an afternoon when Edmund and Lucy were stealing a few precious minutes alone together* (Clive Staples Lewis. The Chronicles of Narnia. The Voyage of the ‘Dawn Treader’ (1952)). Наш рассказ начинается в послеобеденный час, когда Эдмунд и Люси украдкой проводили наедине несколько драгоценных минут [НКРЯ].

12. Глагол *to snatch* (‘хватать; вырывать’) во временном значении в некотором отношении близок по значению к глаголу *to steal* [23], и часто они оба переводятся на русский язык с помощью глагола *урвать*. Действительно этот глагол тоже обозначает использование части времени, отведенного для определенного вида деятельности, на совершенно другие цели. Примеры:

(125) *In intervals snatched between washing dishes, cleaning floors, making tea, she set down her story* (New York Times_Jul 6, 2010) [VC]. В те короткие минуты, которые ей удавалось урвать между мытьем посуды, мытьем полов, завариванием чая, она писала свой рассказ.

(126) *She only snatched a few moments to eat some supper* (Rowlands, Effie Adelaide) [VC]. Ей удалось выкроить несколько минут, чтобы съесть ужин.

---

[22] Эта сема присутствует и в других переносных значениях глагола, например: *The years steal by* ‘Годы незаметно проходят’; *She stole a glance at her watch* [CAD] ‘Она украдкой бросила взгляд на часы’, *She stole out of the house at midnight* [ID] ‘Она незаметно выскользнула из дома в полночь’ и т.п.

[23] Характерно, что одним из переносных значений этого глагола является значение ‘украсть’.

(127) *The little time that hangmen could snatch from professional duties was occupied in burning books* (Ingersoll, Robert Green) [VC]. То немногое время, что оставалось у палачей после их работы (букв. ‘время, которое они смогли вырвать из своей работы’), они занимались сжиганием книг.

Однако при сравнении этих глаголов оказывается, что для семантики глагола *to snatch* важными являются другие моменты, а именно:

1) то обстоятельство, что у человека появилась возможность использовать часть времени в своих целях, и он воспользовался этой возможностью. Это особенно очевидно в примерах типа *Let’s snatch a few hours of sleep*: речь идет именно о предложении воспользоваться возможностью поспать («to take when the chance presents itself» [WED]);

2) время, которое таким образом забирается у основного вида деятельности, очень незначительное.

13. Еще один глагол, использующийся для описания ситуаций перераспределения времени, — глагол *to spare*. Например:

(128) *By one of those whimsical coincidences in which Nature, like a busy mother, seems to spare a moment from her unremitting labours to turn and make her children smile, the girl now dropped the cloak, and forth tumbled ropes of black hair over a red jacket* (Thomas Hardy. Far from the Madding Crowd (1874)). И надо же, чтобы в эту самую минуту, — такие удивительные совпадения охотно подстраивает природа, точь-в-точь, как любящая мать, которая среди своих непрестанных хлопот, нет-нет да и пошутит с детьми, — девушка откинула плащ, и ее черные косы упали на красную жакетку [НКРЯ].

(129) *It had been the thought of all the moments he could spare from the hopeless investigation into Stein’s affairs* (Joseph Conrad. Lord Jim (1900)). Мысль об этом не оставляла его в те свободные минуты, какие он мог урвать, будучи занят безнадежным расследованием дел Штейна [НКРЯ].

(130) *Joan was at perfect liberty to spend with her friend every hour that either could spare from the day’s duties* (Kelly, Eleanor Mercein) [VC]. Джоана совершенно спокойно могла проводить со своим другом все то время, которое им удавалось высвободить.

(131) *The many hours that she could spare from the ordering of her small house she devoted to what she called the home-training of Dick Heldar*. Те часы досуга, что оставались у нее от хозяйственных забот и хлопот по дому, она посвящала тому, что она называла домашним воспитанием Дика Гельдара (The Light That Failed. Kipling, Joseph Rudyard) [ABBY].

(132) *The old woman, when this news reached her, wept for as long as she could spare time, and then set to work again*. Старуха, получив это известие, повыла, покуда было время, а потом взялась за работу (Хаджи-Мурат. Толстой, Л.Н.) [ABBY].

(133) *Sixteen and often eighteen hours comprised his working day, and out of them he had spared very few minutes for cookery* (Bindloss, Harold) [VC]. Его рабочий день длился 16, а иногда и восемнадцать часов, и из них на стряпню ему удавалось выделить считанные минуты.

Если глагол *to steal* вызывает ассоциацию с «неправомерностью» использования временного ресурса, предусмотренного на некоторую цель $У_1$, для реализации цели $У_2$, глагол *to snatch* ставит акцент на том, что появилась возможность реализации цели $У_2$, причем это не потребует много времени, то глагол *to spare* часто несет в себе идею экономности использования ресурсов любого рода. Одно из основных значений этого глагола — значение ‘экономить’:

(134) *Please try to spare the hot water* [WED]. Пожалуйста, постарайся не тратить много горячей воды (постарайся экономить горячую воду).

(135) *Spare yourself hours of teeth gnashing by using a fax modem that is on the Hardware Compatibility List (HCL) at www.microsoft.com/hcl.* Для экономии собственного времени воспользуйтесь факс-модемом, который указан в списке совместимых аппаратных средств по адресу www.microsoft.com/hcl [ABBY].

(136) *I ate no other supper, being resolved to spare my provisions as much as I could* (Gulliver's travels into several remote nations of the world. Swift, Jonathan). Ужин мои состоял из этого единственного кушанья, так как я решил по возможности беречь запас своей провизии [ABBY].

(137) *Spare your energy for some other work.* Приберегите силы для другой работы [APC].

Экономия ресурса [24] при использовании его на цель $У_1$ подразумевает возможность использования сэкономленного ресурса на другую цель — цель $У_2$:

X spared Z for $У_1$≈

Prsp: Для достижения цели $У_1$ субъекту X необходимо определенное количество ресурса Z;

Ass: Субъект X достиг цели $У_1$; Субъект использовал не все количество ресурса Z;

Impl: Оставшаяся неиспользованной часть ресурса Z может быть использована на цель $У_1$.

Так, если вам удастся решить какую-то задачу быстрее, сэкономив время с помощью факс-модема, у вас останется время на что-то еще. Если для поддержания жизни человека каждый день (цель $У_1$) нужно определенное количество пищи (ресурс Z), то при экономном расходовании этого количества останется некоторое количество пищи, которое можно использовать для жизнеобеспечения человека еще на один или два дня (дополнительная цель).

Соответственно, в отрицательных фразах мы имеем следующий смысл:

X spared no Z to / in $У_1$≈

Prsp: Для достижения цели $У_1$ субъекту X необходимо определенное количество ресурса Z;

Ass: Субъект X достиг цели $У_1$; субъект X использовал все количество ресурса Z [25] на цель $У_1$.

---

[24] Добиться экономии можно разными способами, например, можно сэкономить время, используя какие-то технические средства. Кроме того, часто для достижения какой-либо цели количество необходимых для этого ресурсов колеблется в определенных пределах — от минимального до максимального. Так, современному человеку в день требуется потреблять в среднем 2000 килокалорий и, соответственно, съедать каждый день определенный объем пищи. Но при необходимости человек без ущерба для здоровья может ограничить этот объем, сэкономив на питании.

[25] Все количество, которое имелось в наличии, или то, которое было предназначено для этой цели.

(138) *He had spared no expense in giving his son a thorough education* (Ellis, J. Breckenridge (John Breckenridge)) [VC]. Он не пожалел денег, чтобы дать своему сыну прекрасное образование.

(139) *There have been decorators and furnishers up from Plymouth, and it is evident that our friend has large ideas, and means to spare no pains or expense to restore the grandeur of his family* (Arthur Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles (1902)). Из Плимута приехали декораторы и меблировщики. Судя по всему, наш друг размахнулся очень широко и не пожалеет ни трудов, ни денег, чтобы восстановить былое величие своего рода [НКРЯ].

(140) *Things went badly with me: I didn't spare money, and I kept Matrona in hiding.* Плохо мне пришлось: и денег-то я не жалел, и Матрену-то прятал, — нет! (Записки охотника т.2. Тургенев, И.С.) [ABBY].

Нам представляется, что глагол *to spare* заключает в себе идею экономии в том ее аспекте, который означает «высвобождение» дополнительного ресурса. Неслучайно, прилагательное *spare* имеет значение 'лишний, свободный, дополнительный'.

Смысл 'сэкономить', как нам кажется, часто прослеживается и в интересующем нас значении перераспределения времени — назовем его условно 'выделить ресурс' (примеры (128) — (133)):

X spared Z from $У_1$ *to / in* $У_2$ ≈

Prsp: Для достижения цели $У_1$ необходимо определенное количество ресурса Z;

Ass: Субъект X достиг цели $У_1$; Субъект использовал не все количество ресурса Z; часть ресурса Z — Z_1 субъект X использовал на цель $У_2$.

Если сравнить два значения глагола *to spare* — значение 'экономить' и значение 'выделить ресурс', то оказывается, что они различаются только тем, что в первом случае мы имеем дело с возможностью использования сэкономленного ресурса на другую цель, а во втором — уже с реализацией этой возможности. Иными словами, в отличие от

других глаголов, которые мы описывали выше, глагол *to spare* представляет ситуацию, в которой ресурс, оставшийся после достижения цели $У_1$, был использован на достижение цели $У_2$. Часто эта ситуация является результатом разумного, рационального использования ресурса, которое позволило высвободить дополнительное (лишнее) его количество и, таким образом, решить еще какие-то дополнительные задачи. Кроме того, эта ситуация потребовала от субъекта особых усилий. Неслучайно, в этом значении глагол очень часто употребляется с модальным глаголом *can*.

Достижение какой-либо цели, решение какой-либо задачи предполагает использование разных ресурсов. В английской языковой картине мира к ресурсам относятся и время, и деньги, и материальные средства, и силы, и люди, и животные, и пространство [26]:

(141) *She knew Kossil did not want to spare a slave to this duty of watching the wall* (Ursula Le Guin. The Tombs of Atuan (1971)). Ей прекрасно было известно, что Кессил не хотела выделять рабов, и так немногочисленных, для совершенно бесполезной работы — охраны стены [НКРЯ].

(142) *"I'll need a few other things," Leo requested humbly. "I want all the quaddie pusher crews that can be spared from their regular duties, in addition to my own classes* (Falling Free. Bujold, Lois McMaster). — Пожалуйста, имейте в виду, — смиренно попросил Лео, — что мне нужны будут все квадди, включая и экипажи буксиров, которые удастся освободить от дежурств [ABBY].

(143) "*The oars are too big for you," said Peter shortly, not because he was cross but because he had no strength to spare for talking* (Clive Staples Lewis. The Chronicles of Narnia. Prince Caspian (1951)). Весла слишком велики для тебя, — коротко ответил Питер (не потому, что злился, просто у него не хватало дыхания (сил) для разговоров) [НКРЯ].

(144) *Not to mention bearers, all the money that could be spared were wanted for my mother* (Great Expectations. Dickens, Charles). Похороны и без того недешево обошлись, а те деньги, что остались, нужны были для матери [ABBY].

[26] См. примечание 2.

(145) *He asked if they could spare one of their horses to speed his journey* [FD]. Он спросил, не могут ли они выделить ему одну лошадь, чтобы ему побыстрее добраться до места.

(146) *…but when Amoraq and Kadlu next morning packed and lashed a little hand-sleigh for Kotuko, and loaded it with his hunting-gear and as much blubber and frozen seal-meat as they could spare, she took the pulling-rope, and stepped out boldly at the boy's side* (Rudyard Kipling. The Second Jungle Book: Other Stories (1895)). … но когда на следующее утро Аморак и Кадлу приготовили маленькие ручные санки и нагрузили на них все охотничьи принадлежности и то количество тюленьего жира и мороженого мяса, которое могли выделить сыну, она взялась за постромку и зашагала рядом с Котуко [НКРЯ].

Глагол *to spare*, в тех случаях, когда он обозначает передачу свободной части своего ресурса другому лицу (см., например, предложение (146)) или на другую цель, часто переводится на русский язык глаголом *выделять*, однако, как нам кажется, в русском глаголе отсутствует идея «высвобождения» дополнительного ресурса, во всяком случае, она не является обязательной. В большинстве контекстов идет речь просто о предоставлении некоторого ресурса в чье-то пользование или для какой-нибудь цели. Другой русский переводной эквивалент глагола *to spare* — глагол *уделять*, тоже отличается в этом отношении от английского предиката. Характерная особенность английского глагола заключается в том, что он вводит в рассмотрение сразу два аспекта: 1) субъект X имея в своем распоряжении ресурс Z_1, может решить свою задачу без использования этого ресурса; 2) субъект X передает свой свободный ресурс Z_1 другому субъекту. И во многих фразах, акцент ставится именно на наличии этого свободного ресурса, а в отрицательных — подчеркивается его отсутствие:

(147) *I cannot spare time from business*. Я не могу оторваться от дел [АРС].

Дела поглощают все время человека, у него не остается свободного времени.

(148) *I will devote every day of my life to the search. Mother can spare me now. You are rich, mynheer. Send me where you will* (Mary Mapes Dodge. Hans Brinker or the Silver

Skates (1865)). Каждый день своей жизни я посвящу его поискам. Теперь мать может обойтись без меня. Вы богаты, мейнхеер. Посылайте меня куда хотите [НКРЯ].

У матери героя для решения ее задач теперь нет необходимости в сыне — она «высвобождает этот ресурс», «этот ресурс» может использоваться для других целей.

(149) *Good lack; and your news, that Mr. St. John is going to Holland; he has no such thoughts, to quit the great station he is in; nor, if he had, could I be spared to go with him* (Journal to Stella. Swift, Jonathan). Что касается ваших новостей, будто мистер Сент-Джон собирается в Голландию, то у него и в мыслях нет оставить свой высокий пост, а если бы и было, то я все равно не поехал бы с ним, потому что во мне нуждаются здесь [ABBY].

Главный герой не является «свободным ресурсом», который можно передать в другие руки или на достижение других целей — он необходим для выполнения той работы, которой он сейчас занимается, в нем нуждаются, без него не могут обойтись.

(150) *He had the greatest mind in the world to have me go with him to France, but durst not tell it me; and those he did, said I could not be spared, which was true*. Его самым заветным желанием было, чтобы я поехал с ним во Францию, однако он не решался высказать его мне, а те, кому он об этом говорил, отвечали, что не могут без меня обойтись, и это истинная правда [ABBY].

Следует, однако, отметить, что в вопросительных фразах, выражающих косвенный речевой акт просьбы, смысл ‘субъект X имея в своем распоряжении ресурс Z_1, может решить свою задачу без использования этого ресурса’ отступает на задний план, и глагол *to spare* оказывается очень близок русским глаголам *уделить* и *выделить*, например:

(151) *Tell me, can you spare me another ten minutes? But now, this minute* ... Скажите: можете вы уделить мне еще десять минут, но теперь же, сейчас же… (Бесы. Достоевский, Фёдор) [ABBY].

(152) *“Can’t he spare time to see me? ”said Alexey Alexandrovitch*. — Не может ли он найти время? — сказал Алексей Александрович (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)) [НКРЯ].

Если речь идет о расходовании времени, то наиболее близким к английскому глаголу оказывается глагол *выкроить*:

(153) *I can't spare the time for a holiday.* Я не могу выкроить время на отдых [АРС].

Однако этот русский предикат довольно редко используется как переводной эквивалент английского *to spare*, поскольку у него на поверхностно-синтаксическом уровне имеют выражение только три валентности — субъект, объект и цель (*X выкроил Z на* $У_2$), а у английского глагола поверхностно-синтаксическая реализация есть у всех четырех валентностей (*X spared Z from* $У_1$ *to* / *in* $У_2$). Соответственно, там, где в английском предложении валентность источника реализована, перевод с помощью *выкроить* невозможен.

14. Глагол *to save* имеет несколько интересных для нас значений. В одном из них этот глагол является антиподом глагола *to lose*. Если *to lose* описывает «лишнее расходование времени», т.е. ситуации, в которых достижение цели потребовало большего временного ресурса, чем следовало бы, то *to save* используется для отсылки к ситуациям, в которых цель была достигнута за меньшее, чем предполагалось или чем бывает при обычном течении событий, время:

(154) *We lose three hours but we* save *six later* on (Islands In The Stream. Hemingway, Ernest). Три часа мы потеряем, зато потом шесть выгадаем [ABBY].

(155) *Traveling by plane is more expensive, but it saves time* [MD]. Лететь самолетом дороже, но это экономит время.

(156) *"Look out for me tomorrow," he whispered; "three o'clock. I'll wait for you in the road; it'll save time"* (John Galsworthy. In Chancery (1920)). — Ждите меня завтра, — шепнул он, — в три часа я буду встречать вас на дороге, чтобы сэкономить время [НКРЯ].

(157) *But he made straight for the door, crossing the roadway to save time; and as he came, he drew a key from his pocket like one approaching home* (Robert Louis Stevenson. The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde (1886)). Неизвестный направился прямо к двери,

перешел мостовую наискосок, чтобы сберечь время, и на ходу вытащил из кармана ключ, как человек; возвращающийся домой [НКРЯ].

(158) *Forty minutes, if you're lucky. I'm going to put you across in twenty minutes. If that ain't making two minutes grow where one grew before, knock off my head with little apples. I'll save you twenty minutes each way* (Jack London. The Burning Daylight (1910)). Сорок минут. А я вас переправлю в двадцать минут. Вот и вырастут две минуты вместо одной, скажете, нет? Я вам сберегу двадцать минут в один конец [НКРЯ].

Аналогичное значение имеет глагол *to economize*:

(159) *Time is now economized by having the names read once only* (Wells, Joseph) [VC]. Теперь время экономится за счет того, что имена читаются только один раз.

(160) *How to economize time and energy should be a prominent feature of every practical lesson* (Ontario. Ministry of Education) [VC]. Основным свойством любого практического занятия должен быть вопрос, как сэкономить время и силы.

Сэкономить время можно не только путем ускорения процесса достижения цели с помощью тех или иных способов (таких, как, например, передвижение на экспрессе, а не на обычном поезде), но и путем отказа от действий или несовершения действий, которые не являются обязательными для решения поставленной задачи, которые не приближают человека к его цели:

(161) *Most information workers would gladly pay a modest sum to save a couple of hours a week by not having to retype notes, look for lost pieces of information, or make up for someone else's omission to carry out a crucial action item*. Большинство людей, работающих с информацией, охотно заплатили бы немалую сумму за то, чтобы сэкономить несколько часов в неделю и не перепечатывать заметки, не искать потерянные сообщения или не исправлять чьи-либо ошибки (букв. 'сэкономить пару часов в неделю на том, что им не нужно больше перепечатывать заметки, не искать потерянные сообщения,..') [ABBY].

См. аналогичный пример с глаголом *to economize:*

(162) *A lot of companies are trying to economize by not taking on new staff* [CAD]. Многие компании стараются сэкономить, не принимая на работу новых сотрудников.

Глагол *to save* в значении ‘экономить’ так же, как и глагол *to spare*, может относиться к расходованию разных ресурсов — таких, как деньги, материалы, пространство, силы и т.п.:

(163) *Oh, I gave them as much as they asked for-five hundred acres of barren land. I saved a lot on taxes* (Graham Greene. The Power and the Glory (1940)). Я отдал все, что от меня потребовали, пятьсот акров пустоши. И сэкономил на налогах [НКРЯ].

(164) *He refused to believe either that food would become more plentiful or that the windmill would save work* (George Orwell. Animal Farm (1945)). Он не верил ни в грядущее изобилие, ни в экономию труда, которую якобы даст ветряная мельница [НКРЯ].

(165) *This saves considerable disk space and gives Microsoft technical support a more compact file to examine in the event of a crash* (Inside Windows Server 2003. Boswell, William). При этом можно сэкономить достаточно большой объем дискового пространства, а технические специалисты компании Microsoft получат более компактный файл для диагностики отказа системы [ABBY].

(166) *If we go by this road we can save half a mile.* Если мы пойдем этой дорогой, мы выгадаем полмили [APC] [27].

Глаголы *to save* и *to spare*, таким образом, оба имеют значение ‘экономить’. Однако, как представляется, они отличаются друг от друга одним существенным моментом. Глагол *to spare*, как уже отмечалось, ставит акцент на «высвобождении» дополнительного ресурса, отсюда значение ‘выделить ресурс’, см. выше. А глагол *to save* ставит акцент на «сбережении» ресурса, с этим связано, например, его значение ‘приберегать’:

(167) *Save your strength, Ben, you will need it soon* (Mary Mapes Dodge. Hans Brinker or the Silver Skates (1865)). Береги свои силы, Бен, скоро они тебе понадобятся [НКРЯ].

[27] Мы таким образом сэкономим время и силы, которые нам потребовались на прохождение половины мили.

(168) *They saved their ammunition until they could see clearly what they were shooting at* (Kurt Vonnegut. Hocus Pocus (1990)). Они берегли боеприпасы и готовились стрелять только по видимой цели [НКРЯ].

Ср. следующие предложения:

(169) *I ate no other supper, being resolved to spare my provisions as much as I could* (Gulliver's travels into several remote nations of the world. Swift, Jonathan). Ужин мои состоял из этого единственного кушанья, так как я решил по возможности беречь запас своей провизии [ABBY].

(170) "*Don't you want to eat something?" No. I'll be hungry in a little while. We'll save it till then* (Ernest Hemingway. Farewell to Arms (1929)). Ты бы съела что-нибудь. Нет. Я пока еще не голодна. Надо приберечь еду на то время, когда я проголодаюсь [НКРЯ].

В первом предложении речь идет о том, чтобы растянуть запас провизии на как можно большее время, во втором — не тратить еду до определенного времени.

Ср. также примеры (171) и (172):

(171) *Joan was at perfect liberty to spend with her friend every hour that either could spare from the day's duties* (Kelly, Eleanor Mercein) [VC]. Джоана совершенно спокойно могла проводить со своим другом все то время, которое им удавалось высвободить.

(172) *Voracious reader as Scott was, he had to economize time somewhere, and the hours saved from papers could be given to books* (Ball, Margaret) [VC]. Скот, будучи совершенно фанатичным любителем чтения, вынужден был экономить время, где только мог, и в часы, которые ему удавалось освободиться от занятий бумагами, он отдавал книгам.

В русских переводах обоих примеров использованы однокоренные глаголы — *высвободить* (время) и *освободиться* (от занятий). Однако, на наш взгляд, выражения *the hours spared from smth* и *the hours saved from smth* описывают разные ситуации. В (172) сообщается о том, что герой «высвободил» время за счет того, что какое-то время просто не стал (или перестал) заниматься бумагами, в (171) время для встреч Джоаны и ее друга освобождается без ущерба для их обязанностей. Иными словами, и в данном случае

глагол *to spare* акцентирует «высвобождение» дополнительного ресурса, а глагол *to save* — сбережение имеющегося ресурса (сберечь, не потратить (!)). См. ниже очень показательный пример, в котором очень ярко проступает именно это свойство глагола *to save*:

(173) *If it won't, you should consider taking the money* saved on *the secondary processor and upgrading the primary processor* (Microsoft® Windows® Server 2003 Insider Solutions. Morimoto, Rand H., Abbate, Andrew, Kovach, Eric, Roberts, Ed.). Если приложение неспособно использовать дополнительные процессоры, тогда вместо того, чтобы тратить деньги на дополнительный процессор, лучше установить более мощный основной процессор [ABBY] ('вам следует подумать о том, чтобы взять деньги, которые не будут потрачены на покупку дополнительного процессора, и усовершенствовать основной процессор').

15. Экономия может получать и отрицательную оценку. Это происходит в тех случаях, когда она основывается на использовании для достижения цели недостаточного количества ресурса, что приводит к неудовлетворительным результатам. Одним из глаголов, описывающих именно такие ситуации, является глагол *to skimp* [28]:

(174) *Most managers skimp on time and energy needed to find the best candidates for a job* (Inc_Jan 15, 2011) [VC]. Многие менеджеры экономят время и силы ['экономят на времени и силах'], которые нужны для поиска самых лучших работников.

(175) *Scientists have known for years that skimping on sleep is associated with weight gain* (New York Times_Apr 26, 2010) [VC]. Ученые выяснили, что набор веса связан с недосыпанием ('экономией на сне [29]').

Ср. рус. *экономить на еде, на питании* (недостаточное или некачественное питание), *на освещении* (недостаточное освещение), *на качестве* (низкое качество) и т.п.:

[28] Как и большинство других английских предикатов, он относится к расходованию ресурсов разного рода.
[29] Сон, как и еда, являются ресурсами для поддержания жизни.

(176) — *Вообще говоря, все те, кто тотально зависит от родителей, — вздохнула я, — экономят на питании* (Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)) [НКРЯ].

Речь в данном случае идет не об экономии денег, а о скудности, о недостаточном количестве или неудовлетворительном качестве питания.

(177) *Какая мука — экономить на питье, не разрешать себе в жаркий день выпить стакан кваса!* (Сергей Есин. Марбург (2005)) [НКРЯ].

(178) *Просто не надо быть скупердяем и не экономить на заварке* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)) [НКРЯ].

И глаголы *to save* и *to economize* тоже используются для описания подобных ситуаций, например:

(179) *Don't* save *your time on learning, and your efforts will be rewarded*. Не жалейте времени для этого и ваши усилия принесут достойные плоды [ABBY].

См., также толкование глагола *to economize* в [WK]: 1.To practice being economical (by using things sparingly or in moderation, and by avoiding waste or extravagance). 2. To be frugal. Таким образом, экономия может достигаться разумным путем — путем избавления от лишних затрат, а может — путем урезания затрат до минимально допустимых. Показательно использование наречия *sparingly* при описании первого значения, и прилагательного *frugal* — при описании второго. См. определение прилагательных *sparing* и *frugal* в словаре APCC: «Если человек характеризуется как *sparing*, то это значит, он совершенно не допускает излишеств, но если его называют *frugal*, могут иметь в виду, что он лишает себя необходимого» [APCC, 407].

16. Еще один глагол, противопоставленный английскому *to lose* в значении «лишнее расходование времени», — глагол *to gain*, например, *to gain time by taking a short cut* 'выиграть время, если пойти кратчайшим путем' [APC]. В русском языке мы имеем такую же пару *терять — выигрывать*. Примеры:

(180) *Two hours later, Kit's ton was across the lake, and he had gained three days on himself* (Jack London. Smoke Bellew (1912)). Через два часа Кит находился уже на другом берегу озера, выиграв целых три дня [НКРЯ].

(181) *He bought, for example, a common edition of Horace, of which he tore off gradually a couple of pages, carried them with him to that necessary place, read them first, and then sent them down as a sacrifice to Cloacina: this was so much time fairly gained; and I recommend you to follow his example* (Philip Stanhope, 4th Earl of Chesterfield. Letters to His Son by the Earl of Chesterfield, on the Fine Art of Becoming a Man of the World and a Gentleman (1746-1749)). Он покупал какое-нибудь дешевое издание Горация, вырывал из него страницы две и уносил их с собою в нужник, где сначала читал их, а потом уже приносил в жертву Клоацине: этим он сберег немало времени, и я рекомендую тебе последовать его примеру [НКРЯ].

Еще одно значение глагола *to gain*, с дополнением, обозначающим временной интервал также объединяет его с русским *выигрывать* 'выждать; затянуть что-л., дожидаясь более благоприятных условий для достижения чего-л.' [БТСРЯ]:

(182) *"Well, what did I say?" she countered, merely to gain time* (An American Tragedy. Dreiser, Theodore). — А что я такое говорила? — возразила Гортензия только для того, чтобы выиграть время [ABBY].

(183) *Mrs.Nupkins's tears continued to gush forth, with great velocity, until she had gained a little time to think the matter over* (Charles Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club (1836-1837)). Слезы миссис Напкинс продолжали струиться с большой стремительностью, пока она выгадывала время ('пыталась выиграть время'), чтобы обдумать создавшееся положение [НКРЯ].

Аналогичное значение мы находим у глагола *to play*, *to stall*, управляющими дополнением с предлогом *for* [30], у глаголов *to win* и *to buy*:

(184) '*Let me in.' 'What? ' He was playing for time I could tell* (Helen Fielding. Bridget Jones's Diary (1996)). — Впусти меня. — Что? Он явно пытался выиграть время [НКРЯ].

[30] *To play for* — 'играть на что-либо (на деньги и т.п.)'.

(185) *If they're buying time to clean up their mess, that might include getting rid of us* (Ice Hunt. Rollins, James). Уж коли они хотят выиграть время, чтобы разобраться с какими-то серьезными проблемами, то почему бы им в первую очередь не убрать нас? [ABBY].

(186) *And to top everything off, there were the protective amulets on the bandits, which had won them time.* И в довершение всего защитные амулеты на бандитах, позволившие им выиграть время (Последний Дозор. Лукьяненко, Сергей) [ABBY].

17. В английском языке есть целая группа фразовых глаголов, которые описывают ситуации «придерживания» ресурса — в основном, денег: человек не тратит имеющийся у него ресурс, приберегая его на какую-то цель в будущем. Это глаголы *lay away*, *lay by*, *place aside*, *put apart*, *put aside*, *put away*, *put by*, *set apart*. *set aside*, *set by* и некоторые другие:

(187) *His salary has never been large enough for him to lay anything by for a rainy day*. Он никогда не зарабатывал достаточно, чтобы отложить что-нибудь на черный день [APC].

(188) *He regularly put by two shillings a week.* Он аккуратно откладывал по два шиллинга в неделю [APC].

(189) *Every week I put aside some money for a new TV* [CAD]. Каждую неделю я откладываю деньги на новый телевизор.

Некоторые из перечисленных глаголов развили на этой основе значение, которое в первом приближении можно сформулировать так: освободить (или не занимать) какую-то часть времени или пространства для определенной цели. Точного русского эквивалента для данного случая, по-видимому, нет. В некоторых контекстах возможен перевод с помощью глагола *выделять*, в других — *посвящать*, *освобождать*. Схожее употребление имеет глагол *to reserve*. Примеры:

(190) *He tries to put some time aside every evening to read to the kids* [CAD]. Он старается каждый вечер выделить время для того, чтобы почитать детям.

(191) *Having a desire to see those ancients who were most renowned for wit and learning, I set apart one day on purpose. Gulliver's travels into several remote nations of the world* (Swift, Jonathan). Желая увидеть мужей древности, наиболее прославившихся умом и познаниями, я посвятил этому особый день [ABBY].

(192) *I've laid aside the whole weekend for househunting* [РК]. Я посвятил все выходные поиску дома.

(193) *I set the whole afternoon by for work on the book* [РК]. Я посвятил весь день работе над книгой.

(194) *As the diagnostic assessment includes a range of tests, set aside the morning or afternoon depending on when your appointment has been scheduled* (http://www.health.nsw.gov.au 12/1/2011). Поскольку диагностическая оценка включает в себя ряд проверок, освободите утро или вторую половину дня, с учетом времени приема [ABBY].

(195) *When Nikolai Petrovich had divided his estate with his peasants, he had to set aside for his new manor house four acres of entirely flat and barren land.* Когда Николай Петрович размежевался с своими крестьянами, ему пришлось отвести под новую усадьбу десятины четыре совершенно ровного и голого поля (Отцы и дети. Тургенев, И.С.) [ABBY].

(196) *Vaguely somewhere in the world a great region is to be set apart* (The Food of the Gods. Wells, Herbert George). В каком-нибудь уголке земного шара выделят достаточно места [ABBY].

(197) *The period after lunch is usually reserved for bicycle riding* (New York Times Feb 18, 2012) [VC]. Время после ланча обычно было занято катанием на велосипеде.

18. Предикаты, обозначающие процессы расходования разного рода ресурсов, в разных языках представлены разным количеством единиц. Если сравнивать, например, русский и английский языки, то в английском таких единиц намного больше. Много подобных предикатов и во французском языке. В частности, это предикаты, которые имеют значение 'тратить, расходовать' в своих переносных употреблениях.

18.1. Первый класс таких глаголов представлен предикатами, у которых интересующее нас значение возникло в результате семантического перехода ‘уничтожать’, ‘убивать’, ‘разрушать’ → ‘тратить’ [31]. В некоторых случаях имеет место семантический сдвиг ‘уничтожать’, ‘убивать’, ‘разрушать’ → ‘тратить напрасно’.

18.1.1. Примером предикатов такого рода является французский глагол *consumer.* Исходное значение глагола — ‘уничтожать’ (1120—1150) [PR; L; TLFI]:

(198) *Le feu* <u>*consuma*</u> *ce grand édifice en moins de deux heures* [EL]. Огонь уничтожил это большое здание меньше чем за два часа.

(199) *La rouille* <u>*consume*</u> *le fer* [EL]. Ржавчина разъедает железо.

На базе значения ‘уничтожать’ развилось (XV—XVI вв.) переносное значение ‘тратить’:

(200) *Il* [le duc] <u>*avait consumé*</u> *un milion dans l’achat de la cité miniature... Il ne le regrettait pas* (MORAND, Fin de siécle, 1957, p. 190) [TLFI]. Он потратил миллион на покупку маленького городка, и не сожалел об этом.

(201) *Les rois égyptiens* <u>*consumaient*</u> *ainsi leur existence à préparer leur tombeau* (ESTAUNIÉ, L'Empreinte, 1896, p. 265) [TLFI]. Египетские цари таким образом всю жизнь тратили на изготовление своей гробницы.

(202) *J’*<u>*ai consumé*</u> *tout mon temps à cet ouvrage* [AD8]. Все свое время я потратил на эту работу.

Глагол *consumer* обычно несет коннотацию сожаления по поводу описываемого положения дел, в частности, в связи с неразумным или неоправданно большим расходованием средств. См., например, комментарий Э.Литре в словарной статье глагола *consommer* по поводу постоянного смешения этих двух глаголов: «consumer ne présente qu’une destruction pure et simple, abstraction faite de tout autre rapport. Une cheminée qui consomme beaucoup de bois est une cheminée où l’on fait grand feu ; une cheminée qui consume beaucoup de bois est une cheminée mal construite où l’on brûle plus de bois qu’il ne

[31] Иными словами, это глаголы, у которых наличие смысла ‘уничтожать’ явилось основой для возникновения переносного значения ‘тратить’.

faut pour produire une certaine quantité de chaleur» [EL]. Правда, далее он пишет о том, что у Вольтера, например, глагол *consommer* используется иначе.

18.1.2. Аналогичную картину дает функционирование английского глагола *to consume* [32]. В большинстве английских словарей этот глагол в интересующем нас значении толкуется с помощью глаголов *to waste*, *to squander*, *to spend wastefully* [AHD;CED;MWD;ID], т.е. акцентируется смысл ‘ресурс расходуется напрасно (впустую)’ [33].

Анализ языкового материала показывает, однако, что глагол *to consume* часто не несет смысл ‘тратить напрасно’. Скорее, можно предположить, что этот предикат передает нечто вроде сожаления по поводу того, что на осуществление определенной цели пришлось затратить такое (неоправданно большое) количество ресурса, ср. описание компонента ‘жалко’ для русского глагола *тратить* в [6, 451]. Английский глагол имеет две модели управления:

1. *X consumed Y on / in Z / by Z* = ‘Субъект X использовал ресурс У на Z’;

2. *Z consumed Y* = ‘Ресурс Y был использован на Z’. Примеры:

(203) *Some harpooneers <u>will consum</u>e almost an entire morning in this business, carrying the line high aloft and then reeving it downwards through a block towards the tub, so as in the act of coiling to free it from all possible wrinkles and twists* (Herman Melville. Moby-Dick (1851)). Иной раз гарпунеры убивают на это дело целое утро, натягивая линь высоко на снастях и пропуская его вниз через блок, чтобы при сворачивании он нигде не перекрутился и не запутался [НКРЯ].

(204) *Since three hours <u>were consumed</u> by making camp at night and cooking beans, by getting breakfast in the morning and breaking camp, and by thawing beans at the midday halt, nine hours were left for sleep and recuperation* (Jack London. The Burning Daylight (1910)). Три часа требовалось на устройство ночлега и приготовление ужина, на утренний завтрак

[32] См. примечание 3.
[33] В некоторых словарях нет подобного указания, но отмечается, что глагол описывает расходование ресурса в большом объеме, см., напр., [CAD].

и сборы, на оттаивание бобов во время привала в полдень; девять часов оставалось для сна и восстановления сил [НКРЯ].

(205) *Three hours were consumed in cooking, repairing harnesses, and making and breaking camp, and the remaining nine hours dogs and men slept as if dead* (Jack London. The Burning Daylight (1910)). Три часа уходило на стряпню, починку упряжи, на то, чтобы стать лагерем и сняться с лагеря; оставшиеся девять часов собаки и люди спали мертвым сном [НКРЯ].

(206) *These preparations had not consumed a great deal of time, but the sleeping Gargoyles were be-ginning to wake up and move around, and soon some of them would be hunting for their missing wings* (L. Frank Baum. Dorothy and the Wizard in Oz (1908)). На подготовку ушло не так уж много времени, но спавшие до сих пор Гаргойли начали уже просыпаться, зашевелились и должны были с минуты на минуту обнаружить пропажу крыльев [НКРЯ].

(207) *Writing consumed much of his time* [MWD]. У него уходит много времени на письмо.

(208) *a project that consumed most of my time and energy* [AHD] проект, который отнял у меня много времени и сил.

(209) *Weekend shopping chores consumed much of her time* [CAD]. Походы по магазинам по выходным отнимали у нее очень много времени.

(210) *With trading consuming most of your day, not to mention night, is it still fun?* (The New Market Wizards: Conversations with Americ's Top Traders. Schwager, Jack D. © 1992 by Jack D. Schwager). Даже с учетом того, что торговля поглощает большую часть вашего дня, не говоря уж о ночах, она все равно доставляет вам удовольствие? [ABBY].

Заметим, что функционирование глагола *to consume* тоже свидетельствует о том, что по сравнению с русским языком в английской языковой картине мира в число ограниченных ресурсов попадает бóльшее количество сущностей. Таким ресурсом является, например, пространство:

(211) *Alex put the bed together and by the time he'd pushed it against the exposed-brick wall (Manhattan code for "unfinished wall") it had consumed the entire room* (Lauren Weisberger. The Devil Wears Prada (2003)). Алекс собирал кровать, и когда ему удалось-таки установить ее напротив «намеренно неоштукатуренной» кирпичной стены (на Манхэттене так называют недоделанные стены), она заняла все пространство [НКРЯ].

(212) *In addition, the slide trays consume a lot of laboratory working space while the slides are being laid out* (http://www.patentlens.net/ 17.10.2011). Кроме того, планшеты при раскладке занимают большую площадь в лаборатории [ABBY].

18.1.3. Другой подкласс глаголов, демонстрирующих семантический переход 'уничтожать', 'убивать', 'разрушать' → 'тратить' представлен французским глаголом *dissiper* и английским глаголом *to dissipate*. Оба глагола восходят к латинскому глаголу *dissipare* (английский глагол образован от страдательного причастия *dissipatus*), и, возможно, воспроизводят соответствующий семантический переход, зафиксированный в латинском глаголе [34]. Значение 'уничтожать', в свою очередь, является производным от смысла 'разбрасывать; рассеивать' — разделение объекта на части ассоциируется с его уничтожением [35], т.е. здесь мы имеем семантический переход 'разбрасывать; рассеивать' → 'разрушать' → 'тратить'.

18.1.3.1. У французского глагола *dissiper* значение 'уничтожать' датируется 1170 годом, значение 'тратить' — 1350 годом. Примеры:

(213) *Un jour que nous avions réussi à dissiper et à chasser devant nous une troupe assez nombreuse, j'atteignis un Cosaque resté en arrière, et j'allais le frapper de mon sabre turc, lorsqu'il ôta son bonnet, et s'écria* (La Fille Du Capitaine. Pouchkine, Alexandre). Однажды, когда удалось нам как-то рассеять и прогнать довольно густую толпу, наехал я на казака, отставшего от своих товарищей; я готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал [ABBY].

---

[34] См. ЛРС.

[35] См. о втором и третьем значении русской приставки *рас-* в [5, 252—253]: (2) рассредоточенность, рассеяние; (3) уничтожение путем этого рассеяния.

(214) *Le soleil dissipait le brouillard: nous voyions, à trois quarts de lieue environ sur notre droite, une vieille ville, les toits en pointe...* (ERCKMANN-CHATRIAN, Le Conscrit de 1813, 1864, p. 99) [TLFI]. От солнца туман постепенно рассеивался: в трех четвертях милях, справа от нас, был виден маленький городок, с островерхими крышами домов.

(215) *Elle avait pris le bouquet de violettes, elle le respirait pour dissiper sa fièvre* (Le Rève**.** Zola, Emile). Она взяла букетик фиалок и вдыхала их запах, чтобы унять беспокойную дрожь [ABBY].

В значении ʻтратить’ глагол *dissiper* содержит компонент ʻнапрасно$_3$, на недостойные цели’ или ʻнапрасно$_1$; впустую’.

(216) *Ce que madame Gerdy devait à la générosité de mon père a été presque entièrement dissipé* **(**L'affaire Lerouge. Gaboriau, Emile). Почти все, чем госпожа Жерди была обязана щедрости моего отца, уже прожито [ABBY].

(217) *Les jeunes gens, qui ne savaient à quoi employer leurs forces,* (...) *les dissipaient dans les plus étranges excès* (BALZAC, Illus. perdues, 1843, p. 463) [TLFI]. Молодые люди, которые не знали, чем им заняться, и предавались всяким излишествам (‘тратили свои силы на излишества’).

(218) *Diderot vieillissant se demandait s'il avait bien employé sa vie et s’il ne l’avait point dissipée* (SAINTE-BEUVE, Caus. lundi, t. 3, 1863—69, p. 311) [TLFI]. Дидро, старея, часто задавал себе вопрос, правильно ли он распорядился своей жизнью, не прожил (‘не потратил’) ли он ее бесполезно.

Следует заметить, что возможность употребления того или иного глагола в значении ʻтратить (время, энергию, силы)’ без указания, на что или как был потрачен ресурс, определяется наличием в его семантике компонента ʻнапрасно, на недостойные цели’ или ʻнапрасно; впустую’ [36].

18.1.3.2. Как отмечают английские толковые словари, глагол *to dissipate* используется в значении ʻтратить’ с дополнительными смысловыми компонентами

[36] Ср. выше замечания об употреблении *just* (*just a waste of time*), *such* (*such a waste of time*), *sheer* (*sheer waste of time*), *only* (*only waste of time*).

‘неразумно’ [37], ‘напрасно’ и, соответственно, часто отягощено смыслом ‘жалко’. Примеры:

(219) *This brother Nikolay was the elder brother of Konstantin Levin, and half-brother of Sergey Ivanovitch; a man utterly ruined, who had dissipated the greater part of his fortune*. Брат Николай был родной и старший брат Константина Левина и одноутробный брат Сергея Ивановича, погибший человек, промотавший бóльшую долю своего состояния (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)) [НКРЯ].

(220) *Hence energy needed for pastoral and pulpit work is dissipated in the effort to make a living* [VC]. И энергия, которая была нужна для деятельности пастыря и проповедника, тратилась на то, чтобы заработать деньги на жизнь.

(221) *At present he dissipates his life in a specious idleness, which neither improves himself nor his friends* (Johnson, Samuel) [VC]. А сейчас он бесполезно тратит свою жизнь (‘уничтожает / тратит жизнь в праздности’), что не делает лучше ни его, ни его друзей.

(222) *Too quick-witted to fall into sloth, too proud to become drunkards or gluttons, they dissipated their lives in conversation and stained their souls with intrigue* (Lowell, Edward J.) [VC]. Слишком умные, чтобы ничего не делать, слишком гордые, чтобы стать пьяницами или обжорами, они тратили жизнь на разговоры и губили души интригами.

18.1.3.3. Еще одно значение глагола *to dissipate* представлено в примерах (223) — (224):

(223) *Without work, without hobby, ... and cursed with inglorious leisure, they simply dissipated time until they should pass into eternity* (Setoun, Gabriel) [VC]. Без работы, без любимого занятия,...страдающие от того, как бесславно они проводят свой досуг, они просто «убивали» время до тех пор, пока не наступит момент перехода в вечность.

(224) *At any rate, they served to dissipate time,—heavy, weary time,—the more heavy and weary as it bore dark foreshadowings of some momentous event* (Various) [VC]. Во

[37] Этот же компонент лег в основу и другого значения английской лексемы — значения ‘кутить; вести распутный образ жизни’.

всяком случае это помогало пережить время — тяжелое, тоскливое — тем более тяжелое и тоскливое, что оно предвещало какое-то важное событие.

18.1.4. Последнее значение глагола *to dissipate* сближает его с глаголом *to kill*. Ср.:

(225) *Probably just killing time before his girlfriend finished up her $10,000 per day modeling assignment and made her way over* (Lauren Weisberger. The Devil Wears Prada (2003))_Может, он просто хочет убить время, пока его подружка завершит дефиле, за которое ей платят по десять тысяч долларов в день, и соберется уходить? [НКРЯ].

(226) *The train was late, so I killed an hour or so window-shopping* [CAD]. Поезд опаздывал на час с лишним, поэтому, чтобы убить время, я принялась рассматривать витрины (букв. ‘убила час, рассматривая витрины’).

(227) *We killed some time playing cards while we waited for the flight* [CAD]. Чтобы как-то убить время до посадки в самолет, мы несколько раз сыграли в карты.

Значение глагола *to kill* в подобных употреблениях можно в первом приближении сформулировать следующим образом:

X killed Y before Z W-ing ≈

1) субъект X ожидает наступление события Z;

2) до наступления события Z у него в распоряжении оказался временной ресурс в размере У;

3) субъект X использовал время У на осуществление деятельности или процесса W;

4) субъект X мог провести время У с бóльшей пользой для себя;

5) субъект X не смог более разумно распорядиться этим временным ресурсом либо потому что времени У было недостаточно для того, чтобы осуществилось какое-то полезное для субъекта X действие или процесс, либо потому что для такого полезного действия или процесса не было соответствующих условий.

Заметим, что и здесь наличествует компонент ‘жалко’. Но если у глаголов *to waste* и *to dissipate* в значении ‘тратить’ этот компонент связан со смыслом ‘неразумное расходование ресурсов’, то в данном случае нельзя говорить о неразумном,

неправильном расходовании времени. Неразумное использование времени предполагает сознательный выбор субъекта действовать тем или иным способом. Сожаление, которое ощущается во фразах типа *I killed time reading a novel*, *J killed a few hours before the flight by sightseeing*, вызвано не тем, что действие, на которое было потрачено время, является недостойным занятием — чтение романа и осмотр достопримечательностей вряд ли можно расценивать как напрасную трату времени. Чувство сожаления обусловлено тем, что субъект не планировал эти действия — он был поставлен в условия, при которых такой драгоценный ресурс, как время, надо было каким-то образом «потратить», и при других обстоятельствах он потратил бы это время на более насущные для него цели.

Аналогично используется во французском языке глагол *tuer* [38]:

(228) *Je ne sais pas comment tuer le temps avant mon rendez-vous et m'assois devant les grilles du jardin des Tuileries* (Saga. Benacquista, Tonino). Не зная, как убить время до назначенной встречи, сажусь возле ограды парка Тюильри [ABBY].

(229) *Paganel essayait de tuer le temps avec ses histoires, mais il y réussissait peu* (Les Enfants Du Capitaine Grant. Verne, Jules). Паганель пробовал было заинтересовать их своими рассказами (букв. 'убить время с помощью своих рассказов'), но это ему плохо удавалось [ABBY].

18.1.5. Глагол *to kill* используется и в значении 'тратить напрасно, впустую', например:

(230) *He killed ten good years on that job* [ID]. Он убил на эту работу десять лет жизни.

Так же употребляются глагол *to murder* и глаголы *to liquidate* и *to shoot* в отношении расходования материальных ресурсов:

(231) *'Well, I'd hardly finished the first verse,' said the Hatter, 'when the Queen jumped up and bawled out, "He's murdering the time! Alice's adventures in Wonderland"* (Carroll,

[38] В этом же значении употребляется глагол *tromper* 'обмануть': *Ils cherchaient à tromper les heures en mille sortes d'occupations* (BOURGES, Crépusc. dieux, 1884, p. 133)) [TLFI]. Они старались убить время, придумывая себе тысячи разных занятий.

Lewis). И представляешь, не успел я спеть первый куплет, — снова заговорил Шляпа. — Королева завопила: «Он у нас только время отнимает!» [НКРЯ].

(232) *They liquidate their wealth, and covet to be poor*. Они проматывают своё богатство, желая стать бедными [ABBY].

(233) *They shot their savings on a new boat* [FD]. Они все свои сбережения потратили на новую лодку.

Во французском языке семантический переход ‘убивать’ → ‘тратить (напрасно) (о деньгах)’ представлен также в глаголе *fusiller*, исходным значением которого является значение ‘расстреливать’:

(234) *fusiller son fade* [GE] растратить свою часть добычи.

(235) (Arthur) «...*Votre fortune*...» (Montargis) «*Fusillée*» (Adolphe d’Ennery, Édouard Brisebarre. Les bains à quatre sous) [AD].

18.1.6. Семантический переход ‘разбрасывать; рассеивать’ → ‘разрушать’ → ‘тратить’ [39] представлен также в английском глаголе *to scatter*:

(236) *It would have been kinder of us to burn it up and scatter its ashes over Sugar Creek* (Deadeye Dick. Vonnegut, Kurt). Лучше бы, мы ее сожгли и развеяли пепел по Сахарной речке [ABBY].

(237) *But I may not help it—The Templars lances are too strong for my archery in the open field — they would scatter us like dust* (Yvanhoe. Scott, Walter). Но помочь делу не могу. В открытом поле мои стрелы бессильны против копий храмовника: он мигом сотрет меня в порошок [ABBY].

(238) *They make known to us among them, how last afternoon at about five o’clock comes a man so hurry. A tall man, thin and pale, with high nose and teeth so white, and eyes that seem to be burning. That he be all in black, except that he have a hat of straw which suit not him or the time. That he scatter his money in making quick inquiry as to what ship sails for the Black Sea and for where* (Bram Stoker. Dracula (1897)). Из их рассказов выяснилось, что около пяти часов прибежал какой-то человек. Высокий, худощавый и бледный мужчина с

[39] Правда, этот глагол может относиться только к ситуациям, связанным с тратой денег.

горбатым носом, белыми зубами и сверкающими глазами. Одет он был во все черное, только шляпа — соломенная, не по сезону. Он не жалел денег, чтобы скорее узнать, какое судно отправляется в гавани Черного моря [НКРЯ].

18.1.7. У английского глагола *to spill*, в настоящее время имеющего значения ‘разливать’; ‘рассыпать’;‘рассеивать’, в 1786 г. было зафиксирован смысл ‘to waste by scattering, squandering or by misusing ’ [OUD], а исходное значение этого глагола (ныне устаревшее) — ‘убивать; разрушать’[OUD;AHD; MWD и др.]

18.1.8. Еще один глагол, в основе полисемии которого лежал семантический сдвиг ‘уничтожать’, ‘убивать’, ‘разрушать’ → ‘тратить напрасно’, — английский фразовый глагол *to fritter away*. Исходным значением этой лексемы было ‘break into fragments, shred’ (разбивать, разрезать на мелкие части’) [COD; OUD и др.] [40], а деление объекта на части воспринимается в картине мира как его уничтожение. Примеры:

(239) *She fritters so much money away on expensive make-up* [CAD]. Она тратит так много денег на дорогую косметику.

(240) *You frittered away one hundred dollars on that piece of junk?* [FD]. Ты потратил сотню долларов на эту рухлядь?

(241) *Any literature a peg higher smacked to her of school, and though theoretically willing to enjoy A GIRL OF THE LIMBERLOST or the ARABIAN NIGHTS, or LITTLE WOMEN, she was quite sure she would not fritter away her “vacation” on such highbrow reading matter* (Vladimir Nabokov. Lolita (1955)). Любая литература рангом чуть выше отзывалась для нее гимназией, и хотя она была не прочь когда-нибудь попробовать Сказки Шехерезады или «Маленькие Женщины», она категорически отказывалась [до этого: она читала т. комиксы] тратить «каникулы» на такие серьезные, ученые книги [НКРЯ].

(242) *The view in Kamchatka is that the Ministry of Defence does not agree that in principle an officer should dedicate himself only to his military duties and not fritter away his time by working on the side*. В Москве, считают на Камчатке, в Министерстве обороны, не

[40] В настоящее время в этом значении глагол употребляется редко.

понимают, что офицер в принципе должен заниматься только одним своим военным делом и не размениваться на «левую» работу [ABBY].

По-видимому, этот же семантический переход мы имеем во французском глаголе *craquer*: ‘порвать’ — ‘потратить, растратить’ [41]:

(243) *J’ai craqué mon pantaloon* У меня лопнули брюки (‘я порвал брюки’) [ГТ].

(244) *On a quelques chtites economies… Faut bien les craquer avant que ça vaille plus un sous* (R.Fallet. La soupe aux choux) [ГрГр]. У нас есть немного сбережений… Надо их потратить, пока они еще хоть что-то стоят.

18.1.9. Появление значения ‘тратить’ у глагола *to blow* (1874) [OED], тоже, как нам представляется, было вызвано идеей уничтожения, которая сопряжена с этим глаголом. Ср. такие его значения, как ‘наносить удар’, ‘взрывать’ (примеры (245) и (246)):

(245) *He saw the blockhouse lay a few yards away and knew he’d have to blow it* (The 47th samurai. Hunter, Stephen). До дота оставалось всего несколько ярдов, и Эрл понимал, что его нужно взорвать [ABBY].

(246) *He tied the canary by a thread to a branch, and an inch away fired off both barrels, and the bird was blown* into *a hundred feathers*. Он привязал канарейку ниткой к сучку и из двух стволов, в упор, на вершок расстояния, дал по ней два залпа, и она разлетелась на сто перушков (Подросток. Достоевский, Фёдор) [ABBY].

(247) *He blew his last money on a dinner for me*. Он потратил свои последние деньги, чтобы угостить меня обедом [АРС].

(248) *I went on a-whimpering, and says: “I don’t want to blow on nobody; and I ain’t got no time to blow, nohow.I got to turn out and find my nigger”* (Huckleberry Finn. Twain, Mark). Хныкать я не перестал, а сам говорю: — Ни на кого я доносить не собираюсь, да и некогда мне этим заниматься: мне надо идти искать своего негра [ABBY].

(249) *I was dying to stop and watch the scene unfold, but I had less than ten minutes to prepare for my first meeting with Miranda as her actual assistant, and I wasn’t going to blow it*

[41] Глагол первоначально является звукоподражательным.

(Lauren Weisberger. The Devil Wears Prada (2003)). Мне хотелось остановиться и посмотреть, как будут развиваться события, но на то, чтобы достойно предстать перед Мирандой в качестве ее секретарши, у меня оставалось от силы десять минут, и я собиралась использовать их по максимуму [НКРЯ].

18.1.20. Семантический переход ‘уничтожать’, ‘убивать’, ‘разрушать’ → ‘тратить напрасно’ представлен и в русском языке. См., например, глагол *убить*, который используется для описания ‘тратить напрасно$_1$’ (искомая цель не достигнута) и ‘тратить напрасно$_3$’ (неразумная, пустая трата):

(250) *Сколько средств убили на осуществление грандиозных и ненужных проектов!* [БТСРЯ].

(251) *Утром принялся искать пуговицы для кителя — задумал пофорсить, но не нашел и только убил несколько часов* (В.Н. Гельфанд. Дневники 1944-1946 гг. (1944-1946)) [НКРЯ].

(252) *Полгода убил уже на изучение философии, а дело всё ещё с места не сдвинулось* [БТСРЯ].

(253) *Две недели убил в незнакомом городе и уехал назад с пустыми руками* [БТСРЯ].

(254) *Всё своё время убил на чтение пустейших детективов* [БТСРЯ].

Аналогичная полисемия представлена глаголами *угробить*, *ухлопать*, *угрохать*:

(255) *В противном случае, считает Немцов, можно угробить большие средства на борьбу, например, с инфляцией и не дождаться инвестиций из-за неопределенности политических ожиданий* (Андрей Чугунов. Экономическая политика регионов/ Немцов (1996) // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.27) [НКРЯ].

Неправильное использование ресурсов может состоять и в том, что для достижения какой-то цели расходуется неоправданно большое их количество:

(256) *Угробить два дня на решение пустяковой проблемы* [БТСРЯ].

(257) *Всё лето ухлопаю на эту работу* [БТСРЯ].

(258) Ухлопать 4 миллиона долларов на создание нескольких учебников? (Евгений АНИСИМОВ. Правда о нашем бюджете // Комсомольская правда, 2001.01.31) [НКРЯ].

(259) *На путешествие угрохать тысяч десять* [БТСРЯ].

Так же, как и у английского глагола *to kill* , у русского глагола *убить* есть значение ‘использовать неожиданно образовавшийся резерв времени каким-то незапланированным и не очень нужным в данный момент действием’:

(260) *Чтобы убить время до начала сеанса, мы зашли в ближайшее кафе* (И. А. Бродский. Коллекционный экземпляр (1991)) [НКРЯ].

«Убивают время» не только тогда, когда в силу сложившихся обстоятельств у человека нет возможности с пользой его провести, но и тогда, когда люди в принципе не знают, как им распорядиться, не знают, чем занять себя:

(261) *Я, зеленея от скуки, начинал таскаться из отдела в отдел, болтать с сотрудниками, выслушивать анекдоты, накуриваться до отупения. Наконец, убив часа два, я исчезал. Таким образом, мой друг, я зажил тройной жизнью* (М. А. Булгаков. Мне приснился сон... (1925-1927)) [НКРЯ].

(262) *Матвеев проснулся с тяжелой головой и долго лежал, стараясь догадаться, который час. Потом он встал, лениво оделся и отправился бродить по дому. Стук костылей выводил его из себя, — тогда он пошел к Александре Васильевне, выпросил у нее лоскут материи и долго возился, обматывая концы костылей. Это помогло ему убить полтора часа, но впереди был еще целый день* (Виктор Кин. По ту сторону (1928)) [НКРЯ].

18.2. Второй класс предикатов, у которых значение ‘тратить’ возникло в результате регулярного семантического сдвига, — это глаголы, обозначающие процессы поглощения пищи. У большинства представителей этого класса наличествует полисемия ‘есть (пищу)’ — ‘разрушать; уничтожать’ — ‘тратить’. Значение ‘разрушать; уничтожать’ само является результатом семантического перехода ‘есть (пищу)’ → ‘разрушать; уничтожать’.

18.2.1. Процесс еды уже сам по себе несет идею уничтожения — уничтожения пищи, т.е. в картине мира он может ассоциироваться с идеями разрушения. Поэтому в принципе семантическое развитие предикатов, обозначающих процессы поглощения пищи, могло в интересующем нас аспекте идти тремя способами:

1) ‘есть (пищу)’ → ‘разрушать; уничтожать’ → ‘тратить’;

2) ‘есть (пищу)’ → ‘разрушать; уничтожать’
‘есть (пищу)’ → ‘тратить’

3) ‘есть (пищу)’ → ‘тратить’.

В соответствии с этим можно выделить три класса глаголов, развивших значение ‘тратить’ от глагола, имевшего исходное значение ‘есть (пищу)’. Различие между предикатами двух первых классов на синхронном уровне не представляется особенно важным, поэтому мы будем рассматривать их вместе в — п. 18.2.2. Третий класс предикатов будет представлен в п. 18.2.3.

18.2.2. Во многих языках мы находим примеры регулярной многозначности вида ‘есть (пищу)’ — ‘разрушать; уничтожать’ — ‘тратить’.

18.2.2.1. В английском языке в качестве примера в первую очередь следует назвать английский фразовый глагол *to eat up*. Значение ‘разрушать’ у глагола датируется серединой 16 в. [42], см., например, словарную статью этого глагола в этимологическом словаре английского языка Дугласа Харпера: «Transferred sense of "slow, gradual corrosion or destruction" is from 1550s.» [OED].

Обычно глагол *to eat up* используется для обозначения полного расходования какого-либо ресурса (см. примеры ((263) — (265)), при этом первая валентность английского глагола *to eat up* в интересующем нас значении заполняется только лексическими единицами, обозначающими процессы или деятельность, на которые был израсходован тот или иной ресурс:

[42] Сам глагол относится к древнеанглийскому периоду развития языка.

(263) *The attack cost him his teeth, and the hospital bills ate up his savings* (New York Times_May 9, 2010. [VC]. В результате нападения он лишился зуба, а счета из больницы съели все его сбережения.

(264) *The pain in his breast ate up his strength* [VC]. Боль в груди отнимала у него все силы.

(265) *All the money that Mister Feeblestein have promised them is eaten up by expenses or somethin* (Winston Groom. Forrest Gump (1986)). Деньги мистера Фиблштейна они проели или растратили [43] [НКРЯ].

Однако часто этот глагол употребляется и в несколько другом значении, а именно, для указания на ситуации, в которых, с точки зрения говорящего, имело место неоправданно большое расходование ресурса — денег, времени, энергии, пространства и т.п. [44]. В подобных случаях глагол *to eat up*, как нам представляется, содержит скрытый семантический компонент ‘жалко’.

(266) *an operating system that eats up 200Mb of disk space* [COD] операционная система, которая занимает (‘съедает’) 200 мгб диска.

(267) *I feel that it would be a great mistake for us to get involved in litigation which would eat up the assets of the estate* (Erle Stanley Gardner. The Case of the Daring Divorcee (1964)). С нашей стороны было бы большой ошибкой, если бы мы позволили себе увязнуть в спорах, которые съедят большую часть состояния [НКРЯ].

(268) *... it didn’t take a genius to figure out that rent would eat up more than $12,000 of it and taxes would take the rest* (Lauren Weisberger. The Devil Wears Prada (2003)) …не нужно было никаких особенных талантов, чтобы подсчитать, что на жилье у меня уйдет более двенадцати тысяч от этой суммы [НКРЯ].

(269) *Preparing for the trial ate up weeks of my time* (Nature_Jul 11, 2012) [VC]. На подготовку к судебному процессу у меня ушло несколько недель (букв. ‘подготовка съела недели моего времени’).

---

[43] ‘Все деньги, которые мистер Фиблштейн им обещал, были растрачены (‘съедены расходами’)’. Мы привели перевод в том виде, в каком он дан в корпусе НКРЯ.
[44] Или вообще нежелательная трата чего-либо, см., например, предложение (267).

(270) *But instead, it ate up two full days of my time, running between offices to get necessary documents and simply figuring out what was required* (Time_Oct 2, 2012) [VC]. Вместо этого мне пришлось целых два дня бегать по всяким конторам, чтобы собрать все нужные документы, просто пытаясь догадаться, что требуется.

(271) *After Jones' touchdown, the Cowboys launched an 80-yard march that ate up more than eight minutes* (Seattle Times_Oct 15, 2012) [VC]. После тачдауна Джонса Ковбои предприняли 80-ярдовую атаку, которая длилась более 20 минут ('съела более двадцати минут').

Ср. также глагол *to use up* 'израсходовать, истратить полностью'. Смысл 'жалко' часто сопровождает использование этого фразового глагола, и неслучайно при переводе на русский язык в качестве его эквивалента во многих случаях выбираются глаголы *терять* или *съедать*:

(272) *You'll just use up your energy* (Kafka on the shore. Murakami, Haruki). Только силы потеряешь [ABBY].

(273) *At last she picked upon something, which not only used up all her surplus above twelve, but invaded that sum* (Sister Carrie. Dreiser, Theodore). А однажды Керри остановила свой выбор на платье, которое не только съело всю прибавку к жалованью, но и заставило ее взять из неприкосновенных двенадцати долларов [ABBY].

(274) *You'll use up precious seconds if I have to redo it* (Subterranean. Rollins, James). Если мне придется переделывать твою работу, мы потеряем еще несколько драгоценных секунд [ABBY].

По-видимому, полное расходование какого-либо ресурса в целом оценивается отрицательно.

18.2.2.2. Другой глагол, демонстрирующий многозначность 'есть (пищу)' — 'разрушать; уничтожать' — 'тратить', — глагол *to swallow*:

(275) *Then, in her indignation, she hastily swallowed a big spoonful of soup at the risk of burning her throat* (Abbe Mouret's Transgression. Zola, Emile). И в сердцах, рискуя поперхнуться, она сразу проглотила большую ложку супа [ABBY].

(276) *a building that* <u>*was swallowed up*</u> *by fire* [AHD]. Здание, которое было уничтожено огнем.

(277) *This work* <u>*swallows*</u> *the greatest part of my time*. Эта работа поглощает большую часть моего времени [БАРС].

(278) *Debts* <u>*swallowed up*</u> *most of the money he had got for the house* [COD]. Долги съели большую часть денег, которые он получил за дом.

18.2.2.3. Полисемия ‘есть’ — ‘разрушать’ — ‘тратить, растрачивать’ представлена и в других языках [45]. Ср., например, латинский глагол *edere*: 1) 1) есть, кушать (avide O; aliquid cum pane PM); 2) проедать, прокучивать (bona Pl); 3) a) пожирать, истреблять (*culmos est* — или *edit* — *robigo* V; *cannas est lentus vapor* — *flamma* V, *est flamma medullas* V); *estur vitiata teredine navis* O — корабль разрушается древоточцами [ЛРС]. И у русского глагола *есть*, и у его деривата глагола *проесть*, мы находим значение ‘разрушать’, правда, в достаточно специфичной области: «Разрушать химически. *Ржавчина ест железо*, *Ржавчина проела железо*» [ОШ], и значение ‘тратить’ (*Он проел все деньги*). Причем у бесприставочного глагола первый актант обозначает тó, на что был израсходован ресурс (*Счета из больницы съели все его сбережения*).

18.2.2.4. Довольно много предикатов, сочетающих в себе значения ‘есть’, ‘разрушать; наносить ущерб’, ‘тратить, растрачивать’ во французском языке. Прежде всего, это глагол *manger*:

(279) *Ensuite, survenaient d’atroces gelées qui donnaient aux choses la rigidité de la pierre, et inspiraient un besoin fou de* <u>*manger*</u> *de la viande* (La legende de Saint-Julien l’hospitalier Flaubert, Gustave). А затем наступали жестокие холода, придававшее всем предметам жесткость камня и возбуждавшие в людях неистовую потребность съесть мяса [ABBY].

(280) *Les mites ont mangé les chandails des enfants* (TKC) Моль съела свитера детей [DEC].

---

[45] См. примечание 4.

(281) *Maintenant, au milieu de ses cheveux coupés, elle apercevait une tache blême, la tonsure, qui l'inquiétait comme un mal inconnu, quelque plaie mauvaise, grandie là pour manger la mémoire des jours heureux* (Le Crime De Sylvestre Bonnard. France, Anatole). Теперь посреди остриженных волос его она заметила бледное пятно тонзуры, и оно испугало ее, словно какая-то неизвестная болезнь, какая-то зловещая рана, которая возникла на этом месте, дабы изгладить самую память о счастливых днях [ABBY].

(282) *Il a mangé beaucoup d'argent dans cette affaire* Он на это дело растратил уйму денег [ГТ].

(283) *Comme on parlait un jour, devant lui, d'un Aixois qui avait mangé la dot de sa femme, Cézanne fut le seul à ne pas s'indigner* (Paul CézanneVollard, Ambroise). Когда как-то в его присутствии речь зашла об одном жителе Экса, промотавшем приданое своей жены, Сезанн оказался единственным человеком, который не выражал по этому поводу своего возмущения [ABBY].

(284) *On sut par le notaire qu'elle avait mangé son maggot en un rien de temps* (L.Aragon. Les Beaux quartiers) [ГрГр]. От нотариуса мы узнали, что она очень быстро промотала деньги.

(285) *Ce travail me mange tout mon temps*. Эта работа отнимает у меня все время [ГТ].

Необходимо отметить, что употребление французского глагола *manger* в интересующем нас значении отличается от употребления его русского аналога. Французский предикат имеет две модели управления:

МУ$_1$: *X a mangé Y dans / en Z* = 'Субъект X потратил ресурс X на Z';

МУ$_2$: *Z a mangé Y* = 'Ресурс У был потрачен на Z'.

Русский глагол имеет только вторую модель управления, например: *Сколько народных средств съела реализация бесполезных проектов!* [БТСРЯ]. *Ремонт съел все их сбережения.*

Еще один глагол такого же рода — глагол *dévorer*:

(286) *Il voudrait emporter son corps pour le dévorer, c'est un vampire!* (La comtesse de Rudolstadt. Sand, George). И хочет унести его тело, чтобы сожрать его, — он вампир [ABBY].

(287) *Arrachons aux flammes le trésor de la patrie, avant que l'incendie dévore le palais de Priam…* Отвоюем у пламени сокровища отчизны, прежде чем огонь пожрет дворец Приама…(Jean-Christophe Tome III. Rolland, Romain) [ABBY].

(288) *…vous dévorez quarante mille francs portés au budget de l'État* (STENDHAL, Rouge et Noir) [TLFI]. Вы растрачиваете сорок тысяч франков из бюджета государства.

(289) *Cela dévore tout mon temps* [PR]. Это отнимает все мое время.

Аналогичный случай представлен глаголом *engloutir*:

(290) — *Tout, Excellence, dit le major en engloutissant son biscuit, tout absolument* (Le Comte de Monte Christo. Dumas, Alexandre). Все, ваше сиятельство, — отвечал майор, поглощая бисквит, — решительно все [ABBY].

(291) *Philippe laissa un instant de silence engloutir* [46] *les émotions qui venaient de se produire* (Le vicomte de Bragelonne. Tome IV. Dumas, Alexandre). Филипп помолчал; он дал улечься волнению, порожденному тем, что он только что высказал [ABBY].

(292) *Ces fameuses coquettes qui dévorent et engloutissent en peu de temps les plus gros patrimoines* (Lesage) [PR]. Эти отъявленные кокетки, которые очень быстро пускают по ветру самые большие состояния.

(293) *Il a englouti toute sa fortune dans cette affaire*. Это предприятие поглотило все его состояние [ГТ].

Буквальный смысл последнего французского предложения — 'Он поглотил (потратил) все свое состояние в этом деле'. Здесь так же, как и в случае с глаголом *manger*, французский предикат *engloutir* и его русский аналог *поглощать* различаются моделями управления [47].

---

[46] Смысл 'разрушать'.

[47] Русскому глаголу *поглощать* в значении 'тратить' модель управления глагола *engloutir*, представленная в предложении (293) — 'субъект X поглотил ресурс У в деятельности Z' — не свойственна.

Еще один глагол такого рода — глагол *grignoter*:

(294) *Jonas s'était préparé du café et, comme il avait une petite faim, il grignota un morceau de fromage* (Le petit homme d'Arkhangelsk. Simenon, Georges). Иона сварил кофе и, ощутив легкий голод, съел кусок сыра [ABBY].

(295) *...une observation impartiale des sociétés de fourmis et d'abeilles nous conduirait à reviser bon nombre d'opinions touchant la perfection de leurs instincts sociaux. Bon gré mal gré, nous devons nous résigner à voir le merveilleux de la nature peu à peu grignoté par la science* (J. ROSTAND, La Vie et ses probl., 1939, p. 98) [TLFI]. Беспристрастное наблюдение за сообществами муравьев и пчел заставило бы нас пересмотреть многое в наших взглядах о совершенстве их социальных инстинктов. Хотим мы этого или не хотим, нам приходится признать, что чудо, созданное природой, постепенно уничтожается (букв. 'сгрызается') наукой.

(296) *Ce n'est pas cet héritage, ce n'est pas cette poignée d'argent tout de suite grignotée, dévorée par les rapaces et les parasites (...) que les gens du clan Pasquier attendaient…* (DUHAMEL, Combat ombres, 1939, p. 11) [TLFI]. Клан Паскье ждал вовсе не этого наследства, не этой горстки денег, на которую тут же накинулась свора бездельников и хищников (букв. 'тут же съеденную хищниками и паразитами').

18.2.3. Количество предикатов, в которых зарегистрирован семантический переход 'есть (пищу)' → 'тратить', не велико. И в найденном нами материале они относятся только к ситуациям расходования денежных ресурсов. Во французском языке следует назвать глаголы *boulotter* и *bouffer*.

(297) *Dans la salle à manger, l'homme qui l'attendait s'était fait servir les restes du dîner et boulottait voracement* (QUENEAU, *Pierrot mon ami,* 1942, p. 189) [TLFI]. В столовой мужчина, который его ждал, велел принести ему остатки ужина и жадно ел.

(298) — *Tu veux me prêter un peu d'argent…pour la poche? — Tu n'en a plus? — J'ai boulotté mon trimestre, figure-toi!* (Roger-Ferdinand. Les Croulants se portent bien) [ГрГр]. —

Ты не мог бы одолжить мне немного денег на карманные расходы? — У тебя нет больше денег? — Представь себе, я потратил все деньги за три месяца [48].

(299) *Il a bouffé tous les gâteaux* [DFV]. Он съел все пирожные.

(300) *Dès qu'on avait quatre sous dans le ménage, on les bouffait* (E.Zola. L'Assommoire) [AD]. Как только у них в доме появлялось немного денег, они их тут же тратили.

Характерно, что со временем и у таких глаголов в разговорной речи возникает значение 'убить; уничтожить'. Так, у глагола *bouffer* сравнительно недавно (по-видимому, в начале двадцатого века) зафиксирован переносный смысл 'разделаться, пристукнуть' — чаще всего в речевых актах угрозы. См., например, в словаре AD ссылку на словарь А.Боша [49], в котором *bouffer* толкуется через глаголы *tuer* 'убивать', *détruire* 'уничтожать', *abattre* 'валить; обрушивать; сносить (строение); убить' и т.п.:

(301) *J' vas te bouffer* [AD]. Я убью тебя!

(302) — *Ça va, fait Dad. Restons-en là. Si je voulais j'en bouffrais trois comme toi* (J.Forton. Les Sables mouvants) [ГрГр]. — Ладно, сказал Дад. Остановимся на этом. Если бы я захотел, я бы с тремя такими, как ты, расправился.

В английском языке полисемия 'есть (пищу)' → 'тратить напрасно' представлена в глаголе *to guzzle*, см., например, БАРС: 1. пить или есть с жадностью; 2. 1) пропивать, проедать (деньги и т.п.); 2) разбазаривать, попусту тратить время.

18.3. Третий класс глаголов, у которых развилось переносное значение 'тратить', причем именно значение 'тратить напрасно$_{1/3}$', — это глаголы со значением 'выбрасывать', т.е. «освобождаться от ненужного, непригодного для использования, лишнего (обычно бросив куда-л., откуда-л.)» [БТСРЯ].

18.3.1. В английском языке примером полисемии такого рода является фразовый глагол *to throw away*:

---

[48] Из ограниченного контекста нельзя однозначно сделать вывод, о каких деньгах идет речь. Возможно, имеются в виду деньги, которые должны быть выплачены за обучение в течение триместра, возможно, речь идет о пенсии за три месяца и т.д.

[49] Bauche Henri. Le langage populaire (…) tel qu'on le parle dans le peuple de Paris. 1920.

(303) *I threw away all the broken toys* [MD] Я выбросил все сломанные игрушки.

(304) *to throw away one's money on gambling* тратить деньги на азартные игры [КСА].

(305) *The trifling and frivolous mind is always busied, but to little purpose; it takes little objects for great ones, and throws away upon trifles that time and attention which only important things deserve* (Philip Stanhope, 4th Earl of Chesterfield. Letters to His Son by the Earl of Ches-terfield, on the Fine Art of Becoming a Man of the World and a Gentleman (1746-1749)). Человек же легкомысленный и пустой всегда бывает занят, но без толку; мелочи кажутся ему вещами значительными, и свое время и внимание, которые следует посвятить главному в жизни, он растрачивает на пустяки [НКРЯ].

(306) *I don't wish to throw away my time and trouble on an offering you would deem worthless*. Мне не хотелось бы тратить время и силы на подношение, которое не будет иметь для вас никакой цены [ABBY].

(307) *Will you throw this time away either in laziness, or in trifles?* (Philip Stanhope, 4th Earl of Chesterfield. Letters to His Son by the Earl of Chesterfield, on the Fine Art of Becoming a Man of the World and a Gentleman (1746-1749)). Растратишь ты это время попусту, проведя его в лени или занимаясь пустяками? [НКРЯ].

Так же, как и для глаголов *to spend* и *to waste,* в качестве второго актанта глагола *to throw away* могут выступать ресурсы самого разного рода [50]:

(308) *Savka was an excellent sportsman and fisherman when he liked, but his talents in this direction were as completely thrown away as his strength*. Когда хотел, Савка был прекрасным и охотником и рыболовом, но и тут его таланты тратились так же попусту, как и сила (А. П. Чехов. Агафья (1886)) [НКРЯ].

(309) *Two hundred, if you like, with all my heart. But four thousand is not a sum to throw away on such frivolity*. Сотенки две я, пожалуй, с моим даже удовольствием и

[50] Ср. в русском языке глагол *бросать* в этом значении выступает только по отношению к деньгам: '*Waste of money!' growled Brother Archangias* (Abbe Mouret's Transgression. Zola, Emile). — Выброшенные деньги, — проворчал брат Арканжиа [ABBY].

охотою, а четыре тысячи это деньги не такие, барышня, чтоб их на такое легкомыслие кидать (Братья Карамазовы. Достоевский, Фёдор) [ABBY].

(310) *At any rate, my trouble* <u>*was not thrown away*</u>*; I settled the matter*. По крайней мере, недаром хлопотал (букв. ‘мои хлопоты не были выброшены’): уладил дело (Накануне. Тургенев, И.С.) [ABBY].

(311) *If you have any kisses to spare, give them to Linton: they* <u>*are thrown away*</u> *on me* (Emily Brontë. Wuthering Heights (1847)). Если вам некуда девать поцелуи, подарите их Линтону: дарить их мне — значит тратить впустую (букв. ‘они выброшены на меня’) [НКРЯ].

(312) *My attempts to entertain him* <u>*were thrown away*</u> (Emily Brontë. Wuthering Heights (1847)). Мои попытки занять его разговором были отвергнуты (букв. ‘мои попытки были выброшены’) [НКРЯ].

18.3.2. Еще один английский глагол, в котором имеется семантический сдвиг ‘выбрасывать’ → ‘тратить’, — глагол *to fling away*. Правда, для него отмечается использование только в контексте дополнения, выраженного именами, обозначающими материальные ресурсы:

(313) *Marlow sat up abruptly and* <u>*flung away*</u> *his cheroot with force* (Joseph Conrad. Lord Jim (1900)). Марлоу внезапно выпрямился и энергичным жестом отбросил свою сигару [НКРЯ].

(314) *Oh, I've no money to fling away on waiters*. — Ну, у меня нет денег, чтобы бросать буфетчику. (Три года. Чехов, А.П.) [ABBY].

(315) *On the morning of George's departure, Madam Esmond had come to his bedside after a sleepless night, and asked him whether he still persisted in his intention to* <u>*fling away*</u> *his father's property?* (The Virginians. Thackeray, William Makepeace). В день отъезда Джорджа госпожа Эсмонд после бессонной ночи подошла утром к постели сына и спросила, по-прежнему ли упорствует он в своем намерении пустить по ветру доставшиеся ему от отца деньги [ABBY].

18.4. Четвертый класс глаголов развил значение ‘тратить напрасно’ от значений ‘заниматься ерундой’, ‘заниматься пустяками’ и т.п.

18.4.1. Глагол *to fool* ‘дурачиться; баловаться’ — фразовый глагол *to fool away* ‘тратить напрасно’:

(316) *He fooled away the week's pay on Friday night* [FD]. Он потратил всю недельную зарплату в пятницу вечером.

(317) *It seemed no chase at all; it seemed we had no chance, as we lay there bound to iron pillars, and fooling away the precious moments over tins of beans*! (The wrecker. Stevenson, Robert Louis). Мне показалось, что нам ни за что их не опередить — ведь мы до сих пор стоим у причала и занимаемся какими-то глупыми консервами, теряя драгоценные минуты [ABBY].

(318) *No, sir; if a body's out hunting for cowards he don't want to fool away any time amongst them Shepherdsons, becuz they don't breed any of that KIND* (Mark Twain. The Adventures of Huckleberry Finn (1884)). Нет, сэр, если кому нужны трусы, так нечего и время тратить искать их у Шепердсонов — там таких не водится! [НКРЯ].

18.4.2. Глагол *to frivol* ‘вести праздный образ жизни’ — *to frivol* (*away*) ‘тратить напрасно’:

(319) It's easy to frivol away a fortune if you're not careful [KC]. Если не соблюдать осторожность, состояние легко промотать.

(320) He began to wear his Frat pin on his undershirt, and he had no time to frivol away on the fluffy Gender (Ade's Fables) [VN]. Он начал носить студенческий значок на рубашке, и у него не было времени на пьяного Гендера (букв. ‘не было времени, чтобы тратить на…’).

18.4.3. Глагол *to trifle* ‘вести себя легкомысленно; заниматься пустяками — *to trifle* (away) ‘тратить напрасно’:

(321) *He got a large fortune when his father died, but trifled it away in only a few years* [KC]. Он после смерти отца получил большое наследство, но очень быстро его промотал.

(322) *Don't trifle away any more money on silly purchases* [FD]. Не трать больше денег на дурацкие покупки.

(323) *As it was, he did nothing with much zeal, but sport; and his time was otherwise trifled away, without benefit from books or anything else* (Jane Austen. Persuasion (1816)). Теперь же Чарлз старательно предавался одним забавам; остальное время тратил он впустую, не имея склонности к чтению или к другим упражнениям ума [НКРЯ] [51].

(324) *If men trifle away their time and health upon tobacco, women are foolishly helpless* (Caddy, Florence) [VC]. Если мужчины тратят свое время и здоровье на курение, женщины бессильны.

18.4.4. Глагол *to wanton* 'резвиться; забавляться' — *to wanton* (away) 'тратить напрасно':

(325) *The young man wantoned away his inheritance* [WK]. Молодой человек промотал свое наследство.

(326) *Neither with you nor with any other fair girl shall I again wanton away the flying hours* (Trollope, Anthony) [VC]. Ни на тебя, ни на какую другую хорошенькую девушку я больше не буду тратить летные часы.

18.4.5. Глагол *to fiddle* 'бездельничать' — *to fiddle* (*away*) 'тратить напрасно':

(327) It's easy to fiddle away a fortune [KC]. Промотать состояние нетрудно.

(328) *You've fiddled away the morning with unnecessary tasks* [AHD]. Вы все утро потратили на ненужную работу.

18.4.6. Глагол *to piddle* 'заниматься пустяками; баловаться' — *to piddle* (*away*) 'тратить напрасно':

(329) *Please don't piddle all your money away* [FD]. Пожалуйста, не растрать все свои деньги.

(330) *Jane piddled away most of the day*. Этот пример приведен в словаре с толкованием 'to waste away a period of time', т.е. потратить напрасно время. [FD].

---

[51] Мы даем перевод в том виде, в каком он приведен в НКРЯ, хотя очевидно, что первая часть предложения переведена довольно странно.

18.4.7. Русский глагол *тратить* и такие английские глаголы, как, например, *to waste*, *to spend*, *to misspend* и т.д., опираются на концептуализацию времени как ограниченного ресурса. Метафора ВРЕМЯ — ЭТО РЕСУРС включает в себя метафору ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ, которая лежит в основе переносного употребления многих предикатных лексем. Иными словами, переносные значения таких единиц, как, например, *to invest,* основаны на концептуальной метафоре ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ. Первое значение глагола *to invest* ‘инвестировать, вкладывать деньги, капитал’:

(331) *We invest a substantial amount of money in business development.* Мы вкладываем очень большие деньги в развитие бизнеса (http://www.rpi-inc.ru/ 11/22/2011) [ABBY].

Причем вторая валентность (‘деньги’) может быть не заполнена.

(332) *For example, you could ask, How much would my company have to invest today in order to cover next year's debt service on the subsidized loan?*» (Principles of Corporate Finance. Brealey, Richard, Myers, Stewart). Например, вы можете спросить себя: «Сколько моей компании пришлось бы инвестировать сегодня, чтобы справиться с обслуживанием субсидируемого кредита в следующем году [ABBY].

Второе значение этого глагола является метафорически мотивированным — в основе лежит метафора ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ: «To spend or devote for future advantage or benefit: *he invested much time and energy in getting a good education*» [AHD].

Однако, как показывают примеры из пп. 18.4.1—18.4.7. (глаголы *to fool* (*away*), *to frivol* (*away*), *to fiddle* (*away*) и т.п.), развитие слова может идти и в другом направлении: глаголы, описывающие расходование времени, расширили свою сочетаемость и начали относиться к ситуациям траты денег и других ресурсов [52].

---

[52] Иными словами, у глаголов типа *to invest* первое, исходное значение относится к сфере денег, второе — к сфере времени; условно назовем это направление «деньги → время». Глаголы типа *to fool* (*away*) сначала относились к ситуациям, связанным со временем, а потом уже к ситуациям с деньгами: «время → деньги». Это, конечно, не означает, что деньги начинают осмысляться в категориях времени. Очевидно, что здесь действует механизм аналогии: существует достаточное количество лексем, которые обозначают процессы расходования самых разных ресурсов. Мы видели, что вторая валентность глагола *to waste* ‘тратить напрасно’, например, может заполняться существительными разных семантических классов.

В пользу нашего предположения о том, что процесс развития лексемы шел именно в таком направлении, можно привести следующие доводы:

1. Само значение таких глаголов, как *to fool* (*away*), *to frivol* (*away*), *to fiddle* (*away*) и т.п., уже несет в себе идею напрасного расходования времени (именно времени, а не каких-то других ресурсов). Семантический сдвиг от значения ʻбездельничать' к значению ʻнапрасно тратить время' является естественным.

2. Существуют глаголы, по своим свойствам очень близкие к глаголам *to fool* (*away*), *to frivol* (*away*), *to fiddle* (*away*) и т.п., которые в настоящий момент относятся только к ситуациям расходования времени. Это такие глаголы, как *to lounge* (*away*), *to loaf* (*away*), *to idle* (*away*), *to laze* (*away*), *to potter* (*away*), *to dawdle* (*away*), *to footle* (*away*), *to diddle* и т.п., первым значением которых является смысл ʻбездельничать; слоняться без дела'.

18.4.8. Следует отметить, что толкование глаголов типа *to lounge* (*away*), *to loaf* (*away*), *to idle* (*away*), *to laze* (*away*), *to potter* (*away*), *to dawdle* (*away*) и т.п. представляет определенные трудности. Характерно, что английские толковые словари по-разному описывают их значение — в одних случаях с помощью глагола *to waste*, в других — с помощью глагола *to pass* [53]. Как известно, глаголы *to waste* и *to pass* соотносятся с разной концептуализацией времени: время как ресурс — в первом случае, и время как контейнер — во втором. И, как нам представляется, перечисленные выше глаголы действительно могут использоваться двояко, например:

(333) *She could not remember when she had seen the children* <u>*idle away*</u> *an hour of daylight in this manner* (Mary Mapes Dodge. Hans Brinker or the Silver Skates (1865)). Ведь не было еще случая, чтобы ее дети когда-нибудь просидели вот так целый час при дневном свете, ничего не делая [НКРЯ].

Глагол *to idle away* в данной фразе может пониматься как предикат, отражающий концептуализацию ВРЕМЯ — ЭТО КОНТЕЙНЕР. При таком понимании этот глагол

[53] См., например в словаре «American Heritage Dictionary of the English Language» [AHD] определение глагола to *idle away*: «To pass (time) without working or while avoiding work; waste».

оказывается близким русским приставочным *про*-глаголам [54] типа *просидеть, пробездельничать* и т.п. Часто переводным эквивалентом этого фразового глагола является глагол *бездельничать*, и русский глагол *бездельничать* часто переводится этим фразовым глаголом, например:

(334) *And so Varvara, to her parents' relief, had taken herself off to their Tambov estate — not to idle her time away, but to nurture and educate the peasant children*. И Варя, к облегчению родителей, уехала в тамбовское имение — но не бездельничать, а учить и воспитывать крестьянских детей [ABBY].

В других случаях остается неясным, предстает ли обозначение временного промежутка при глаголе как контейнер или как ресурс:

(335) *When you're older you will be sorry that you idled away your youth instead of preparing for profession* [КС]:

а) Когда вы станете старше, вы будете жалеть, что вы так глупо растратили свои молодые годы вместо того, чтобы получить профессию (ВРЕМЯ — ЭТО РЕСУРС).

б) Когда вы станете старше, вы будете жалеть, что вы провели в праздности свои молодые годы вместо того, чтобы получить профессию (ВРЕМЯ — ЭТО КОНТЕЙНЕР).

Другой пример — глагол *to loiter* (исходное значение — 'слоняться без дела'):

(336) *We loitered the morning away in the garden* (The Adventure of the Golden Pince-nez. Conan Doyle). Мы ходили по саду все утро [ABBY].

В этом предложении фразовый глагол *to loiter away* близок к русскому *прослоняться без дела*. Иными словами, предложение (336) допускает понимание данного глагола как глагола, опирающегося на концептуализацию времени как контейнера.

(337) *He loitered away the rest of the day*. Остальную часть дня он слонялся без дела [БАРС].

[54] См. ниже.

Однако в других случаях фразы с глаголами типа *to loiter* (*away*) свидетельствуют, как представляется, о концептуализации времени как ресурса, а глагол имеет значение ‘тратить напрасно’ [55]:

(338) *So I loitered my life away, reading books, looking at pictures…* (William Hazlitt, Winterslow: My First Acquaintance with Poets) [PK]. Так что я прожил мою жизнь впустую, читая книги, разглядывая картины.

(339) “*What!” he exclaimed, “shall I, who have so much to do, loiter my time away here?”* (Crane, Thomas Frederick) [FD]. — Что — воскликнул он — у меня столько дел, а я буду терять время здесь?

(340) *Rosa seems to think we are loitering away our time, but Jack knows what he is doing* (Ellis, Edward Sylvester) [FD]. Роза, по-видимому, считает, что мы напрасно тратим время, но Джек знает, что делает.

Еще один пример — глагол *to dawdle* (*away*):

(341) *He dawdled away the whole morning* [ID]. Он прослонялся без дела все утро.

(342 *I’ve dawdled the whole afternoon away, talking to you* [PK]. Я потерял сегодня полдня разговаривая с вами.

Предложение (341) может соотноситься с концептуализацией ВРЕМЯ — ЭТО КОНТЕЙНЕР, предложение (342) однозначно отражает концептуализацию ВРЕМЯ — ЭТО РЕСУРС. Глагол *to dawdle* толкуется в словарях следующим образом: «to spend time idly»; *idly* — ‘лениво; пассивно; праздно’. Если бы в примере (342) временной промежуток *the whole afternoon* выступал как вместилище, то мы бы получили следующий, довольно странный смысл: букв. ‘Я провел день лениво / праздно, разговаривая с тобой’. В действительности же, используя фразу (342), говорящий сообщает о том, что его действия — разговор с собеседником [56], оказались напрасными, бесполезными, не приведшими к желаемому результату.

---

[55] Наличие притяжательных местоимений при обозначениях временных промежутков в этих примерах является, на наш взгляд, показательным.

[56] Очевидно, что автор данного высказывания не считает свою деятельность праздной или пассивной.

Нам представляется, что у глаголов типа *to lounge* (*away*), *to loaf* (*away*), *to idle* (*away*), *to laze* (*away*), *to potter* (*away*), *to dawdle* (*away*) и т.п. можно усматривать два значения, первое из которых основано на концептуализации времени как контейнера, вместилища, заполняемого определенными действиями, процессами или состояниями, второе — на концептуализации времени как ограниченного ресурса [57]. Причем процесс развития слов такого рода, по-видимому, идет в следующем направлении: ‘бездельничать; слоняться без дела; заниматься бесцельной деятельностью и т.п.’ → ‘проводить время, ничего не делая, проводить время, занимаясь бесцельной деятельностью’ → ‘тратить время напрасно’ → ‘тратить напрасно время, деньги, силы и т.п.’ [58].

19.5. Фразовый глагол *to put in* ‘поместить внутрь[59]’ имеет переносное значение ‘вложить (деньги, время, силы и т.п.)’:

(343) *To start up the business, they each* <u>*put in*</u> *$50,000* [MD]. Для того, чтобы начать дело, им пришлось каждому вложить по 50 тысяч долларов.

(344) *He* <u>*has put in*</u> *a lot of time on the plans.* Он потратил много времени на составление планов [APCC].

(345) *I* <u>*put in*</u> *two hours on my English studies every day*. Я каждый день занимаюсь английским два часа [ABBY].

(346) *He had made an arrangement with one of the cockerels to call him in the mornings half an hour earlier than anyone else, and would* <u>*put in*</u> *some volunteer labour at whatever seemed to be most needed, before the regular day's work began* (George Orwell. Animal Farm (1945). Он попросил одного из петушков будить его поутру на полчаса раньше, по своему почину шел на самый узкий участок и до начала рабочего дня трудился там [НКРЯ].

Примеры, приведенные выше, отражают представление о времени как о ресурсе, рассматриваемом в одном ряду с другими ресурсами — такими, как, например, энергия,

---

[57]Так же, как это было предложено для глагола *to spend*.
[58] См. примечание 5.
[59] «To place inside.: *Just put in the key for the ignition and turn it*»[WK].

усилия и т.п. (значение ‘тратить время’). Однако в некоторых случаях использование глагола *to put in* не является столь однозначным — возможно, этот глагол, как и глаголы *to lounge* (*away*), *to loaf* (*away*), *to idle* (*away*) и т.д. (см. выше), может употребляться и в значении ‘проводить время’, что соответствует концептуализации ВРЕМЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ:

(347) *At the shoe factory she put in a long day, scarcely so wearisome as the preceding, but considerably less novel* (Theodore Dreiser. Sister Carrie (1900)). На обувной фабрике Керри провела томительно долгий день, и хотя работать ей было уже не так тяжело, как накануне, зато в ее впечатлениях было гораздо меньше новизны [НКРЯ].

(348) *Two or three days and nights went by; I reckon I might say they swum by, they slid along so quiet and smooth and lovely. Here is the way we put in the time* (Mark Twain. The Adventures of Huckleberry Finn (1884)). Прошло два или три дня и две или три ночи; можно, пожалуй, сказать, что они проплыли, — так спокойно, гладко и приятно они шли. Вот как мы проводили время [НКРЯ].

19. В русском языке существует продуктивная модель образования глаголов, обозначающих трату денежного ресурса, с помощью приставки *про-* [60]: *пропить, проесть, промотать*. См. в монографии М.А. Кронгауза [7, 19]: «Они… управляют именной группой со значением ‘деньги’ (или более общо ‘ценность, имеющая денежный эквивалент’): *пропить последний грош*, *проесть отложенные деньги*, *промотать наследство*, — и означают что-то вроде ‘потратить’. …для всех них характерно еще и то, что деньги тратятся на определенное действие, названное глагольной основой».

ВРЕМЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ

1. Предикаты, отражающие концептуализацию времени как вместилища, тоже обычно представлены в языке значительным количеством единиц.

1.1. В русском языке мы имеем целый класс таких предикатов — это глаголы с приставкой *про-* (*проездить, проработать, простоять*, *проспать* и т.п.). См., например, в уже названной работе М.А. Кронгауза [7, 126]: «Несколько упрощая описание, можно

[60] См. ниже о другом значении этой приставки.

сказать, что для *про*-глаголов в фокусе внимания находится временной отрезок, который заполняется соответствующим действием» [61].

Интересно, что употребление некоторых из этих приставочных глаголов иногда сопровождается отрицательной оценкой. Как нам представляется, такие предикаты, как *просидеть*, *проездить*, *прождать*, *простоять* и др. предикаты, способные обозначать целенаправленные действия или состояния, могут содержать имплицитный компонент ‘продолжительность действия / состояния является слишком большой’ [62]. Например:

(349) *Проездил три часа в поисках химчистки* [БАРС].

(350) *Пришел я точно в назначенное время и около часа прождал в приемной, пока члены райкома обсуждали свои дела* (Эдуард Розенталь. Отец (2003) // «Вестник США», 2003.10.15) [НКРЯ].

(351) *Декан не стал с ним встречаться. Он просидел перед деканской, обитой дорогой черной кожей дверью полдня. «Я же вам говорю, что его не будет, — время от времени холодно повторяла лощеная секретарша, — и вопрос ваш он рассматривать не станет, даже если появится». Вопрос! Как будто речь шла о месте в общежитии, а не о кончине Первушина* (Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)) [НКРЯ].

(352) *Смотри, сколько народу! Мы здесь простоим!* (пример А.А. Караванова, цит. по [7, 162]).

Этот компонент является «слабым компонентом» [1] [63] и может легко подавляться контекстом:

(353) *В большой приемной он просидел всего минуты две* (Ю. Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара (1928)) [НКРЯ].

1.2. В английском языке класс глаголов, отражающих концептуализацию времени как вместилища, тоже представлен большим количеством единиц. Это и такие хорошо известные и хорошо изученные глаголы, как *to pass*, *to spend*, *to occupy*, и класс глаголов,

---

[61] О различии глаголов с приставками *про-* и *по-* (например, *поспать* и *проспать*) см. там же.
[62] Ср. рассуждения М.А. Кронгауза об особом значении приставки *про-* в [7, 162—163].
[63] «Слабый компонент (смысл) — такой семантический компонент в ассертивной части словарного толкования лексемы, который подавляется (вычеркивается) в высказывании противоречащим ему семантическим компонентом, выраженным отдельной лексемой» [1, 540].

описывающих праздное препровождение времени типа *to lounge* (*away*), *to loaf* (*away*), *to idle* (*away*), *to laze* (*away*) (см. выше п. 18.4.8.).

Есть еще некоторые глаголы, например, *to beguile*, *to while away*, которые очень близки по смыслу к русскому *коротать* — ʻпроводить время, стараясь преодолеть скуку и однообразие' [Ушаков], ʻзаполнять, занимать чем-л. время, стараясь чтобы оно прошло быстро, незаметно' [БТСРЯ]. При этом *to beguile* ставит акцент на заполнении времени чем-то приятным:

(354) *To* <u>*while away*</u> *the time Yegorushka caught a grasshopper in the grass, held it in his closed hand to his ear, and spent a long time listening to the creature playing on its instrument.* От нечего делать Егорушка поймал в траве скрипача, поднес его в кулаке к уху и долго слушал, как тот играл на своей скрипке (Степь. Чехов А.П.) [ABBY].

(355) *Also, to* <u>*while away*</u> *the hours, he made new and more detailed lists of the souls which he had bought…* Желая чем-нибудь занять время, он сделал несколько новых и подробных списков всем накупленным крестьянам ([Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835-1852)) [НКРЯ].

(356) *Earnshaw sat, morose as usual, at the chimney corner, and my little mistress* <u>*was beguiling*</u> *an idle hour with drawing pictures on the window-panes* (Emily Brontë. Wuthering Heights (1847)). Эрншо, как всегда мрачный, сидел в углу у окна, а моя маленькая госпожа, чтобы как-нибудь заполнить время, выводила рисунки на стеклах окна [НКРЯ].

(357) *The old man had been a driver in his youth, and* <u>*beguiled*</u> *the way with cheery anecdotes of what might be expected if we fouled a young calf* (From sea to sea. Kipling, Joseph Rudyard). В молодости старик сам был машинистом и поэтому скрасил путешествие рассказами о том, что может произойти, если мы зацепим молодого бычка [ABBY].

Хотя глагол *to while away* часто переводится глаголом *убить* — *убить время*, на наш взгляд, он не имеет того негативного оттенка, который характеризует и русский глагол, и английский глагол *to kill* с дополнением, обозначающим отрезок времени (см. выше). Кроме того, *убить* и *to kill* отражают другую концептуализацию времени.

При переводе с одного языка на другой предикатов с дополнениями, обозначающими промежуток времени, часто происходят процессы двух типов:

1. Переводной эквивалент отражает другую концептуализацию времени, чем исходная единица. Например:

(358) *Учеба, тренировки, сборы, соревнования отнимают почти все время* (www. sportforumrussia.ru 06.07.2011). *Studies, training and team camps occupy almost all my time* [ABBY].

Отнимать — концептуализация ВРЕМЯ — ЭТО ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС (ЦЕННОСТЬ); *to occupy* — концептуализация ВРЕМЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ.

(359) '*Then I'll take up no more of your time.'* (The Hawk Eternal. Gemmell, David). — *Тогда я не стану больше занимать твое время* [ABBY].

To take up — концептуализация ВРЕМЯ — ЭТО ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС (ЦЕННОСТЬ); *занимать* — концептуализация ВРЕМЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ.

2. Переводной эквивалент привносит свои оценочные смыслы или, наоборот, не передает оценочную модальность исходной единицы. См., например, предложение (358). Английский предикат *to occupy* не имеет никакой оценочной модальности, в то время как русский глагол *отнимать* содержит негативную оценку со стороны говорящего того, как было использовано время. Эта оценка может быть вызвана двумя причинами: 1) тем, что говорящий считает, что затраты времени на достижение определенной цели оказались слишком большими; 2) тем, что с точки зрения говорящего вообще не следовало тратить время на эту цель; поэтому, в частности, глагол *отнимать* часто используется как переводной эквивалент глагола *to waste*, например:

(360) *"It's quite clear what we have to do. We must join King Caspian at once." "The sooner the better," said Trumpkin. My being such a fool has already wasted about an hour"* (Clive Staples Lewis. The Chronicles of Narnia. Prince Caspian (1951)). — Тогда совершенно ясно, что мы должны делать. Мы должны сейчас же присоединиться к королю Каспиану. — Чем скорее, тем лучше. Моя глупость уже отняла у нас целый час [НКРЯ].

Итак, в этой статье мы попытались проанализировать функционирование английских, французских и русских предикатов, отражающих разные способы восприятия времени: ВРЕМЯ — ЭТО ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС и ВРЕМЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ.

Предикаты, отражающие концептуализацию ВРЕМЯ — ЭТО ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС, представлены в языках большим количеством лексем. Среди этих лексем есть единицы, переносное значение которых основано на концептуальной метафоре ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ: расходовать деньги → расходовать время; вкладывать деньги → вкладывать время и т.п. Есть предикаты, у которых временнóе значение является результатом семантического перехода ‘уничтожать’, ‘убивать’, ‘разрушать’ → ‘тратить’. У других единиц в основе появления переносного значения лежит семантический сдвиг ‘выбрасывать’ → ‘тратить’. Специфически английским, по крайней мере, по сравнению с русским и французским языками, является переход ‘заниматься пустяками’, ‘заниматься ерундой’ → ‘тратить’.

Предикаты, отражающие концептуализацию ВРЕМЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ, тоже представлены в языке значительным количеством единиц. Так, в русском языке — это класс глаголов с приставкой *про-* (*проездить*, *проработать*, *простоять*, *проспать* и т.п.). В английском языке имеется целый класс глаголов, описывающих праздное препровождение времени.

Необходимо отметить, что в картинах мира разных языков с понятием ограниченного ресурса могут ассоциироваться разные сущности. Так, для носителей английского языка в число ограниченных ресурсов, например, попадают пространство, слова, мысли, способности, талант, остроумие, движения, шансы, чувства и эмоции и т.д.

Примечания

1. Следует, однако, оговорить, что у русского наречия *напрасно*$_3$ смысл ‘Z имеет место’ входит в презумпцию [64], тогда как у английского предиката этот смысл может

[64] В приведенном выше толковании наречия *напрасно*$_3$ это соответствует компоненту «[през.]: ‘ имеет место P (X)’».

входить как в презумптивную часть (примеры (а) и (б)), так и в ассертивную часть значения (примеры (в) и (г)):

(а) "*What did he do, Sir?" asked Caspian. "My son," said Ramandu, "it is not for you, a son of Adam, to know what faults a star can commit. But come, we* <u>*waste*</u> *time in such talk*" (Clive Staples Lewis. The Chronicles of Narnia. The Voyage of the 'Dawn Treader' (1952)). — Что же он сделал, Сэр? — спросил Каспиан. — Сын мой, — ответил Раманду, — не тебе, сыну Адама, знать, какие ошибки может совершить звезда. Но послушайте, мы теряем время в этих разговорах [НКРЯ].

(б) "*I* <u>*cannot waste*</u> *time over this sort of fantastic talk, Mr. Holmes," he said* (Arthur Conan Doyle. A Case of Identity (1891)). — Я не могу тратить время на нелепую болтовню, мистер Холмс,— сказал он ' [НКРЯ].

(в) *Often, when he should have been doing something that was given him, he* <u>*wasted*</u> *his time drawing little pictures on the office note-paper* (Of Human Bondage. Maugham, Somerset). Вместо того чтобы выполнять поручения, он теперь часто коротал время, рисуя на конторских бланках [ABBY].

(г) *After the* <u>*waste*</u> *of a few minutes in saying the proper nothings, she began to give* the *invitation which was to comprise all the remaining dues of the Musgroves* (Jane Austen. Persuasion (1816)). Прилично побеседовав о том о сем, а больше ни о чем, она осуществила приглашение, заранее обещанное семейству Мазгроув [НКРЯ].

2. Если речь идет не о временнóм ресурсе, то часть ресурса может оставаться свободной, ненужной только ограниченное количество времени — в дальнейшем ресурс Z может понадобиться в полном объеме: *I can spare you for tomorrow.* Я могу вас отпустить на завтра / обойтись без вас [АРС]. Если Z является материальным ресурсом, то переводным эквивалентом английского предиката выступает глагол *одалживать*: *"If you can spare these a moment, Mr Bridges". He picked up a pair of cutting-shears*. Не одолжите ли вы мне их на минуту, мистер Бридж, — он взял с прилавка портняжные ножницы [ABBY].

3. Возможно, указанная полисемия английского глагола *to consume* является воспроизведением семантического перехода ‘разрушать; уничтожать’ → ‘тратить’ из французского языка, т.е. в данном случае имеет место семантическая параллель [65].

4. Мы писали выше о семантическом переходе ‘есть (пищу)’ → ‘разрушать; уничтожать’. В действительности направление семантической деривации возможно, по-видимому, и в обратном направлении: ‘разрушать; уничтожать’ → ‘есть (пищу)’ [66]. Примером такого рода семантической деривации является, как нам представляется, глагол *gruger*. Исторически исходным значением этого предиката было значение ‘réduire en grain, en poudre’ (1484) [TLFI] ≈ ‘измельчить’, ‘помолоть’ [67]. Значение ‘есть’ (‘manger, dévorer à belles dents’) зафиксировано в 1640 г. [TLFI]. У этого глагола отмечается устаревшее сейчас значение ‘растрачивать’, см. в [AC6]: «Fig. et fam., *Gruger son fait,* se dit D’une personne qui a peu de bien, et qui fait plus de dépense que son bien ne le comporte. *Il gruge son fait. Il aura bientôt grugé son petit fait.* Cette manière de parler a vieilli».

5. В английском языке существует очень большой класс предикатов, обозначающих разного рода праздное провождение времени, безделье и т.п. [68], например: *to dally* (*away*), *to diddle* (*away*), *to dillydally*, *to veg out*, *to drone* (*away*), *to hack around, to mess about /around, to bugger about, to goof off / around, to hell around, to muck about, to piss about, to play about* и т.д. Вполне вероятно, что дальнейшее развитие этих предикатов приведет к появлению у них значения ‘тратить напрасно’ применительно ко времени, а затем и в отношении других ограниченных ресурсов — таких, как деньги, силы, энергию и т.п. Иными словами, этот класс глаголов обладает большим потенциалом с точки зрения развития регулярной многозначности лексических единиц.

---

[65] См. о понятии семантической параллели в [5, 399]: «Воспроизведение некоторого семантического перехода в другом слове называется «семантической параллелью»».

[66] Иными словами, правильнее записывать данный семантический сдвиг следующим образом: ‘есть (пищу)’ ↔ ‘разрушать’.

[67] Деление объекта на части, тем более, деление на очень мелкие составляющие, означает нарушение целостности объекта и в картине мира многих языков часто ассоциируется с разрушением этого объекта.

[68] Возможно, это свидетельствует об особенно сильном неприятии лени и праздности в английской языковой картине мира.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Том 1. Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009.

2. Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

4. Богуславская О.Ю. Лексикографические проблемы описания временной лексики // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю.Д.Апресяна. М., «Языки славянских культур», 2011.

5. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

6. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Как мы проводим дни и ночи // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур. 2012.

7. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Словари (список условных сокращений)

АРС — Англо-русский словарь глагольных словосочетаний / Под ред. Э.М. Медниковой. М. М.: Рус.яз., 1986.

АРСС — Англо-русский синонимический словарь / Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др.; Под рук. А.И. Розенмана, Ю.Д.Апресяна. М.: Рус. яз. 1979.

БАРС — Большой англо-русский словарь: в 2-х т. / Авт. Ю.Д. Апресян, И.Р. Гальперин, Р.С. Гинзбург и др. Под общ. рук. И.Р. Гальперина и Э.М. Медниковой. — 4-е изд., испр., с Дополнением. М.: Русский язык, 1987.

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка // Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2009 года [http://www.gramota. ru/ slovari].

ГрГр — Гринева Е.Ф., Громова Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка. М.: Русский язык, 1988.

ГТ — Французско-русский словарь активного типа /В.Г. Гак, Ж. Триомф, Г.Г. Соколова и др.: Под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа. 2-е изд., испр. М.: Русский язык, 1998.

КС — Кортней Р. Словарь глагольных идиом. М.: Рус.яз., 1986.

КСА — Бентон М., Бентон Э, Илсон Р. Комбинаторный словарь английского языка. М., Рус. яз,. 1990.

ЛРС — Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, перерработ. и доп. М.: Русский язык, 1976.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка //http://www.ruscorpora.ru.

ОШ — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // http://www.classes.ru.

РК — Кортней Р. Словарь глагольных идиом. М.: Рус. яз., 1986.

ТСРЯ — Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка // http://www.classes.ru.

ABBYY — ABBYY Linguo.Pro // http://lingvopro.abbyyonline.com.

AD — Doillon A. Dictionnaire de l'argot. P.: Éditions Robert Laffont, 2010.

AC6 — Dictionnaire de l'Académie française. La 6e édition (1835) //http://www.cnrtl.fr.

AC8 — Dictionnaire de l'Académie française. La 8e édition (1932—1935) //http://www. cnrtl.fr.

AHD — American Heritage Dictionary of the English Language //http://education. yahoo. com /reference /dictionary.

CAD — Cambridge Advanced Learner's Dictionary //http:// dictionary.cambridge.org.

CED — Collins English Dictionary //http://www. collinsdictionary.com.

CM — Collin J. P., Mével J. P., Leclère Ch. Dictionnaire de l'argot. P.: Librairie Larousse, 1992.

COD — Compact Oxford English Dictionary //http://oxforddictionaries.com.

DEC — Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches léxico-sémantiques IV / Melčuk I., Arbatchewsky -Jumarie N., Elnitsky L. Rédaction André Clas. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal, 1999.

DFV — Davau M., Cohen M., Lallemand M. Dictionnaire du français vivant. P.: Bordas, 1976.

EL — Littré E. Dictionnaire de la langue française (1872—77) //http://artflx.uchicago.edu.

FD — The Free Dictionary by Farlex// http://www.thefreedictionary.org.

GE — Esnault G. Dictionnaire historique des argots français. P.: Librairie Larousse, 1965.

ID — Infoplease Dictionary //http://www. infoplease.com/dictionary.

LD — Longman Dictionary of Contemporary English. Словарь современного английского языка: в 2-х т. М.: Рус. яз, 1992.

MD — Macmillan Dictionary //http://www.macmillandictionary.com.

MWD — Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition //http://www.m.-w.com.

ND — Nouveau dictionnaire du français contemporain / Sous la direction de J.Dubois. P.: Larousse, 1987.

OED — Online Etymology Dictionary //http://www.etymonline.com.

OUD — The Oxford Universal Dictionary on historical principles. Third edition, revised with addenda. Oxford University Press, Amen House, London E.C., 1955.

PR — Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française par Paul Robert. P.: Dictionnaire LE ROBERT, 1970.

TLFI — Le Trésor de la langue française informatisé // // http://atilf.atilf.fr.

VC — Vocabulary.com //http://www.vocabulary.com.

WED — The Wordsmyth English Dictionary-Thesaurus //http://www.wordsmyth.net.

WK — Wiktionary //http://wikipedia.org.

WN — Wordnik //http://www.wordnik.com.

А.В. Калашников (НИУ ВШЭ; ИЯз РАН)

A.V. Kalashnikov (National Research University Higher School of Economics; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Современные требования к статьям в зарубежных научных журналах

Current requirements to articles in international academic journals

Аннотация

Статья посвящена публикации научных статей в зарубежных англоязычных журналах. В ней представлены основные требования рецензируемых изданий к статьям и даны советы по написанию и оформлению статей в зарубежных журналах и сборниках. Проанализированные требования журналов и справочников по оформлению научных работ позволили создать ряд рекомендаций, которые могут быть полезными для аспирантов и ученых, не имеющих опыта публикации за рубежом.

The article is devoted to preparing an academic paper for publication in academic English-language journals. It represents the basic requirements of peer-reviewed journals to articles and advice is provided as to writing and editing articles for foreign journals and edited collections. The requirements under consideration have let formulate recommendations which will be of value for postgraduate students and researchers lacking experience of being published abroad.

Ключевые слова

рецензируемый англоязычный журнал, индексы цитирования, оформление статей, библиография, справочники по оформлению статей

peer-reviewed English-language journal, citation indexes, bibliography list, style guides

В западном академическом мире существует концепция *publish or perish* (букв. ‘печатайся или погибни’), т.е. обязательное регулярное опубликование научных статей профессорско-преподавательским составом университетов. Научная деятельность как

один из компонентов университетской работы становится актуальной и в России, и, вероятно, со временем актуальность будет только расти.

Выбор темы данной статьи обусловлен тем, что, когда у российских ученых возникает необходимость обнародовать результаты исследований, требования к публикациям в зарубежных журналах могут представлять для них трудность. Достаточно часто хорошая идея не находит отклика в научных кругах именно из-за недостатков текста на иностранном языке. Аспирантам и молодым ученым можно сначала попробовать опубликоваться в сборнике конференций или неиндексируемом журнале. Опубликование научной работы в индексируемом журнале — процесс гораздо более трудоемкий и длительный.

Многие зарубежные журналы включены в тот или иной индекс цитирования научных статей. Российским его аналогом выступает Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), представляющий собой базу данных по научной периодике. Сведения об этом индексе находятся на сайте http://www.elibrary.ru. К наиболее известным зарубежным индексам относятся базы данных *Scopus* и *Web of Science*, в которые входят и некоторые российские журналы из списка ВАК, специализирующиеся на точных науках.

Scopus представляет собой библиографическую базу данных, содержащую аннотации и цитаты из статей в рецензируемых научных журналах (*peer-reviewed journals*). В этот индекс, составляемый голландским издательством *Elsevier*, входит около 18 000 изданий, печатаемых пятью тысячами издательств. В индекс *Scopus*, в частности, входят и российские журналы: *Biochemistry*, *Supplemental Series A*, *Russian Journal of Mathematical Physics*, *Russian Journal of Nematology*, «Авиакосмическая и экологическая медицина», «Алгебра и логика», «Археология, этнография и антропология Евразии», «Биология моря» [1].

Группа индексов цитирования в базе данных *Web of Science*, принадлежащей компании *Thomson Reuters*, состоит из 6 подгрупп: *Arts & Humanities Citation Index*, *Social Sciences Citation Index*, *Science Citation Index Expanded*, *Conference Proceedings Citation*

Index, *Index Chemicus*, *Conference Proceedings Citation Index* [18]. Примечательны индексы гуманитарных и социальных наук — соответственно, *Arts & Humanities Citation Index*, охватывающий 1395 журналов, в том числе лингвистических, и *Social Sciences Citation Index* (SSCI), фиксирующий цитирование более чем в трех тысячах периодических изданий.

Далее мы сосредоточим внимание на следующих вопросах: требования к структуре научной статьи, правила оформления, подача статьи на рецензию.

Требования к структуре научных статей

В данном разделе рассмотрены требования к оформлению статей научных рецензируемых журналов. Структура стандартной статьи состоит из заглавия, аффилиации, аннотации и ключевых слов, основной части, выводов и библиографии. Требования к публикациям серьезны, но при этом предельно четки.

Заглавие, обычно состоящее из фразы до 20 слов, должно отразить содержание статьи. Некоторые служебные слова, особенно артикли, могут пропускаться. Точка в конце заглавия не ставится, например: “Non-isotermal soil water transport and evaporation” [7]. Аффилиация предполагает указание полного имени автора, института или университета, в котором этот автор работает: “Yoram Cohen, Department of Chemical Engineering and Center for Environmental Risk Reduction, University of California”.

Аннотация из 100—250 слов содержит информацию о гипотезе (*thesis*), цели, экспериментах и методах, основных результатах и заключении, в котором указывается применение результатов исследования. Текст аннотации пишется в прошедшем времени, например:

Research on numerical schemes on fluid-solid interaction has been quite intensive in the past decade. The difficulties associated with accurate predictions of the interaction at specific spatial and temporal levels. Traditional computational fluid dynamics schemes are struggling to predict at high level of accuracy for this type of problem [Основной тезис]. Hence, in the present study, an alternative numerical scheme was proposed to predict the fluid flow and coupled with a Lagrangian scheme on the prediction of solid phase [Цель]. The dynamics of a

solid particle in a lid-driven cavity was investigated at a wide range of Reynolds numbers [Объем, рамки исследования]. The results show that the particle trajectories are critically dependence on the magnitude of Reynolds numbers and the vortex behavior in the cavity [Выводы]. Good comparisons with the experimental and previous studies demonstrate the multidisciplinary applications of the present [Заключение] [11].

Введение предполагает стандартный объем 1—1,5 стр. В этом разделе дается степень разработки проблемы на данном этапе и обзор литературы по теме. Желательно указать 15—20 источников за последние три года. В последнем параграфе указывается цель исследования. Недостаточно качественный обзор по теме работы не дает представления о степени понимания указанных работ и способности понимать, оценивать и анализировать предшествующие работы: *Ученый А открыл, что* <…>; *ученый L провел эксперименты* <…>; *ученый N обнаружил, что* <…>.

Пример обзора в научной статье:

To the best of authors' knowledge, only Tsorng et al. (2006) reported details experimental results on the behavior of solid particles in liddriven cavity flow from micro to macro size of particles. Other experimental works are Adrian (1991), Han et al. (1999), Matas et al. (2004), Ushijima and Tanaka (1996), Ide and Ghil (1997), Hu (2003), Liao (2002). However, according to these papers, high accuracy of laser equipments together with high-speed digital image capture and data interpretation system is required to obtain reliable experimental data. Such these high cost experimental devices will not be affordable if not supported by research fund.

As their model predicts excellent results when compared to the experimental results, however, the complicated nature of Navier-Stokes equation demands high computational time in resolving fluid part. [3, 11].

Упомянутые источники нужно проанализировать и высказать собственную точку зрения относительно изложенного предшественниками. Также можно проводить обзор литературы не по отдельным авторам, а группируя точки зрения по определенному вопросу, как бы суммируя мнения нескольких ученых или научных школ.

В основной части представляются материалы и методы, применявшиеся в исследовании, и характеристики образцов. Раздел, посвященный результатам и обсуждению, предполагает описание полученных результатов и их сопоставление с полученными ранее данными. Объем заключения не должен быть больше трети страницы или одного параграфа. Оно содержит сведения о степени вклада статьи в исследование в данной сфере, особенностях и отличиях данного исследования, практическом применении результатов и рекомендации, что можно сделать в этой области исследования в дальнейшем.

Правила оформления статей

Требования к оформлению, как правило, помещены на сайтах журналов в таких разделах, как *Author guidelines* и *Information for contributors*. Перед тем как готовить статью к отправке, рекомендуется выяснить требования к публикациям еще на этапе написания.

В качестве примера сжато изложенных требований, предъявляемых разными журналами, можно ознакомиться с информацией, приведенной в Приложении 1. Эти требования преимущественно сходны: статьи направляются по электронной почте, объем аннотации — около 200 слов, постраничные сноски не рекомендуются, таблицы используются редко, заглавие должно быть кратким.

Требования журналов основаны на известных в академическом сообществе справочниках, в частности, «Справочнике Ассоциации современного языка» (*The MLA Style Manual; Modern Language Association*) [10], «Справочнике Американской психологической ассоциации» (*The APA style; American Psychological Association*) [2] и «Чикагском руководстве по типографике» (*The Chicago Manual of Style*) [5].

«Справочник Ассоциации современного языка» применяется в журналах по изучению английского языка, гуманитарным наукам, литературе, журналистике, страноведению и смежным дисциплинам. Требования MLA используются более чем в 1100 периодических изданиях, в частности в *Journal of Canadian Studies*, *Canadian Slavonic Papers* (см. Приложение 1).

«Справочник Американской психологической ассоциации» (*The APA Style*) представляет собой свод правил, требуемых в журналах Американской психологической ассоциации. Эти правила разрабатывались для социологических работ, но сейчас эти нормы распространяются на большее число журналов гуманитарного и социологического профиля, например, *Psychology, Journal on Education* (см. Приложение 1).

В «Чикагском руководстве по типографике» (*CMS*) излагаются правила американского варианта английского языка. Рекомендации этого руководства применяются в публикациях по социологии и истории, а также в изданиях Американской антропологической ассоциации и Организации американских историков (см. *Kritika*, *Slavic Review* в Приложении 1).

Полезными в этих справочниках являются рекомендации по оформлению цитат и библиографии (см. Приложение 2).

Говоря о цитировании, следует отметить, что постраничные сноски используются крайне редко. Возможно, это объясняется тем, что они отвлекают читателя от основного повествования. Если информация заслуживает упоминания ее необходимо указать непосредственно в тексте работы. Цитаты из пяти и более строк нужно оформлять отдельным абзацем, например:

Robert Flaherty's refusal to portray primitive people's contact with civilization arose from an inner conflict:

He had originally plunged into the role of explorer and prospector; before Nanook, his own father was his hero. Yet as he entered the Eskimo world, he knew he did so as the advance guard of industrial civilization, the world of United States Steel and Sir William Mackezie and railroad and mining empires. (Barnouw 45) [14, 178].

Библиографические описания, озаглавленные в зависимости от справочника: *Works Cited* (MLA), *References* (APA), *Bibliography and Works Cited* (CMS), — предполагают ряд отличий. В целом, оформление библиографических списков основывается на двух принципах: ванкуверской системе (*the Vancouver system*) и гарвардской системе цитирования (*the Harvard System of Referencing*). В ванкуверской

системе, распространенной в изданиях по физике и медицине, цитируемые источники нумеруются в тексте работы и даются в библиографии в порядке их упоминания:

Annas GJ. New drugs for acute respiratory distress syndrome. N Engl J Med. 1997;337:435—9.

Grinspoon L, Bakalar JB. Marijuana: the forbidden medicine. London: Yale University Press; 1993.

Feinberg TE, Farah MJ, editors. Behavioural neurology and neuropsychology. 2nd ed. New York: McGraw-Hill; 1997. [13]

В гарвардской системе источники располагаются в алфавитном порядке, а в тексте после цитаты ставятся скобки с указанием фамилии автора, года издания и страницы, например: (Baron 2008, p. 56), а в библиографии дается полное описание источника без нумерации: Baron, D. P., 2008. Business and the organization. Chester: Pearson [8].

Библиографическое описание состоит из пяти основных элементов: автор, заглавие, место издания, издательство, год. В зависимости от стиля порядок расположения этих элементов может отличаться (см. Приложения 3, 4). В частности, в APA год обозначается сразу после указания автора, а между фамилией и именем ставится запятая. Заглавие пишется курсивом. Примечательно, что при ссылке на русскоязычные источники названия обычно требуется транслитерация или транскрипция. Пример из требований журнала *Canadian Slavonic Papers* [4]:

Giui de Mopassan, *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 30 (St. Petersburg: Shipovnik, 1909—1912) 19—20.

Отправка статьи в редакцию журнала

При отправке статьи необходимо подготовить сопроводительное письмо. В нем автор должен указать название статьи, дать обещание учитывать точку зрения рецензентов, подчеркнуть новизну исследования и цель.

Необходимо отметить возможные причины отказа опубликовать статью, т.е. отрицательных рецензий. По мнению редактора журнала *Oxford Review of Education*

профессора Оксфордского университета Дэвида Филлипса (см. [12]), причинами отказа могут стать следующие обстоятельства: плохой язык (стилистические, морфологические, синтаксические ошибки); неотредактированная рукопись; несоответствие тематике журнала; отсутствие научной новизны; слабая теоретическая база.

Рассмотрение статей независимыми экспертами занимает около 3—6 месяцев; затем авторам присылаются рецензии. При положительном ответе период публикации составляет в среднем один год (журналы выходят раз в три месяца или даже один раз в год).

Заключение

В данной статье были рассмотрены требования зарубежных англоязычных журналов: создание структуры научной статьи; понимание правил оформления статей для зарубежных журналов; выявление различий требований справочников; оформление цитат и библиографии. Сведения о зарубежных индексах цитирования дадут возможность авторам научных работ подобрать издание, тематически соответствующее их исследованиям. Предложенные сведения и рекомендации также могут использоваться при обучении научному изложению на английском языке.

Подводя итоги рекомендациям по подготовке статей в англоязычные рецензируемые журналы, следует отметить ряд отличий от аналогичных требований в российских журналах — в частности, отсутствие единого свода требований к оформлению научных работ, менее четко регламентированные правила библиографического описания работ, представленных в электронном виде.

Литература

1. Российские журналы в базе данных *Scopus* // http://health.elsevier.ru /about/news/?id=899.

2. American Psychological Association style // http://owl.english.purdue.edu/owl/.

3. Azwadi, C.S., Nor Hamizan, M.S., Ammar, N.M. Assessment of lattice Boltzmann simulation scheme in predicting two-phase (solid-fluid) flow. Jurnal Mekanikal, December 2010, #31, 11—16.

4. Canadian Slavonic Papers // http://www.ualberta.ca/~csp/Submissions. html# Guidelines.

5. Chicago Manual of Style, The //http://www.aaanet.org/publications /guidelines.cfm.

6. Educational Research and Reviews // http://www.academicjournals.org/err/.

7. Grifoll, G., Gasto, J.A., Cohen, Y. Non-isotermal soil water transport and evaporation // www.sciencedirect.com.

8. Guide to Harvard System of referencing: basic concepts // http://libweb. anglia.ac.uk/referencing/files/ShortHarvardGuide2012Sept.pdf.

9. Kritika // http:// www.slavica.com/journals/kritika/kritika.html.

10. MLA Style Manual, The // http://www.mla.org/style_faq.

11. Patankar N.A., Joseph D.D. Lagrarian numerical simulation of particular flows // http://www.aem.umn.edu/people/faculty/joseph/archive/docs/LNS-pap.pdf.

12. Phillips D. Recommendations of Professor David Phillips http://www.education.ox.ac.uk/about-us/directory/professor-david-phillips/.

13. Reference Styles (BMA Library factsheet) //http://bma.org.uk/about-the-bma/bma-library/ask-for-help/reference-styles.

14. Rosen L. The Academic Writer's Handbook. London: Pearson Longman, 2006.

15. Science for Computer Programming //http://www.journals.elsevier.com /science-of-computer-programming/.

16. Scopus // http://www.info.sciverse.com/scopus/.

17. Thomson Reuters // http://thomsonreuters.com/.

18. Web of Science //http://thomsonreuters.com/products_services/science/science_ products/ a-z/web_of science/.

Приложение 1. Обзор требований журналов.

Журнал	Kritika [9]	Canadian Slavonic papers [4]	Science for Computer Programming [15]	Educational Research and Reviews [6]
URL	http://www.slavica.com/journals/kritika/kritika.html	http://www.ualberta.ca/~csp/Submissions.html #Guidelines	http://www.journals.elsevier.com/science-of-computer-programming	http://www.academicjournals.org/err/
Тематика	История России и стран Евразии	Славянские народы	Программное обеспечение	Образование
Заголовок	Краткий, отражающий содержание	—-	Сжатый и информативный	Краткий
Аффилиация	Указывается		Указывается	
Способ подачи	Эл. почта	Эл. почта	Эл. почта	Эл. почта
Аннотация	—	200 слов	Содержит краткое описание цели работы. Просьба не давать ссылок на др. источники	100—200 слов
Ключевые слова	—	—	6	3—10
Сноски	Да	—-	При необходимости	—
Объем	5 000—10 000	25 страниц	—	Любой

статьи	слов			достаточный для ясного изложения
Таблицы	Разрешаются	Избегать при дублировании материала	При необходимости	В минимальном объеме
Справочник	CMS	MLA	Требования издательства «Эльзевир»	APA

Приложение 2. Цитирование в тексте

MLA	In The Human Stain, Coleman Silk feels his decision to pass for white is a choice to be “unalterably separated from what he was handed at birth, free to struggle at being free like any human being would wish to be free” (Roth 139). [14, 178]	Комментарии: точка ставится не внутри кавычек, а в самом конце после указания ссылки на источник; автор и страница не отделяются запятой; сокращение p. (= стр.) не добавляется.
APA	It has been shown that “by Roman times, almost all of today’s leading crops were being cultivated somewhere in the world” (Diamond, 1999, p. 128). [14, 194]	Комментарии: указание автора, года издания и номера страницы отделяются запятыми.
CMS	According to Johnson (2009, 143), there is no universal grammar; rather, all children learn grammar through their "individual discourse communities." [14, 205]	Комментарии: между обозначениями года и страницы ставится запятая.

Приложение 3. Библиографическое описание книги по MLA, APA, CMS (см. [14])

(MLA) Автор	Заглавие	Место издания	Издательство	Год

Paul Mariani,	Alexander Hamilton.	New York:	Penguin,	2004.
Paul Mariani, Alexander Hamilton. New York: Penguin, 2004.				

(APA) Автор	Год	*Заглавие*	Место издания	Издательство
Kayakani, Julie.	1994.	*Sociology for All*.	New York: New Press.	New Press.
Kayakani, Julie. 1994. *Sociology for All*. New York: New Press.				

(CMS) Порядковый номер	Автор	*Заглавие*	Место издания	Издательство	Год
1.	Pierre Bourdieu,	*Reproduction in Education, Society, and Culture*	London:	Sage,	1977.
1. Pierre Bourdieu and Jean-Claude Passeron, *Reproduction in Education, Society, and Culture* (London: Sage, 1977).					

Приложение 4. Библиографическое описание журнальной статьи по MLA, APA, CMS.

MLA	Binder, Sarah. “The Dynamics of Legislative Gridlock, 1947—1996.” American Political Science Review 93 (1999): 519–31. [14, 184]	Комментарии: название статьи указывается в кавычках; год указывается после названия журнала
APA	O’Mealy, J. H. (1999). Royal family values: The Americanization of Alan Bennett’s The Madness of King George III. *Literature/Film Quarterly,* 27(2), 90—97. [14, 198]	Комментарии: год указывается после указания на автора; название статьи дается без кавычек; название журнала выделяется курсивом.

CMS	10. John J. DiIulio, Jr., “Broken bottles: Alcohol, Disorder and Crime,” The Brookings Review 14 (1996): 14. [14, 207]	Комментарии: название статьи указывается в кавычках.

В.И. Карпов (Институт языкознания РАН)

V.I. Karpov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Лексикографические трудности при описании несловарных лексем

Lexicographic Difficulties in Ordering Non-Dictionary Words

Аннотация

В статье рассматриваются лексемы, которые зафиксированы у многих немецких авторов, но не внесены в одно- и двуязычные словари. В фокус внимания попадают единицы, получившие при переводе ошибочные либо неполнозначные соответствия, в частности, на примере лексемы *das Burgundergesicht* анализируются интерпретативные неудачи переводчика при работе с иноязычным художественным текстом и предлагаются способы преодоления лексикографических трудностей.

The paper deals with words that, though used by many German writers, are not present in dictionaries and lexicons. These units are mostly undertranslated or mistranslated. The author focuses on the lexeme *das Burgundergesicht* and its occurrences in fiction, providing an extensive analysis of translation failures when interpreting a foreign literary text, as well as suggesting several approaches towards overcoming such difficulties.

Ключевые слова

лексикография, перевод, художественный текст, семантика, композит

lexicography, translation, literary text, semantics, compound-word

Исследования по критике перевода в отечественной лингвистике проводятся в рамках активно разрабатываемой «теории лакун». Ключевым в работах оказывается понятие «делакунизации», которая рассматривается как одна из составляющих деятельности переводчика, связанная со считыванием контекстуально актуализованных значений единиц переводимого текста и их перекодированием в единицы текста

перевода. Особое место отводится анализу самого популярного в переводоведении вопроса — интерпретативным неудачам переводчика при работе с иноязычным художественным текстом. В фокус внимания попадают единицы, получившие при переводе ошибочные либо неполнозначные соответствия. Поскольку доля подобных единиц в любом художественном произведении достаточно высока, текст для переводчика оказывается «изначально лакунизированным», что, в свою очередь, делает делакунизацию неизбежной [4, 5].

Лакунарность рассматривается, прежде всего, как лингвокультурологический феномен, границы которого в значительной мере размыты и многие определения весьма условны, поэтому исследователи сталкиваются с трудностями методологического характера, а именно с необходимостью разработать методику идентификации лакун, ставших причинами переводческих неудач. Так, в ряде работ предлагается выявить основной корпус единиц, вызвавших наибольшие переводческие трудности, их переводные соответствия (вводится используемая в теории лакун терминологическая пара «*транслема*» — «*транслят*» [2]) и провести «анализ расхождений между транслемами и транслятами <...> путем сопоставления семемного состава лексического значения каждой выявленной транслемы с семемным составом лексического значения транслята» [4, 64]. При семантическом описании сопоставляемых единиц учитывается контекстуальное окружение транслем в оригинальном тексте и, как правило, используются данные одноязычных толковых и двуязычных переводных и лингвострановедческих словарей. В большинстве случаев данная методика позволяет зафиксировать случаи явных ошибок перевода, вызванных неверной интерпретацией переводчиком исходной единицы, выявить те приемы, которые приводят к смысловому искажению оригинала при переводе. Однако при анализе вариантов перевода единиц, не занесенных в одно- и двуязычные словари, исследователи сталкиваются с серьезными трудностями. Речь идет не об авторских окказионализмах, а о лексемах и словосочетаниях, которые зафиксированы у многих немецких авторов, но по какой-то причине не отражены в словарях. В этом случае исследователи предлагают прибегнуть к

компонентному анализу выявленных композитов и рекуррентных словосочетаний, сопоставить компоненты с соответствующими полнозначными лексемами русского языка и выбрать то значение компонента, которое является либо наиболее адекватным «по отношению к немецкой лингвокультуре» [4, 135], либо «принятым в русской лингвокультуре» [4, 139]. Мы позволим себе не согласиться с подобным подходом, поскольку почти во всех рассматриваемых случаях он уводит исследователей от верных оценок предложенных переводчиками транслятов. Проиллюстрируем наше возражение на конкретном примере — композите *das Burgundergesicht*.

В романе Э.М. Ремарка «Три товарища» данная лексема зафиксирована в следующем контексте: *Ein Mann mit einem Burgundergesicht und aufgezwirbeltem weißen Schnurrbart starrte mich entrüstet an* [15, 120], чему соответствуют два переводных варианта: 1. ‘Передо мной стоял человек с лицом бургундца и закрученными седыми усами’; 2. ‘На меня сердито смотрел мужчина с лицом цвета бургундского и закрученными седыми усами’.

Сложности, связанные с переводом композита *das Burgundergesicht*, известны и по произведениям других немецких авторов, ср., в частности, фрагмент из романа Кристы Вольф «Размышления о Кристе Т.»: *Feiste gedankenlose Grauköpfe, hagere, bleichhäutige Fanatiker, ein verschmitztes Burgundergesicht, ein guter gedankenvoller Gelehrtenkopf und mein Träumer, der Seidenhaarige, der den Schrein öffnen durfte* [21]. Переводчик и здесь явно не справился со своей задачей, предложив крайне неудачный вариант: ‘Крепкие, бездумные, седовласые старцы, изможденные бледнокожие фанатики, там лукавая бургундская физиономия, здесь хорошее глубокомысленное лицо ученого и, наконец, он, мой мечтатель, мягковласый, тот, кому дозволено отпирать ризницу’ [1].

Главная задача, возникающая при анализе данного композита, заключается в определении источника метафоризации, обусловившего, видимо, и специфику использования лексемы немецкими авторами. Несомненно, мы имеем дело с идиоматизированной единицей, значение которой выводимо по общим правилам анализа значения идиом.

Типология мотивации во многом зависит от того, какими структурами знаний мотивировано значение различных идиом. Говоря о семантической мотивации, или мотивации значения идиомы знаниями, связанными со значением ее отдельного компонента или всего сочетания в свободном употреблении, принято различать: метафорическую мотивацию, включающую мотивацию концептуальной метафорой, и мотивацию типизированной ситуацией, заложенной в образной основе идиомы; символьную мотивацию, при которой релевантные структуры знаний связаны с одним компонентом идиомы, значение которого переосмысливается в результате метонимического сдвига под влиянием внеязыковых, культурно-обусловленных ассоциаций; интертекстуальную мотивацию (идиомы являются явными или скрытыми цитатами и указывают на конкретный текст-источник) и формальную (индексальную) мотивацию, т.е. мотивацию на основе формальной структуры или фонетических особенностей идиомы [3].

В ряде работ частично оспаривается устоявшееся в традиционной теории фразеологии мнение о невыводимости значения идиомы из значений ее компонентов и — как следствие — ее структурной и семантической неделимости. В традиционном понимании устойчивость выражения идиомы состоит в том, что она фиксируется в словаре, а не порождается каждый раз по правилам грамматики. При этом в устойчивости выделяются два взаимосвязанных аспекта — структурный и узуальный: структурный аспект характеризует выражение с точки зрения его внутреннего устройства, а узуальный аспект состоит в восприятии выражения языковым социумом как часто повторяемого в речи. На конкретных примерах, демонстрирующих синтаксическую членимость идиом, некоторыми учеными доказывается условность и/или неполноценность такого подхода. Так, в частности, специфическое синтаксическое поведение идиом (разложение комплекса на слова-компоненты и их разнесение по различным синтагмам) далеко не всегда определяется только узусом, за этим подчас могут скрываться более серьезные семантические причины. В принципе, речь идет не о семантической разложимости идиомы, а о ее операционном потенциале в коммуникативном акте, связанном с

«подвижностью» («модифицируемостью») смысловой структуры метафоры, лежащей в основе идиомы. Происходит переосмысление одного из компонентов идиомы, которое носит случайный, индивидуальный, народно-этимологический характер, но строится при этом по строгим, узуально регламентированным и приемлемым в конкретном социуме правилам словоупотребления. Содержательный аспект идиом в разных языках оказывается настолько многослойным, насыщенным этнокультурной информацией, что исключает возможность их полноценного перевода [11].

В приведенных положениях содержатся два ключевых для рассматриваемого примера указания: имея дело с символьной мотивацией идиомы, следует учитывать непрозрачный характер интерпретации ее значения носителями языка. Если вновь обратиться к теории лакун и прибегнуть к используемому в ее рамках терминологическому аппарату, то можно вполне обоснованно предположить, что в случае с *das Burgundergesicht* мы столкнулись с особым подвидом «внутриязыковой (интралингвистической) лакуны» [2], когда в языке на протяжении достаточно длительного времени существуют единицы, в большом количестве представленные в художественных текстах, референциальное значение которых размыто, так что сами носители языка подчас испытывают явные трудности с семантической интерпретацией. Сам Э.М. Ремарк в том же романе двумя страницами ниже ненавязчиво поясняет читателю: *Ist es so ein Kleiner, Strammer, mit einem roten Gesicht, einem weißen Schnauzbart und einer mächtigen Stimme?* [15, 122]. Другие авторы вынуждены прибегнуть к детальной дефиниции: *Monsieur de Chambertin führte nämlich seinen Namen insofern mit vollem Recht als sein Gesicht ein sogenanntes Burgundergesicht war, das heißt glühend roth und in Folge seiner Liebhaberei für gewisse feurige Sorten des edlen Rebensaftes mit einer Legion kleiner kirschrother Auswüchse bedeckt* [12, 90]. Примечательно, что в данном фрагменте Ф. Гален расставляет своеобразные метки: *sogenannt, das heißt, nämlich*, снимая с себя ответственность за употребление слова с непрозрачной семантикой.

В большинстве случаев лексему *das Burgundergesicht* сопровождают адъективные атрибуты, авторы считают необходимым дополнительно подчеркнуть основной признак цветовой метафоры: *roth braunes Burgunder-Gesicht* [6], *sein rotes Burgundergesicht* [19, 391], *mit hochrothem Burgundergesicht* [13], *ein kupferiges Burgundergesicht* [22], *in seinem rosigen Burgundergesicht* [17, 38]. Однако более важным при реализации лексической сочетаемости данной единицы является наличие дистрибутивных элементов, указывающих на почти обязательную деталь во внешнем облике описываемых персонажей — седые либо белые/светлые волосы (усы/борода) на фоне красного цвета лица как перманентное сочетание цветовых атрибутов внешности: *mit einem Burgundergesicht und weißem Schnurrbart* [15, 120], *ein stattliches Burgundergesicht mit vollem weißen Haarschopf* [20, 488], *der französische Kollege mit seinem vollen weißen Haar, dem rosigen Burgundergesicht und dem kleinen Bärtchen* [14, 117], *das Burgundergesicht von einem weißen Widerborst* [8, 146].

Сочетание *das Burgundergesicht* (*mit weißem Haar*)* не могло появиться случайно, оно, по всей видимости, является следствием творческой обработки семантики первого компонента носителями языка, в результате которой и возникают метонимические сдвиги под влиянием различных культурно обусловленных ассоциаций. Детально разбирая данный пример, некоторые исследователи отмечают, что по отношению к немецкой лингвокультуре адекватным можно было бы считать значение ‘бургундское вино’, «поскольку в оригинале идет речь о необычном цвете лица человека — темно-красного оттенка, свойственного бургундскому вину» [4, 135] (напомним, что Ремарк описывает персонажа ‘с красным лицом’ (*mit einem roten Gesicht*), в тексте не используется цветообозначение *dunkelrot*). Когда человек приходит в ярость, его лицо ‘багровеет’, приобретая ‘пунцовый цвет’, который ближе всего к палитре красок благородных французских вин; контексты указывают на частичную возможность использования рассматриваемой лексемы при описании подобных состояний: *Plötzlich ward eine Thür aufgerissen, ein wildbärtiger von oben bis unten mit Waffen besteckter Kerl in gelbem Nanking mit brutalem Burgundergesicht stürzte herein* [16, 187], *sein Burgundergesicht brannte dunkel*

in der scharfen Luft, und er sah riesig aufgeräumt aus [5]. Однако как сами контексты, так и приводимые в них в качестве дополнительных уточнителей прилагательные со значениями ʻрозовый’, ʻкрасный’, ʻогненно красный’, ʻкоричнево-красный’ свидетельствуют не столько об особом эмоциональном состоянии описываемого персонажа, сколько о присущей ему в силу определенных свойств организма характерной физиологической особенности: *Der rote Rock stand zu seinem Burgundergesicht weniger gut als zu der ausgesprochenen Aristokratenphysiognomie der Retzmer* [7, 428]; *es war der Geheimerath von Faltern, ein kleines, dickes Männchen, mit einem rothen Burgundergesicht* [10]; *wo der kleine rothe Bausback mich allenfalls konnte gesehen haben, hatte ich in der letzten Zeit kaum einige Monate gelebt; <...> auf allen diesen verschiedenen Lebenswegen war ich diesem Burgundergesicht nirgends begegnet* [9]; *näher rückte der kleine dicke Herr, dessen freundliches roth braunes Burgunder-Gesicht lächelnd auf den goldenen Stockknopf des spanischen Rohr’s ruhte* [6]. Так же следует трактовать значение данной лексемы и в контекстах, не наделенных специальными «цветовыми» комментариями, в которых описываются персонажи в своем обычном окружении и состоянии: *als ich mich umwandte, stand eine aufrechte breitschultrige Gestalt vor mir, und ein stattliches Burgundergesicht mit vollem weißen Haarschopf schaute aus kleinen zugeschnürten Augen gelassen ans mich herab* [20, 488]; *sein runzliges Burgundergesicht starrte auf die Dielen des Decks, als suche er dort ein verlorenes Glück, denn er war alt, hatte graue Haare und glanzlose Augen* [18, 15]; ср. также примеры, приводимые, в частности, поисковой системой www.google.com: *der dicke Filmregisseur mit dem Burgundergesicht erzählte in einer Ecke seinen Bewundern Witze*; *und der Gelehrte mit dem Burgundergesicht hat einen Opernauszug abgegeben — das Werk eines Freundes, das im Herbst zur Aufführung kommen soll*; *M. Joseph Guy, an dessen großartiges Burgundergesicht ich am ehesten denke*.

Итак, релевантным для семантики лексемы *das Burgundergesicht* является игра на цветовом контрасте — белое/седое на ярком красном фоне. Палитра красного цвета представлена довольно широко — от нежно-розового до красно-коричневых оттенков, реже речь идет о темно-красном сегменте, что наводит на определенные версии

возникновения метафорического значения. На наш взгляд, происхождение лексемы связано не столько с сортом французского вина, сколько с особым сортом винограда — *Grauburgunder* (*Pinot gris*), из которого производится белое бургундское вино. Отличительной чертой данного сорта является цвет виноградных ягод, которые в зависимости от года могут иметь интенсивную розовую, красную или коричневатую окраску, при этом ягоды покрыты беловато-серым налетом, сквозь который и проступает яркий цвет. Видимо, столь парадоксальное цветовое сочетание окраски ягод данного сорта винограда, который стал возделываться на территории Германии позже других бургундских (бургонских) сортов (со второй половины XVIII в.), послужило источником красочной метафоры, зафиксированной исключительно в литературных текстах начиная с первой четверти XIX века.

На уровне межъязыкового перевода рассматриваемый пример может классифицироваться как классическая лексическая лакуна: описываемое явление присутствует в обоих этноязыковых сообществах, но в принимающей лингвокультуре по каким-то причинам оно не снабжено специальным обозначением. В неопубликованной работе А.В. Павловой и Н.Д. Светозаровой «Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: справочник» в разделе «Лакунарность как таковая (an und für sich)» говорится, что множество лакун ничем не объяснимы, их наличие нельзя жестко детерминировать только практикой или историей того или иного народа; роль случая в том, как складывается лексический состав, очень велика». Такого рода примеры авторы предлагают относить к категории *лакун как таковых*, отмечая, что отсутствие единицы для обозначения предмета или явления далеко не всегда является проблемой для самих носителей языка. Так и в случае с композитом *das Burgundergesicht* русскоязычные литературные источники предлагают вполне однозначные и приемлемые варианты — ранг относительно устойчивого сочетания получает оборот *краснолицый* (*и*) *седой* (*белый*), представленный как в Национальном корпусе русского языка, так и в поисковых электронных ресурсах многочисленными примерами, в том числе и контекстами из произведений русских классиков (ниже приведены примеры из Национального корпуса

русского языка — www.ruscorpora.ru — с указанием автора и произведения-источника цитаты): *седой, краснолицый дядечка с невеселыми глазами циника* (М. Баконина. Школа двойников); *этот <...> краснолицый, общительный, седой человек, так и сыплющий остротами* (К.И. Чуковский. Короленко в кругу друзей); *Василий Степанович Цвях, краснолицый, мускулистый и седой <...> белоголовый и краснолицый доктор биологии* (В. Дудинцев. Белые одежды); *какой-то краснолицый старик с седой кудрявой головой* (И. Бунин. Гегель, фрак, метель); *предводитель дворянства, седой, большебородый и краснолицый человек* (М. Горький. Мать); *батальонный комиссар, краснолицый, седобровый* (К. Симонов. Живые и мертвые); *это был белобрысый, аккуратно стриженый, краснолицый, как всякий загорелый северянин, паренек, больше всего похожий на путешествующего амстердамского или стокгольмского студента* (А. Кабаков. Сочинитель).

При анализе семантики подобных «трудных» слов оригинала следует опираться не на собственное «чувство языка», а на примеры, приводимые в обширных текстовых корпусах (в частности, в национальных корпусах немецкого и русского языков), содержащие данные о контекстуальных значениях, прагматических, синтаксических, сочетаемостных и стилистических особенностях исследуемых единиц и о степени их распространенности в корпусе.

Литература

1. Вольф К. Размышления о Кристе Т. М.: Азбука-классика, 2004.

2. Лакуны в языке и речи. // Сборник научных трудов. Под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003.

3. Парина И.С. Представление семантики фразеологизмов в идеографическом словаре (на материале немецких идиом семантического поля «Речевая деятельность»). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

4. Рябова М.В. Делакунизация в художественном переводе (на материале произведений Э.М. Ремарка на немецком и русском языках). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

5. zur Bentlage, M. Geheimnis um Hunebrook. P. List, 1946.

6. Bohemia: oder Unterhaltungsblätter für gebildete Stände. Siebenter Jahrgang. Zweites Semester. № 119, Prag 1834.

7. Böttcher M. Die Wolfrechts. Antäus-verlag, 1943.

8. Brězan J. Semester der verlorenen Zeit. Neues Leben, Berlin. 1986.

9. Clauren H. Die Großmutter. Eine Erzählung. Wien, 1825.

10. Der erzählende Hausfreund in den Stunden der Erholung oder Magazin interessanter Novellen, Erzählungen, biographischer Züge, historischer Kriegsbegebenheiten, Anekdoten und Schwänke № 20, Zweibrücken.1838.

11. Dobrovol'skij D., Piirainen E. Zur Theorie der Phraseologie. Kognitive und kulturelle Aspekte. Stauffenburg Verlag. Tübingen, 2009.

12. Galen Ph. Der Strandvogt von Jasmund: Geschichtliches Lebensbild aus der Occupationszeit der Insel Rügen durch die Franzosen von 1807 — 1813. Ch. E. Kollmann. Leipzig, 1860.

13. Hold Ch. Das Testament der Tante. Eine Novellette. Ergänzungsblatt zur Bayerischen Presse. № 98. 1850.

14. Lamey B. Der Katzenkönig von Riga und andere Erinnerungen eines Auslandskorrespondenten. v. Hirschheydt, 1977.

15. Remarque E.M. Drei Kameraden: Roman / E.M. Remarque; mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. Köln: Kiepenheuer & Witsch Verlag, 1998.

16. Seidel H. Gesammelte schriften: Bd. Berliner Skizzen Neue Vorstadtgeschichte. Cotta, 1907.

17. Selbmann F. Der Mitläufer. Mitteldeutscher Verl., 1972.

18. Wedekind D. Bébé Rose (Rote Röckchen). Schmidt, 1904.

19. Weigend W. Wunnihun: eine roman-arabeske, mit einer borgeschichte. G. Müller, 1920.

20. Westermanns Monatshefte. Band 29. G. Westermann Verlag, 1871.

21. Wolf Ch. Nachdenken über Christa T.

22. Zeitung für die elegante Welt Berlin: Mode, Unterhaltung, Kunst, Theater. Herausgegeben von August Mahlmann. Neunter Jahrgang. Band 9. Leipzig.1809.

С.В. Костылева (Московский государственный лингвистический университет)

S.V. Kostyleva (Moscow State University of Linguistics)

Орнитонимы в языковом сознании носителей языка

Implementation of ornithonyms in native speakers' linguistic consciousness

Аннотация

Данная статья посвящена анализу ассоциативного эксперимента с носителями трех языков: английского, немецкого и русского. В качестве экспериментального материала использовалось тринадцать орнитонимов. Целью исследования является выявление совпадений общепринятых характеристик качеств личности, отождествленных с той или иной птицей, с характеристиками, существующими в ассоциативном сознании носителей языка, а также определение собирательного образа птицы, существующего в сознании носителя языка.

The paper deals with the analysis of a paired association test whose subjects were native speakers of English, German, and Russian. Thirteen ornithonyms were taken as the experimental material. The goal of the experiment was to find out the correspondence of common characteristic features of a person with the characteristics of a bird existing in the associative consciousness of a native speaker; as well as to determine the generalized image of a bird existing in the consciousness of a native speaker.

Ключевые слова

ассоциативное значение слова, ассоциации, ассоциативный эксперимент, картина мира

associative meaning of the word, associations, paired association test, linguistic model of the world

Орнитонимы (названия птиц) содержат лишь фрагмент целостной языковой картины мира, представленный концептом «птицы». Под картиной мира в современной

науке понимается целостный образ мира как совокупность ценностных миропредставлений человека, раскрывающих особенности его мировидения. Она включает ценностно-ориентированное знание о мире, возникающее у человека как итог всей его духовной деятельности. Под концептом понимается «культурно отмеченный вербализованный смысл, дискретная содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира, и представленная целым рядом своих реализаций. В этом понятии представлены не только значения конкретных лексических единиц, но и знания о мире и познающем его субъекте» [1, 267—279].

При всем многообразии птиц существуют особенности, характерные для данного класса объектов живой природы: строение тела птиц, их образ жизни, обитание на определенных территориях и т.п. «На бытовом уровне представления о птицах составляют часть *наивной картины* мира, поэтому окказиональное употребление орнитонимов может не соответствовать узусу» [3, 9].

В данной статье мы ставим перед собой следующие задачи: выяснить, совпадают ли общепринятые характеристики качеств личности, отождествленные с той или иной птицей, с характеристиками, выявленными экспериментальным путем; определить, как собирательный образ птицы, существующий в ассоциативном сознании носителей языка, позволяет по-новому истолковать и дополнить значение пословицы.

Для реализации этой задачи необходимо выяснить общепринятые представления о птицах, их характеристики и связь с качествами личности, с которыми они отождествляются, а затем сравнить полученные результаты с результатами эксперимента по трем языкам. Экспериментальное исследование проходило в несколько этапов. В качестве материала анализа выступали ассоциации, возникающие на слово-реакцию — орнитоним. При этом перед испытуемыми была поставлена строго определенная задача: назвать только те качества личности, которые ассоциируются с приведенными орнитонимами.

На первом этапе методом сплошной выборки из словарей паремий (в частности, [2]) были отобраны пословицы и поговорки по трем языкам, содержащие орнитонимы.

Затем были выявлены 13 орнитонимов, присутствующих в пословицах и поговорках каждого из этих языков. Межъязыковые соответствия и общее число паремий приведены в таблице 1:

Таблица 1. Орнитонимы в паремиях трех изучаемых языков

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
птица	*bird*	*Vogel*
воробей	*sparrow*	*Sperling*
ворона	*crow*	*Krähe*
голубь	*pigeon/dove*	*Taube*
гусь	*goose*	*Gans*
петух	*cock*	*Hahn*
курица/цыпленок	*hen/chicken*	*Huhn/Henne*
ласточка	*swallow*	*Schwalbe*
лебедь	*swan*	*Schwan*
сова	*owl*	*Eule*
соловей	*nightingale*	*Nachtigall*
утка	*duck*	*Ente*
павлин	*peacock*	*Pfau*
Общее количество паремий: 98	Общее количество паремий: 62	Общее количество паремий: 65

На следующем этапе экспериментального исследования была проведена классификация отобранных пословиц и поговорок для выявления и сравнения функций и формул паремий по трем языкам. Третий этап был посвящен анализу пословиц и поговорок, выявлению характеристик, приписываемых пословицам и поговоркам в фольклоре. В результате этого анализа было выявлено, что в некоторых случаях паремии по трем языкам имеют совпадения (65%), но также встречаются и несовпадения.

Например, орнитоним *птица* употребляется в пословицах и поговорках для выражения жизненных реалий во всех языках, для выражения совета — в русском и немецком языках, для обозначения ума и мудрости — только в английском.

На четвертом этапе был проведен ассоциативный эксперимент (см., например, [4; 5]) с участием носителей русского языка, изучающих английский и немецкий языки как иностранные. В исследовании приняло участие 40 человек, каждому был предложен бланк опроса с тринадцатью орнитонимами. В данной работе отображены только самые частотные ассоциации, полученные в ходе исследования. Эксперимент позволил доказать влияние ассоциативного образа птицы, сложившегося в родном языке, на соответствующий образ, возникающий в изучаемом иностранном языке. Исследование показало что, изучение иностранного языка практически не влияет на ассоциативное сознание носителя русского языка, а лишь дополняет ассоциативный образ объекта. Например, орнитоним *ворона* у носителя русского языка вызывает следующие ассоциации: *болтливая*, *наглая*, *глупая* и *хитрая*. Для людей, изучающих английский как иностранный язык, ворона не только *болтливая* и *глупая*, но также *злая* и *скупая*. Для людей, изучающих немецкий язык, ворона не только *злая*, но и *невнимательная*, *любопытная* и *завистливая*. Одно качество личности как бы является следствием другого: ‘злой’ > ‘завистливый’.

На последнем этапе исследования был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняло участие около 60 человек, с участием носителей трех языков. В ходе эксперимента были выявлены наиболее частотные ассоциации, возникающие у носителей на орнитонимы. Данный эксперимент позволил выявить, что лишь некоторые ассоциации на орнитонимы у носителей разных языков совпадают. В большинстве своем орнитонимы характеризуются по-разному.

Как известно, пословицы и поговорки берут начало в народной речи. Их внутреннее содержание отражает разнообразные стороны жизни людей: благоразумное или, напротив, глупое поведение, успех или неудачу, отношения между людьми (впечатления и чувства, например, одобрение и — значительно чаще — неодобрение,

дружелюбие и враждебность, ссоры и примирения, соперничество, коварство, осуждение, наказание и т.д.). В пословицах и поговорках отражается окружающий мир, их «атмосфера» — здравый смысл.

Представление о птицах как о человеческих душах распространено по всему миру так же широко, как и мнение, что они суть воплощение бессмертия и радости, земная форма божества — предсказателя судьбы. В представлениях людей, птицы — это воплощение мудрости, интеллекта и быстроты мысли. Во многих мифах, сказаниях и просто сказках птицы приносят полезные советы героям. Выражение *A little bird told* (*whispered to*) *me* ‘я получил секретные сведения из источника, о котором не хочу сообщать’ (букв. ‘маленькая птица мне сказала/шепнула’; ср. рус. *птичка на хвосте принесла*) основано на древнем поверье, что птицы могут выдать врагам секреты. Во фразеологии языка, его пословицах и поговорках проявляются представления людей о различных птицах, однако они не всегда совпадают с ассоциативными образами птиц.

В данной статье мы представляем несколько наиболее ярких примеров данного эксперимента.

Птица

Рус. *птица,* англ. *bird* и нем. *Vogel* часто используются в паремиях, но выражают совершенно разные идеи. На ассоциативном уровне *птица* для носителей всех трех языков связана со свободой, скоростью (*птица — быстрая*), с отсутствием ума как такового (*легкомысленная*). В то же время птица в восприятии носителей языка предстает как некто, знающий себе цену: *гордая*, *независимая*; ср. таблицы 2—4.

Таблица 2. Реализация орнитонима *птица* в пословицах и поговорках трех языков

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык

Жизненные реалии *Видна птица по полету.* *У всякой пташки свои замашки.* **Упрек и совет** *Ранняя птичка носок прочищает, а поздняя глазки продирает*	**Жизненные реалии** *A bird may be known by its song* (букв. ‘Птица может быть узнана по своей песне’). *Birds of a feather* [*flock to gether*] (‘Птицы одного оперения собираются вместе’). **Ум, мудрость** *You cannot catch old birds with chaff* (‘Нельзя поймать старых птиц на мякине’). **Призыв к решительным действиям** *He that fears every bush must never go a-birding* (‘Тот, кто боится каждого куста, никогда не должен идти ловить птиц’).	**Жизненные реалии** *Den Vogel erkennt man an den Federn* (букв. ‘Птицу узнают по перьям’). *Jedem Vogel gefällt sein Nest* (‘Каждой птице нравится свое гнездо’). **Совет** *Sei eine Schnecke im Raten, ein Vogel in Taten* ‘ (Будь улиткой в совете, птицей в делах’). *Vögel, die morgens singen, holt abends die Katze* (‘Птиц, которые поют по утрам, вечером ловит кошка’).

Таблица 3. Результаты эксперимента (выявление ассоциаций со словом *птица* в иностранном языке), проведенного с участием носителей русского языка

Ассоциации у изучающих английский язык	Ассоциации у изучающих немецкий

(*bird*)	язык (*Vogel*)
светлая (*bright*) *легкая* (l*ight*) *свободная* (*free*) *добрая* (*kind*)	*свободная* (*frei*) *быстрая* (*schnell*) *независимая* (*selbstandig*) *легкомысленная* (*leichtsinnig*)

Таблица 4. Ассоциации со словом *птица* у носителей 3 языков

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
свободолюбивая *быстрая* *умная* *самоуверенная* *целеустремленная* *легкомысленная* *независимая* *гордая*	*свободная* (*free*) *слабая* (*weak*) *летящая* (*flying*) *трусливая* (*apprehensive*)	*ответственная* (*verantwortlich*) *мечтательная* (*schwärmerisch*) *свободная* (*frei*) *гордая* (*stolz*) *самоуверенная* (*eingebildet*)

Утка

В русской и немецкой культурных традициях утка — это символ брачного союза, счастья, верности и преданности. Утка — заботливая мать, которая следит и ухаживает за своим потомством. В то же время англичане характеризуют утку с другой стороны. У них она не вызывает ассоциаций с семейной стабильностью и верностью. См. таблицы 5—7.

Таблица 5. Реализация орнитонима *утка* в пословицах и поговорках трех языков

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
Жизненные реалии *Высоко сокол загоняет серу*	**Жизненные реалии** *Never a duck was hatched by a*	**Жизненные реалии:** *Je fetter die Ente, je besser*

утицу. *Мертвым соколом утки не затравишь.*	*drake* (‘Никогда утку не высиживал селезень’). *Like a duck to water* (‘Как утка в воду’, ср. рус. *как рыба в воде*). *Like water of a duck’s back* (‘Как вода со спины утки’, ср. рус. *как с гуся вода*).	*schmeckt sie* (‘Чем жирнее утка, тем она вкуснее’).

Таблица 6. Результаты эксперимента (выявление ассоциаций со словом *птица* в иностранном языке), проведенного с участием носителей русского языка

Ассоциации у изучающих английский язык (*duck*)	Ассоциации у изучающих немецкий язык (*Ente*)
заботливая (*careful*) *глупая* (*silly*) *веселая* (*merry*) *равнодушная* (*indifferent*)	*ворчливая* (*brummig*) *медлительная* (*zögernd*) *заботливая* (*sorgsam*) *хозяйственная* (*haushälterisch*) *неповоротливая* (*plump*)

Таблица 7. Ассоциации со словом *птица* у носителей 3 языков

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
глупая *семейная* *заботливая* *хозяйственная* *неповоротливая*	*напыщенная* (*pompous*) *глупая* (*silly*) *ревнивая* (*jelous*) *самодостаточная* (*self-satisfied*)	*скупая* (*geizig*) *глупая* (*dumm*) *осторожная* (*vorsichtig*) *надежная* (*sicher*) *медлительная* (*zögernd*)

Павлин

Павлин олицетворяет сияющую славу, величие, неподкупность, гордость. Сверкающее великолепие хвоста павлина — причина сравнения его с бессмертными богами и, следовательно, ассоциаций с бессмертием. С образом павлина отождествляются грехи гордости, роскоши и тщеславия: (*as*) *proud* / *vain as a peacock*, букв. ‘гордый / спесивый, горделивый, тщеславный, как павлин’.

Благодаря эксперименту по выявлению ассоциаций со словом-стимулом *павлин* было установлено, что и русские, и англичане, и немцы единогласно придерживаются мнения о величии и бессмертии павлина: *гордый*, *степенный*, *важный*. Ср. таблицы 8—10.

Таблица 8. Реализация орнитонима *павлин* в пословицах и поговорках трех языков

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
Жизненные реалии *Грудь лебедина, походка павлина.* *Красна пава перьем, а жена — мужем.*	**Жизненные реалии** *Jackdaw in peacock’s feathers* (‘Галка в павлиньих перьях’, ср. рус. *ворона в павлиньих перьях*). *As proud as a peacock* (‘Горд как павлин’).	**Жизненные реалии** *Pfau, schau deine Beine!* (‘Павлин, покажи ножки’). *Man kennten Pfau an seine Federn* (‘Павлина узнают по его перьям’).

Таблица 9. Результаты эксперимента (выявление ассоциаций со словом *павлин* в иностранном языке), проведенного с участием носителей русского языка

Ассоциации у изучающих английский язык (*peacock*)	Ассоциации у изучающих немецкий язык (*Pfau*)

яркий (*bright*) *гордый* (*proud*) *счастливый* (*happy*) *жизнелюб* (*loves life*)	*умный* (*klug*) *сдержанный* (*reserviert*) *счастливый* (*glücklich*) *дружелюбный* (*freundlich*)

Таблица 10. Ассоциации со словом *павлин* у носителей 3 языков

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
Счастливый *Загадочный* *Целеустремленный* *Стойкий*	*Гордый* (*proud*) *Самодовольный* (*self-satisfied*) *Глупый* (*silly*) *Хвастливый* (*boastful*)	*Хвастливый* (*prahlerisch*) *Глупый* (*dumm*) *Гордый (stolz)* *Упрямый* (*eigensinnig*)
Смелый *Приносит удачу*	*Важный* (*pompous*) *Степенный* (*dignified*)	*Вычурный* (*geziert*)

Исходя из экспериментальных данных, можно сделать вывод, что каждый орнитоним уникален, так как вызывает определенные ассоциации у носителей английского, немецкого и русского языков, и определенным образом реализуется в паремиях. Каждый орнитоним отражает лишь фрагмент целостной картины мира и определенным образом реализуется в сознании носителя языка. Знания, полученные в процессе изучения иностранного языка, лишь дополняют ассоциативный образ орнитонима, существующего в родной культуре.

Литература

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. М., 1997.

2. Кожемяко В.С., Подгорная Л.И. Русские пословицы и поговорки и их немецкие аналоги. Санкт-Петербург, 2006.

3. Костина Н.Ю. Названия птиц как специфическая группа слов (на материале русского и английского языков). Автореф. дис. … канд. филол. наук. Орел, 2004.

4. Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин. М., 2002.

5. Тарасов Е.Ф. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под ред. И.Г. Дубова. М., 1997.

М.А. Павликова. (Институт языкознания РАН)

M.A. Pavlikova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

О диахронической сопряженности категорий временной отнесенности и вида в английском языке

On the Diachronic Conjugation of Taxis and Aspect in English

Аннотация

В статье рассматривается начальный этап формирования категории вида английского глагола, представленной сегодня формами разряда *Progressive*, как системное продолжение уже сложившейся к тому времени категории временной отнесённости, представленной сегодня формами разряда *Perfect*. Анализ соответствующих ранненовоанглийских конструкций ведётся на материале двух крупнейших памятников английского языка второй половины XV в. и первой половины XVI в. — романа Томаса Мэлори «Смерть Артура» (1485 г.) и трактата Томаса Элиота «Правитель» (1531 г.).

Анализ показывает, что развитие будущих аналитических глагольных форм Perfect и Progressive проходит в сопряжении: по мере повышения уровня парадигматизации перфекта увеличивается степень идиоматизации синтаксической конструкции *be* + **V***ing* — прообраза будущего английского прогрессива.

The article deals with the initial stage of the formation of the category of Aspect of the English verb (today manifested by Progressive forms) as a system extention of the category of Taxis (today manifested by Perfect forms) that had formed earlier. Examination of the respective Early Modern English constructions is made by virtue of two major English literary works of the late XV century and early XVI century, namely Thomas Malory's *Morte Darthur* and *The Governour* by Thomas Elyot.

The analysis of the texts in question shows that the development of would-be analytical forms of Perfect and Progressive proceeds in conjugation; as the level of the Perfect tense's

paradigmatisation rose, so did the degree of the *be* + **V***ing*'s idiomatisation, this syntactic construction being a predecessor of the English Progressive of today.

Ключевые слова

видовременная система, категория временной отнесённости, категория вида, межкатегориальные связи, синтаксические конструкции, аналитические формы, уровень парадигматизации, степень идиоматизации, бинарная основа, инвариант грамматического значения, синхронный срез, диахроническая сопряжённость

tense and aspect system, category of taxis, category of aspect, intercategorial relations, syntactic constructions, analytical forms, degree of idiomaticity, level of paradigmatizing, binary principle, invariant grammatical meaning, synchronic study, diaghronic correspondence

История видовременной системы английского глагола может считаться хорошо изученной: отдельные этапы её становления не раз являлись предметом специальных исследований, где основные усилия направлялись либо на изучение отдельных категорий глагола (т.е. всех входящих в данную категорию форм), либо были направлены на анализ какой-либо одной категориальной формы. Это означает, что в поле зрения исследователей попадали в первую очередь связи и отношения, существующие внутри категорий, а межкатегориальные связи, существование которых, очевидно, вытекает из самой постановки вопроса о видовременной системе, оставались невыявленными. Как следствие, стало актуальным изучение межкатегориальных отношений, их формирования и сущности в рамках видовременной системы глагола на настоящем этапе развития научных представлений. На необходимость постановки подобной задачи обратил внимание в свое время В.Я. Плоткин, писавший: «Для выработки современного представления о процессе становления аналитической морфологии английского глагола оказалось необходимым перейти от рассмотрения отдельных частей этого процесса к рассмотрению всего процесса в целом. <...> Можно ожидать столь же интересных результатов от целостного рассмотрения становления плана содержания видовременной

системы как единой семантической структуры, если при этом будут подвергнуты анализу первоэлементы данной структуры» [1, 88; 4, 76—77].

Такая постановка вопроса была следствием выдвинутого автором ранее положения о том, что система современного английского глагола построена на бинарной основе, и, следовательно, между любыми двумя глагольными категориями, составляющими видовременную систему (в том числе и между категориями временной отнесенности и вида), в синхронии существует связь [2, 69—75].

Развертывание видовременной системы, по В.Я. Плоткину, также происходит по бинарному принципу, Это означает, что появление в английском языке категории вида возможно только при условии наличия в нем уже сложившейся ранее категории временной отнесенности.

На наш взгляд, такое понимание системности в диахронической морфологии нуждается в углублении, ибо оно слишком прямолинейно определяет причинную связь между развитием отдельных явлений языка. Будучи построенным на основе логического рассуждения, оно представляет процессы, между которыми постулируется причинно-следственная связь, как замкнутые звенья в цепи системных преобразовании, т.е. как хронологически последовательные изменения (второй процесс начинается только после завершения первого). Однако факты истории свидетельствуют, что парадигматизация каждой новой видовременной формы протекала в течение целой эпохи; в нашем случае становление формы перфекта, с которым связывается развитие новой видовременной формы *b*e + **V***ing*, ещё отнюдь не завершается к началу этого развития. При этом непрерывное взаимодействие, происходящее в условиях наложения одного процесса на другой, осуществляется не между отдельно взятыми явлениями (изолированными конструкциями и формами), а между целыми участками видовременной системы, не в равной степени вошедшими в глагольную парадигму.

Такое понимание системности в истории английской видовременной системы позволяет перейти от общей, историко-типологической, постановки вопроса о системных связях между отдельными аналитическими формами внутри «большой» видовременной

системы к постановке новой, более конкретной задачи. Мы планируем показать на конкретном историческом материале взаимодействие категорий временной отнесённости и вида в диахронии. Необходимо подчеркнуть, что на всём протяжении совместного существования этих категорий в языке сохраняется постоянная «дистанция» между уровнями их системного развития. Это проявляется в том, что на любом синхронном срезе морфологический участок английского языка, связанный с перфектом, всегда более развит по сравнению с тем морфологическим участком, который связан с видом, причем различие в уровне развития остается постоянным.

Развитие формы длительного вида — последнее радикальное преобразование в системе английского глагола. Парадигматизация этой формы, как это хорошо известно, была наиболее интенсивной уже в новоанглийский период. Однако ещё во второй половине XV в. в английском языке начались важные процессы преобразования процессуальных конструкций различной структуры — источников современной формы длительного вида. Поэтому для изучения самого раннего этапа формирования категории вида нам представляется целесообразным обратиться именно к эпохе конца среднеанглийского — начала новоанглийского периодов.

В рамках этой эпохи мы выделяем для исследования два хронологических среза, представленные материалом романа Т. Мэлори «Смерть Артура» (1485 г.) и трактата Т. Элиота «Правитель» (1531 г.).

Развитие перфекта начинается на много веков раньше, ещё в древнеанглийском. К началу новоанглийского периода мы, вне всякого сомнения, имеем дело с уже сложившейся грамматической идиомой. Но, как уже было сказано, парадигматизация перфекта отнюдь не заканчивается с возникновением идиоматической конструкции: категория временной отнесенности обретает устойчивые контуры лишь очень постепенно. Механизм этого процесса мы будем стремиться выявить в настоящей статье.

Нижеследующее изложение начинается именно с исследования перфекта как «ведущей» формы в процессе перестройки видовременной системы.

Перфект в английском языке второй половины XV в. («Смерть Артура»)

Уровень парадигматизации перфекта в языке романа «Смерть Артура» еще значительно ниже современного. Из структурных признаков неполной парадигматизации укажем не только на большое количество глаголов, способных образовывать форму перфекта со вспомогательным глаголом *be* [1] (от 25 глаголов, в основном мутативных), но и на отсутствие размежевания значений таких перфектных форм, в которых **V***n* образовано от лексически тождественных глаголов, а вспомогательные глаголы различны. Удельный вес таких «парных» сочетаний в рамках данного текста высок (36%). Ср.:

… mesemyth hit were beste, now that ye ***ar ascaped*** *frome spyynge, that ye sende my lady <...> hir rynge ...* («мне кажется, было бы лучше всего теперь, когда вы избежали слежки, чтобы вы послали моей госпоже... её кольцо») [M. Dart, 352].

... for that we ***have ascaped*** *on lyve we may thonke God ever* («потому что за то, что мы ускользнули живыми, мы можем благодарить бога вечно») [M. Dart, 192].

Само по себе наличие в английском языке XV в. аналитических перфектных конструкций *have*/*be* + **V***n* не предполагает полной включенности формы перфекта в парадигму. Конкретно, в семантическом плане это может проявляться в возможности чрезвычайно широкого её употребления. С одной стороны, аналитические конструкции (как с презентной, так и с претеритальной формами вспомогательного глагола *have*) стоят в одном ряду с синтетическими глагольными формами в контекстах, позднее закрепленных за перфектом. Ср. следующие примеры из романа «Смерть Артура», объединенные наличием временного индикатора *never*:

Thou ***hast*** *never* ***done****. Of three score thousande thys day hast thou leffte on lyve but fyftene thousand!* («Ты никогда не делал [так]. Из шестидесяти тысяч сегодня ты оставил в живых пятнадцать тысяч!») [M. Dart, 36].

And sytthyn I ***had offended*** *never as to her owne persone, and as for the offence that I have done, hyt ys ayenste youre owne persons…* («И с тех пор я никогда не наносил обиды

[1] В дальнейшем форму перфекта схематически можно обозначать *have/be* + **V***n*.

ей самой, а что касается обиды, которую я нанес, то она касается вас самого...») [M. Dart, 844].

Ср.: *And I have done so muche this day that well I wote I* ***ded*** *never so muche* («И я сегодня совершил так много, что я хорошо знаю, что так много я не делал никогда»).

С другой стороны, хаотичность в употреблении идиоматических конструкций проявляется в том, что они с большой легкостью реализуют абсолютно-временное (собственно «темпоральное») значение, выступая здесь наряду с претеритом. Здесь снова совместно встречаются конструкции с презентной и претеритальной формами have, как мы видим, не всегда дифференцированные. Темпоральное значение у данной формы, по материалу романа Т. Мэлори, проявляется в следующих условиях.

Претеритальный нарративный контекст: *And so* ***toke*** *us severally, as we rode on oure adventures, and many good knyghtes* ***hath deyde*** *in this preson for hunger* («И вот так жестоко он захватил нас, когда мы ехали на поиски приключений, и многие добрые рыцари умерли в тюрьме от голода») [M. Dart, 189].

Непретеритальный нарративный контекст, в котором обязательно наличие лексического индикатора абсолютного временного характера*: I may not yet be crystyned for a vowe that* ***I have made*** *many yerys agone* («Я ещё не могу быть окрещенным из-за клятвы, которую я дал много лет назад»([M. Dart, 842].

Значение опосредованной временной отнесенности, таким образом, предстает в эту эпоху лишь как частный, хотя и наиболее распространенный случай; оно наиболее ясно реализуется в следующих условиях (эти условия контрастируют с только что описанными):

Отнесенность к СМ настоящего и к СМ будущего (в сфере настоящего) [2] возникает в непретеритальном контексте, в котором имеются лексические индикаторы, позволяющие соотнести процесс, выраженный формой *have*/*be* + **V***n*, с ситуацией: *And by thys tyme they* ***have gotten*** *to them four kynges mo and a myghty duke* («И к этому времени они заполучили ещё четырёх королей и могущественного герцога») [M. Dart, 20]; *And*

[2] СМ — ситуативный момент.

never shall I returns unto the courte agayne tylle ***I have sene*** *hit more opynly than hit hath bene shewed here* («И я никогда не вернусь ко двору снова до тех пор, пока я не увижу это более открыто, чем это было показано здесь») [M. Dart, 866]; *...thou haste seyde thy message, the whych ys the moste orguluc and lewdiste message that evir man* ***had isente*** *unto a kynge* («ты изложил своё послание, которое является самым наглым и непристойным, которое когда-либо посылали королю»)[(M. Dart, 55].

Отнесенность к СМ прошедшего и к СМ будущего (в сфере прошедшего) возникает в претеритальном контексте, в котором имеются лексические индикаторы, позволяющие соотносить процесс с ситуацией*: So by that tyme the kynge and the quene* ***was gone*** *to the mynster to here their servyse* («И к этому времени король с королевой уехали в монастырскую церковь послушать службу») [M. Dart, 855]. *So hit befelle that the Emperour Lucius <…> sente unto Arthure messy commaundynge hym to pay trewage that his suncettryes* ***have payde*** *before hym* («Случилось так, что император Луций <…> послал к Артуру посланников, приказывая ему заплатить дань, которую платили его предки прежде него») [M. Dart, 185]. *Than sir Trystrames rode more than a pace untyll that he* ***had overtake*** *hym* («Тогда сэр Тристрам проехал немало, прежде чем он захватил его») [M. Dart, 400].

Приведенные примеры указывают на то, что хотя перфект в английском языке второй половины XV в и представляет собой грамматическую идиому, однако как категориальная форма с устойчивым значением временной отнесенности в тот период он ещё не существует, поскольку грамматическая семантика формы находится в зависимости от контекста, от тех условий, в которые ставится форма *have*/*be* + **V***n*, и поскольку отсутствует корреляция перфект/неперфект. Картина функционирования перфекта у Т. Мэлори свидетельствует скорее об отсутствии инварианта его грамматического значения: темпоральный оттенок в значении перфектных форм наблюдается в этом памятнике примерно в 25% всех случаев употребления перфекта, а

относительный оттенок проявляется в значении приблизительно 33% примеров от их общего числа. В значении оставшейся части примеров ощущается результативность, но поскольку в решении вопроса о морфологическом статусе формы перфекта в рассматриваемую эпоху эти примеры существенной роли не играют, то к анализу здесь они не привлекаются.

С неполной парадигматизацией перфекта в романе Т. Мэлори, видимо, связано и то, что здесь часто встречаются перфектные конструкции, отвечающие варианту структурной схемы *be*+ **V***n*, которые только на основании функциональных критериев могут быть отделены от омонимичных им конструкций с предикативным причастием II. Ср.: а) *"Ye ar wel com", seyde the kynge, "for ye have bene longe a grete foo of owres to me and to my courte, and now..., I shall so entrete you that ye shall be my frende"* («Вы пришли в самое время, — сказал король, — ибо вы долго были великим недругом мне и моему двору, а теперь я вас так умилостивлю, что вы будете моим другом») [M. Dart, 337)], где *ar com*, видимо, является перфектной конструкцией, выражающей результат действия, и б) *This fayre lady* ***ys*** *passyngly* ***wellcome*** *to me…* («Эта прекрасная дама мне чрезвычайно желанна,..) [M. Dart, 98], где *ys wellcome* — предикативное словосочетание, выражающее признак предмета (см, предикативный расширитель *passyngly*).

Во втором примере уже ясно видна направленность сочетания *be*(*en*) *wellcom* на функциональное застывание и изоляцию (грамматический архаизм), что в современном английском языке привело к полной утере словосочетанием *to be welcome* всяких связей с глагольной парадигмой и к переходу выражения *you are welcome* в разряд лексических архаизмов (оно используется только как формула вежливости со значением 'ответ на выражение благодарности; разрешение что-л. сделать').

Таково в целом системное положение формы *have*/*be* +**V***n* во второй половине XV в., если судить по ее функционированию в романе Т. Мэлори «Смерть Артура».

Обратимся теперь к рассмотрению состояния развития английского перфекта на втором из выбранных для анализа хронологических срезов.

Перфект в английском языке первой половины XVI в. («Правитель»)

Материал трактата Т. Элиота показывает, что на новом синхронном срезе несмотря на его хронологическую близость к предыдущему в развитии перфекта произошел значительный сдвиг. Уровень парадигматизации этой формы повысился.

Структурно это прежде всего проявляется в том, что около 30% тех перфектных конструкций, которые употреблялись в романе «Смерть Артура» исключительно со вспомогательным глаголом *be*, в «Правителе» могут употребляться и со вспомогательным глаголом *have*. Ср.: <…> *where the water* ***hath*** *uneth* ***come*** *to his bely* («…, где вода едва дошла ему до живота») [Govern, 75] vs. *Madam, I* ***am com*** *to my dethe for to hele you* («Мадам, я дошел до смерти, чтобы исцелить вас») [M. Dart, 1003]; *Thou* ***haste*** *well* ***escaped*** («Ты ловко ускользнул») [Govern, 260]. vs. <…> *now that ye* ***ar ascaped*** *frome spyynge* («теперь, когда вы ускользнули от слежки») [M. Dart, 352].

В семантическом плане повышение уровня парадигматизации перфекта выражается в следующем:

1. Падает удельный вес примеров *have*/*be* + **V***n* с темпоральным значением (они составляют теперь только около 17%. от общего числа примеров перфекта в тексте). Это происходит вследствие большей упорядоченности в употреблении форм перфектных и форм синтетических, вытекающей из намечающейся тенденции к размежеванию контекстов [3] их употребления: перфектные формы в рамках данного памятника чаще оказываются в контекстах, где имеются лексические индикаторы относительного временного значения, а синтетические формы начинают закрепляться за контекстами, в которых встречаются лексические индикаторы абсолютного временного значения [4]. как в следующих примерах: *Mercie is and hath ben euer of such estimation with mankind* («Милосердие есть и всегда было так уважаемо у человечества») [Govern, 141] vs. *Nowe wyll I somwhat declare of the chlefe causes why, in our tyme, noble men be nat exellent in*

[3] Упорядочивание контекстов употребления перфекта в первой половине XVI в. связано с развернувшимися в тот период в английском языке процессами нормализации [5, 92—130]. Таким образом, структурно-морфологические процессы сливаются с процессами нормализационными.

[4] Ср. контексты, приведенные выше, где форма *have* + **V***n* свободно сочетается ещё с индикатором абсолютного временного значения, а форма синтетическая сопровождается наречием *never* относительного временного характера.

lernynge as they ***were*** *in olde tyme amonge the Romanes and grekes* («Теперь я хочу как-то высказаться относительно тех основных причин, по которым в наше время благородные люди не так отличны в учении, как были они в старое время среди римлян и греков») [Govern, 49].

2. Появляется большое количество примеров инклюзивного перфекта [5], что в целом препятствует функционированию перфекта как темпорального и, наоборот, способствует реализации у английского перфекта значения относительного: *Noble fathers, I am suche a persone whom ye knowe* ***haue ben*** *a commune baratour and thefe by a longe space of yeres* («Благородные отцы, я тот человек, о котором вы знали, что он был всеобщим бедствием и вором в течение долгих лет») [Govern, 182]; <…> *and he coniured him that for the feruent and entier loue that* ***had bene****, and yet was, betwene them, he wolde no lenger hyde from him his griefe* («и он заклинал его ради пылкой и совершенной любви, что была между ними и всё ещё продолжалась, чтобы он не прятал больше от него своё горе») [Govern, 169].

Конкретный анализ функционирования перфекта в трактате Т. Элиота «Правитель» позволяет прийти к общему выводу о том, что в первой половине XVI в. уже сделан важный шаг в выработке инвариантного признака формы. Вытеснение темпорального употребления перфекта указывает на окончательное определение «английского» пути развития (в отличие от «немецкого» пути, который ведёт к дальнейшей темпорализации перфвкта) [3, 99—103]; возникшее противопоставление перфекта синтетическим нормам конституирует особую категорию, исключая интеграцию перфекта в категорию времени.

Перед тем как обратиться к рассмотрению функционирования конструкции *be* + **V***ing* в «Смерти Артура» и «Правителе», сделаем некоторые предварительные замечания.

---

[5] Примеры инклюзивного перфекта изредка встречаются и у Т. Мэлори, но там они могут замещаться синтетическими формами. Ср.: <…> *the grete love that I have had unto you all the dayes of my lyff makith me to sey such dolefull wordis!* («великая любовь, которую я имел к вам во все дни моей жизни, заставляет меня сказать такие прискорбные слова!») [M. Dart, 867] vs. <…> *now have I slayne that I moost loved in al my lyf!* «сейчас я убил ту, которую я больше всего любил всю свою жизнь») [M. Dart, 868]. Такого рода замещения у Т. Элиота никогда не происходит.

К концу XV в. синтаксические источники формы длительного вида уже «отработали» и вызвали к жизни целый набор грамматикализованных процессуальных конструкций [6], которые могут представать в отдельных случаях как несомненные грамматические идиомы со значением актуальной дуративности. Однако пестрота и чрезвычайное разнообразие конструкций с **V***ing* не только свидетельствуют об отсутствии какой-либо стандартной формы, но оставляют возможность для сохранения в этом «конгломерате слабо отграниченных друг от друга конструкций» [1, 91—92] исходных синтаксических словосочетаний.

***Be* +V*ing* в английском языке второй половины XV в. («Смерть Артура»)**

По данным романа «Смерть Артура», лексическая семантика глаголов, от которых образовано **V**ing, пока ещё явно ограничивается глаголами движения и состояния [7]: эти глаголы у Т. Мэлори составляют около 67%, преобладая, таким образом, над другими лексико-тематическими группами глаголов.

Что касается контекстуального окружения *be* + **V***ing*, то в данном памятнике встречаются:

а) примеры с лексическими индикаторами одновременности процесса ситуативному моменту (30%): *So the meane* ***whyle that*** *thys knyght* ***was makynge*** *hym redy to departe, there com into the courte the Lady of the Laake* («И в то время как этот рыцарь готовился к отъезду, ко двору приехала Владычица Озера» [M. Dart, 65];

б) примеры с индикаторами неограниченной длительности процесса ***Euer he was lyeng*** *grovelyng on the tombe of kynge Arthur and quene Guenever* («Он постоянно лежал ниц на гробнице короля Артура и королевы Гиневры») [M. Dart, 1257];

---

[6] Под грамматикализованной процессуальной конструкцией мы понимаем такую конструкцию, которая представляет процесс как действие (в отличие от неграмматикализованной процессуальной конструкции, представляющей процесс как признак).

[7] Как отмечают исследователи, ограничение лексического наполнения словосочетаний *be* + **V***ing* глаголами движения или состояния типично для среднеанглийского периода, т.е. для эпохи, предшествовавшей созданию **идиоматической** конструкции *be* + **V***ing* (см., например, [6]).

в) примеры без какого бы то ни было контекстуального указателя на отношение процесса к ситуативному моменту (41%): *So by fortune kynge Arthure and quene Gwenyver* ***were talkynge*** *togidirs at a wyndow and so as they loked into the Temmys they aspyed …* («И вот, к счастью, король Артур и королева Гиневра разговаривали друг с другом у окна, и, когда они взглянули на Темзу, они заметили …» [M. Dart, 1095].

Поскольку удельный вес контекстуально-нейтральных примеров *be* + **V***ing* в романе «Смерть Артура» довольно высок, не всегда оказывается легко отделить архаичные конструкции *be* + **V***ing* с предикативным причастием I, которые возрождаются в английском языке XV в., от потенциально (но отнюдь не обязательно) омонимичных им образований, в которых можно усматривать грамматикализацию. Ср.: *And yf I lyve I shall do you servyse afore all the knyghtes that* ***bene lyvynge*** («И если я буду жить, я стану служить вам, прежде всех рыцарей, которые живут») [M. Dart, 697] vs. *Nowe wyte you well that ve ar named the shamefullyst knyght of your tunge that now* ***ys lyvynge*** («Теперь вы хорошо знаете, что вас называют самым оскандалившимся рыцарем из-за вашего языка, который только живет сейчас») [M. Dart, 488].

В первом случае сомнения в том, что *lyvynge* — это предикативное причастие I, не возникает, поскольку данное сочетание многократно фигурирует как в романе Т. Мэлори, так и в других памятниках того периода, например, в средневековых английских драмах (так называемых «мистериях») в идентичных контекстах на правах устойчивого словосочетания со значением ‘to be alive’.

Во втором случае, однако, имеется повод для сомнения относительно грамматического статуса сочетания *ys lyvynge*, поскольку в контексте его употребления есть лексический индикатор одновременности процесса ситуативному моменту — *now*, позволяющий усматривать у данной конструкции значение актуальной дуративности, тем более что в том же памятнике в подавляющем большинстве примеров конструкции *be* +

V*ing*, сопровождающихся лексическим индикатором актуальной дуративности, **V***ing* образуется от непредельных глаголов, к каковым относится и глагол *to live* [8].

Таким образом, исходя из материала данного памятника, нельзя говорить о чётком размежевании функционирования *be* + **V***ing* либо в качестве синтаксических конструкций, либо как форм глагола. Это утверждение поддерживается и тем фактом, что в рамках данного памятника встречаются примеры, в которых схемообразующие элементы *be* и **V***ing* располагаются дистантно. Это обстоятельство, в свою очередь, указывает на то, что перед нами конструкции, не обособившиеся от свободных сочетаний глагола бытия с предикативным причастием I не только лексико- и грамматико-семантически, но и структурно: *Than as sir Palomydes* ***was*** *at the welle* ***way1ynge*** *and* ***wepynge****, there cam fleynge the kynge of Walys and of Scotlande* («Тогда, пока сэр Палимид рыдал и плакал у родника, примчался король Уэльса и Шотландии») [M. Dart, 762].

В целом картина охвата явлений, связанных с созданием в языке идиоматической конструкции *be* + **V***ing*, в романе «Смерть Артура» пестра и разнообразна. Это выражается не только в наличии семантически самых разнообразных процессуальных конструкций, объединяемых структурными схемами *be* + **V***ing* и *be* +<...> + **V***ing*, но и в том, что в этом же тексте представлены также и процессуальные конструкции с глаголом бытия и предложным герундием: *And more than an owre and an halff quene Gwenyver* ***was a-waytyng*** *in a bay-wyndow* («И более полутора часов королева Гиневра ждала в нише у окна) [M. Dart, 1127].

Такова картина функционирования процессуальных конструкций *be* + **V***ing* (на фоне процессуальных конструкций иной структуры) в романе «Смерть Артура».

Основываясь на материале данного памятника, едва ли можно говорить о появлении в языке идиоматической дуративной конструкции, поскольку в романе Т Мэлори:

---

[8] Ср. с современным английским языком: *When Donald was living alone in New York he had been overtaken suddenly with depression*. Здесь отсутствует какой-либо лексический индикатор.

а) еще не снято ограничение на лексическое наполнение процессуальных конструкций *be* + **V***ing*;

б) смена контекстуального окружения конструкций *be* + **V***ing* проявляется сравнительно слабо (удельный вес контекстуально маркированных конструкций *be* + **V***ing* незначительно превышает удельный вес контекстуально нейтральных конструкций).

Таким образом, как показывает материал романа «Смерть Артура», во второй половине XV в. ещё не развернулись те процессы, которые в ранненовоанглийском языке являлись критериями формирования идиоматической дуративной конструкции [1, 91]. Пестрота и разнообразие различных типов процессуальных конструкций, которые выявлены в романе «Смерть Артура», активно препятствуют выявлению признаков идиоматизации конструкции *be* + **V***ing* в этом памятнике.

***Be* + V*ing* в английском языке первой половины XVI в. («Правитель»)**

Как показывает материал трактата «Правитель», ограниченность лексического наполнения процессуальных конструкций глаголами движения и состояния здесь уже места не имеет, так как эти глаголы составляют у Т. Элиота всего 33% (ср. 67% таковых в романе «Смерть Артура»); остальные же глаголы в данном памятнике принадлежат иным лексико-тематическим группам.

Среди примеров *be* + **V***ing* в «Правителе» увеличивается удельный вес конструкций, сопровождаемых лексическими контекстуальными индикаторами (80%). Приведём пример: <…> *that is to lepe on him at euery side without stiroppe or ... other helpe, specially* ***whiles*** *the horse is goynge* («то есть прыгать на неё (лошадь — М.П.) с любой стороны без стремени или какого-либо другого вспомогательного средства, особенно, когда лошадь бежит») [Govern, 79].

Что же касается примеров *be* + **V***ing* в этом памятнике, которые выступают без какого бы то ни было контекстуального указателя отношения процесса к ситуативному моменту, то их доля в «Правителе» относительно невелика (20%). Например: <…> *yet hadde she lykewyse dronken an other perle of lyke value, whiche* ***was hangynge*** *at her other*

eare, had nat Numatius Plancus, as an indifferent iudge, furthewith gyven iugement that Antony was all redy vainquisshed («И, тем не менее, она таким же образом выпила бы и вторую жемчужину такой же ценности, которая висела у неё в другом ухе, если бы Нумаций Планк, в качестве беспристрастного судьи, тотчас не рассудил, что Антоний уже побежден») [Govern, 267].

Такое соотношение контекстуально-маркированных примеров *be* + **V***ing* к контекстуально-нейтральным, которое мы наблюдаем по данным трактата Т. Элиота (80% vs. 20%), даёт нам право в целом говорить о смене контекстуального окружения *be* + **V***ing* в первой половине XVI в. (начало систематизации контекстов употребления).

В «Правителе» грамматикализованная конструкция *be* + **V***ing* на основании функциональных критериев всегда легко может быть отделена от омонимичной ей конструкции с предикативным причастием, так как во всех без исключения примерах *be* + **V***ing*, где **V***ing* — причастие, оно используется наряду с прилагательным (однородные члены предложения), которому функция предикативного атрибута присуща исконно. Наличие синтаксической однородности прилагательного и причастия способствует адъективации последнего. Ср. следующие примеры: а) <…> *they thinkynge it* ***was excedynge*** *mannes nature to be bothe in fortune and goodnes of suche perfection* («поскольку они думали, что обладать и счастьем и такой совершенной добротой — свыше человеческой природы») [Govern, 32], где *was excedynge* — идиоматическое сочетание; б) *Of the whiche wounde the anguisshe* ***was*** *so* ***excedinge*** *and vehement, that* … («Мука от этой раны была настолько безмерна и сильна, что ...») [Govern, 168]; где *was excedinge* — синтаксическое сочетание.

Таким образом, материал трактата «Правитель» даёт основание говорить о полном размежевании глагольных форм *be* + **V***ing* и синтаксических словосочетаний, отвечающих той же структурной схеме, тем более что случаев употребления *be* + **V***ing* с дистантным взаиморасположением схемообразующих элементов в пределах данного памятника не наблюдается, как не наблюдается и **V***ing* словосочетаний глагола бытия с предложным герундием, поэтому в рамках данного памятника нет факторов, которые

могли бы препятствовать обособлению идиоматических сочетаний и сдерживать их парадигматизацию.

Таковы особенности функционирования образований вида *be* + **V***ing*, выявленные при анализе трактата Т. Элиота «Правитель» как памятника первой половины XVI в. Это позволяет утверждать, что на данном хронологическом этапе уже сложилась идиоматическая дуративная конструкция.

Проведенный анализ функционирования образований *have/be* + **V***n* и *be* + **V***ing* в двух памятниках английского языка второй половины XV — первой половины XVI вв. приводит нас к следующим выводам относительно системной диахронической сопряженности категорий временной отнесенности и вида в английском языке, как она проявляется в эпоху конца среднеанглийского — начала новоанглийского периодов: неполная парадигматизация идиоматической перфектной конструкции в английском языке, проявляющаяся в отсутствии инварианта грамматического значения перфекта, системно соотносится с тем, что в языке вне глагольной парадигмы (на уровне лексико-синтаксических вариантов с общим значением процессуальности) функционируют видовые конструкции *be* + **V***ing* и конструкции *с* глаголом бытия и предложным герундием.

Такая картина наблюдается в английском языке во второй половине XV в. и находит свое конкретное отражение *в* особенностях функционирования перфекта и разного рода процессуальных конструкций в романе Т. Мэлори «Смерть Артура».

Что касается инварианта грамматического значения перфекта (временная отнесённость), появляющегося в английском языке уже в первой половине XVI в., его формирование находится в системной связи с морфологизацией конструкций *be* + **V***ing*: как показал анализ трактата Т. Элиота «Правитель», установление у перфекта инварианта грамматического значения сопровождается такими преобразованиями в функционировании конструкций *be* + **V***ing,* которые позволяют говорить о создании в английском языке идиоматической дуративной конструкции.

Источники

M. Dart — Le Morte Darthur. The Works of Sir Thomas Malory /Ed. by E. Vinaver. Oxford, 1947.

Govern — Elyot Thomas. The Boke Named the Governour/Ed. by E. Rhys. London — New Jork, 1907.

Литература

1. Плоткин В.Я. Принцип бинарности в развёртывании английской видовременной системы. // Филологические науки, 1969, № 5.

2. Плоткин В.Я. О принципе бинарности в строении английской видовременной системы. // Филологические науки, 1965, № 2.

3. Расторгуева Т.А. Очерки по исторической грамматике английского языка. М., 1989.

4. Смирницкая О.А. Эволюция видо-верменной системы глагола в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. II. Категория глагола. М., 1977.

5. Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.

6. Scheffer J. The Progressive in English // North Holland Publishing Company: Linguistics Series. Amsterdam — Oxford — New York, 1975.

М.М. Руссо (Институт языкознания РАН)

M.M. Russo (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Исчезающие и возникающие органы

Vanishing and emerging organs

Аннотация

В статье рассматриваются семантические переходы между названиями анатомических органов, обусловленные тем, что их названия обозначают также центры психических процессов. Особо обсуждаются случаи, когда обозначение органа теряет связь с анатомией и становится названием т.н. «невидимого органа», ответственного за психическую деятельность, а также обратные переходы, при которых название «невидимого органа» начинает обозначать реальный орган человеческого тела.

The article deals with the semantic shifts of anatomical organs' names caused by the fact that they also mean centers of cognition and mental containers. Specifically discusses cases where the organ name loses relation with anatomy and begins to refer to a so-called "invisible organ" responsible for mental and emotional activity, as well as the reverse shifts when the name of an "invisible organ" denotes a real one.

Ключевые слова

языковая картина мира, наивная биология, семантические переходы, локализация эмоций, метафора, сердце, печень, невидимые органы, этимология

linguistic model of the world, folk-biology, semantic shifts, localization of emotions, metaphor, heart, liver, invisible organs, etymology

В культурах самых разных народов мира многочисленны примеры того, как анатомические органы выступают как центры психических функций: мышления, понимания, воли, желания, черт характера, эмоций [9; 12; 20; 26]:

- баск. *bihotz-mehe* ‘трусливый’, букв. ‘тонкое сердце’, *bihotzil* ‘грусть’, букв. ‘сердце умирает’, *bihozmin* ‘горе’, букв. ‘боль сердца’ [20, 103—130];
- рук (Вьетнам, вьет-мыонгская группа австроазиатских языков): *pшə2-kuʔdřl1* ‘довольный’ (‘подходить/соответствовать-живот’), *βăŋ2-pшə2-kuʔdřl1* ‘недовольный’ (‘не-подходить-живот’) [Материалы 2001, 221]
- амхар. *ḳʷäšt arrärä* ‘бессильная ярость’, букв. ‘кишки опалило’ [K, 760];
- маньчж. *фахун дэ фалимби* ‘помню’ букв. ‘содержу в печени’ [ПМРС, 1029].

В [12] было отмечено, что благодаря наличию у названий органов значений типа ‘центр эмоций’ в ходе эволюции языка становятся возможны семантические переходы вида ‘сердце’ ↔ ‘живот’, ‘живот’ ↔ ‘печень’ и подобные[1]. В этот раз мы разберем такие случаи подробнее, а также рассмотрим еще один вид семантических переходов, при котором название органа человеческого тела полностью теряет анатомическую привязку.

Трансформация органов

Примеры изменения значений вида ‘сердце’ ↔ ‘живот’ обнаруживаются уже в славянских языках. Слово *сердце* в ряде устойчивых сочетаний означает органы пищеварительной системы: рус. *на тощее сердце*; укр. *на тще серце*; болг. *на гладно сръце*; серб. *на гладно срце* ‘натощак’; болг. диал. *сърце* ‘живот, желудок’; серб. *срдобоља* ‘дизентерия’; болг. *сърцебол* ‘общее название внутренних болезней’; с.-рус. *на сердце мутит*, *за сердце засыкает*, *сердце смутить* ‘тошнит’; сиб. *сердце горит*, *жжет* ‘об изжоге’; олон. *сердцем захватило*, *сердцевая* ‘понос’, в восточнославянских заговорах встречается выражение *живот-сердце* (например, *живота-сердца не вытошнить*) [1, 258].

Сходный переход, но с другим направлением семантического развития отмечен в русских диалектах: твер. *живот* ‘грудь’: *Живот болит* ‘грудь болит’ (Осташковский район, 1946 [СРНГ, 9, 156—157]).

[1] Это безусловно не исключает другой природы семантических переходов между названиями органов, например, характерной для названий частей тела метонимии, ср. ср-кыпч. *qursaq* ‘желудок’, ‘печень’ [СИГТЯ-Л 277—278], нан. *upke* ‘селезенка’, маньчж. *ufuxu* ‘легкие’ [ТМС II, 29, 281].

Встречается также соотнесение сердца и детородных органов: болг. *долно сърце* ‘матка и детородные органы’ (‘нижнее сердце’), в отличие от *горно сърце* ‘органы, находящиеся в верхней части утробы’ (‘верхнее сердце’) [13, 248], болг. *рожба от сърце*, серб. *деца од срца* ‘настоящий, родной ребенок (в отличие от приемного)’, букв. ‘рожденный из матки’, ‘дети из сердца’, соответственно; ср. также русское выражение *носить ребенка под сердцем* [1, 258—259].

Общецыганское значение слова *jilo* — ‘сердце’, однако в диалекте группы цыган, живущих в греческом городе Волос и турецком Измире (т.н. *Sepečides Romani*), оно обозначает желудок [ROMLEX].

В румынском слово *inimă* означает сердце (анат.), сердце как центр эмоций, смелость [DEX98]. У этого же слова в диалектах румынского языка отмечены значения ‘живот’, ‘желудок’ [DRRS I, 1025].

Слова-потомки пратюркского **jürek* ‘сердце’ имеют такое же значение в большинстве тюркских языков, однако в турецком отмечены также значения ‘внутренность’, ‘живот’, ‘желудок’, ‘печень’, в гагаузском — ‘живот’ (см. например, гаг. *ўрек аарысы* ‘боль в животе’ и *ўрекна гöрä* ‘по душе’ [ГРМС, 489]). В ряде тюркских языков эти слова используются и в значении центра эмоций [ЭСТЯ IV, 270—271; СИГТЯ-Л 276].

Перечень примеров можно пополнить прибалтийско-финской лексемой: фин. *vatsa* ‘живот, желудок’ [БФРС, 719], карел. (ливвиковский диалект) *vat’t’ša*, *vat’ša*, *vatša* ‘живот, матка, сердце, душа’, вепс. *vats* ‘живот, матка’ [Материалы 2004, 72; SSA, 3, 719].

В тунгусо-маньчжурских языках отмечено эвенк. *эмугде* ‘внутренности, нутро’, ‘центр эмоций’, которое в непском диалекте получило значение ‘сердце’ [ЭвРС, 557].

Аккадское *libbu*, основное значение которого — ‘сердце’, также встречается в значении ‘живот, брюшная полость, внутренности, матка’: *irassu [li]bbašu ḳatašu šepāšu* ‘его грудь, живот, руки и ноги (покрыты родинками)’, *innesil libbašama pāša ušpalki* ‘ее внутренности были развеяны (ветрами)’ [CAD L, 166]; аналогично в других семитских языках амхар. *ləbb* ‘сердце’, ‘живот’, ‘грудь’ [K, 71]; соддо *ləbb* ‘сердце’ и *bäləbbäw*

tädäffa-m ‘lie on one’s stomach’ [LGur I, 1076], тигринья *ləbbi* ‘сердце; внутренний орган’ [KT, 99].

В языках мира встречается не только семантический переход ‘сердце’ ↔ ‘живот’, но и переход ‘живот’ ↔ ‘печень’. Слово *kabd* языка геэз имеет значения ‘печень’ и ‘живот’. Оба этих значения можно проиллюстрировать цитатами из эфиопского перевода Библии: *wa-tənaśśəʔ kʷəllo səbḥa karśu wa-kabdo wa-kəlʔe kʷəlyāto wa-səbḥa kʷəlitu wa-tānabbər wəsta məśwāʕ* (Исход 29:13) ‘и возьми весь жир с его внутренностей и его печени, и две почки, и жир с его почек, и положи на жертвенник’; *wa-ʔaskabo ba-kabdu lāʕla məśwāʕ* (Бытие 22:9) ‘и положил его на живот на жертвенник’ [LGz, 283; LLA, 851]. Когнаты этого слова в других эфиосемитских языках имеют значения ‘живот, брюшная полость, внутренности’: в языке тигре *kabəd* ‘живот, внутренность’, ‘сердце (перен.)’ [LH, 412]: *ʔakbud kušun ʔət ʔəntu* ‘в то время как сердца (букв. ‘животы’) горят’, в языке тигринья *käbdi* ‘живот, желудок’, ‘сердце’ (перен.): *handäbät ʔab käbdäy gälä ṭoblaḥ bälänni* ‘вдруг что-то тронуло мою душу’ [KT, 1635].

Поскольку мы рассматриваем переход слов от многозначности вида {‘орган 1’, ‘центр психических функций’} к {‘орган 2’, ‘центр психических функций’}, можно предположить, что должна наблюдаться ситуация, когда на синхронном уровне у лексемы наблюдается многозначность {‘орган 1’, ‘орган 2’, ‘центр психических функций’}. И такие примеры действительно находятся. Употребления слова в разных анатомических значениях оказываются распределенными по разным функциональным стилям языка.

Первым подобным примером может послужить персидское слово *del*, семантика и употребление которого разобраны в работе [28]. Первичное значение этого слова — ‘сердце’, этимологически оно восходит к праиран. **źard-* ‘сердце’, ср. курд. *dil*, *dir*, *zir* ‘сердце’, парф. *zyrd* ‘сердце’, авест. *zərəd-* ‘сердце’ [18, 158]. Сейчас это значение сохранилось в поэтическом языке и в народной медицине. В разговорном языке *del* обозначает сейчас органы брюшной полости. Также оно, конечно же, употребляется как

обозначение центра эмоциональной жизни человека. В анатомическом значении ‘сердце’ в современном персидском выступает арабизм *qalb*.

Другой пример описывает О.А. Корнилов в монографии [7], основанной на материалах языка кечуа, собранных во время экспедиций в Перу и Боливию. Основной термин для сердца — *sonjo* — зафиксирован также в значениях ‘внутренности человека, желудок’, ‘разум, воля, память’, ‘любитель чего-либо’, ‘центральная, внутренняя часть растения или живого существа’, ‘сознание, намерение’ [7, 88]. Употребление этого слова в значении центра эмоций и моральных качеств человека подтверждается многочисленными примерами: *chuya sonjo* ‘искренний, честный человек’ (‘чистое сердце’), *iskai sonjo* ‘предатель, изменник, двуличный человек, тайный недоброжелатель’ (‘два сердца’), *jaja sonjo* ‘беспощадный человек’ (‘камень-сердце’) [7, 96], *jarimansonjo* ‘любитель или любительница мужчин’ (‘сердце обращено к мужчинам’), *jatun sonjo* ‘благородный, великодушный человек’ (‘большое сердце’), *jori sonjo* ‘замечательный, умный, добрый, уважаемый человек’ (‘золотое сердце’) [7, 97], *killai sonjo* ‘непокорный человек’ (‘железное сердце’), *kusi sonjo* ‘веселый человек’ (‘радостное сердце’), *kumuikuq sonjo* ‘униженный человек’ (‘съежившееся сердце’), *kuyaq sonjo* ‘любвеобильный человек’ (‘любящее сердце’) [7, 98], *muqmi sonjo* ‘умеющий хранить секреты’ (‘молчаливое сердце’), *ñauso sonjo* ‘легко поддающийся соблазнам’ (‘слепое сердце’) [7, 100], *pukaimanaq sonjo* ‘разгневанный человек’ (‘сердце, к которому от гнева прилила кровь’), *pisi sonjo* ‘малодушный человек’ (‘маленькое сердце’), *pumpa somjo* ‘приветливый, любезный человек’ (‘общедоступное сердце’) [5, 101], *putja sonjo* ‘человек в плохом настроении’ (‘мутное сердце’), *sampa sonjo* ‘слабохарактерный человек’ (‘вялое сердце’) [7, 102].

Превращения органов и праязыковая реконструкция

Данные, полученные при изучении синхронной полисемии, можно применить для объяснения семантических различий между предполагаемыми когнатами при реконструировании праязыковой лексики. Например, возможно, что подобные переходы, связывающие между собой два анатомических значения через значение ‘центр эмоций’,

объясняют тот факт, что ср.-япон. *jòkósì* ‘селезенка’ возводится к тому же праалтайскому корню, что и монг. **ʒirüke* сердце, тюрк. **jürek* сердце [EDAL].

Также к одному праалтайскому корню возводится монг. **helige* (п.-монг. *elige*, халха *eleg*, *elgen* ‘печень’), кор. **pǎ́i* (совр. кор. *pǎ́* ‘живот’), тунг.-маньчж. **pēlbu-* (эвенк. *hēlbu-* ‘быть беременной’ ТМС 2, 363) и япон. **pàrà* (др.-япон. *para*, япон. *hara* ‘живот’ [15, 68, 90; 25, 399; EDAL].

Для праафразийского корня **waʒin/m-* реконструируется зачение ‘живот с внутренностями’. Это значение представлено в берберских и чадских языках: ахаггар *ă-dân* ‘кишки’, семлаль *a-dan* ‘кишки’, уаргла *a-dan* ‘кишки, живот’, хауса *hánʒī́* ‘внутренности’, болева *ázìn* ‘кишки’, карекаре *ázì* ‘кишки’, нгамо *hàzî* ‘кишки’, кирфи *àʒʒò* ‘кишки’, гера *hàzà* ‘кишки’, галамбу *àšî* ‘кишки’, ша *ʔàʒì* ‘живот’, даба *wènʒi* ‘внутренности’, сахо *wad/ʒana* ‘живот’, афар *wadanaa* ‘живот’. Однако в кушитской и омотской ветвях языков у потомков этого корня встречается также значение ‘сердце’: сомали *wadna* ‘сердце’, дасенеч *wɔdimi* ‘сердце’, билин *wɔdän* ‘живот’, ‘сердце’, хамтанга *əəzɛn* ‘сердце’, сидамо *wo/adana* ‘сердце’, хадия *wodano* ‘сердце’, алаба *wozana* ‘сердце’, бурджи *wɔɔdɛna* ‘сердце’, камбата *wozäna* ‘сердце’, тембаро *wazano* ‘сердце’, омето *wazɛna* ‘сердце’. В языке дахало рефлекс этого корня (*dzone* < **ʒVwVn-* с метатезой) имеет значение ‘селезенка’ [AED].

Для корня **la/ipʔ-* в праафразийском реконструируется гипотетическое значение ‘внутренний орган, грудная клетка и живот с внутренностями’. Если в семитской ветви значение рефлексов этого корня ‘жировая ткань, жир; костный мозг’, то в чадских языках, кушитских и омотских языках он обозначает конкретные внутренние органы. В чадских это или селезенка, или печень: сура *ìllap* ‘селезенка’, ангас *lap* ‘селезенка’, бокос *ma-laf* ‘печень’. В омотских — селезенка, грудная клетка, сердце или легкие: афар *aleefu* ‘селезенка’, оромо *laṗṗee* ‘грудная клетка, сердце’, дахало *lafi* ‘легкие’. В омотских языках зафиксированы значения ‘живот’ и ‘сердце’: галила *liṗá* ‘живот’, ари *liṗ* ‘сердце’ [AED].

В западно-чадских и семитских языках рефлексы праафразийского *ʔa-dVr- встречаются в значениях ‘сердце’ и ‘грудь’, а в языке дахало (кушитская ветвь) соответствующее слово *duura* означает ‘кишка’ [AED].

Рефлексы праафразийского корня *ʕawVyl-im- засвидетельствованы в значении ‘сердце’ в берберских языках (нефуса *ūl*, ахаггар *ul* и многие другие), в значении ‘живот’ — в языках сахо-афар (сахо *uluʕ*-), кушитских языках (сомали *ʕalol*). А в омотской ветви языков встречаются оба значения: воламо *ʔulō* ‘живот’, хамер *wɔɔylim* ‘сердце’, онгота *ləəta* ‘сердце’ [AED].

Еще один праафразийский корень *puʔVd- в угаритском языке (*pʔid*) означает ‘сердце’, ‘чувство’, такое же значение он имеет в западно-чадских языках (мупун *pə̀ tūup*, сура *pùut*, ангас *pūt*) и в языке афар (*afʕad*), а восточно-чадских он означает ‘легкие’ (сомраи *pədəpədə*, тумак *pòdpòd*, ндам *pə̀ tpə̀ ṭ* бидия *'òpóotò*) [AED].

Наконец, праафразийский корень *mun- в центрально-чадских языках означает ‘печень’ и ‘внутренности’ (тера *minà*, гаанда *mə̀ nə̀-tta*, хвона *mə̄na-̀rā* , хиги-нкафа *m̀nɛ̀* фали-гили *mini*, капсики *m̀unɛ̀*, мафа *mə̀ na-ḍ*), а в южно-кушитских — ‘сердце’ (иракв *muna*, бурунге *muna*, аса *mon-ok*, квадза *mun-ako*). В языке дахало слово *muna*, восходящее к этому же корню, также обозначает сердце, однако в нем есть и возможно родственное слово *mani* ‘толстая кишка’ [AED].

В дравидийской семье языков рефлексы праязыкового корня *taṇk- ‘печень’ зафиксированы в южнодравидийской ветви, а также в языках колами-гадба и гонди-куи. В большинстве случаев они имеют значение ‘печень’, однако в языке тулу (южнодравидийская ветвь) слово *taŋka* отмечено в значениях ‘печень’ и ‘легкие’ [DED, 3120], а в диалекте мариа языка гонди (группа гонди-куи) слово *tudakee* означает ‘сердце’ [CVOTGD, 1680].

Прасинотибетский корень *niŋ ‘сердце’ (тиб. *sńiŋ*, бирм. *hnać*, нгенте *niŋ*, микир *niŋ*) в ряде языков имеет иные значения: лимбу *niN* ‘разум’, думи *niŋ* ‘страх, благоговение’, кулунг *niwa* ‘разум’, ямпху *niŋa* ‘разум; способность думать и чувствовать’, гаро *tənіŋ* ‘мозги’, канаури *stiŋ* ‘мозги’, раванг *ənіŋ* ‘мозги’. Особо отметим

случай, что тут в цепочку семантических переходов оказываются вовлечены мозги, которые, как и голова, по нашим наблюдениям, обычно не вступают в такого рода семантические связи [STED].

Китайское слово *cháng* (腸) ‘кишки’ оказывается родственным лушей (мизо) *luŋ* ‘сердце’, сунвар *luŋgir* ‘сердце’, тулунг *duŋ* ‘печень’, лимбу *luŋmā* ‘печень’, думи *lum* ‘печень’, кулунг *luma* ‘печень’, ямпху *ruŋma* ‘желудок’, *ruŋmaʒuwa* ‘печень’ [STED].

Еще одно китайское слово *gān* ‘печень, печенка’; ‘храбрость, отвага’; ‘совесть’ (肝, др.-кит. *kān*) родственно качинскому *kan1* ‘желудок, живот’, тибет. *mkhal* ‘почки’, бирм. *khah* ‘поясница, талия’, лушей (мизо) *kal* ‘почка’ [STED].

В енисейской семье языков к одному праязыковому корню возводят кет. *hū* ‘сердце’, южм.-имб. *hʌj*[4] ‘живот’, югск. *fu* ‘сердце’ и *fɨj* ‘живот’, котт. *fui* ‘внутренности’ и *fa* ‘грудь’, ассан. *pa* ‘грудь’, арин. *ṕhiáŋ*, *apijen* ‘грудь’, пумп. *pfu* ‘сердце’ [ССЕЯ, 251—252]. Еще два слова енисейских языков — котт. *šitap*, ассан. *šitábu* ‘сердце’ — С.А. Старостин предлагает этимологизировать как сложные слова, состоящие из компонентов **seŋ* ‘печень’ + **tVp-* ‘селезенка’ [ССЕЯ, 272].

Исчезновение органов

Для понимания механизма этих переходов важно понятие «невидимого органа», сформулированное Е.В. Урысон [17, 49—59] для русской языковой картины мира. Помимо уже упоминавшегося слова *сердце* в значении ‘орган эмоций’, к ним относятся *душа* — «орган внутренней жизни человека, то есть всего того, что не связано ни с физиологией, ни с деятельностью интеллекта. Это сосредоточие внутреннего мира человека, его истинных чувств и желаний, всего жизненно важного для данной личности» [17, 22]. Ср.: *В душе она хотела уйти*; *В глубине души он уже понимал, что им придется расстаться*, — но не: **В душе она хотела спать*; **В душе она хотела чаю* [Там же].

Другие невидимые органы в русской языковой картине мира: ум, рассудок, интеллект, разум, совесть, память, воображение, фантазия. Для этих органов Е.В. Урысон предлагает следующее описание значения: ‘способность человека делать что-то или

невидимый орган, с помощью которого человек это делает’. При этом части значения неравноправны, и гиперонимом для этих слов будет *способность*, а не *орган*.

Для невидимых органов в той или иной мере характерен ряд черт [17, 50]:

1) наличие функции;

2) физические, в частности болевые, ощущения;

3) возможность мыслиться как вместилище;

4) относительно точная локализация;

5) возможность функционировать независимо от воли субъекта (*Думала, увижу его и обрадуюсь, а в душе не осталось ничего, кроме горечи*);

6) контролируемость субъектом (*Не позволяй душе лениться*).

Эти черты присущи невидимым органам в разной степени. *Душа* — невидимый орган, согласно наблюдениям Е.В. Урысон, в наибольшей степени обладающий признаками материального органа. В наименьшей степени — *воля*, *способности* и *чувства* (в значении ‘способность воспринимать’) — только наличие особой функции и контролируемость. Е.В. Урысон приходит к выводу, что по аналогии с распространенным развитием значения ‘орган’ → ‘способность, связанная с этим органом’ (глаза — ‘зрение’, голова — ‘разум’ и пр.) существует и развитие в обратном направлении: ‘способность’ → ‘невидимый орган, контролирующий эту способность’.

Собранные данные позволяют утверждать, что слова со значением ‘невидимый орган’ могут возникать не только в результате семантических переходов, проанализированных в работе Е.В. Урысон, но и в результате перехода типа ‘орган, связанный с эмоциональной сферой’ → ‘невидимый орган, связанный с эмоциональной сферой и утративший анатомическую привязку’. Слово перестает обозначать анатомический орган и означает некий центр внутри тела человека, в котором локализованы психические процессы. Анатомической привязки это слово не имеет, но характеризуется сочетаемостью подобной сочетаемости названий органов. Разберем эти случаи.

Первым примером такого превращения в невидимый орган служит японское слово *kokoro*. Первичное его значение — ‘сердце’, этимологически оно восходит к праалтайскому **kòk`è* ‘(женская) грудь’, ‘сердце’ [EDAL]. Однако уже в самых ранних текстах (стихи IV века, вошедшие в антологию «Манъёсю», которая была составлена в VIII веке) это слово обозначало локализуемые в сердце качества: мышление, чувства, волю [23, 171; 4]. Оно записывалось не только иероглифом ‘сердце’, но и иероглифами ‘чувство, эмоции’, 意‘мысли, внимание; воля, намерение’ [3]. Со временем в анатомическом значении слово *kokoro* полностью вытеснилось китаизмом *shinzoo* [2, 27]. Интересно, что из четырех органов, выступающих в японском языке в качестве локусов психической деятельности (*kokoro*, *hara* ‘живот’, *kimo* ‘печень’, *mune* ‘грудь, гурдная клетка’) [2], только *kokoro* полностью превратился в «невидимый орган», хотя слово *kimo*, возможно, очень близко подошло к этой грани, заменяясь в первичном значении китаизмом *kanzoo*.

Наблюдать полную утрату анатомической привязки мы можем в истории греческого слова *φρήν* (чаще во мн. ч. *φρένες*). История этого слова непроста, даже в отношении его анатомического значения. В медицинских трудах Гиппократа (Hippocr. VM I, 54) и у Платона (Plat. Tim. 70a) оно используется в значении ‘диафрагма, грудобрюшная преграда’. В дальнейшем у слова *φρήν* закрепилось именно такое анатомическое значение. Это значение еще в античную эпоху было перенесено и на более ранние употребления слова *φρήν*, например, в поэмах Гомера. Данное толкование слова *φρήν* поддержала и лексикографическая традиция нового времени [Краузе 510—511; Вейсман 1325—1326; LSJ 1954, Дворецкий II, 1746]. Однако понимание φρήν как диафрагмы вызывает трудности в истолковании целого ряда мест в древних памятниках. Р. Онианс [8; 27] и П. Юстесен [24] независимо выдвинули гипотезу о том, что первичным значение этого слово было ‘легкие’. Такое же значение имело и

[2] Как отмечает Ёсихико Икэгами [23, 171], в современном японском языке существует и английское заимствование *haato*, употребляемое только когда речь идет о романтической любви.

синонимичное слову *φρήν* слово *πραπίδες* [3]. Это можно понять по целому ряду контекстов. В описание боя Патрокла с Сарпедоном копьем Патрокла ударяет туда ‘где φρένες охватывают плотное сердце’ (φρένες ἔρχαται ἀμφ' ἀδινὸν κῆρ Il. 16.481), что вряд ли подходит к диафрагме, зато хорошо описывает легкие. Онианс отмечает также [8, 62], что употребление прилагательного ἀδινόν ‘плотный’ в этой строчке становится понятным при сопоставлении сердца с пористыми легкими. Далее в том же эпизоде «Илиады» Патрокол, наступив ногой на грудь Сарпедона, «вытащил копье из его тела, и вместе с ним вышли *φρένες*» (*ὃ δὲ λὰξ ἐν στήθεσι βαίνων ἐκ χροὸς ἕλκε δόρυ, προτὶ δὲ φρένες αὐτῷ ἕποντο* Il 16, 503—504). Закрепленная по всей окружности грудной клетки диафрагма [10, 177] вряд ли может быть извлечена таким образом, а вот легкие вполне могут. В другом эпизоде Аякс поражает Гектора камнем в грудь («поверх края щита возле шеи»), Гектор «болезненно задыхается» (Il. 14, 437; 15, 10), его рвет кровью, и от боли страдают его *φρένες* (Il. 15, 60—61). У Эсхила говорится, что сердце расположено «внутри *φρένες*» (Aesch. Choēph. 831—832: *ἐν φρεσὶν καρδίαν ἀνασχεθών*). Есть контексты, в которых употребление слова *φρένες* на первый взгляд соответствует гиппократовскому значению ‘диафрагма’: (Одиссей собирается ударом меча) «пронзить ему (Полифему) грудь в том месте, где *φρένες* обнимают печень» (*ὅθι φρένες ἧπαρ ἔχουσι* Od. 9, 301). Печень действительно находится под диафрагмой, однако легкие, отделенные диафрагмой от печени, также «обнимают» ее сзади с боков [10, 309; 11, 228; 14, 11]. Аналогично можно трактовать употребление слова *πραπίδες* в устойчивой гомеровской формуле ἧπαρ ὑπὸ *πραπίδων* ‘поразил его в печень под *πραπίδες’* (Il. 11, 578; 13, 412; 17, 349).

На значение ‘легкие’ у слова *φρήν* указывает и производное слово *μετάφρενον*, то есть буквально ‘то, что позади (*μετά*) *φρένες’*, обозначавшее у Гомера верхнюю часть спины [LSJ 1118]. Также Р. Онианс [8, 46] указывает на применяемый к φρένες эпитет (αμφι)μέλαιναι ‘черные’ (Il. 1,103; 17, 83, 499, 573, Od. 4, 661) или μελαγχίτων ‘одетый в черное’ (Aesch. Pers. 115). Диафрагма человека имеет розовый цвет, а легкие — аспидно-

[3] В дальнейшем это слово так же, как и *φρήν,* получило значение ‘диафрагма’, а потом стало выступать и в качестве локализации разума.

синие [14, 150]. Возможно, что в слове *μελαγχίτων* даже имеется в виду плевра — оболочка легких, которую античные медики называли *χίτων* (Gal. Hipp. et Plat. VIII, 715,13 по изд. [22]).

Наличие у Гомера другого слова, обозначающего легкие (*πλεύμων*), не должно смущать. Богатство синонимов характерно для Гомера (сердце — *κῆρ* и *κραδίη*, голова — *κάρη*, *κάρηνον* и *κεφαλή*), поэтому неудивительно, что он использует три слова для легких (*πλεύμων*, *φρένες* и *πραπίδες*). Как отмечает Р. Онианс, если бы в поэмах Гомера легкие назывались бы только словом *πλεύμων*, а φρένες и *πραπίδες* обозначали диафрагму, было бы странно, что в многочисленных описаниях ранений диафрагма оказывается пораженной куда чаще, чем имеющие значительно больший размер легкие [8, 58—59; 27, 40].

Причины семантического перехода ‘легкие’ → ‘диафрагма’ у слов φρήν и *πραπίδες* разбирает Р. Онианс [8, 58; 27, 39]. Мы же обратимся к другому пути развития значения — превращению в «невидимый орган». Метонимически слово *φρήν* употребляется в значении ‘грудь’: *τοῦ ἐν φρειὶν ἦτορ παχνοῦται* Hom. ‘сердце у него сжимается в груди’ (тут еще возможно понимание ‘…в легких’); *Αἴαξ ἔπαξε διὰ φρενῶν ξίφος* Pind. ‘Аякс вонзил (себе) меч в грудь’. Интересующее нас значение ‘легкие/грудь как анатомический центр эмоций’ присутствует уже у Гомера: *τρομέοντο δέ οἱ φρένες ἐντός* (Hom Il. 10.10) ‘душа в нем трепетала’ (от страха); *φρένα τέρπεσθαι φόρμιγγι* (Hom Il. 9.186) ‘дух услаждал формингой’, *γάνυται φρένα ποιμήν* (Hom Il. 13.493) ‘радуется душой пастух’, *ἄχος πύκασε φρένας* (Hom Il. 8.124) ‘скорбь теснила душу’, *ἔρως φρένας ἀμφεκάλυψε* (Hom Il. 3.442) ‘страсть душу объяла’, *Διὸς γὰρ δυσπαραίτητοι φρένες* (Aesch PD. 34) ‘Зевс же непреклонен душой’, *ἐκ φρενός* ‘от всей души, со всей душой’, *ὁ ἐκ φρενὸς λόγος* ‘искренняя речь’ (Aesch Choēph. 107), *οὐκ ἀπ’ ἄκρας φρενός* (Aesch) ‘от всего сердца’ (букв. ‘не краем души’).

Интересно, что другое название легких в древнегреческом языке (πλεύμων, πνεύμων) в некоторых случаях также может выступать в качестве названия органа эмоций [8, 59]. Во фрагменте Софокла (Soph. Fr. 941 по изд. [29]) говорится, что Любовь без

копья правит легкими Зевса (*Διὸς τυραννεῖ πλευμόνων*). В словаре Гесихия (Hesych. П2530) для слова *πλευμονία* указано значение ‘любовный недуг’. У Еврипида (Eur.Ion 736) о глубокой скорби говорится «пронзительная боль поразила меня внутрь *πλευμόνων*». Как обитель мыслей, воли и чувств человека выступает у Гомера и грудь (*στῆθος*), в данном случае мы имеем дело с семантическим переносом с части на целое, *στῆθος* выступает в этой роли, так как служит вместилищем κραδίη, φρένες и θυμός [6, 451—453].

Между словами *φρένες* и *θυμός* ‘дух’ складывается распределение функций. *Φρένες* чаще охватывает ментальную деятельность, *θυμός* — эмоциональную [14, 21; 6, 455—463], таким образом у слова *φρένες* возникают значения ‘ум, мышление мысль’: *φρεσὶν ἀγαθῇσι κεχρῆσθαι* (Hom) ‘быть честного образа мыслей’; *μετὰ φρεσί βάλλεσθαί τι* (Hom) ‘мысленно решать что-л.’; *φρενὶ λαβεῖν τὸν λόγον* (Her) ‘поразмыслить о (слышанных) словах’, букв. ‘умом взять’; *φρενῶν κενός* (Soph Ant. 754) ‘обезумевший’ (‘пустой умом’). Уже у Пифагора *φρένες* размещается в голове. В новогреческом языке *φρένα* ‘рассудок, разум’, слово *φρήν* в значении ‘диафрагма’ существует лишь как анатомический термин [НРС, 796—797], здесь мы видим окончательную лексикализацию формы множественного числа и разделение двух лексем *φρήν* и *φρένα*, которые были ранее формами одного слова. Так слово, изначально обозначавшее реально существующий орган, превратилось в название невидимого органа, аналогичное русским словам *рассудок* или *разум*[4].

Видимо, еще раньше начало отходить от анатомического значения другое древнегреческое слово — *ἦτορ*, встречающееся у Гомера и в лирической поэзии (часто в устойчивом сочетании *φίλον ἦτορ*) [LSJ, 780]. Словари традиционно указывают в качестве первого его значения ‘сердце’, но оно ни разу не употребляется при описании раны или

[4] Примером того, что легкие могут выступать в качестве центра эмоций, служит тюркское *öbke, рефлексы которого во всех языках, где они засвидетельствованы, начиная с древнеуйгурского, имеют также значение ‘гнев обида’ (в основном наблюдаемые в производном слове *öbke-lig ‘гневный, раздражительный’) [СИГТЯ-Л 277]. Р. Онианс [8, 64; 27, 38—39] приводит также германские параллели: значение ‘легкие у птицы’ у слова *soul* ‘душа’ в английских диалектах, в «Беовульфе» душа (*sawol*) вылетает из легких *hreðer* (Beo. 2819). Слово *hreðer* обычно переводят как ‘сердце, грудь, разум’, однако контексты типа «*hreðer* надулся дыханием (*aeðme weoll*, Beo 2593), указывают, что это легкие.

же разделки туши животного [Chantrain, 418]. Даже когда его можно однозначно соотнести с анатомическим сердцем, оно употребляется в тех случаях, когда речь идет о чувствах: *ἐν ἐμοὶ αὐτῇ στήθεσι πάλλεται ἦτορ* (Hom Il. 22.452) ‘у меня самой (Андромахи) в груди сердце рвется наружу’ [5], *λύτο γούνατα καὶ φίλον ἦτορ* (Hom Il. 21.114) ‘(у сына Приама Ликаона, попавшего в руки Ахилла) ослабли колени и сердце’. Также оно означает жизненные силы, бодрость, жизнь, дух: *ἐπεὶ ἦτορ ἀπηύρα* (Hom) ‘после того как (Ахилл) отнял жизнь (у Гектора)’; *κατεπλήγη ἦτορ* (Hom) ‘(Парис) пал духом (оробел)’; *οἳ παρὰ νηυσὶ ἀνέψυχον φίλον ἦτορ* (Hom Il. 13.84) ‘(ахейцы), которые (сидя) у кораблей, освежали (свои) силы’, *μή πως φίλον ἦτορ ὀλέσσαι* (Hom Il. 5.250) ‘так милой жизни не погубишь’, *τὰς δ’ ἐσσυμένως λίπεν ἦτορ* (Q S 1.257) [6] ‘его нетерпеливая покинула жизнь’.

Наиболее же часто это слово выступает как обозначение центра эмоций, чувств, ощущений, лишь изредка встречаются указание на конкретное расположение этого центра в анатомическом сердце (при переводе примеров мы оставляем слово ‘сердце’, осознавая его условность): *ἔν οἱ κραδίῃ στένει ἄλκιμον ἦτορ* (Hom Il. 20.169) ‘в сердце у него (льва) бушует ярость’, *ἐγέλασσε δέ οἱ φίλον ἦτορ* (Hom Il. 21.389) ‘(от радости у Зевса) засмеялось сердце’, *κατεπλήγη φίλον ἦτορ* (Hom Il. 3.31) ‘задрожало сердце (у Париса, увидевшего Ахилла с крепостной стены)’, *ἄχεϊ βεβολημένος ἦτορ* (Hom Il. 9.9) ‘болью в сердце пронзенный’ (Агамемнон, осознав свою неправоту), *μινύθει δέ μοι ἔνδοθεν ἦτορ* (Hom Od. 4.467) ‘падаю духом’, букв. ‘сокращается мое сердце’ (Менелай на острове Фарос); *ἐν δέ οἱ ἦτορ χαίρει* (A R 4.169) ‘сердцем радуется’ (Ясон, получив золотое руно), *ποθέουσα φίλον κατατήκομαι ἦτορ* (Hom Od. 19.136) ‘тоскую с растерзанным сердцем’ (Пенелопа об Одиссее), *εἰ δ’ ἄεθλα γαρύεν ἔλδεαι, φίλον ἦτορ* (Pind O. 1.4) ‘сердце мое, ты хочешь воспеть наши игры?’ (пер. М.Л. Гаспарова), *Κύκλωπας ὑπέρβιον ἦτορ ἔχοντας* (Hes Th. 139) ‘циклопов, неукротимое сердце имеющих’. Словосочетание *ἦτορ ἄλκιμον* встречается у Пиндара (Pind N. 8.24), М.Л. Гаспаров переводит его как «мощен душой».

---

[5] Интересно, что от *ἦτορ* образованы производные слова *ἦτρον* ‘живот, нижняя часть живота’, *ἠτριαῖος* ‘относящийся к животу’ [Chantraine, 418].

[6] Так в [LSJ, 780], где цитата из Квинта Смирнского дается по лейпцигскому изданию А. Циммермана 1891 г. В издании серии *Loeb classical library* (1984 г., пер. изд. 1913), которое, видимо, основывалось на более широком круге рукописей, вместо слова *ἦτορ* стоит *αἰών* ‘жизнь’.

Иногда *ἦτορ* выступает и как центр мышления: *Ζηνὸς ἦτορ λιταῖς ἔπεισε* (Pind O. 2.79) ‘Зевса сердце мольбами убедив’, *ἐν δέ οἱ ἦτορ στήθεσσιν λασίοισι διάνδιχα μερμήριξεν* (Hom Il. 1.188) ‘сердце в груди мохнатой двумя путями беспокоилось’, ср. в переводе Н. Гнедича: «могучее сердце в персях героя власатых меж двух волновалося мыслей…». Последняя цитата — редкий случай, когда *ἦτορ* сохраняет привязку к анатомическому органу.

Этимологически же *ἦτορ* связан исключительно с анатомическими терминами: др.-исл. *ǣðr* ‘вена’, др.-в.-нем. *ād*(*a*)*ra*, ср.-в.-нем. *āder* ‘вена, нерв’, во мн. ч. ‘внутренности’, др.-ирл. *inathar* (из **en-otro-*) ‘внутренности’ [Chantraine, 418; Pokorny, 344].

Тюркское слово *bağır* ‘печень’ в значении центра психических процессов засвидетельствовано в караханидском, башкирском, узбекском, алтайском, хакасском, [ЭСТЯ II, 17—20]. В азербайджанском же оно окончательно превратилось в невидимый орган эмоций, в анатомическом значении заменившись на слово *qaraciyər*.

Еще один тюркский кандидат на роль исчезающего органа — слово *köŋül [VEWT 219a, EDT 731b, ЭСТЯ 3, 75—77, ДТС 315—316, СИГТЯ-Л 274]. В языке орхонских рунических памятников оно имеет значение ‘сознание, разум, мысли’. Начиная со словаря Махмуда Кашгарийского (МК III, 353, 391) *köŋül* используется в значении ‘сердце как орган мышления и чувств’ (*söz köŋülka siŋdi* ‘слово дошло до сердца’), наиболее часто в тюркских языках это слово выступает в значении ‘настроение, чувство’, в чисто анатомическом значении практически не употребляется. В [EDT 731b] предполагается, что первичным было значение ‘ум, чувство’, однако в [СИГТЯ-Л 274] высказано мнение, что данное слово было производным от **köŋ* ‘пазуха’ и имело буквальное значение ‘запазушное’, то есть ‘содержащееся в груди’. Значит, возможно, у этого слова анатомическое значение всё-таки было первичным. След такого значения можно предположить в производном слове **köŋlek* ‘рубашка’, где корень обозначает часть тела.

Вероятно, что с исчезающим органом мы сталкиваемся и в эскимосских языках. В алютикском языке Аляски (юпикская ветвь) слово *papan* означает сердце, а в инупикских диалектах севера Аляски и запада Канады (инуитская ветвь) соответствующее слово *näppän* означает душу человека или животного [CED, 216].

Возникающие органы

Особенно интересны примеры обратного направления перехода, когда название невидимого органа, не восходящее изначально к термину наивной анатомии, начинает обозначать орган человеческого тела. Это произошло с румынским словом *inimă* ‘сердце (анат.)’, ‘центр эмоций’, которое возникло из лат. *anima* ‘душа’ [DER, 426]. Аналогичное семантическое развитие отмечено у слова *душа* в русских диалектах: *душа* ‘сердце’: *Душа у тебя так и дрыгае* [СРНГ 8, 281]. В обоих случаях развитие значений идет по цепочке ‘дыхание’ → ‘душа’ → ‘невидимый орган — центр эмоций’ → ‘сердце’.

Интересна вероятная история китайского *xīn* (心), др.-кит. *səm*, ср.-кит. *sjim* ‘сердце’, ‘душа’, ‘ум, разум; мысль; воля; чувства; желания; настроения, намерения’. Значения рефлексов этого корня в других сино-тибетских языках не связаны с анатомическим органом: тиб. *sem*(*s*) ‘душа’, ‘думать’; *bsam* ‘мысль, мышление, размышление’, бирм. *simh* ‘постигать, понимать’, лушей *thiam* ‘знать’, лепча *a-sóm* ‘дух’, ‘дыхание’, тулунг *sam* ‘дыхание’, ‘пар’, ‘звук’, калинг *säm* ‘пар’, ‘сущность’, *sämnä* (*sämu*) ‘выпускать пар’, лимбу *sām* ‘песня’, ‘воздух’, ‘дух’, кулунг *cham* ‘песня’, ямпху *sem* в *sem-ʒa-ma* ‘быть напуганным’', *sem-lu-ma* ‘песня’ [STED]. Можно предположить, что изначальное значение этого сино-тибетского корня было связано с воздухом и дыханием, далее он стал обозначать душу и невидимый орган разнообразных психических функций, в последнем значении был унаследован китайской ветвью этой семьи, где развил уже и чисто анатомическое значение, которое видно из таких контекстов, как *xīnjī gěngsǐ* (心肌梗死) ‘инфаркт миокарда’. Таким образом, получается, что первая часть эволюции этого корня аналогична пути румынского слова *inimă*, если его прослеживать от классической латыни (‘дыхание’ → ‘душа’ → ‘сердце’).

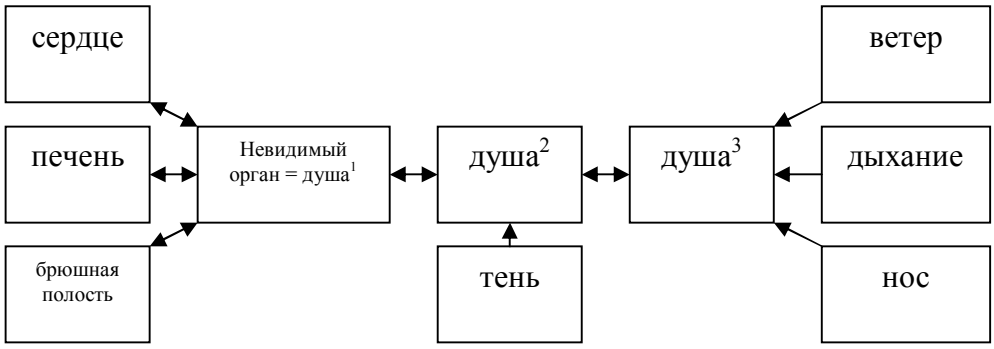
Подтвердить эту гипотезу или же, наоборот, опровергнуть ее поможет анализ лексики большего количества сино-тибетских языков.

Заключение

При общем описании ряда связанных семантических переходов следует помнить о многозначности русского слова *душа*, часто употребляемого в толкованиях. Условимся, что *душа*[1] — это невидимый орган, локализация эмоций (*в душе он сожалел об этом*), *душа*[2] — нематериальное начало в человеке, покидающее его после смерти (*переселение душ*), *душа*[3] — жизненная сила, «пневма». Значения ‘душа[2]’ и ‘душа[3]’ в языках часто совмещаются в одной лексеме. Значение ‘душа[3]’ не совмещенное с ‘душа[2]’, представлено, например, в японском *ki* (気). ‘Душа[2]’ часто входит в семантический переход со значением ‘тень’. Значение ‘душа[3]’ часто имеет своими источниками понятия, связанные с воздухом и дыханием: ‘ветер’, ‘дыхание’, ‘нос’.

Семантические переходы между этими связанными друг с другом значениями изображены на схеме 1.

Схема 1. Семантические переходы между ‘душа[1]’, ‘душа[2]’, ‘душа[3]’ и связанными значениями



Кратко проиллюстрируем прочие семантические переходы, отраженные на схеме: **дыхание — душа**[7]: нган. *бачюо — бачю?* [НМС, 78—80], лат. *spirare — spiritus*, исланд. *andi*, араб. *nafas-* — *nafs-* [BK II, 1310], лат. *anima* (*anima continere* сдерживать дыхание) [Glare, 132], сир. *nəšam* ‘spiravit’ — *nəšamtā* ‘spiritus, anima’ от прасемит. **nšm* ‘дышать’ [Brock, 451; Payne Smith, 2476—77; SED I, 51], рум. *suflet* ‘душа2’ от лат. *sufflitus

[7] Этот переход подробно рассматривается в [21, 187—191].

‘дуновение’ [DER]. **Ветер — душа**: фарси *jān*, осет. когнаты *wad* ‘ветер’ и *ūd* ‘душа’ [Абаев, 4, 6—7], зулу *umoya*, фин. *henki*. **Нос — душа**: догон *kinu* [9]. **Тень — душа**: др.-греч. *σκιά*, нем. *Schatten*, англ. *shadow*, рус. *тень*, исп. *sombre*, таб. *вarantu* [ТабРС, 107], яравара *kanamori* / *kanamori* [JED, 108].

Таким образом, мы можем видеть, что в истории одного слова (например, от лат. *anima* к рум. *inimă*) его значение может пройти длинный путь от ‘дыхание’ к ‘сердце как анатомический орган’ [DER, 426].

Спектр возможностей потенциального размещения анатомического центра психических функций хорошо иллюстрируется собранными С.М. Толстой возможными вариантами местопребывания души в человеческом теле в различных славянских традициях [16, 392—395], перечислим их, сохранив для иллюстрации лишь самые показательные текстовые примеры:

— сердце: рус. арханг. «Душа — это сердце. Полсердца улетит <в момент смерти>, а другая половина останется», пол. *Gdzie jest serce, tam dusza jest* ‘где сердце, там и душа’, Белоруссия, Украина, болг. *Душа е като въздух, тя е в сърцето на човека, излиза при смъртта от устата му* ‘Душа — как воздух, она в сердце человека, выходит во время смерти у него изо рта’;

— желудок, живот: рус. «Душа сидит немного пониже [сердца], в желудке» [5, 74], Украина, Болгария, пол. *Dusza przebywa w piersiach aldo w brzuchu* ‘душа пребывает в груди или в животе’;

— горло, глотка: Черногория;

— голова: Польша, Полесье, Болгария, др.-рус. *доуша сѣдить въ главѣ, оумъ имоущи яко же свѣтлое wко* [Срезневский 1, 749];

— глаза: Силезия, Полесье, Западная Украина (местное поверье связывает душу с маленьким человечком, которого можно увидеть в зрачке глаза);

— кости: Сербия: *док постоје кости, дотле живи и душа, и према томе постоји могучност за евентуално ускрснуће* ‘пока существуют кости, жива и душа, и значит, сохраняется возможность воскресения’; *запека му се душа у костима* ‘запеклась у него

душа в костях’ (об очень старом человеке), *jедва носим у костима душу* ‘едва душу ношу в костях’. (С.М. Толстая сопоставляет эти языковые данные с обрядом вторичного погребения костей у балканских славян и сказочным мотивом воскресения из костей);

— кровь: Закарпатье, Болгария;

— легкие: Карпаты;

— печень: Карпаты.

Отметим, что локализация души в костях связана в первую очередь с пониманием души как нематериальной части человеческой личности (*душа*[2]), а в крови — с пониманием души, как жизненной силы, энергии (*душа*[3]), носителем которой во многих культурах является кровь.

Список сокращений

Языки и диалекты

авест. — авестийский язык

амхар. — амхарский язык

англ. — английский язык

араб. — арабский язык

арин. — аринский язык

ассан. — ассанский язык

баск. — баскский язык

бирм. — бирманский язык

болг. — болгарский язык

вепс. — вепсский язык

гаг. — гагаузский язык

греч. — греческий язык

др.-в.-нем. — древневерхненемецкий язык

др.-ирл. — древнеирландский язык

др.-исл. — древнеисландский язык

др.-кит. — древнекитайский язык

др.-рус. — древнерусский язык

др.-япон. — древнеяпонский язык

исп. — испанский язык

карел. — карельский язык

кет. — кетский язык

кор. — корейский язык

котт. — коттский язык

курд. — курдский язык

маньчж. — маньчжурский язык

монг. — общемонгольский праязык

нан. — нанайский язык

нган. — нганасанский язык

нем. — немецкий язык

олон. — олонецкие говоры русского языка

осет. — осетинский язык

п.-монг. — старописьменный монгольский язык

парф. — парфянский язык

пол. — польский язык

праиран. — общеиранский праязык

прасем. — общесемитский праязык

пump. — пумпокольский язык

рус. — русский

с.-рус. — северные говоры русского языка

серб. — сербский язык

сиб. — сибирские говоры русского языка

сир. — сирийский язык

ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий язык

ср.-кит. — среднекитайский язык

ср.-кыпч. — среднекыпчакский язык

ср.-япон. — среднеяпонский язык

таб. — табасаранский язык

твер. — тверские говоры русского языка

тиб. — тибетский язык

тунг.-маньчж. — общетунгусо-маньчжурский праязык

тюрк. — общетюркский праязык

укр. — украинский язык

фин. — финский язык

эвенк. — эвенкийский язык

югск. — югский язык

южм.-имб. — южно-имбацкий диалект кетского языка

япон. — японский язык

Источники

Aesch — Эсхил

Choēph. — «Хоэфоры»

Pers — «Персы»

PD. — «Прометей прикованный»

A.R. — Аполлоний Родосский, «Аргонавтика»

Beo — «Беовульф»

Eur. Ion — Еврипид «Ион»

Gal. Hipp. et Plat. — Гален «О догматах Гиппократа и Платона»

Her — Геродот «История»

Hes Th. — Гесиод, «Теогония»

Hesych. — Гесихий «Сборник всех слов в алфавитном порядке»

Hippocr. VM — Гиппократ «О древней медицине»

Hom — Гомер

Il. — «Илиада»

Od. — «Одиссея»

MK — Махмуд Кашгарийский «Собрание тюркских наречий»

Pind — Пиндар

O. — Олимпийские песни

N. — Немейские песни

Plat. Tim. — Платон «Тимей»

Q S — Квинт Смирнский, *Posthomerica*

Soph Ant. — Софокл

Ant — «Антигона»

Fr. — Фрагменты

Словари

Абаев — Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1—4. Л. 1958—1989.

БФРС — Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. М., 2007.

Вейсман — Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. СПб. 1899.

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринтное издание: В 4 томах. М., 1994.

Дворецкий — Дворецкий И. Х. Греческо-русский словарь. М., 1958.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

ГРМС — Гайдаржи Г.А., Тукан Б.П., Колца Е. К., Покровская Л.А. Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973.

Краузе — Краузе В. М. Гомеровский словарь. К «Илиаде» и «Одиссее». СПб. 1880.

Материалы 2001 — Материалы российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Выпуск 4. Язык рук. М., 2001.

Материалы 2004 — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1 (А — И). Екатеринбург. 2004.

НМС — Люблинская М., Гусев В., Шерстинова Т. Нганасанский мультимедийный словарь // http://www.speech.nw.ru/Nganasan/.

НРС — Хориков И.П., Малев М.Г. Новогреческо-русский словарь / Под ред. П. Пердикиса и Т. Папандопулоса. М., 1993.

ПМРС — Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.

СИГТЯ-Л — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1997.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.; Л., 1965—. Вып. 1.

Срезневский — Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1890—1912.

ССЕЯ — Старостин С.А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник. М., 1995.

ТабРС — Ханмагомедов Б.Г.-К., Шалбузов К.Т. Табасаранско-русский словарь. М., 2001.

ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. / Отв. редактор В.И. Цинциус. Л., 1975.

ЭвРС — Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.

ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974—2003. Т. 1—7.

AED — Militarev, A., Stolbova, O. Afroasiatic etymological database // http://starling.rinet.ru/cgibin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=data\semham\afaset& first=1.

BK — De Biberstein Kazimirski A. Dictionnaire Arabe-Francais. Paris, 1960.

Brock — Brockelmann C. Lexicon Syriacum. Halle, 1966.

CAD — The Assyrian Dictionary of University of Chicago. Chicago, 1956—2007.

CED — Fortescue, M., Jacobson, S., Kaplan, L. Comparative Eskimo Dictionary. Fairbanks, 1994.

Chantraine — Chantraine P. Dictionnaire etymologoque de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968.

CVOTGD — Burrow, T., Bhattacharya, D. A comparative vocabulary of the Gondi dialects. Calcutta, 1963.

DED — Burrow, T., Emeneau, M.B. A Dravidian Etymological Dictionary. Oxford, 1984.

DER — Ciorănescu A. Dicţionarul etimologic al limbii române. Bucureşti. 2007.

DEX98 — Dicţionarul explicativ al limbii române. Bucureşti. 1998.

DRRS — Dicţionar român-rus sinonimizat. Vol. 1. Chişinău, 2005.

EDAL — Starostin, S.A., Dybo, A.V., Mudrak, O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.

EDT — Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972.

Glare — Glare, P.G. Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1982.

JED — Vogel, A. Jarawara-English dictionary. SIL, 2006.

K — Kane, T.L. Amharic-English Dictionary. Wiesbaden, 1990.

KT — Kane, T.L. Tigrinya-English Dictionary. I, II. Springfield, 2000.

LGur — Leslau, W. Etymological Dictionary of Gurage (Ethiopic). Vol. I: Individual Dictionaries. Wiesbaden, 1979.

LGz — Leslau, W. Comparative Dictionary of Geʕez (Classical Ethiopic). Wiesbaden, 1987.

LH — Littmann E., Hoeffner M. Wörterbuch der Tigre-Sprache. Wiesbaden, 1962.

LLA — Dillmann A. Lexicon Linguae Aethiopicae cum indice latino. New York: Friedrich Ungar, 1955.

LSJ — Liddell H., Scott R. A Greek-English Lexicon with revised Supplement. Rev. and augm. by H. C. Jones. Oxford, 1996.

Payne Smith — Payne Smith J. A Compendious Syriac Dictionary. Oxford, 1903

Pokorny — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

ROMLEX — ROMLEX. Romani Lexicon Project, coordinated by Yaron Matras, Dieter W. Halwachs and Peter Bakker // http://romani.kfunigraz.ac.at/romlex/lex.xml

SED I — Kogan, L.E., Militarev, A.Yu. Semitic Etymological Dictionary, vol. I.: Anatomy of Man and Animals. Munster, 2000.

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Vol I-II. Helsinki, 1992, 1995.

STED — Starostin, S.A. Sino-Tibetan etymological database //http://starling. rinet.ru /cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\semham\afaset& first=1.

VEWT — Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Литература

1. Агапкина Т.А., Кабакова Г.И., Топорков А.Л. Сердце // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н. И. Толстого. Том 5. М., 2012.

2. Алпатов В.М. Япония. Язык и культура. М., 2008.

3. Бакшеев Е.С. Кокоро — духовная культура Японии. Выпуск 3 // http:// www.ru-jp.org/baksheev06.htm.

4. Гуревич Т.М. Представления о душе в японской лингвокультуре // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. 2006.

5. Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. Материалы по русской демонологии. СПб., 1996.

6. Зелинский Ф. Ф. Гомеровская психология // Онианс Р. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе. М., 1999. С. 449—497.

7. Корнилов О. А. Язык инков — кечуа. М., 2011.

8. Онианс Р. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе. М., 1999.

9. Плунгян В. А. К описанию африканской наивной картины мира (локализация ощущений и понимание в языке догон) // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 155—157.

10. Привес М.Г.. Лысенков Н.К., Бушкович В.И. Анатомия человека. М., 1985.

11. Роен Й., Йокочи Ч., Лютьен-Дреколл Э. Большой атлас по анатомии. М., 1997.

12. Руссо М.М. Локализация эмоций в языках мира // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. М. 2010. Выпуск 2. С. 39 - 60.

13. Седакова И. А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. М., 2007.

14. Синельников Р. Д., Синельников Я. Р. Атлас анатомии человека в четырех томах. Том 2. Учение о внутренностях и эндокринных железах. М., 1996.

15. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.

16. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

17. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003.

18. Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. М., 2009.

19. Ярхо В.Н. Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М., 1978.

20. Culture, Body, and Language. Conceptualizations of Internal Body Organs across Cultures and Languages. / Edited by F. Sharifian, R. Dirven, N. Yu, S. Niemeier. Berlin — New York. 2008.

21. François, A. Semantic maps and the typology of colexification. // M.Vanhove (ed.). From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations. (Studies in Language Companion series, 106.) Amsterdam, 2008.

22. Galeni Claudii De placitis Hippocratis et Platonis libri novem. Recencuit et explanavit Iwanus Mueller. Vol. 1. Lipsiae. 1874.

23. Ikegami, Y. The heart: What it means to the Japanese speakers // Culture, Body, and Language. Conceptualizations of Internal Body Organs across Cultures and Languages. / Edited by F. Sharifian, R. Dirven, N. Yu, S. Niemeier. Berlin — New York. 2008. P. 169 — 190.

24. Justesen, P.Th. Les principes psychologiques d'Homere. Copengagen. 1928.

25. Martin, S. E. The Japanese language through time. New Haven — London. 1987.

26. Matisoff, J. Hearts and minds in Southeast Asian languages and English: An essay in the comparative lexical semantics of psycho-collocations // Cahiers de linguistique Asie Orientale 1986. 15(1). P. 5–57.

27. Onians R. The Origin of Europian thought about the body, the mind, the soul, the world, time and fate: new interpretations of Greek, Roman and kindred evidence also of some basic Jewish and Christian deliefs. Ed. 2. Cambridre. 1954.

28. Sharifian F. Conceptualizations of del 'heart-stomach' in Persian // Culture, Body, and Language. Conceptualizations of Internal Body Organs across Cultures and Languages. / Edited by F. Sharifian, R. Dirven, N. Yu, S. Niemeier. Berlin — New York. 2008. P. 247—266

29. Sophoclis. Fabulae / Recognovit A. C. Pearson. Oxonii, 1924.

Н.К. Рябцева (Институт языкознания РАН)

N.K. Riabtseva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Концепция перевода Питера Ньюмарка и ее теоретическое и практическое значение

Translation studies by Peter Newmark and their theoretical and practical impact

Аннотация

В статье систематизируются основные положения переводоведческой концепции, разработанной выдающимся британским филологом, переводчиком, лингвистом и специалистом в области теории и практики перевода П. Ньюмарком, который почти неизвестен в нашей стране. Особое внимание уделяется сформулированным им техникам, приемам и принципам установления межъязыковых соответствий в процессе перевода и обучения переводческой деятельности.

The paper systematizes Peter Newmark's main ideas concerning translation studies and their practical application in teaching and learning translation as a professional activity. Special attention is paid to various translational procedures and the ways to acquire them. P. Newmark is an outstanding British philologist, translator, linguist and translation scholar whose scientific works and humanistic activities are barely known in Russia.

Ключевые слова

переводоведение, техники, приемы и принципы перевода, межъязыковые соответствия

translation studies, translational procedures, interlingual correspondences

Питер Ньюмарк — выдающийся специалист в области переводоведения, талантливый переводчик и преподаватель перевода, тонкий и глубокий лингвист и в целом — ученый с мировым именем, который в нашей стране по ряду объективных и субъективных причин почти неизвестен. Самой ценной чертой научного творчества П.

Ньюмарка можно считать практическую и шире — гуманитарную направленность всех его публикаций, выступлений и видов деятельности, вносящих важный вклад в расширение и развитие принципов преподавания перевода, совершенствования межкультурной коммуникации и внедрения лингвистической грамотности во все виды гуманитарной деятельности.

Предпринятое здесь обращение к научно-практическому творчеству этого неординарного филолога призвано восполнить тот существенный пробел, который наблюдается в современном отечественном переводоведении в области формулирования и внедрения в теорию и практику перевода таких понятий и явлений, как «техники, приемы и принципы перевода». Они были сформулированы П. Ньюмарком в течение 1990-х годов, когда он регулярно писал короткие научные эссе, посвященные разнообразным актуальным проблемам теории и практики перевода, в журнал «The Linguist», издаваемый Институтом лингвистов Великобритании. По материалам упомянутых эссе были изданы книги «Paragraphs on Translation» [5] и «More Paragraphs on Translation» [6]. Кроме того, П.Ньюмарк является автором еще ряда книг по переводоведению [2; 3; 4], а также большого количества научных, дидактических и методических статей и учебных пособий по переводу и его преподаванию.

Несмотря на то, что все его книги многократно переиздавались, в том числе и в переводе на разные языки, содержащиеся в них идеи еще не полностью освоены профессиональным сообществом, особенно у нас в стране. При этом обычно отмечаются следующие на то причины: чрезвычайная «плотность» и «насыщенность» текста, особенно примерами из разных языков, не всеми из которых владеет читатель, и намеренная практическая, а не теоретическая направленность его трудов.

Всю свою долгую профессиональную жизнь П. Ньюмарк постоянно подчеркивает, что не считает себя теоретиком перевода и убежден, что профессиональный переводчик должен знать не теорию, а «тайны» и «секреты» своей профессии, которые он сам в большом количестве и сформулировал в виде разнообразных техник и принципов. Центральной темой всех собственно

исследовательских, точнее, дидактически ориентированных, публикаций П. Ньюмарка является публицистический, специальный и художественный перевод: их характеристики, особенности, специфика, закономерности, тактики и стратегии перевода и т.д. То же самое относится и ко всем научным студенческим и «аспирантским» исследованиям, которыми он руководил.

Концепция перевода вообще, а также специального и художественного перевода в частности, сформулированная П. Ньюмарком, принципиальным образом отличается от всех других концепций, разработанных в рамках традиционной теории перевода (ТТП), целым комплексом особенностей. Главным образом потому, что она практически ориентирована: предназначена для преподавания перевода, а не его теоретической интерпретации, и имеет в качестве исходного понятия и основы четко определенное понятие «близкий к тексту перевод». Кроме того, в отличие от традиционных переводоведов, П. Ньюмарк не только блестящий переводчик, но еще и настоящий профессиональный лингвист и тонкий ценитель языка, особенно своего родного, английского, что придает его мыслям подлинно научное звучание.

Понятие «близкий к тексту перевод» определяется им следующим образом: перевести «близко к тексту» означает, что все стандартные, привычные, естественные коллокации (словосочетания) и выражения оригинала должны быть переданы аналогичными по употребительности, столь же привычными коллокациями и выражениями языка перевода. В случае отсутствия таковых перевод может быть буквальным или дословным, особенно если необходимо точно воспроизвести авторскую мысль. При этом при переводе «авторского» («авторитетного») текста (см. об этом ниже) должны быть воспроизведены еще и все авторские инновации, причем с сохранением степени их отклонения от нормы, а также авторское оформление текста графически, пунктуационно и т.д. [5, 5, 26, 29, 38—39].

При этом следует учитывать, что знаки препинания в разных языках могут использоваться по-разному. Так, многоточие/отточие используется в английской и французской художественной литературе по-разному [5, 127]. Во французской — чаще

всего для передачи неуверенности, незаконченности и т.п., в английской — как средство указания на намеренный пропуск, и др. [5, 159]. В целом, пунктуационный знак «три точки» (ср. многоточие, отточие и т.п.), особенно в конце предложения, может означать: (1) ‘и так далее’ (‘and so on’, ‘etc.’); (2) пропуск фрагмента текста (‘passage omitted’); (3) «молчание, тишину, паузу»; (4) «саспенс», за которым следует неожиданный конец; (5) указание на «заключительное замечание», намекающее, что «продолжение следует»; (6) указание на «перебивание» речи одного говорящего другим; (7) намек на противопоставление (*I work, whilst you ...*). Кроме того, знак «три точки» более характерен для французского художественного текста по сравнению с английским и немецким (тогда как в немецком (особенно в драматургии), чаще используется знак «три восклицательных знака» («the mad exclamation mark»)) [5, 48, 127].

Особенности концепции перевода П. Ньюмарка: Переводческие техники

В целом, разработанная в трудах П. Ньюмарка концепция перевода отличается целым рядом положительных особенностей.

1. Она оспаривает устоявшиеся представления традиционной теории перевода, особо подчеркивая роль дословного и близкого к тексту перевода в переводческой деятельности, в ее описании и (практической) интерпретации.

2. Она поднимает и обсуждает темы, которые в ТТП не обсуждаются или почти не обсуждаются. Главная из них — «техники, приемы и принципы перевода», которая оказывается связанной с целым комплексом практически важных и ценных понятий, на которых и делает акцент П. Ньюмарк. Это, в первую очередь, принцип «переводческий подход к анализу текста», который включает целый комплекс специальных процедур: разграничение типов и видов текстов, в том числе художественных; выделение ключевых слов; определение символического смысла слов и многое другое.

3. Она основана на четко сформулированных, конструктивных исходных принципах, понятиях и разграничениях, которые корректно вводятся, последовательно развиваются и эффективно используются в процессе расширения концепции и в практически значимом объяснении переводческих явлений и решений.

4. Она содержит множество замечательных, показательных и характерных языковых примеров, которые, в отличие от ТТП, убедительно комментируются, объясняются и, что особенно ценно, обобщаются.

5. Она характеризуется глубочайшей «лингвистичностью»: тонким чувством языка и фундаментальными лингвистическими научными знаниями, ср.: «I am absorbed and fascinated by language, and I attempt to make a small contribution towards its understanding and appreciation» [5, X (Introduction)].

Так, П. Ньюмарк скептически относится к ТТП и, надо сказать, не без оснований. Его главная претензия состоит в том, что ТТП не является обобщением практической деятельности переводчика, а представляет собой довольно умозрительную и усложненную (ненужными терминами) ее теоретическую интерпретацию — абстрактную модель. Сам П. Ньюмарк оперирует исключительно конкретным практическим материалом и конкретными, верифицируемыми понятиями и положениями, которые представляют собой, по сути, техники перевода. Наиболее значимыми среди них являются техники: разграничения модуса и диктума; выделения авторских текстов; разграничения художественных жанров; визуализации содержания и формы текста; выделения и перевода ключевых слов; распознавания и перевода символов и культурных реалий; интенсификации и деинтенсификации значения; перевода эротической литературы; совмещения переводческих техник; распознавания и восстановления сокращений и эллипсиса; распознавания и перевода иронии; распознавания и перевода широкозначной лексики; проявления моральной ответственности переводчика (перед автором и читателем); освоения устройства языка и обучения иностранному языку и переводу.

Понятие переводческой техники (приема) весьма конструктивно и практично: оно помогает освоить переводческую профессию, в отличие, например, от некоторых теоретических терминов, которые скорее затемняют существо дела, чем проясняют его. Так, используемое в советской теории перевода понятие «переводческие соответствия», с

одной стороны, не имеет и, что самое важное, не может иметь строгой дефиниции, а, с другой стороны, практически неэффективно.

Другой пример: ТТП утверждает, что переводчик вправе опустить «нерелевантную» с точки зрения получателя перевода информацию. При этом неявно утверждается, что переводчик решает за автора, что в его тексте важно, а что неважно, и сообщает адресату перевода только то, что считает нужным [5, 21]. Соответствующее положение, ввиду его неопределенности, нуждается в уточнении. И это уточнение мы находим у П. Ньюмарка. Он разграничивает фактуальную и модальную информацию (диктум и модус), факт и отношение к нему, и говорит, что фактуальная информация должна быть передана в переводе полно, точно и близко к тексту, а модус всегда можно выразить по-разному: *Я думаю/считаю/полагаю* и т.п. Это практическое положение можно назвать «техникой разграничения модуса и диктума».

Разработанная П. Ньюмарком техника «переводческий подход к анализу текста» («translator's approach to a text») [5, 6, 112] заключается в том, что переводчик не просто переводит текст «подряд», как он идет, но должен предварительно ознакомиться с ним и выделить главное и второстепенное, центральное и периферийное, универсальное и культурно-специфичное, тему и смысл, фактическое и эстетическое, общезначимое и профессиональное (специальное), предметное и символическое, стилистическое и индивидуальное и т.д., и даже «истинное» и «ложное». В последнем случае он обязан вводить в текст пояснения и разъяснения, особенно если его точка зрения не совпадает с авторской.

Важно, что научное, практически ориентированное творчество П. Ньюмарка свидетельствует, что переводческая практика ставит перед лингвистикой целый ряд новых прикладных и теоретических проблем, решение которых может способствовать не только улучшению качества преподавания перевода, но и развитию самой лингвистики.

Чрезвычайно показательно, что в концепции П. Ньюмарка центральное практическое понятие «техника перевода» непосредственным образом связано с важнейшим практическим понятием «стиль (метод) перевода». Техника перевода

напрямую связана с характером исходного текста и, тем самым, со стилем его перевода. Поэтому в практическом отношении очень важно разграничивать различные типы и виды текста. Соответственно, П. Ньюмарк строит свою собственную, практически ориентированную типологию текстов вообще и художественных текстов в частности.

Техника выделения авторских текстов и особенности их перевода

ТТП противопоставляет художественный перевод всем другим типам и видам перевода (публицистическому, научному, техническому и т.д.) и не видит между ними сходства. В этом плане П. Ньюмарк [2] показывает, что в практическом отношении в переводе всех типов текста есть нечто принципиально сходное. В соответствии с этим он выделяет два метода (стиля) перевода — семантический, который ориентирован на оригинал (и его автора, «a source-oriented translation»), и коммуникативный, который ориентирован на адресата («a target-oriented translation»).

Семантический перевод используется при переводе не только художественных текстов, но и всех других, авторство или культурный, юридический, политический и т.п. статус которых культурно значимы. Он используется, например, при переводе религиозных текстов, текстов, автор которых — высокое официальное лицо, известный политический или культурный деятель, в том числе писатель и т.п. Такие тексты П. Ньюмарк называет «авторитетными»/«авторскими» (authoritative). Он характеризует их как тексты, в которых содержание и стиль, предмет и способ изложения, мысли и слова, в которые они облечены, одинаково важны уже хотя бы потому, что принадлежат неординарной личности. Такой текст («where the manner is as important as the matter» [5, 70]) может быть как стилистически безупречным, так и стилистически небезупречным. В любом случае авторское начало должно быть сохранено. Причем чем более «авторитетен» текст, тем более близок по форме и содержанию к оригиналу должен быть его перевод.

В отличие от семантического перевода «авторских» текстов, коммуникативный перевод текстов, в которых содержание важнее их формы, характеризуется ориентацией на адресата. Она заключается в использовании стандартных и привычных формулировок

и словоупотреблений, в обнажении смысловой структуры текста и в стилистически качественном ее выражении (и даже «усилении»), особенно если оригинал в этом отношении небезупречен.

Дополнительная квалификация текстов включает положение о том, что важнейшим свойством «авторских текстов» выступает их «экспрессивность», а «не-авторских» — информативность или персуазивность/директивность. С точки зрения сохранения культурного своеобразия данных типов текста, перевод авторских текстов должен полностью передавать его, информативные тексты более ориентируются на общеизвестные (универсальные, «культурно независимые») понятия, а директивные — на понятия принимающей культуры. Например, «Seim» при переводе с польского на английский в первом случае следует передавать как *Seim*, во втором — как *the Polish parliament*, и как *The Polish House of Commons* — в третьем. Хотя, конечно, в каждом конкретном случае контекст может внести свои коррективы в перевод [5, 91, 156, 120; 3; 4; 6]. В целом переводчик должен хорошо представлять, «чем перевод поэзии отличается от перевода рекламы стирального порошка» [5, 105]. При этом П. Ньюмарк отмечает, что труднее всего переводить религиозные тексты.

Исходным, самым главным и эффективным положением концепции П. Ньюмарка выступает предельно практичное, показательное и конструктивное соображение о том, что «переводческая проблема возникает там и тогда, когда данный отрезок текста не может быть переведен буквально, пословно, дословно и/или не имеет устоявшегося (устойчивого) межъязыкового эквивалента» [5, 2 и др.]. В данном случае возможны варианты перевода, выбор между которыми всегда представляет собой некоторый компромисс, зависящий от целого набора факторов как лингвистического, так и прагматического характера. Важно, что при переводе авторских текстов диапазон выбора возможных вариантов перевода обычно намного меньше, чем при переводе неавторских текстов, особенно если между выражениями в двух языках отсутствуют однозначные соответствия [5, 156].

Иными словами, если содержание текста важнее его формы, то его следует передавать «коммуникативно»: как можно более ясно, понятно, просто и эксплицитно, т.е. передавать его в полном объеме независимо от того, каким языком, хорошим или плохим, ясным или не ясным, оно выражено. Но если детали содержания выражены ясно и хорошим языком, то такой текст нужно передавать как можно ближе к оригиналу, «семантически» [5, 36—37]. И чем лучше написан текст, тем точнее, «ближе к тексту» он должен быть переведен, независимо от того, насколько важна и релевантна содержащаяся в нем информация.

Таким образом, чем более важен язык оригинала и/или его автор, тем более точно, более близко к тексту, «more closely», он должен быть переведен. Так, если Джеймс Джойс пишет: «The figure was that of a broadshouldered deepchested stronglimbed frankeyed freely freckled brawnyhanded hero» (где эпитеты *broadshouldered*, *deepchested*, *stronglimbed*, *frankeyed*, *brawnyhanded* компьютер подчеркивает как не отмеченные в английском языке), то такой текст следует передавать как можно ближе к тексту, почти слово в слово, при этом еще и постараться воспроизвести аллитерацию. Но если подобный текст не является «авторским», то в определенных случаях его можно передать как «He was exceptionally attractive and well built».

Другой пример: Де Голь не является писателем-романистом, но его воспоминания написаны с таким достоинством, простотой и убедительностью, что их следует переводить как можно ближе к оригиналу, несмотря на то что многие французские конструкции не имеют столь же привычных для английского языка аналогов. Поэтому обороты типа *Leurs familles, je les connais, je les estime et je les aime* следует «переносить» в перевод: *Their families, I know them, I value (esteem) them and I love them* [5, 145].

Главное в переводе — понять авторское «послание» («message») и передать его как можно более точно и кратко, при этом сопутствующие детали можно переводить по-разному. Поэтому границы между двумя типами и методами перевода — семантическим и коммуникативным — не носят абсолютного характера: они подвижны, допускают совмещение, переплетение, дополнение и не исключают один другого. Так, один и тот же

текст можно перевести и «семантически», и «коммуникативно». Есть также особо сложные типы текста, например, трактаты Ницше, которые можно перевести только сочетая семантический и коммуникативный методы перевода.

Но если это, скажем, реклама, то обычно ее перевод носит «коммуникативный» характер: ориентируется на адресата. А если необходимо передать стилистические и культурные особенности данной рекламы, например, соответствующим специалистам, то она должна быть переведена «семантически» — с воспроизведением ее лингвистических свойств. Опять же, если художественная литература должна переводиться преимущественно «семантически», то существуют, тем не менее, довольно серьезные отличия в переводе, скажем, для себя и для аудитории, для специалистов и для широкого круга читателей и т.д. При этом наиболее «семантическим» будет перевод поэзии, в которой содержание выражается еще и при помощи звука, т.е. эстетически особо «напряженным» способом. Комедия же, напротив, неизбежно будет переводиться и «коммуникативно», поскольку главное в ней — рассмешить зрителя.

Но в любом случае переводчик, и не только художественной литературы, должен уметь писать: выражать мысли кратко и хорошим языком, пользоваться всеми нюансами лексики и грамматики (родного) языка, строить текст элегантно и понятно, так чтобы текст перевода читался легко, без запинок и был «дружественным» по отношению к читателю и к заказчику [5, 153]. «Авторское послание» (message) составляет главный смысл произведения, но не исчерпывает весь его смысл. Смысл гораздо богаче, тоньше, больше и шире. Соответственно, хороший перевод можно определить как такой, когда смысл, заложенный автором в текст, передан соответствующими оригиналу средствами и предельно «аккуратно» (accurately): точно и полно [5, 162]. Кроме того, хороший перевод должен быть написан хорошим литературным языком, элегантным и выразительным [5, 163].

Следует отметить, что соотношение «авторских» и неавторских текстов в переводе постоянно изменяется. Если еще 100—150 лет назад до 90% выполняемых в мире переводов относилось к художественной литературе, то в настоящее время это

соотношение поменялось на противоположное, с той лишь разницей, что в нехудожественных текстах доля авторских текстов, а именно исходящих от официальных юридических и политических лиц, заметно возросла, как и доля совершенно «неавторских» текстов — рекламных, туристических, информационных, развлекательных и т.д.

Техника разграничения художественных жанров

Стратегия и тактика перевода, а также переводческие приемы и техники, используемые при этом, во многом зависят от жанра переводимого произведения, его особенностей. Так, «помимо поэзии, в художественном переводе особо выделяется такой жанр текста, как “короткий рассказ”. Это наиболее интимная, личностно ориентированная стилистическая форма (в отличие от нее, наиболее “публичный” характер имеет драма, еще более публичный — фарс). Смысл короткого рассказа — в его компактности, простоте, концентрированности и особой связности. Его символическая и коннотативная сила выходит за рамки его реалистичности и денотативности. С точки зрения перевода текстов данного жанра их отличительными свойствами выступают следующие» [5, 48—49]:

1. Особая структура и организация: начало и конец короткого рассказа гораздо более тесно связаны, чем, например, в романе, и эту связь в переводе нужно точно воспроизвести.

2. Особое значение ключевых слов: это часто повторяющиеся, типичные для данного произведения слова, выражения и образы. Они раскрывают лейтмотив рассказа. Эти повторы в переводе нужно воспроизводить одними и теми же средствами (что, правда, далеко не всегда получается).

3. Наличие собственных стилистических маркеров: это типичные для данного автора слова, выражения и образы, раскрывающие тему произведения и требующие при переводе особого внимания (ср. стилизацию сниженной, диалектной, жаргонной и т.п. речи). Причем чем чаще автор использует одни и те же маркеры, тем более они

обесцениваются. Так, если в тексте постоянно встречаются выражения типа *play the part of* или *have the function of*, то в некоторых контекстах их вполне можно опустить, ср. фр. *les Alpes qui jouaient si longtemps le rôle de concervatoire — the Alps that protected them so long* [5, 52].

4. Особая жанровая характеристика языка как преимущественно разговорного или письменного, которая также подлежит распознаванию и передаче.

5. Особое значение функциональной перспективы предложения: в коротком рассказе как компактном и концентрированном повествовании коммуникативная организация высказывания, логическое ударение и интонация имеют дополнительную нагрузку средств развития сюжета и потому должны быть воспроизведены с особой тщательностью и точностью [5, 81].

6. Обязательное наличие культурной специфики и связи с литературной традицией, которая должна быть отражена так, чтобы обогатить принимающую культуру, и которая, при недостаточном к ней внимании, может быть неадекватно воспринята переводчиком. Например, при переводе реалистических и «резких», в стиле «стаккато», рассказов Мопассана его переводчица на английский язык нередко нивелирует и сглаживает эту особенность оригинала (cultural detail), опуская множество ее проявлений [5, 49].

Особого подхода требует перевод драматургического произведения. Оно может быть трагедией, комедией или фарсом, но может и сочетать в себе все соответствующие черты. Наиболее близко к тексту следует переводить трагедию, сохраняя при этом все особенности исходной культуры. Точность в переводе комедии зависит от того, насколько она серьезна; при этом также желательно сохранять особенности исходной культуры. Другое дело — фарс. Это легкое и забавное произведение, его лучше адаптировать к принимающей культуре, здесь главное — передать юмор понятным для адресата способом [5, 96].

Специфика в переводе комедий также состоит в том, что чем она легче, тем более она может быть адаптирована к принимающей культуре и тем менее близко к тексту она

может быть переведена. Так, «Тартюф» переводится не так, как «Служанка-госпожа». В первом случае — это «серьезная» (по содержанию) комедия, и она переводится более близко к тексту, чем вторая, в которой для более убедительной передачи основной идеи допускается некоторое утрирование характеров [5, 142].

Техника визуализации содержания и формы текста

Переводчик должен обязательно «рассматривать» (в прямом смысле) текст с двух сторон: референциально и лингвистически. В первом, «референциальном» случае он должен понимать, что текст отражает некоторую (предметную) ситуацию, в которой что-то происходит, произошло и будет происходить с кем-то или с чем-то, причем отражает не полностью, а чаще всего частично. Восстановить «недостающее» помогают такие функциональные слова, как артикли, темпоральные предлоги и наречия, союзы и т.п. Они отсылают к соответствующей экстралингвистической реальности, которую необходимо представить, «визуализировать», даже если она вымышленная или относится к области фантастики.

Во втором, «лингвистическом» случае переводчик должен представить переведенный им текст в контексте принимающей культуры и задаться вопросом: «Как смотрятся написанные им слова на бумаге? естественны ли они для издания/издательства (экономического, юридического и т.д.), заказавшего перевод?»

Например, во французской *Le Monde* читаем следующий отрывок, который нужно перевести на английский: *'Purge', 'pause', 'consolidation', les qualificatifs abondent au terme de cette semaine où la place parisienne … a été secouée par la crainte de l'inflation et de la hausse des taux d'intérêt.* При этом близкий к тексту перевод квалификаторов на английский язык (*purge*, *pause*, *consolidation*), особенно в начале предложения, трудно представить в английской газете. Лингвистически естественнее описать соответствующую ситуацию следующим образом: *At the end of the week, when the Paris Bourse has been shaken by fears of inflation and higher interest rates, there is a need, amongst other things, for a return to stability, a pause, and then consolidation.* Аналогично и относительно таких выражений, как интернациональные латинизмы типа *a contrario* или

a priori, совершенно естественных, например, для французского языка газеты, но не английской, особенно экономической прессы, в которой они выглядят достаточно чужеродно [5, 78].

Что касается перевода латинских выражений, то П. Ньюмарк также отмечает, что в немецком и романских языках они вообще довольно органичны и потому могут просто воспроизводиться (на латыни), тогда как для английского языка более естественно использовать их английские эквиваленты, например: *a priori — in principle*; ср. фр. *Calvet rencontre son alter ego — Calvet meets his equal* [5, 173].

Техника выделения и перевода ключевых слов

Ключевые слова — это наиболее значимые в данной культуре (сфере, области деятельности и т.д.) концепты, выраженные чаще всего именами существительными. Они имеют свою длительную историю развития в данном или нескольких языках (ср. интернационализмы *капитализм, демократия* и др.) и совпадающую «универсальную», центральную часть своего значения. В процессе своей эволюции они постепенно получают новые, дополнительные, часто оценочные смыслы, отнюдь не совпадающие в разных языках, часть из которых со временем также может быть утрачена, ср. *популизм*, *либерализм*, *сионизм* и т.п. В переводе различия в их понимании в соответствующих культурах обязательно должны быть прояснены, а не затемнены: «Translation is to clarify, not to mystify» [5, 139]. Так, в последние годы принципиально изменились такие понятия, как «социализм» и «коммунизм», и в переводе новое к ним отношение (их значение) должно быть обязательно передано.

Ключевые слова играют важную роль в организации текста, и часто они менее контекстно зависимы, чем обычная лексика [5, 7]. Как правило, они выражают смысл целого текстового фрагмента и повторяются в нем несколько раз. В переводе с их помощью (например, в виде повтора) тексту можно придать более «читабельную» форму [5, 85]. Ключевые для данного текста слова помогают понять, что самое важное в тексте для автора, и что будет самым важным в нем для адресата перевода. С их помощью выделяются также ключевые фразы и предложения, которые следует передавать как

можно ближе к оригиналу, и дополнительная информация, которую часто можно передать в более компактной форме [5, 112]. При этом следует подчеркнуть, что принципы «экономии» в переводе (т.е. получение как можно более компактного и менее многословного перевода) затрагиваются в трудах П. Ньюмарка многократно. Так, он советует использовать специальные упражнения на сворачивание и обобщение информации при переводе, особенно той, что повторяется, дублируется или перефразируется в исходном тексте [5, 113].

Несмотря на общее требование идентичного перевода ключевых слов, этому требованию не всегда можно следовать. Так, лексика, относящаяся к характеристике человека, часто бывает «лингвоспецифичной», многозначной и имеет множество ограничений на сочетаемость. Соответственно, далеко не всегда и не во всех контекстах ее можно перевести одним и тем же словом. Так, например, французскому *gloire* в зависимости от контекста в английском языке могут соответствовать *honour*, *glory*, *reputation*, *name*, *good name* и т.д. [5, 20, 71, 121].

Техника распознавания и перевода символов и культурных реалий

Символы бывают разного рода и вида, они формируют особую категорию слов и понятий в каждой культуре и чаще всего относятся к ее ключевым понятиям. С точки зрения переводческого анализа текста, символы можно трактовать как объекты, которые репрезентируют в культуре некоторую идею особой значимости: особую ценность (голубь — мир), социальную группу (серп — крестьянин), качество (мех — гладкость), событие (red circle — the Revolution). Символ может иметь общезначимое, универсальное, «транскультурное» или культурно специфическое и индивидуальное значение и представляет собой самую сильную форму метафоры, тогда как коннотация — самую слабую. Например, меч используется для символизации силы, власти, мужественности, воинственности в целом ряде близких друг к другу культур, но он может выражать и некоторые другие, культурно и регионально маркированные коннотации, которые при переводе нуждаются в объяснении. Отдельные символы

становятся культурно значимыми, когда они репрезентируют, скажем, основной тип продуктов или вина в данном регионе. Так, в Европе и Северной Америке сосиски относятся к основным продуктам питания, а шампанское свидетельствует о (довольно) высоком уровне жизни, в отличие от Азии и Африки, где эти идеи нужно будет выражать характерными для их культуры средствами.

При этом важно учитывать, что во многих языках и культурах существуют не только универсальные символы (например, лохмотья — для бедности), но и свои, менее универсальные символы (например, Роллс Ройс — для богатства), или даже свои специфические. Например, Север и Юг в Англии и в Италии символизируют разные понятия и идеи. Так, культурно нагружены в каждом языке цвет (в том числе и кожи), названия животных, птиц, растений и др.

Таким образом, символизация заданного смысла в тексте несет дополнительную концептуальную и коммуникативную нагрузку и потому ее распознавание представляет собой автономную переводческую задачу. Главное при этом помнить, что одни и те же явления могут символизировать в разных культурах совершенно различные понятия, ср. *хлеб, рис, вода, вино, лето, зима* и т.д. Переводческие приемы передачи соответствующих смыслов часто заключаются в использовании техники «сильного» или «слабого» перевода: «обнажения/выделения/усиления смысла» или «ослабления/нейтрализации смысла» (см. об этом ниже).

Перевод культурных, особенно политических, экономических, юридических и др. реалий представляет собой проблему тогда, когда в языке перевода отсутствует соответствующее название или общепринятый (словарный) межъязыковой эквивалент, как, например, у французского *Commissariat général au Plan* при его переводе на английский язык. В данном (и всех подобных случаях) П. Ньюмарк [5, 35] предлагает следующее решение. При переводе специальных или учебных текстов такое выражение следует калькировать и одновременно дать к нему пояснение в виде описательного функционального эквивалента — *The French national planning office*. Его же следует использовать и при переводе всех других типов текста. Невозможность использования

английского слова *Commissariat* при этом объясняется тем, что оно относится к разряду «ложных друзей переводчика», так как ассоциируется в английском языке с поставками продовольствия.

Важнейшим видом культурных реалий являются имена собственные, которые представляют собой переводческую проблему в любом тексте. Так, в художественной литературе следует в первую очередь определить, является ли имя вымышленным или реальным. В других типах текста переводчик должен задаться вопросом, следует ли его снабдить дополнительным комментарием. Так, *Cleveland* может быть названием порта в штате Огайо, графства в Северной Англии или именем американского президента [5, 15].

Техника интенсификации («over-translation»)

и деинтенсификации значения («under-translation»)

Понятия «over-translation» — «сильный перевод», и «under-translation» — «слабый перевод», используются П. Нюмарком для описания техник перевода, когда в одном случае необходимо как можно более точно, четко и выделенно передать авторскую мысль, а в другом случае, когда авторская мысль выражена очень сильно, необходима некоторая «нейтрализация». Например, при передаче экспрессивных латинских обращений-гипербол *egregio*, *illuminatissimo*, *carissimo* на английский язык более естественно использовать не их прямые словарные эквиваленты, а скорее их культурные аналоги, например, *dear*. Это «under-translation». Таким образом, «under-translation» означает, что некоторый дополнительный смысл оригинала был (намеренно) не передан, а «over-translation» — что некоторый смысл был (намеренно) добавлен в перевод. Причем этот прием используется также тогда, когда в языке перевода нет точного соответствия для исходного выражения, или когда сам язык перевода вынуждает выражать некоторый отсутствующий в оригинале смысл [5, 40, 131—132].

Использование соответствующих техник во многом зависит от жанра переводимой литературы. Так, перевод эротической литературы должен быть слегка более «эротичным», чем оригинал, чтобы более выпукло донести авторскую мысль. То же самое касается и юмористической литературы. Для того чтобы шутка была полностью

понята, ее следует слегка утрировать. Так, если точный перевод, например, с французского, представляет собой фразу *He was forbidden to warm her up*, то для того, чтобы сделать ее более понятной и «подчеркнутой», П. Ньюмарк предлагает вариант *He was forbidden to arouse and excite her*. Такой прием, а также ряд других, позволяют высвечивать в эротическом тексте его сущность, которая связана с неожиданностью, фантазией, страстью, взаимностью и иногда — с риском: «Хорошая эротическая сцена должна быть переведена свежо, естественно и неожиданно («fresh, earthly and surprising»)» [5, 13—14]. Здесь, как и во многих других случаях, в английском языке оказываются чрезвычайно удобными и наиболее подходящими средствами самые важные для него слова, к которым относятся исконные: короткие, простые, немногосложные и широко употребительные. Кроме того, в эротической литературе, как, наверное, ни в какой другой, широко используются разного рода эвфемизмы. Здесь следует помнить, что способы, методы и средства такой эвфемизации в каждом языке свои [5, 27].

Техника «over-translation» используется особенно часто при переводе разного рода противопоставлений, контрастов, градаций, эмфазы, а также эпитетов, оценочных характеристик и квалификаторов, которые нередко не имеют точного аналога в другом языке. Такой смысл нуждается в «усилении» — экспликации и выражении его не одним, а, скажем, двумя словами или какой-то особой конструкцией, передающей глубинный смысл оригинала. Так, в переводе с итальянского языка на английский произведения «Danubio» Клаудио Магриса (Claudio Magris) английский переводчик Патрик Крейг (P. Creagh) использовал следующие соответствия, тонко, эффектно и «выделенно» передающие замысел автора: *esige abusivamente* (Italian) — *makes spurious and unlawful demands*; *lindo — neat and clean*; *la grande economia — top-notch economics*; *la genericità della sua espressione — the completely superficial quality of her expression*; *un altro ordine — another and different order* [5, 33].

Переводческий анализ текста и его стиля должен обязательно включать в себя выделение не только ключевых слов, но и идентификацию семантически наиболее «напряженных» фрагментов. К ним, в первую очередь, относятся разного рода

таксономии, иерархии понятий, оппозиции, градации признаков и т.п. [5, 102]. Важнейшим из них является контраст, противопоставление, без распознавания которого нельзя качественно перевести содержащий его отрывок. Соответствующие средства представляют собой отрицательно и положительно маркированные параллели и в переводе должны образовывать четкие, явные и полные оппозиции, обнажающие, подчеркивающие и даже дополнительно усиливающие контраст и потому эмфатически выделенные, «over-translated», «strengthened» [5, 5]. В усилении часто нуждается и эмфаза: «То, что выделено автором, должно быть дополнительно, более явно выделено переводчиком, с тем чтобы подчеркнуть, обязательно донести до адресата то, чему автор придает особый смысл и дополнительный акцент» [5, 83].

Особенно важно выделить и подчеркнуть контраст в таких видах специального текста, как экономический, финансовый и юридический, в которых оппозиции ключевых слов типа *profit — loss*, *credit — debit*, *income — expenditure*, *export — import*, *input — output* и т.п. выражают сущность деятельности в соответствующих областях [5, 27, 35]. В качестве примера приведем следующий отрывок из описания банковской системы на французском языке: «Marché va alors se dédoubler; d'un côté, des grandes enterprises (risques faibles, volumes importants, conditions limées, relations techniques), d'autre, des PME (plus grande fragilité, faibles volumes, meilleures marges, contacts personnalisés)» (G. Rouyer, A. Choinel. «Le système bancaire français» (PUF, *Que sais-je?*)). Правильно его перевести можно, только если распознать и правильно выделить, расположить и выразить содержащиеся в нем противопоставления, которые должны быть обязательно параллельными, ср.: «The market then began to split, on the one hand into large companies (*low risks, large quantities, easy terms, mechanized communications*); on the other, into small and medium-sized firms (*greater risks, smaller quantities, wider margins, personal contacts*)» [5, 6].

Пример «сильного» перевода с немецкого языка на английский: буквальный перевод отрывка, содержащего контраст: *Vorsätze dieser Art schleppt man durch die Zeit. Einmal hat man es eilich, bei nächster Gelegenheit, fehlt die Lust* выглядит следующим

образом: ‘Intentions of this kind one drags through time. Sometimes one is in a hurry, at the next opportunity, the inclination is lacking’. Его «коммуникативный» перевод с особо выделенным противопоставлением будет таким: ‘You keep putting off resolutions like these. Either you’re in too much of a hurry, or, next time, you can’t be bothered’ [5, 83].

Совмещение переводческих техник

Многие переводческие техники могут, и даже должны, применяться совместно, одновременно. Так, П. Ньюмарк выделяет технику определения ключевых слов (key words) в тексте и технику «близкий к тексту перевод» (close translation). Они тесно между собой связаны. Например, комментируя замечание А.Д. Швейцера о том, что при переводе метафорического фрагмента из 18-го сонета Шекспира «Shall I compare thee to a summer’s day?» (букв. ‘Сравнить ли мне тебя с летним днем?’) на арабский язык лето нужно заменить на весну или на что-то подобное (скажем, на ‘beautiful weather’), П. Ньюмарк отмечает следующее. Против такого решения есть возражения (хотя есть и сторонники, например, А. Нойберт). Во-первых, в сонете лето перекликается с весной и, более того, относится к ключевым концептам данного произведения (и потому ничем не может быть заменено). Во-вторых, произведения великих авторов следует переводить как можно ближе к тексту: если Шекспир написал лето, то лето должно быть в любом случае и в переводе: это моральный долг переводчика перед Шекспиром. Тем более что в данном сонете предельно ясно сказано, что лето в Англии очень красиво, и если арабский читатель перевода не поймет это с первого раза, то он должен потрудиться и разузнать о нем больше, и тогда заново прочесть сонет и после этого уже воздать ему и его автору должное [5, 18, 153].

Техника распознавания и восстановления сокращений и эллипсиса

Часто в тексте общеизвестные словосочетания и коллокации используются в «сокращенном», редуцированном виде, и для правильного перевода их необходимо восстановить, ср. *inaugural* vs. *inaugural lecture* [5, 86], *post*: *post letters* vs. *post office* [5, 144]. Тем более что такие сокращения и эллипсис в разных языках часто не совпадают.

Так, во французском выражении *motions et projets* существительное *projets* представляет собой свертку клише *projets de loi* и должно быть переведено на английский как *bills*, а не *plans*, как могло бы показаться [5, 45]. В экономических текстах на французском языке *effets*, например, часто означают *effets de commerce* (англ. *bills* или *bills of exchange*), а *un commerce — un fonds de commerce* (англ. *business* или *goodwill*) [5, 86].

О том, что перевод должен быть как можно более экономным и не превышать сколько-нибудь значительно оригинал по объему, П. Ньюмарк говорит постоянно и в связи с самыми разными переводческими проблемами. Так, характерная для письменного французского (и итальянского) языка конструкция *permettre de* (*permettere di*) при переводе на английский может безболезненно опускаться, например: *Ici aussi, la prise de sang permet de réduire très sensiblement ce risque — Here again, a blood sample considerably reduces the risk.*

Техника распознавания и перевода иронии

Ирония — важнейший компонент смысла любого произведения, особенно если это сатирическая комедия или фарс, высмеивающие человеческие слабости и пороки. Чаще всего ирония явно выделяется в тексте благодаря тому, что она противоречит контексту или здравому смыслу. Но очень часто она настолько тонка, что ее можно не заметить. Причем если при переводе «неавторских» текстов иронические замечания можно помечать специальными текстовыми и метатекстовыми средствами, привлекающими внимание адресата, например, замечаниями типа «так сказать», «фигурально выражаясь», или кавычками, восклицательным знаком и др., то при переводе художественного произведения эти средства не подходят. Особое внимание при этом следует обратить на перевод литоты (understatement), важного средства выражения иронии при помощи отрицания и оценочного слова (qualitative words), ср. *Not bad*. Такие «квалитативы» составляют особую переводческую проблему, поскольку не всегда имеют точные и полные межъязыковые соответствия, но имеют свою сферу использования. Так, *Not bad* может означать ‘fair’, ‘passable’, ‘nice’, ‘middling’, ‘standard’, ‘respectable’, ‘up to

the mark', 'jolly', 'rather jolly', 'decent', 'all right'. Причем отрицание в данной конструкции означает не противоположное свойство, а градацию данного свойства, которую переводчик должен передать [5, 133].

Техника распознавания и перевода широкозначной лексики

Широкозначная лексика (holdall words) выделяется П. Ньюмарком как особо трудная переводческая проблема, к которой он постоянно обращается и предлагает свои конкретные принципы ее решения. Так, проблема перевода широкозначной лексики заключается в том, что она неоднородна, с одной стороны, и, с другой стороны, имеет, как правило, огромный список словарных и возможных контекстуальных иноязычных соответствий, выбрать из которых наиболее приемлемый вариант часто бывает не просто. Не в последнюю очередь потому, что ее лексикографическому представлению уделяется недостаточно внимания. Так, популярное в настоящее время английское слово *evolution* имеет рекордное количество значений и потому эквивалентов в других языках, ср. *course*, *process*, *advance*, *progress*, *progression*, *change*, *changes*, *development* и др., но чаще всего используется в значениях 'trend' и 'scope', ср. фр. *décalage* [5, 36].

Широкозначная лексика есть во всех языках, и большинство в ней составляют слова, которые «переводчик ненавидит переводить» [5, 150]. Так, в немецком языке первые места в этом списке занимают *Anlage* (которому в словаре «Langenscheidt» приписано 18 значений) и следующее за ним *Leistung* (17 значений), за ними идут *Belastung* (9 значений) и *verechnen*, а также слова с префиксами *ver-, ein-* (*einstellen*)*, um-, ab-, auf-* (ср. пресловутое гегелевское *Aufhebung* 'cancellation + preservation'). Во французском языке к этому разряду относятся *charge, service, effort, prestation* и др. Все они отличаются тем, что способны выражать «контрадикторные» смыслы.

Так, относительно французского глагола *retenir* П. Ньюмарк замечает, что это слово предельно многозначно: у него так много значений — до пятнадцати, что переводчику трудно выбрать наиболее подходящее. Но помочь ему в этом можно: достаточно указать в словаре наиболее типичные его значения (и употребления), к которым он относит 'accept', 'consider', 'take into account' (a proposal, an argument, a

project). Показательно, что в словаре «The Collins-Robert French Dictionary» у этого глагола двенадцать значений, среди которых, во-первых, отсутствует значение ‘take into account’, и, во-вторых, его значение ‘accept’ дано последним. Что касается широкозначного французского глагола *permettre* (*de*), то его в большинстве контекстов вообще можно не переводить [5, 150].

Перевод широкозначной лексики не в последнюю очередь зависит от того, с какого и на какой язык выполняется перевод. Так, в современном французском языке наблюдается тенденция к использованию широкозначных понятий типа *phénomène, évolution, mesure, a priori* и др., которые являются не только предельно многозначными, но и широкозначными. В английском языке в этом случае предпочтительно использовать менее абстрактные понятия [5, 11].

Истина и правда в переводе: техника проявления моральной ответственности

Потенциально любой перевод имеет отношение к передаче фактической, лингвистической, нравственной и эстетической истины/«художественной правды» (factual, linguistic, moral and aesthetic truth) в том смысле, что их нарушение может ввести в заблуждение адресата [5, 103]. Главное профессиональное переводческое кредо П. Ньюмарка в такой ситуации — «I prefer the truth, what the author wrote» (Я предпочитаю истину — ту, что написал автор) [5, 30]. Тем не менее, эта «авторская» истина должна отвечать главному гуманитарному требованию к любому тексту и даже к любой деятельности: быть «нравственно истинной» и соблюдать права не только человека, но и животных, а также «экологические права». Поэтому переводчик обязан не только осознавать (и даже проверять) истинность содержащихся в тексте оригинала фактов, но и соблюдение нравственных истин в нем. И всякие отклонения от них должен или исправлять, или комментировать.

Так, перевод «Mein Kampf» на английский язык, выполненный Р. Манхеймом, представляет собой точное (straight) воспроизведение оригинала и потому может предназначаться только для образованной и подготовленной публики. Тогда как для

широкого читателя перевод этого произведения должен быть снабжен критическим комментарием, не меньшим по объему, чем само это произведение [5, 65—66].

Техники освоения устройства языка и обучения иностранному языку и переводу

Хороший преподаватель перевода, любящий свою профессию и свое дело, особенно если это касается художественного перевода, должен обладать обостренным чувством языка, профессионально интересоваться лингвистикой и иметь собственные соображения и предложения в практически ориентированном представлении лингвистических знаний, особенно для обучения иностранному языку и переводу. В трудах П. Ньюмарка содержится множество подобных наблюдений, соображений, размышлений и предложений, особенно относительно создания специальных словарей и двуязычных грамматик для подготовки переводчиков, а также для обучения иностранному языку. Все они четко, понятно и креативно сформулированы.

Так, переводчик (особенно это относится к переводу художественной литературы) должен понимать, что такое внутренняя форма и этимология слова, он должен обладать определенными филологическими знаниями об истории и диахронии языка, особенностях его использования в определенный период времени и т.п. В связи с этим вызывает сожаление то, что большинство одноязычных толковых словарей игнорируют эту важнейшую характеристику языковых единиц, тем самым лишая читателя очень важной, часто практически значимой информации [5, 58, 101—102].

Тонкое чувство языка проявляется у П. Ньюмарка не в последнюю очередь как чувство «звучания» языка. Так, в его работах большое значение придается фоносемантике, которую он считает чрезвычайно важной наукой. Он пишет: «Phonosemantics is a readily defined scientific subject, whilst translatology is large and shapeless» [5, 65], считая, что знание фоносемантики необходимо переводчику художественной литературы и особенно поэзии [5, 58, 64]. Он подчеркивает, что утверждение Ф. де Соссюра о том, что «лингвистический знак не мотивирован», нуждается в уточнении: «в настоящее время лингвистический знак стал

преимущественно немотивированным». Но в основе его использования лежит, тем не менее, исторически определенный мотив, который проявляется в том, что «звук имеет значение» («Sound has meaning» [5, 64]), и не только в художественной и поэтической речи, но и в любой другой экспрессивной речи. Так, он постоянно отмечает наличие дополнительного значения у разных звуков и звукосочетаний. Например, газетный заголовок «Frock Shock» он характеризует как завораживающе привлекательный благодаря особому значению в английском языке моносиллабического звукосочетания «согласный + гласный + конечный звук ‘k’» («illustrating the irresistible attraction of monosyllabic C + V + K») [5, 82].

Он подчеркивает, что с происхождением и звучанием языка тесно связана ономатопея, которая в настоящее время особым образом воплощается в намеренной аллитерации — специальном художественном средстве. Последняя обладает свойством привлекать и останавливать внимание, и не только в поэзии, но также и в публицистике, рекламе, разного рода заголовках и т.д. Ср. *Hongkong Bank’s global gamble — weltweite Wette*; *Pour qui sont ces serpents qui sifflent sur vos têtes?* (*Andromaque,* 1.1638, Racine) — *For whom are those snakes that hiss over your head?* (tr. John Cairncross) [5, 167].

Как особый троп, аллитерация (а также ассонанс) более всего характерна для кельтских и германских языков, в которых она составляет неотъемлемое свойство ранней поэзии. Показательно, что и в обычном, разговорном английском языке много соответствующих выражений, ср. *pretty as a picture*, *dead as a doornail*, *fit as a fiddle.* Иногда аллитерация составляет главное свойство поэтического произведения, и при его переводе ее необходимо в как можно большей мере воспроизводить, пусть даже за счет некоторой смысловой потери, ср. стихотворение А. Уатта «Осада Белграда*»: An Austrian Army awfully arrayed, / Boldly, by battery, besieged Belgrade, / Cossack commanders cannonading come, / Dealing destruction’s devastating doom* (Alaric Watt. The Siege of Belgrade) [5, 167].

Переводческие техники освоения устройства языка

Тонкое чувство языка вообще и современного языка в особенности проявляется в работах П. Ньюмарка многообразно. Одно из его положений касается того, что переводчик должен иметь представление о том, что язык постоянно и постепенно изменяется. Поэтому примерно каждые тридцать лет классические художественные произведения необходимо переводить заново — на современный язык, чтобы смысл произведения был понятен новому поколению читателей. Другое положение касается чувства «устройства» языка, которое переводчик должен ясно осознавать. Например, английский язык — самый аналитический из всех европейских языков. В период 1100—1450 гг. из него ушло большинство суффиксов, и он стал преимущественно «моносиллабическим»: в нем стали превалировать односложные слова и он стал избегать словосложения и написания через дефис при образовании новых слов [5, 135, 74].

Более того, тенденция к «моносложности» в английском языке, особенно в его американском варианте, которая проявляется в расширении использования фразовых глаголов и в увеличении количества их значений (многозначности), а также в расширении процесса образования от них субстантивных и адъективных производных, говорит о возрождении его исконно англосаксонского духа и ярко проявляющейся в связи с этим современной тенденции к краткости, прозрачности и простоте выражения, ср. англ. ‘*upturn* recovery’, *downturn* ‘decline’, *no show* ‘invisible’. Логическим следствием этого нового положения дел стала тенденция/техника переводить иностранные многосложные слова более короткими английскими, ср. *Il est excessive de dire que …* (франц.) vs. *It may be going too far to say that ….*

При этом отмечается, что русские многосложные (полисиллабические) слова также часто соответствуют простым и односложным английским, ср. *остановка — halt*, особенно если это прилагательное, ср. *зеленый*, *голубой* vs. *green*, *blue*. Причем сравнение русского языка с родственными славянскими (и наличие в них множества неполногласных форм) говорит о том, что именно русский язык является самым «многосложным», «полисиллабическим» из них.

Особенно тонко П. Ньюмарк чувствует специфику и красоту своего родного, английского языка — его строй, организацию, «устройство» и т.д. Так, он подчеркивает, что уникальное место, которое в нем занимают фразовые глаголы, чувствуют не все переводчики. Такие глаголы: (1) чаще всего нейтральны (ср. *to go out*) или менее формальны, чем обычные глаголы; (2) менее «напыщенны» (less pompous); (3) более семантически сильны, чем их не фразовые аналоги. Они обычно отсутствуют в англо-иностранных двуязычных и многоязычных словарях, а их функции редко отмечаются даже в хороших одноязычных словарях («The Collins English Dictionary», «Collins Cobuild English Dictionary»). Их отличительной чертой является то, что присутствующие в их составе частицы представляют собой усилители их значения, подчеркивающие интенсивность или законченность соответствующего действия или состояния, ср. *to use up*, *to sleep in*, *to pick out*. Более того, производные от них существительные сохраняют это их свойство, ср. *It's a cop-out*. Показательно также, что фразовые глаголы делают английский язык более идиоматичным, чем другие (европейские) языки [5, 34].

Большинству английских фразовых глаголов нет соответствий в других языках, и поэтому они представляют собой чрезвычайно ценное средство при переводе на английский и чрезвычайно большую проблему при переводе с английского. Тем более что большинство из них принципиально многозначно, например, английский фразовый глагол *to put on* имеет девять значений. Некоторым отдаленным их аналогом в русском языке являются глагольные приставки, но они не обладают свойством неформальности.

В XVIII — XIX вв. и вплоть до середины XX-го в. отношение к фразовым глаголам в английском языке со стороны образованной публики было отрицательным: они считались признаком сниженной речи. Их широкое распространение во второй половине XX-го в. связано с активной и социально обусловленной, демократической потребностью в простых и неформальных, ориентированных на разговорную речь языковых средствах. В настоящее время отношение к ним резко улучшилось, а их использование значительно расширилось [5, 30—31].

Важным положительным свойством фразовых глаголов в английском языке является то, что они возвращают английскому языку его исходную, природную, предметную, неабстрактную сущность и «англосаксонскую» моносиллабическую силу. Кроме того, они являются неисчерпаемым ресурсом для перевода иностранных рефлексивных глаголов, ср. фр. *s'effriter* 'crumble away', *se coucher* 'lie down', *se coincer* 'wedge in', *s'enfiler* 'make off into' [5, 143].

Трепетное отношение к языку вообще и к своему родному английскому в особенности проявляется у П. Ньюмарка в его размышлениях относительно языковой конвергенции. Так, он считает, что все языки не столько равны друг другу, сколько исходно дополнительны, и благодаря разнообразным контактам и особенно переводу постоянно обогащаются и развиваются. При этом именно английский язык выделяется среди них тем, что активно заимствует из других языков то, что в нем отсутствует. В результате его считают самым «большим» языком: по объему лексики он превосходит остальные языки в три раза (см. об этом ниже).

Кроме того, именно в английском языке, как ни в каком другом, свою предельно прозрачную форму сохраняют греко-латинизмы, благодаря которым, помимо всего прочего, английский язык стал самым «универсальным», не «культурно-специфичным» и, тем самым, наиболее удобным и подходящим средством межкультурного общения [5, 143]. Так, сравнивая английский и французский языки, П. Ньюмарк отмечает, что последний характеризуется большей философичностью и метафизичностью, т.е. большей абстрактностью и расплывчатостью, большей длиной предложения и большим разрывом между письменным и устным языком, который в английском языке, кстати, нейтрализуется благодаря фразовым глаголам [5, 150].

П. Ньюмарк также постоянно собирает множество интересных фактов о языке, его развитии, эволюции, характеристиках и т.д. Например, он особо отмечает, что слово *justification*, ставшее современным компьютерным термином, впервые было зафиксировано в английском языке в 1551 г. [5, 134].

Взаимодействие переводоведения и лингвистики

Перевод и словарь

Особое чувство языка проявляется в работах П. Ньюмарка также в том, что он постоянно обращается к теме «Перевод и словарь». Он анализирует словарные значения слова, сопоставляет их с контекстуальными, делает выводы относительно вариантов их перевода и возможных межъязыковых эквивалентов, сравнивает значения интернациональных слов в разных языках и многое другое. Так, он отмечает, что английское *autonomy* далеко не всегда будет означать ‘autonomy’ в других языках и наоборот. В итальянском языке это слово может означать специальное понятие ‘fuel distance/range’ (как и в испанском, и во французском), а также ‘self-government’, как в выражении *autonomia di governo*, и ‘more latitude’, как в выражении *autonomia in campo agricolo.*

Сопоставление словарей разных языков полезно еще во многих отношениях. Так, согласно специальным исследованиям, считается, что объем словаря английского языка в три раза превосходит объемы словарей других языков: полные словари английского языка содержат до 600 тысяч единиц, тогда как словари русского языка — 150 тысяч, французского языка — 130 тысяч. При этом считается, что современный английский язык включает 50 тысяч слов, а французский и немецкий языки — по 20 тысяч. Из этого, казалось бы, следует, что переводить на английский язык легче, чем на другие языки, ведь в нем не должно быть в этом отношении «лексических лакун». Но здесь возникают проблемы другого плана, в частности выбор из большого числа синонимов. Например, для описания скорости в английском используются следующие синонимы: *quick*, *fast*, *rapid*, *speedy*, *swift*, *fleet*, а также *velocity*, *celerity*, *tempo*, *rate*, *pace* (ср. фр. *rapide*, *véloce*, *vite*, *célérité, tempo*, *pas*). Соответственно, при переводе на английский оказывается полезным тезаурус Роже, а при переводе на другие языки — словари синонимов, составление которых представляет чрезвычайно насущную проблему обеспечения переводческой деятельности [5, 63].

Но самым насущным в данной области является создание специальных комбинаторных словарей словосочетаний, коллокаций и устойчивых выражений:

существительное — прилагательное, глагол — объект/обстоятельство и т.д. Они также должны быть организованы тематически и быть снабжены как буквальным, так и идиоматичным переводом. Кроме того, нужны специальные словари заимствований, также тематически упорядоченные, и словари тематически упорядоченной специальной лексики и терминологии. Все подобные словари также должны быть снабжены еще и дословным переводом соответствующих единиц и выражений, что будет способствовать их лучшему пониманию, запоминанию и усвоению [5, 58—59].

Таким образом, и для обучения переводчиков, и для изучающих иностранный язык должны создаваться специальные двуязычные пособия и справочники «активного типа», сопоставляющие родной и иностранный язык, показывающие типичные значения префиксов, аффиксов и общеевропейских корней и т.п. Нужны также специальные двуязычные частотные, грамматические и тематические словари. Последние особенно важны для таких областей, как термины родства, профессии, продукты питания, жилища и т.д. Очень нужны словари производных слов с их наиболее частотными соответствиями в другом языке, а также словари ключевых слов — как общеупотребительных, так и специальных/профессиональных, по всем важнейшим областям человеческой деятельности, а также двуязычные словари синонимов и антонимов [5, 63]. Фразеологические учебные словари обязательно должны содержать специальные пометы: *разг./книжн., совр./уст.*, с буквальным и идиоматичным переводом, и мн. др.

Самые разнообразные словари нужны и для профессиональных переводчиков. Так, переводчики специальной литературы остро ощущают необходимость в отраслевых глоссариях, указывающих наиболее употребительные в них исходные/ключевые понятия и их иноязычные соответствия [5, 160]. Например, специальное понятие *prisoner of conscience* должно всегда переводиться его устоявшимся и общепринятым соответствием. Во французском языке это — *prisonnier d'opinion*, а не *prisonnier/detenu politique*, как указано в словаре «The Collins-Robert French Dictionary», и не *detenuto politico*, как указано в итальянском словаре «The Collins Sansoni Italian Dictionary». В Германии — это

gewaltloser polotischer Gefangener, а в Австрии и Швейцарии — *Gewissensgefangener* [5, 161].

П. Ньюмарк отдельно подчеркивает также важность разного рода статистических, особенно частотных данных об использовании тех или иных языковых средств в разных типах и жанрах текста в разных языках, и необходимость создания соответствующих специальных частотных словарей для переводчиков. Так, данные о частотности текстовых коннекторах, особенно модальных частиц (*of course*, *naturally*, *eben*, *ja*, *en effet*, etc.), важны при переводе на немецкий, итальянский, французский и английский языки [5, 134].

Он особо отмечает, что новые тенденции в современном английском языке и его эволюция, как и любого другого языка, проявляются многообразно и чаще всего могут быть охарактеризованы именно статистически. Например, в британском английском в настоящее время наблюдается тенденция к обобщению финансовых понятий, которая проявляется в расширении использования множественного числа существительных: *portfolios*, *takeovers*, *mergers*, *oiks*, *dinkies*, *yids* и т.п. [5, 8].

Грамматическая терминология и перевод

Что касается грамматической терминологии, то П. Ньюмарк с сожалением отмечает: «В своей практической деятельности преподавания перевода я постоянно искал грамматические справочники и учебники, терминология которых позволяла бы просто и наглядно объяснять особенности и проблемы перевода. Таких хороших справочников почти нет. И даже в самых хороших из них отсутствуют очень важные в практическом отношении вещи» [5, 66—67]. В целом же грамматическая и всякая другая лингвистическая и тем более переводоведческая терминология должна быть практичной или практически ориентированной, прозрачной, внятной, удобной и раскрывающей существо дела. В связи с этим П. Ньюмарк предлагает целый ряд своих собственных терминов и снабжает их простыми и понятными примерами, ср.: *I do play* — emphatic present; *I did play* — emphatic past; *A smiling face* — dynamic verbal adjective; *A charming person* — stative verbal adjective; *Swimming is good for you, I like swimming* — verbal noun;

Writing a letter/Working with you is a pleasure — gerund; *An establishment* — stative deverbal noun; *The establishment of this system* — dynamic deverbal noun; *The writing of this book* — continuous verbal noun; *I think that* — comment clause; *In my opinion* — comment phrase; *Hopefully/Personally/Probably* — comment adverb; *Kindness* — adjectival noun; *Nervous* — adjective of quality; *Nerveux* (French) (cf. fr. *Centre nerveux*) — adjective of substance; *Of course*, *eben*, *ja*, *vous savez* — phatic/modal particle; *The older I get, the sillier I become* — correlative comparative sentence.

Так, конструкция «Emphatic present/past» весьма характерна для английского языка. Она используется для подчеркивания важности сказанного или, напротив, как ирония и принадлежит разговорному, неофициальному стилю. Она почти не используется переводчиками на английский язык, хотя и может быть естественной при передаче множества разнообразных выражений, ср. нем. *Komm doch herein!* 'Do come in!' [5, 22].

Семантика и перевод

Главным компонентом языка выступает семантика. И как прекрасный лингвист, П. Ньюмарк постоянно уделяет большое внимание семантике самых разнообразных единиц и элементов языка и речи, и ее роли в процессе перевода и при обучении ему. Так, он формулирует специальные семантические принципы анализа трудных для перевода фрагментов текста оригинала. Они заключаются в ответе на следующие вопросы: (1) В прямом или переносном смысле использованы лексические элементы в данном фрагменте? (2) Не содержит ли предложение иронию, и не надо ли ее сделать более эксплицитной? (3) Не является ли данное существительное представителем «свернутого» словосочетания (*post* вместо *post office* vs. *post letters*)? (4) Не является ли данный фрагмент обыгрыванием идиомы? Ср. *This point must not be "overegged"* (cf. *overegging the cake*). (5) Имеется ли в виду состояние, процесс или действие? (6) Не употреблено ли родовое понятие для описания конкретного явления? ср. *The army* (one soldier) *is coming*. (7) Не может ли данный фрагмент быть шутливым преувеличением? (8) В чем смысл всего предложения? (9) Стоит ли предложение на своем месте или нет? Правильно ли

употреблены в нем слова? (10) Данное существительное является конкретным или абстрактным? (Фр. *La rupture*: ‘break’ vs. ‘setback’). (11) Не является ли данное выражение культурно-специфичным? [5, 144]

Важнейшее место в трудах П. Ньюмарка занимает контекстуальная и сопоставительная семантика. Так, он тонко замечает, что «хотя, в принципе, значение любого слова в данном языке всегда уникально и объясняется характерным только для него набором значений, коннотаций, особенностями использования и частотностью, в контексте большинству лексических единиц одного языка находятся вполне приемлемые (лексические) соответствия в другом языке» [5, 41].

Кроме того, он отмечает, что в контексте слово может легко изменить не только свое значение, но и превратиться из негативного в позитивное (ср. *minor*), из процесса в результат (ср. *establishment*), из активного в пассивное и т.д. Например, во французском языке слову *aventure* в «активном» значении соответствует *the adventure*, в отличие от его пассивного значения в выражении *les aventures du corps*, которому в английском будет соответствовать *the body and its experience* [5, 42].

Французские прилагательные — как количественные, так и качественные, далеко не всегда могут иметь однозначный эквивалент в английском языке, поэтому при их переводе часто происходит некоторая дополнительная экспликация их смысла. Так, выражение *un retrait massif d’épargne* можно передать как *a large-scale withdrawal of savings*. При этом нередко французскому постпозитивному прилагательному в английском языке соответствует препозитивный субстантив, ср. *obligations monétaires — money liabilities*, *à vocation monétaire — money oriented*, или предложная группа: *les sicav monétaires — unit trust holdings in the money market* [5, 134]. Как практикующий переводчик с французского языка на английский, П. Ньюмарк постоянно отмечает семантические расхождения между ними. Так, перечисляя все «технические» названия денег во французском языке, он (с удивлением) замечает: есть ли в каком-либо другом языке такое их многообразие? Ср. *argent, encaisse, trésorerie, numéraire, espèces, liquidités* [5, 167].

Особое место в трудах П. Ньюмарка отводится важнейшей семантической проблеме переводоведения — синонимическому описанию языков. Он подчеркивает, что важнейшим практическим подспорьем для англоговорящих переводчиков является в этом отношении, как уже указывалось, тезаурус Роже. Наибольшую проблему в переводе при этом составляет выбор из синонимического ряда прилагательных и разного рода квалификаторов и дескрипторов. На этом основании он предлагает специальное тренировочное упражнение на выявление контекстуальных синонимов: «It is this financing (funding) problem (issue, difficulty) that is forcing (compelling, obliging, inducing) firms (companies) to think again about (rethink) their basic (key, fundamental) strategies (procedures, aims). Japanese manufacturers (producers, industrialists) are starting (beginning, commencing) to abandon (give up, relinquish) their time-honoured (inveterate) habit (custom) of throwing (casting, putting forward) as many products (goods) as often (frequently) as possible (as they can) at the market (market place). Fewer (not so many) product changes (substitutions, replacements), they reason (estimate, guess), means (signifies, amounts to) reduced (cut, decreased) marketing (selling) costs (expenditure) and a smaller (more modest) capital-spending bill (outlay on capital)» [5, 172].

Постоянно обращаясь в своих трудах к вопросам перевода словосочетаний, П. Ньюмарк подчеркивает, что важнейшим средством выражения заданного смысла выступают устойчивые (для данного языка) словосочетания — коллокации, комплексная семантика которых чаще всего является культурно специфичной, ср. «Collocations may override even meanings of powerful concepts. Thus *la nature et la culture* becomes ‘nature and nurture’» [5, 21].

Во всех своих книгах П. Ньюмарк уделяет также много внимания интерференции при переводе. В частности, он отмечает: «Очень просто определить “Soviet’s English”: русск. *конечно* следует переводить не английским *of course*, а как *yes* или вообще не переводить» [5, 53, 90].

Перевод и творчество

Большинство ученых и практиков считает, что перевод является весьма творческим занятием [9]. П. Ньюмарк в этом отношении — почти исключение. Он считает, что перевод — это преимущественно «имитационная», «подражательная», посредническая деятельность [5, 11]. Тем не менее, в его работах имеется описание множества ситуаций, требующих творческого подхода, особенно в зависимости от типа и жанра текста. Например, творческий подход к переводу информационных текстов связан в первую очередь с компактностью и выразительностью изложения и т.д.

Так, неоднократно отмечая блестящий перевод художественного произведения «Danubio» Клаудио Магриса (Claudio Magris) английским переводчиком Патриком Крейгом (P. Creagh), он приводит следующие примеры творческого переводческого решения: *una vera passione* (букв. ‘a true passion’) — *a downright passion*, *diventando una pure sia straziata rettorica* (букв. ‘becoming rhetoric, even though tortured’) — *turning into rhetoric, however lacerated that rhetoric might be*, *una mina d’odio* (букв. ‘a mine of hatred’) — *a time bomb of hatred*, *di neve* (букв. ‘of snow’) — *snow fresh* и др. В них в стилистически безупречной форме раскрывается глубинный смысл исходных выражений, представляющий собой, наряду с образностью и коннотацией, важнейший компонент содержания любого художественного произведения [5, 39; 1].

В целом, среди наиболее типичных ситуаций, требующих творческого подхода к переводу художественных, поэтических и прозаических, произведений, П. Ньюмарк выделяет следующие: 1. культурно специфичная лексика и фразеология (метафоры, идиомы, пословицы и поговорки, шутки, неологизмы); 2. транскультурная лексика (имеющая сходный референт, но различающаяся коннотациями; классический пример — повседневная еда: хлеб, рис, вино и т. п.); 3. ключевые культурные концепты (различающиеся отношением к ним в разных культурах, ср. «либерализм», «свобода», «повиновение» и др.); 4. лингвоспецифичные синтаксические, квалитативные, «фоно-эстетические» конструкции (ср. герундий в английском языке, ономатопея и др.). Все они могут потребовать «компенсации» — «сильного», «дополнительного» перевода. Так,

квалитатив *grand*, имеющий сложное, аффективно маркированное значение, может передаваться на французский как *grandiose* или *magnifique* [5, 40—41].

Кроме того, парадоксальный вывод, к которому приходит П. Ньюмарк относительно творчества в переводе, заключается в том, что наиболее «творческим» решением в переводе он считает на первый взгляд наименее творческое — дословный перевод и транслитерацию, на том основании, что они обогащают принимающую культуру [5, 12]. Так, если командир экипажа авиалайнера «Swissair» обращается к пассажирам с просьбой «We ask for your understanding» (букв. ‘Мы надеемся на ваше понимание’), переводя дословно принятое в его родном немецком обращение («Wir bitten um Ihr Verständniss»), вместо того, чтобы использовать стандартное «Please, bear with us» или «Please, make allowances», то это не значит, что, во-первых, его не поймут, и, во-вторых, что переводчик не может действовать в том же духе. Напротив, часто такие соответствия звучат «вполне естественно, и даже свежо, точно и элегантно» [5, 44]. Так что важнейшее требование к качеству перевода — «идиоматично выражать заданный смысл», оказывается далеко не всегда актуальным. Более того, ему можно противопоставить противоположную технику — «натурализацию речи», т.е. передачу характерных для языка оригинала («натуральных») речевых особенностей выражения заданного смысла.

Еще пример: на английских железных дорогах появилась непривычная надпись «Danger of death», которая представляет собой дословный перевод с французского и немецкого языков: *Danger de mort* и *Lebensgefährlich*. Несмотря на ее странное звучание, она, как считает П. Ньюмарк, очень скоро перестанет резать слух, также как, скажем, выражение *traffic calming* (*Verkehrsberuhigung*), имеющее отношение к *speed ramps* (*ralentisseurs*), которые заменили *sleeping policemen*’ (‘лежачего полицейского’) [5, 135].

При этом наиболее творческим видом художественного перевода П. Ньюмарк, как и все другие аналитики перевода, считает перевод поэзии. Однако и тут он высказывает свои собственные, отличные от других соображения. Так, он подчеркивает, что в поэзии содержание произведения включает множество своих особенных, отличительных

факторов: образы, метр, ритм, звуки и потому его перевод представляет собой всего лишь скромное пересоздание оригинала. И здесь, опять же, лучший перевод — это наиболее близкий к тексту оригинала, во-первых, и наиболее компактный («compressed», т.е. содержащий как можно меньше «добавлений») текст, во-вторых [5, 41]. Ср.:

Foul yellow mist had filled the whole of space:

Steeling my nerves to play a hero's part,

I coaxed my weary sol with me to pace

The backstreets shaken by each lumbering cart.

(*The Seven Old Men,* Roy Campbell, 1952)

Un brouillard sale et jaune inondait tout l'espace

Je suivais, roidissant mes nerfs comme un héros

Et discutant avec mon âme déjà lasse,

Le faubourg secoué par les lourds tombereaux.

(*Les Sept Vieillards*, Charles Baudelaire, 1857).

Перевод и особенности языка художественных произведений

То, что делает художественный перевод наиболее трудным переводческим занятием, П. Ньюмарк называет эстетическим компонентом художественного произведения. Он складывается из универсальных, культурно-специфичных и индивидуальных компонентов, воплощается во всех составляющих художественного произведения и стиля изложения, и потому составляет главный объект и предмет художественного перевода [5, 157].

Центральное место в переводческой концепции П. Ньюмарка занимает положение о том, что язык художественных произведений отличается от обычного литературного языка существенными с точки зрения перевода свойствами [7, 7]: он описывает, в первую очередь, воображаемый, а не реальный мир, внутренний, субъективный мир персонажей, а не объективные факты, события и процессы; он изначально диалогичен, а не дескриптивен, и обладает не познавательной и информационной, а целительной, этической и эстетической силой. Он более индивидуален, менее конвенционален и

отличается «интимностью», которая проявляется в выражении чувства и отношения и которая воплощается в лексике, уходящей корнями в предыдущие периоды развития языка и, тем самым, обладающей культурной и исторической памятью. Так, для английского языка это лексика XIX в. и даже предыдущих периодов: *lone*, *descry*, *brood*, *ponder*, *linger*, *rue*, *ease* и т.д., которой в общеупотребительном языке соответствуют чисто констатирующие слова (straight reporting words): *single*, *observe*, *meditate*, *contemplate*, *delay*, *regret*, *alleviate* и т.д.

В приведенной ниже таблице слева дана лексика, принадлежащая языку художественной литературы; она взята из романа Аниты Брукер «A start to life»; справа приводятся ее общеупотребительные литературные аналоги:

Язык художественных произведений	Обычный литературный язык
gaunt	*thin*
enraptured	*delighted*
devoid of	*without*
cheerful	*optimistic*
utterly	*entirely*
ever more	*always*
taciturn	*silent*
cheerless	*depressed*
disclose	*reveal*
reflect	*think*

При этом следует помнить, что язык художественных произведений включает в себя весь современный литературный язык, но им не ограничивается и во многом опирается на несинхронные его состояния, тогда как язык нехудожественных произведений не пользуется художественным языком.

В языке художественной литературы важны неологизмы, авторская метафора, аллегории, эстетические и нравственные ценности, коннотации и импликации, тонкость и

гуманизм; в обычном языке важны денотативность, объяснительная метафора, стандартность, эмпиричность, прагматизм и т.д. Поэтому следовало бы говорить об искусстве художественного перевода и о науке нехудожественного перевода, хотя между ними и есть точки пересечения [7, 5—12].

Смысл художественного слова, как и авторской метафоры, рекурсивен: порождает цепь коннотаций. Так, *to sail away* это не просто ‘уплыть’, но еще и ‘движение в далеком направлении, романтичное и спокойное’, *to live happily ever after* не просто ‘зажить счастливо’, но еще и ‘гармонично’, передаваемое ритмом и игрой звуков. Часто диапазон порождаемых коннотаций может быть неопределенно широким. Например, старое прилагательное *murky*, восходящее к Шекспиру, может означать ‘gloomy, dark, cloudy, impenetrable, dirty, shady, dishonest, unclear, fuzzy’ и т.д. Так что переводчик, передавая его смысл на другой язык, может передать не более 60% его значения (ср. в этой связи «технику усиления значения»). При этом чем более язык художественного произведения насыщен эмоционально и аксиологически отмеченной лексикой, тем более точно и близко к тексту его следует переводить. И важнейшим принципом передачи особенностей авторского стиля выступает запрет на нормализацию, стандартизацию и унификацию не только лексики, но и синтаксиса, пунктуации, графического оформления и т.д. оригинала, и даже фактов. Так, в начале романа «Америка» Кафки его герой Карл Россман, подплывая на корабле к Нью-Йорку, видит Статую свободы с мечом, а не с факелом в руке. И именно так, с фактической ошибкой, эта ситуация передается во всех переводах. Тогда как в любом другом, нехудожественном тексте она должна была бы быть или исправлена, или помечена.

Трудности и проблемы художественного перевода

Смысл самого художественного произведения также имеет многослойное устройство, создаваемое, в первую очередь, стилистическими средствами и переносными значениями, художественными фигурами речи, порядком слов, его фоносемантическими свойствами, тоном и интонацией. В переводе полностью невозможно воссоздать всю

такую композицию и приходится чем-то жертвовать, поэтому перевод художественного произведения сталкивается с гораздо более серьезными культурными барьерами, чем обычный перевод, и никогда не достигает тех культурных высот, которые свойственны оригиналу в своей культуре, и представляет собой лишь его «аппроксимацию». В отличие от перевода нехудожественного, который нередко превосходит оригинал по своим лингвистическим свойствам — по качеству изложения мысли, ее прозрачности и доступности, по стилистическим и прагматическим свойствам. При переводе художественного произведения пропадают также его интертекстуальные связи, которые оно имеет с окружающим его литературным контекстом и благодаря которому оно сформировалось. Наименее передаваемы при этом культурно специфические формы и устойчивые выражения, которые в переводе часто переводятся общекультурными понятиями.

Отличительной особенностью художественного текста является и то, что он не просматривается быстро, как обычный текст, а читается или вслух, или медленно проговаривается «про себя», он порождает свою скрытую мелодику, тональность и паузацию, имеет свое «звучание» и «сонорность», которые в переводе далеко не всегда порождаются и передаются. В нем главную роль играют не существительные и термины, как в обычном тексте, а глаголы и прилагательные, отражающие переживания, поступки и намерения, и особенно то, как они описываются и оцениваются. Поэтому язык художественного произведения не менее значим, чем его содержание, он несет свою собственную, дополнительную, художественную нагрузку, и именно поэтому художественный перевод принципиально отличается от перевода обычного текста.

Так, анализируя название необыкновенно красивой арии Моцарта «Ruhe sanft, mein holdes Leben» и его перевод — «Rest softly, my sweet life», П. Ньюмарк отмечает, что самым близким эквивалентом немецкого *sanft* действительно является английское *soft*, но между ними есть и существенные различия: *sanft*, в отличие от *soft*, используется только для выражения нежных чувств, что подчеркивается «альвеолярным назализованным окончанием». Кроме того, немецкое *hold* является устаревшим книжным словом,

основные значения которого — ‘gracious’ и ‘favourable’, тогда как в его переводе на английский язык используется современное слово *sweet*, не передающее полностью эти значения [5, 142].

В художественном тексте краткость и выразительность не только особо значимы, но еще и взаимосвязаны друг с другом, поэтому именно в художественном переводе разного рода добавления и пояснения не проясняют, а затемняют или искажают смысл произведения, снижают его эмоциональное воздействие. В художественном тексте, кроме того, отдельное слово имеет гораздо больший вес и значение по сравнению с не-художественным текстом. В последнем важна общепринятая сочетаемость, клишированность, стандартность выражения, в идеале — полная контекстная «вписанность». В художественном тексте слово более автономно, контекстно независимо и самодостаточно, и потому несет больше информации, и не только фактуальной [8].

Ср. в этой связи замечательную по емкости и остроумию рекомендацию самого П. Ньюмарка из его инструкции «Exam Hints» («Экзаменационные “подсказки”. Как вести себя на экзамене по переводу»), в которой использован художественный эпитет: «Be bold with *twisted* syntax»; ср. также «Swearing at the dictionary must be any translator’s favourite pastime… Dictionaries are notorious repositories of *mothy* idioms» [5, 82].

Итак, чем выше в художественном отношении язык оригинала, тем ближе к тексту его следует переводить. При этом переводчик неизбежно вводит, «изобретает» и создает в своем языке новые слова, конструкции, выражения и тем самым обновляет, расширяет и обогащает его, задействуя потенциальные ресурсы своего языка (т.е. занимается творческой лингвопроективной работой), а также делает более доступной для адресата культуру оригинала.

Показательно, что сам П. Ньюмарк в своих научных эссе широко использует все выразительные средства языка художественной литературы, вплоть до иронии и самоиронии (выделенные ниже курсивом и подчеркиванием): «Any fool can learn a foreign language; it requires intelligence to translate. (Me)» [5, 156]; ср. иронический комментарий на книгу по переводоведению на испанском языке: «There are extended commentaries on …

English texts and their (two) translations, under their heads *intencionalidad, acceptabilidad, situacionalidad, intertextualidad*, which show that de Beaugrande is alive and well and living in Spain» [5, 171]; «The author enumerates a large number of norms in 'historic-descriptive translation studies', not to mention four impressive-looking diagrams whose use he fails to explain, and concludes with some pathetically isolated translation examples» [5, 173].

Кроме того, в произведениях П. Ньюмарка можно найти множество забавных афоризмов и остроумных лингвистических «сентенций»: «He who can, does; he who can't, writes; he who can't write, translates; he who can't translate, becomes a translatologist» [5, 170]; «If one teaches, one tries to improve — oneself, the topic, the taught. If one lectures …?» [5, 174]; «Translation into the 'home' language … teaches the translators more about their own than about the foreign language» [5, 176]; «Non idiomatic language is as easy to detect as a foreign accent» [5, 54]; «The best training is to translate and learn by one's mistakes» [5, 172].

В целом произведения самого П. Ньюмарка больше напоминают литературные эссе, чтение которых доставляет не только интеллектуальное удовольствие, но и эстетическое. В них научный язык переплетается с художественным, общепринятые понятия с выразительными авторскими неологизмами и образами, современная лексика с исторической, строгая терминология с эффектными комментариями, критика с одобрением, ирония с самоиронией, наука с культурой, перевод с лингвистикой, техника с искусством, ср.: «The meanings of the keywords 'communism' and 'socialism' are now in *disarray*» [5, 139]; «Standard terms should normally be used for the translations of textbooks, journals, etc., even if the originals use *wayward* terms» [5, 159]; «I was educated in the *tenets* that reason is superior to feeling and that perfect knowledge is useless. Long ago I rejected both tenets. I think that reason is *nugatory* unless it is informed by feeling which induces action, and that the knowledge must always be useful» [5, 154]; «In the last ten years the media and the PR agents appear to have *secularized* 'mission' and 'vision' making them both into routine business strategies» [5, 140]; «Such heavy sentences at a high level of abstraction … *disfigure* much of … the book» [5, 151]; «The production of translation theory is in *spate*. It is not likely to stop» [5, 159]; «Given that the final mental struggles in a translation usually revolve round the

complexities of the target language — the apparently *bodyless* sequence of meanings has to be *gingerly* transferred into the new language — is the translator's main *asset* at this stage her mastery, control, understanding of a huge range of synonyms?… This last stage is often a continual adjustment and readjustment, a repeated change of mind, a kaleidoscope *jostling*, often centered in the adjective and the quality» [5, 171—172].

Критика традиционной теории перевода

Помимо уже упомянутых критических замечаний в адрес ТТП, у П. Ньюмарка есть еще множество аналогичных. Так, наибольшее неприятие у него вызывает необоснованно (и намеренно) усложненная, непрозрачная терминология, которая вводится в теоретических или теоретически ориентированных переводоведческих трудах (ср. homologon, surmodalising [5, 150]) и которые он все называет «транслятологией» (независимо от использованного самоназвания) [5, 119]. Например, в нескольких положительных откликах на новые книги о переводе он саркастически (по отношению к транслятологии) и в то же время доброжелательно (по отношению к авторам) замечает: «The latest upmarket translatology is thankfully missing from the bibliography» [5, 67], «The book … is free of linguistic-translatological jargon» [5, 93]. Ср. также: «The author … constructs such an enormous and idiosyncratic terminological apparatus that it is hard to imagine a reader who is going to take it seriously» [5, 107]; «The exclusive concern with the process and not the product of translation is … detrimental» [5, 141].

Другими принципиальными претензиями П. Ньюмарка к «транслятологии» являются: наличие банальностей (too many banalities), тяжелый стиль изложения, излишняя его абстрактность (heavy sentences at a high level of abstraction) [5, 151] и теоретичность («The author … is obsessed by strategies and discourses, as well as omniscient readers, paradigms and translator-functions») [5, 89]), а также претенциозность («pretentious pseudoscientific term 'degree of differentiation'» [5, 21]). Так, в отношении одной из «транслятологических» книг он саркастически пишет: «It is obsessed with 'mainstream translation theory' (including me, though I don't recognise myself and the mainstream theorists don't recognise me) to the virtual exclusion of translations and translators» [5, 130]. В

отношении другой замечает: «It is more concerned with philosophy than with translation, though it purports to formulate a ‘new theory of words’, which I find elusive» [5, 147]; в отношении еще одной, посвященной «транслемике», с горечью признается: «I wonder if this is not the most parasitical, abstract, boring, most remote from reality discipline in existence… It takes me back to logeme, texteme, inforeme … transleme — all the vain terms with which these translatologists vainly sought immortality on the analogy of the hardier ‘phoneme’ and ‘morpheme’» [5, 171].

И преподаватель перевода, и теоретик перевода сами должны быть переводчиками. Кроме того, теоретик перевода должен уметь писать, а также приводить конкретные переводческие примеры в своих публикациях. Иначе в работах по переводоведению будут и впредь появляться пассажи вроде этого: «There is no doubt a lot more has to be done to close in on the process of translation. Until this is done, hypotheses will no doubt go on being formulated as conjectures, among other things …» (из книги «Translation theory in Scandinavia») [5, 126]. Ср.: «The author gives no translation examples, which could have been introduced, not to prove this or that point, but to clarify his often cloudy language». Ср. приводившееся уже высказывание: «Phonosemantics is a readily defined scientific subject, whilst translatology is large and shapeless» [5, 65].

В целом практическая переводческая, преподавательская и просветительская деятельность П. Ньюмарка позволила ему высказать скептическое отношение относительно традиционной теории перевода и ее будущего. Он подчеркивает, что не прекращающееся теоретизирование в данной области не всегда связано с практикой, и в области построения слишком общих и абстрактных моделей оно не имеет будущего. Тем не менее заключительные соображения П. Ньюмарка относительно перспектив развития переводоведения вполне оптимистичны: «Yet I think that translation theory … might become interesting and not so parasitic» [5, 171].

Так, он подчеркивает, что ставшая традиционной дихотомическая парадигма рассмотрения перевода как, с одной стороны, деятельности, «приближающей читателя к писателю», и, с другой стороны, «приближающей писателя к читателю», нуждается в

модификации и дифференциации в зависимости от функциональных особенностей текста. Это объясняется тем, что перевод — это не дуалистический процесс, а гораздо более сложный. Он должен учитывать следующие пять факторов: этику, реальность, логику, собственно язык и эстетику, из которых только эстетика не является универсальным.

Соответственно, переводоведение должно стать прикладной дисциплиной и ориентироваться на освоение таких конкретных областей знания, как (1) сравнительная лингвистика (компаративистика); (2) терминология; (3) критика перевода и ревизия дошедших до нас переводов; (4) машинный перевод; (5) корпусные и статистические исследования; (6) сравнительная культурология; (7) социология перевода; (8) тактики перевода; (9) техники перевода текстов разных жанров и диалектов, юмора, иронии, пародии и т.п.; (10) исторический анализ переводов и реакции на них, особенно относительно известных авторов и романистов — таких, как Ибсен, Чехов, Стринберг, Брехт и др.; (11) частные проблемы перевода: названия/заглавия, пунктуация, типографские и графические особенности оформления текста, написание с заглавной буквы и т.п. В целом теория перевода нужна для того, чтобы объяснять, что делать, когда пословный перевод невозможен [5, 154].

Перевод и культура: практические проблемы

П. Ньюмарк не только прекрасный переводчик и преподаватель перевода, но и большой знаток и ценитель искусства: художественной литературы, театра, живописи и мн.др. Так, он отмечает, что «Самой лучшей английской поэмой XIX-го в. является *The Wreck of the Deutschland*, не имеющая себе равных» [5, 129], а XX-го в. — *Strange Meeting* Уилфреда Оуэна (Wilfred Owen) [5, 128].

Будучи чрезвычайно культурным человеком, каковым должен быть настоящий переводчик, а также большим ценителем искусства, П. Ньюмарк посещал музеи живописи во всех городах, где он бывал, и в своих трудах и заметках постоянно высказывает свое мнение об увиденном, особенно с профессиональной точки зрения. Так,

он замечает, что в России в большинстве городов все надписи (и не только в музеях) выполнены только на языке страны, и нет надписей на иностранном языке, что делает их недружественными для иностранных посетителей [5, 63]. Ср. емкую характеристику одного курортного городка: «St Albans is a ‘model’ town for multilingual development. It is exceptionally beautiful and attracts an increasing number of visitors. The Cathedral publishes excellent brochures in four languages closely translated without misprints. But the superb museum is still monolingual, and the town needs multilingual notices» [5, 141].

Особого внимания заслуживают при этом надписи-названия на/под произведениями живописи, независимо от того, кто их автор по происхождению и какое именно название данному произведению он дал на родном языке. Так, в большинстве музеев мира картины имеют названия (и краткие описания) только на языке страны их «пребывания» и в очень редких случаях снабжаются переводом на другие языки (и названием на языке оригинала). Это значительно снижает их культурное воздействие [5, 111, 121, 142].

Как активный и критичный пользователь и исследователь словарей, П. Ньюмарк отмечает, в частности, что, во-первых, труднее всего в них дается поиск слова, которое является частью фразеологизма, идиомы, коллокации, сложного слова или пословицы. И что особой головной болью является при этом еще и установление, насколько то или иное выражение распространено в настоящее время («The second headache is trying to find out the currency of an item»). Отражение такой информации в лексикографических изданиях он считает проблемой, имеющей прямое отношение к деятельности «Евролекса» (иронически добавляя: «Why not Cosmolex?»).

Как практик и преподаватель еще и технического, экономического, медицинского и юридического перевода, П. Ньюмарк отмечает, что современная международная экономическая интеграция и конвергенция требуют создания специализированных многонациональных переводческих компаний.

Очень важно и показательно то, что П. Ньюмарк имеет свою гражданскую позицию относительно ответственности ученых за отсутствие у правительства языковой

политики: «The Institute of Linguists (in Great Britain) unfortunately at present has no national language policy, let alone views about translation. (I have many times urged the Institute to agree and publish a national policy for languages)» [5, 130]. Она должна, в частности, включать объяснение необходимости снабжать все надписи в поликлиниках, больницах, полицейских участках, муниципальных учреждениях и вообще во всех общественных местах их переводами, точнее, соответствиями на других языках [5, 142].

Сверхзадачу перевода как культурной деятельности П. Ньюмарк видит в следующем: «I see translation as a linguistic literary moral weapon for exposing linguistic or literary or cultural bad writing… I want, through translation, either to enforce its strength, or deculturalize it» [5, 7]: «Я считаю перевод мощнейшим культурным и моральным оружием, позволяющим вскрывать величие или нищету оригинала. Величие оригинала должно быть в переводе усилено, а нищета подвергнута обнажению и обличена».

Таким образом, научные произведения П. Ньюмарка не только проникнуты духом настоящей современной лингвистики и практически ориентированных переводоведческих исследований, но и ставят перед ними множество важных проблем самого широкого и разнообразного культурного профиля, вплоть до языковой политики в мире, что делает их бесценным вкладом в современную культуру.

Литература

1. Рябцева Н.К. Концепция художественного перевода Питера Ньюмарка и переводческая техника // Логический анализ языка: Перевод художественных текстов в разные эпохи. М., Индрик, 2012.

2. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford, 1981.

3. Newmark P. A Textbook of Translation. New York: Prentice Hall, 1988.

4. Newmark P. About Translation. Multilingual Matters, 1991.

5. Newmark P. Paragraphs on Translation. Clevedon: Multilingual Matters, 1993.

6. Newmark P. More Paragraphs on Translation. Clevedon: Multilingual Matters, 1998.

7. Newmark P. A Translator's Approach to Literary Language // Across Languages and Cultures. 2001, N. 2 (1).

8. Newmark P. Non-Literary in the Light of Literary Translation // The Journal of Specialized Translation. 2004, N. 1.

9. Riabtseva N. Translation as a professional and creative activity: A metalinguistic perspective // Across Languages and Cultures. Volume 13, Number 1/June 2012, ISSN 1585–1923.

Е.Г. Свинчукова (Институт языкознания РАН)

E.G. Svinčukova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Русская колористика: диахронический аспект

Russian colour description: diachronical aspect

Аннотация:

В данной статье рассматриваются четыре цвета, три из которых можно назвать культурными маркерами (*белый*, *черный* и *красный*), имеющими важный обрядовый смысл у многих народов, а четвертый цвет (*зеленый*) часто рассматривается как противоположный красному.

The article deals with four colours, three of which (namely, *white*, *black*, and *red*) can be characterized as culturally specified and ceremonial for many nations. The fourth one, *green*, is often considered as the opposite of *red*.

Ключевые слова

семантическое поле, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, цвет

semantic field, language consciousness, associative experiment, colour

Значения цветов в культуре и истории определенного народа, а также в индивидуальной психической характеристике личности описываются многими исследователями из различных областей знаний. При этом зачастую происходит так, что толкования одного и того же цвета в зависимости от науки сильно разнятся. Так, коллективному сознанию могут приписываться (или навязываться) определенные характеристики, сопровождающие ту или иную символику какого-либо конкретного цвета. Происходит описание и толкование личностных особенностей человека по его цветовым предпочтениям. Даются советы и рекомендации, касающиеся цветотерапии.

В данной статье мы приведем характеристики четырех цветов (кр*асный, зеленый, черный* и *белый*) с точки зрения психологии и культурологии, а также опишем, какие

конкретно образы стоят за этими четырьмя цветами в русском языковом сознании. Интересно, на наш взгляд, проследить диахронические особенности этих образов и определить, насколько они стабильны или динамичны.

Одним из способов выявления содержания «семантического поля» слова является ассоциативный эксперимент. По словам А.А. Леонтьева, основное значение ассоциативного эксперимента заключается в возможности оценки не только количественной, но и качественной, в направленности на раскрытие содержательных, в том числе смысловых отношений, в которые включено тестируемое слово (понятие). В этом отношении ассоциативный эксперимент дает особенно характерные результаты при изучении речевых стереотипов. Другое возможное применение ассоциативного эксперимента — межкультурные различия в осмыслении тождественных или близких по лингвистическому значению слов [4, 13].

Объектом психолингвистического эксперимента, как отмечает А.А. Леонтьев, всегда является субъективное содержание знакового образа или иные операции над ним. Именно благодаря этому такой эксперимент является объективным, научным, и «само это субъективное содержание является лишь относительно субъективным» [3, 63].

Для «овнешнения» языкового сознания русскоязычных жителей России и Казахстана был применен свободный ассоциативный эксперимент. В такого рода эксперименте, по словам Е.Ф. Тарасова, «отражается закономерность человеческого сознания, которая заключается в том, что явления реального мира, предстающие человеческому сознанию в определенной временной или пространственной близости, отображаются таким образом, что сознание помимо образов этих явлений фиксирует также и их близость» [9, 258].

Эта особенность человеческого сознания, с одной стороны, используется, а с другой, проявляется в ассоциативном эксперименте, когда испытуемому предъявляется вербальный стимул с предложением отреагировать на него словом, которое первым придет в голову. «Предполагается, что реакция — это слово, которое в сознании испытуемых хранится рядом со словом-стимулом. За близостью в сознании испытуемых

слова-стимула и слова-реакции лежат причины, которые в большинстве своем осмысливаются как семантические связи стимулов и реакций» [Там же, 259].

Интерпретируя слова-стимулы на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, мы, по мнению В.А. Масловой, раскрываем их «культурно-национальный смысл и характер, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации», которая представляет собой «форму ценностного освоения мира, фактор внутренней детерминации поведения» [5, 55—56].

В данной статье мы описываем результаты наших исследований, проведенных в 2010 г., и сравниваем их с данными «Русского ассоциативного словаря» (далее — РАС), свободные ассоциативные эксперименты для которого проводились в 1988—1998 гг. Мы рассматриваем 10 самых распространенных ответов, относительное количество которых выражено в процентах от общего числа.

* * *

Приведем характеристику белого цвета. Психологи считают, что белый цвет — это цвет без эффекта. Это — *tabula rasa* (чистая доска), на которой еще предстоит написать нечто содержательное. В хроматизме белый цвет является сублимированным архетипом рационализма. Белый цвет в хроматической модели времен характеризует прошлое — память человечества [7, 136].

По мнению многих исследователей белый цвет необычайно значим для русской культуры в целом, в частности из-за денотативного значения белого, эквивалентного снегу: белый цвет доминирует в зимнем русском пейзаже, а зима и снег метонимически означают и саму Россию (особенно в клише чужого взгляда). Важно также учитывать значимость для русской культуры фольклорной традиции, где белому, наряду с черным и красным, отводится одно из главных мест. В качестве перво-цвета *белое* в традиционном сознании несет значение ‘начала’, отсылая в ритуалах к формулам инициаци. Следует иметь в виду и этимологию, которая раскрывает связь идеи святости в русской культуре с белым цветом (см. подробнее [1]).

В поэзии символизма *белое* выступает как значимое отсутствие цвета (бесцветность или прозрачность) или как синтез всех цветов. Объекты, которые маркирует *белый* в символизме первого поколения, — *снег*, *тень*, *туман*, *луна, нить*, *змей*, *лебедь*, *цветы*, *корона*, *одежда*, *ангел*, *река* и *свет*. Контекст, в котором возникает *белый*, отсылает к мотивам *сна*, *подлунного мира*, *умирания*, *ночи*, *холода*, то есть — к *смерти* в целом [1,14].

Приведем результаты ассоциативных экспериментов для стимула *белый* (Табл. 1):

Таблица 1. Реакции на стимул *белый*

РАС	2010 г.
снег (25%); *черный* (10%); *цвет* (5,3%); *Бим* (3,7%); *аист* (3,5%); *пудель* (3%); *лист* (2,8%); *свет* (2%); *заяц*, *чистый* (1,9%); *медведь*, *пароход* (1,7%); *клык*, *лебедь* (1,4%)	*снег* (14,4%); *черный* (10,7%); *свет* (6,4%); *цвет* (5,3%); *чистый* (3,7%); *пушистый* (2,6%); *лист* (2%); *Бим*, *ворон*, *зайчик*, *заяц*, *медведь*, *сало*, *свет*, *светлый*, *флаг*, *хлеб*, *человек*, *чисто* (1%)

Как видно из таблицы, итоги экспериментов с применением свободных ассоциаций показывают денотативные особенности этого цвета, обусловленные природно-климатическими особенностями нашей страны: *белый* — *снег* является самой частой ассоциативной связью. Эта связь даже популярнее антонимической оппозиции *белый* — *черный*, хотя, как показывают другие наши исследования, для большинства стимулов наиболее частотными ассоциациями являются именно антонимы (см., например, [7]).

Кроме того, довольно часто встречается понятийная характеристика стимула — *цвет*, т.е. ассоциация, которая не отражает никакого объекта, стоящего за стимулом, не дает эмоциональной характеристики и не раскрывает индивидуальное отношение респондентов к данному цвету.

Интересно, что популярность реакции *Бим* (прецедентный текст) несколько уменьшилась за последние 20 лет.

Кроме того, в некотором количестве ответов *белый* рассматривается как *чистый* и *светлый*. Можно говорить о положительных коннотациях этого цвета, хотя не стоит забывать о самых частотных реакциях, которые можно рассматривать как понятийные и предметные (о предметно-понятийных образах сознания см. [2]).

* * *

Приведем характеристику *черного* цвета. Психология цвета утверждает, что лица, выбирающие черный цвет и ставящие его на первое место (среди ахромных), находятся в оппозиции к обществу, испытывают явное отвращение к происходящему, проявляют агрессивность в сочетании с деструктивной и импульсивной тенденциями, негативизм, конфликтность, а также демонстрируют четкую позицию протеста [8, 157].

«Черный цвет наиболее подвержен „стереотипическому“ мышлению человека: черный — это априори трагедия, горе, смерть, мрак (и это не безосновательно: черный цвет поглощает все другие цвета спектра)» [8, 159]. *Черный* ассоциируется с мраком и темнотой — отсюда ощущение неизвестности и ожидание опасности со стороны некой силы, не подвластной человеческому пониманию. Нередко *черный* — это «знак эгоизма, слабости, пустоты, ограничений, депрессии» [1, 18].

«Черный символизирует конец, тьму, ночь — то есть *черное* время суток в противовес белому дню. Человек, любящий черный цвет, считается консервативным. Предполагается, что таким людям свойственна элегантность, тонкость восприятия, способность трезво оценивать ситуацию и др.» [8,159].

Приведем результаты ассоциативных экспериментов для стимула *черный* (см. Табл. 2):

Таблица 2. Реакции на стимул *черный*

РАС	2010 г
белый (13,9%); *кот* (13,3%); *кофе*, *день* (7%); *цвет* (6,5%); *ворон* (4%); *хлеб* (1,7%); *квадрат* (1,6%); *негр*, *ящик* (1,1%); *ночь*, *пес*, *пудель*, *человек* (1%)	*цвет* (14%); *белый* (11,8%); *кот* (5%); *квадрат* (4%); *ворон* (3%); *день* (2,6%); *тьма*, *хлеб* (2%); *ночь* (1,6%); *мрак*, *пиджак*, *плащ* (1%)

Все перечисленные ассоциации двух групп респондентов можно разделить на несколько семантических групп:

– как антоним белого цвета;

– категориальная характеристика (*цвет*), которая не позволяет оценить эмоциональное отношение к этому цвету и не выявляет конкретные образы, стоящие за этим понятием;

– как несветлый, характеризующийся отсутствием света (*ночь*, *мрак*, *тьма*);

– предмет черного цвета (как самые распространенные бытовые предметы (*пиджак*, *плащ*, *человек*, *пудель*, *кофе*), так и прецедентные тексты (*черный квадрат*, *черный кот*, в некоторой степени *черный плащ*);

– культурно-маркированные реалии (*черный хлеб*, *черный день*).

Если сравнивать ответы респондентов в двух группах, то можно отметить, что они во многом повторяются, но их процентное соотношение различно: респонденты РАС

приводят много конкретных (объектных) реакций, в том числе и антоним *белый*; испытуемые в нашем эксперименте (2010 г.) в 14% ответов дают определение понятия (*цвет*), а не описывают конкретные образы, стоящие за этим понятием.

* * *

Приведем характеристику *зеленого* цвета. Этот цвет предельно материален и действует успокаивающе, но может производить и угнетающее впечатление. В межконфессиональном круге цветов зеленый цвет является «хроматическим архетипом ислама». В хроматической модели интеллекта *зеленый* цвет «сублимирует черты мужского самосознания при нормальных условиях и женского — при экстремальных» [8, 231].

Приведем результаты ассоциативных экспериментов для стимула зеленый (Табл. 3):

Таблица 3. Реакции на стимул *зеленый*

РАС	2010 г.
свет (13,3%); *лист* (6%); *цвет* (5,8%); *лес* (5,3%); *луг* (3,7%); *красный* (3,5%); *трава* (3,3%); *лук* (3%); *огурец*, *светофор* (2,7%); *желтый* (2,5%); *змий* (2,3%)	*цвет* (8,6%); *трава* (7%); *свет* (5,9%); *лес* (3,7%); *лист* (3,2%); *луг*, *огурец* (2,6%); *дерево*, *красный*, *светофор* (2,1%); *весна*, *горошек*, *сад* (1,6%); *город*, *горох*, *дом*, *желтый*, *чай*, *человечек*, *шар*, *яркий* (1%)

Среди цветов, находящихся в ассоциативной связи с зеленым, в двух группах респондентов мы обнаруживаем *красный* и *желтый*, что в совокупности составляет цвета светофора (при этом реакции *светофор* и *свет* также присутствуют среди ответов респондентов). Среди природных объектов зеленого цвета называются такие, как *лист*, *лес*, *луг*, *огурец*, *трава*, *дерево*, *горох*. Среди указанных в таблице реакций нет прецедентных текстов, что свидетельствует о сравнительно малой культурной нагруженности этого цвета. Это скорее общечеловеческие характеристики природных объектов и сигнальной системы дорожных знаков, нежели культурно-маркированные ассоциации.

* * *

Приведем характеристику *красного* цвета. Как полагает Н.В. Серов, «красный цвет часто вызывает волнение, беспокойство и усиливает нервное напряжение» [8, 284]. Красный цвет может вызывать также состояние сильного возбуждения и агрессивности. Поэтому предпочтение красных цветов чаще встречается у молодых людей и лиц, которых природа наделила импульсивными чертами характера. С другой стороны, равнодушное отношение или неприязнь к этому цвету может указывать на упадок жизненных сил и снижение сексуальных возможностей человека. В хроматизме красный цвет сублимирует архетип тотемизма, в частности коммунизма. В сублимате же красного цвета заключено «хроматическое проявление мужского бессознания при нормальных и женского при экстремальных условиях жизни» [Там же].

Приведем результаты ассоциативных экспериментов для стимула «красный» (Табл. 4):

Таблица 4. Реакции на стимул *красный*

РАС	2010 г.
флаг (14,4%); *свет* (10,6%); *цвет* (7,7%);	*цвет* (12,3%); *кровь* (5,9%); *свет* (5,3%);

галстук (6,7%); *помидор* (3,8%); *квадрат*, *нос*, *перец*, *шар* (3%); *белый*, *комиссар*, *петух*, *светофор* (2%)	*мак*, *помидор*, *флаг* (4,2%); *нос* (2,1%); *алый*, *белый*, *зеленый*, *куб*, *страсть*, *яркий* (1,6%); *галстук*, *день календаря*, *желтый*, *перец*, *розовый*, *светофор*, *цветок*, *черный*, *шарф* (1%)

Самым распространенным ответом в группе респондентов 2010 г. является реакция *цвет*, что характерно практически для всех стимулов, объединенных семантическим полем ‘цвет’. Эту особенность мы уже отмечали выше, поэтому можно говорить об общей тенденции языкового сознания современных русских к категоризации.

Также интересен подбор предметов красного цвета в ассоциативных рядах респондентов двух групп: среди простого перечисления различных объектов особое место занимает слово *флаг* (14,4% в группе РАС и только 4,2% в группе респондентов 2010 г.), что ярко отражает повседневность советского времени и ярчайший символ той эпохи, в отличие от представителей современного поколения, для которых *красный* — это, скорее, цвет крови, что может свидетельствовать о более биологическом, нежели политическом, восприятии данного цвета.

Кроме того, современные респонденты дают более богатую цветовую гамму в качестве реакций на данный стимул: *черный*, *желтый*, *розовый*, *алый*, *белый*, *зеленый*, а жители Советского Союза — лишь ответ *белый*, что подтверждает предположение Н.В. Злыдневой о близкой ассоциативной связи между красным и белым в русской культуре [1, 21].

* * *

Как показывает анализ результатов ассоциативных экспериментов, проведенных с почти двадцатилетним разрывом, языковое сознание современных русских респондентов

характеризуется большой рациональностью и стремлением к категоризации, в отличие от языкового сознания респондентов, живших на европейской части Советского Союза. Для респондентов первой группы (1988—1998 гг.) отмечается довольно большая типизированность и клишированность сознания. В указанный период за словами-стимулами стояли конкретные объекты, причем зачастую характерные как для русской культуры в целом, так и для советского периода нашей истории (*красный — флаг*).

В целом же можно проследить довольно устойчивую тенденцию к сохранению образов русского языкового сознания, не связанных с политической ситуацией, а обусловленных территорией проживания и реалиями повседневной жизни.

На примере анализа ассоциаций, связанных с семантическим полем ‘цвет’, можно проследить, какие культурные составляющие наиболее актуальны, и насколько они распространены среди представителей той или иной эпохи. При этом культуру могут представлять как бытовые, повседневные предметы, так и произведения литературы и искусства, устного народного творчества. Таким образом, мы считаем, что можно определить и выявить, какая часть культурного наследия в данный период времени актуализирована, а что уже является пережитком прошлого, а также решить, какие ценности в данном обществе лидируют, что именно формирует набор этих ценностей (политические лозунги, реклама, популярные литературные произведения, кино, музыка и.т.д.).

Литература

1. Злыднева Н.В. Белый цвет в русской культуре XX века. Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2002.

2. Иванов А.В. Сознание и мышление М., 1994.

3. Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

4. Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации/ под ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. М., 2008.

5. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.

6. Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин. М., 2002.

7. Свинчукова Е.Г. Языковая картина мира русской диаспоры в Казахстане. Дис. … канд. филол. наук. М., 2011.

8. Серов Н.В. Цвет Культуры: психология, культурология, философия. СПб., 2003.

9. Тарасов Е.Ф. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под ред. И.Г. Дубова. М., 1997.

М.М. Сизов (Институт языкознания РАН)

M.M. Sizov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Об эксперименте словосложения в романе И.С. Рукавишникова «Проклятый род»

On the Experiment of Word Juxtaposition in Ivan S. Rukavishnikov's Novel 'Proklatyi Rod' ('The Accursed Clan')

Аннотация

В своем романе «Проклятый род» И.С. Рукавишников, используя разные модели, создает большое количество окказиональных сложных языковых единиц, лингвистический статус которых подлежит тщательному дальнейшему изучению и определению.

In his novel 'The Accursed Clan', Ivan S. Rukavishnikov, using different patterns, creates a wealth of nonce compound forms whose status is yet to be closely studied and defined.

Ключевые слова

окказиональные сложные языковые единицы, словосложение

nonce compound forms, word juxtaposition

Данная статья посвящена авторским особенностям такого вида словообразования, как словосложение (см. [1; 2; 6]). Следует сказать несколько слов об исследуемом авторе и его романе. Иван Сергеевич Рукавишников (1877—1930) родился в одной из богатейших купеческих семей Нижнего Новгорода. Относится к писателям и поэтам Серебряного века. Его роман-трилогия «Проклятый род» издавался полностью в 1914 г. В советское время, если не считать публикации первой части («Семья железного старика») в 1928 г., роман не печатался, так как выходил за рамки соцреализма. В 1999 г. роман был переиздан издательством «Нижегородская ярмарка» и стал доступен современному

читателю. Примеры в этой статье будут даваться в авторском написании (слитно, через дефис или раздельно) с указанием страниц именно по этому изданию [5].

Язык романа весьма своеобразен. Автор часто использует короткие предложения, в том числе начинающиеся с союза *и*, разнообразные повторы; глаголы регулярно употребляются в несовершенном виде, порядок слов в предложении может быть своеобразен (несовременен). Характерно использование постпозитивных определений, устарелой или малоупотребительной лексики. Особое внимание обращают на себя разнообразные типы словосложения, в которых активно задействованы все основные части речи. В романе отмечается огромное число авторских, окказиональных новообразований, как правило, оформляемых при помощи дефиса, например: *хохот-гром* (118), *отнести-спрятать* (91), *входили-вбегали* (92), *ново-старый сон* (23), *неверяще-радостные глаза* (75), *лампадно-душная спальня* (119), *спокойно-важно вымолвил* (34), *говорил вкрадчиво-испуганно* (100) и др. Использование дефиса в таких новообразованиях не всегда обязательно по современным нормам орфографии, но такова творческая воля автора.

Рассматриваемые в данной статье окказионализмы чаще всего не вписываются в существующие словообразовательные классификации и не подпадают под устоявшиеся определения. Тем не менее, в статье мы используем термин *словосложение* и используем его в самом широком, обыденном смысле — ‘сложение слов или основ для образования новых языковых единиц’.

Многочисленную группу составляют окказионализмы, образованные методом соположения имен существительных, в результате чего создаются оригинальные, авторские словосочетания [1]. В этой группе естественным образом выделяются три основные подгруппы.

[1] В разграничении сложных слов и словосочетаний подобного типа мы придерживаемся точки зрения, высказанной в «Краткой русской грамматике» [3, 83—84].

В первую, наиболее многочисленную подгруппу можно объединить окказионализмы, в которых первое существительное является определяемым словом, а второе — определением. Примеры:

– И слушая слова молитвенно-любовные, забвенно постигал тайны дна, *очей-колодцев* жутко близких. Тайны хрустального дна. И *словами-птицами* молитвенно-любовными отвечал (180).

– В ночь на Казанскую тепло было на Волге. В дому Макаровом *гости-шуты* перед ужином бродили из залы на балкон (285).

Такой тип словосложения высокопродуктивен в современном русском языке, и тому можно привести множество примеров: *фабрика-кухня*, *фабрика-прачечная*, *телефон-автомат*, *кафе-мороженое*, *вагон-ресторан*, *школа-интернат*, *кресло-кровать*, *диван-кровать*, *человек-паук*, *человек-невидимка*, *сумка-тележка*, *мышка-норушка*, *лягушка-квакушка* и др. В романе И.С.Рукавишникова, естественно, встречается большое количество общеупотребимых словосочетаний, образуемых по этому типу. Примеры: *колдун-великан* (18), *юноша-рыцарь* (21), *дубы-великаны* (21), *барин-покойник* (32), *мать-вдова* (40, 118), *девица-красавица* (52), *невеста-вдова* (68), *братья-помещики* (69, 70, 82), *ангел-хранитель* (88), *мещаночка-молодуха* (126), *старик-колдун* (128) и др.

Этот тип словосочетаний в романе широко представлен и именами собственными с постпозитивным определением-приложением: *Горюнова-мать* (42), *Пантелеймон-угодник* (55), *Тараканиха-ехидна* (55), *Тараканиха-ростовщица* (73), *Матрена-трясогузка* (59), *Рожнов-подлец* (73), *Верка-подлячка* (76), (91), *Борк-гусар* (117), *Настасья* (-) *невеста* (117), *Корнут-отрок* (139), *Федор-покойник* (156), *Венеция-красавица* (246), *Раиса-мамаша* (255), *Дорочка-сестрица* (256), *Ванька-клюшник* (382), *Степка-подлец* (396), *Надя-призрак* (420—422) и др. Сравните эти характеристики с общеизвестными: *Иван-царевич*, *Иванушка-дурачок*, *Марья-искусница*, *Илья Муромец* и др.

И.С. Рукавишников широко пользуется этим типом словосложения и создает множество своих окказионализмов, например: *злоба-жаба* (15, 16), *сон-греза* (24), *домик-ящик* (29), *думы-упреки* (46), *думы-тени* (138), *деревья-старики* (61), *комната-убийца*

(77), *любовь-тихость* (90, 117), *любовь- привычка* (90), *любовь-блаженство* (117), *духи-искусители* (104), *словечки-намеки* (116), *речи-загадки* (130), *смерть-придумщица* (145), *слова-птицы* (180), *дворец-крепость* (182), *шепот-шуршанье* (198), *речи-молитвы* (206), *город-гроб* [о Венеции] (282), *смерть-обезьяна* (291), *ветерок-дыхание* (280), *улыбка-загадка* (329), *часы-совы* (367), *мысль-память* (393), *стук-знак* (400) и др.

Иногда писатель снабжает существительное и двумя постпозитивными определениями. Примеры: *слова-приговоры-ругательства* (28), *мать*[-]*старуха-вдова* (55), *любовь-скорбь-обида* (117).

Другую, значительно менее многочисленную подгруппу в романе представляют собой словосочетания, в которых первое существительное является определением ко второму. Примеры:

– В театр дочь Любовь повезла. Из ложи глядя на еще неподнятый занавес, разрыдалась. И часто-часто плакала перепуганная *старухой-жизнью* (118).

Из числа общеупотребительных, используемых в романе, можно привести следующие примеры: *смарагд-камень* ‘изумруд’ (51), *вдова-мать* (56), *орел-птица* (68), *павлин-птица* (107), *дура-голова* (72), *чудо-дом* (98), *чудо-дворец* (100), *чудо-птица* (113, 114), *золото-человек* (101) и др. И лишь немногие из них можно отнести к числу окказионализмов, например: *старуха-жизнь* (118, 139), *искры-огни* (247), *четыреугольники-пятна* [от картин на стенах] (405) и др.

До недавнего времени этот тип словосложения был малопродуктивен в русском языке. Примеры этого типа весьма немногочисленны: *чудо-град*, *чудо-остров*, *бой-баба*, *жар-птица*, *красавица-девица*, *царь-колокол*, *царь-пушка*, *Царьград*, *трын-трава*, *дурман-трава* и др. Однако под влиянием английского языка в современном русском языке продуктивность этого типа значительно возрастает и в основном за счет использования английских существительных в роли препозитивного определения [4, 221—235]. Примеры: *флэш-карта*, *интернет-кафе*, *фейс-контроль*, *гриль-бар*, *медиа-проект* и множество других. Примеры типа названия радиопередачи «Валенки-шоу»,

пекарни «Фили-Бейкер», катка в Москве на Красной площади «ГУМ-Каток», в которых в роли препозитивных определений использовались бы русские слова, редки.

Поскольку в данном исследовании мы рассматриваем окказиональные, не закрепленные в узусе словосочетания в рамках художественного текста, порой возникают трудности с их интерпретацией. Рассмотрим три примера:

– Вон у среднего окна поднялся мольберт. Он похож на силуэт гильотины. *Лапы-листья* растений черные, черные и большие. Они шевелятся около окон… (188).

– Без скатерти стол длинный, длинный, узкий. Тот, на котором недавно еще обеды еженедельные, многояственные, сынам, дочерям и внучатам вдова железного старика предлагала во славу великого рода, во славу и в память великого старика отошедшего, *тени-портреты* коего и здесь, в столовой горнице, и рядом в тихой гостиной, где все под чехлами спит… (266).

– Шептал ли, думал ли. Шкатулочку красную серебряным ключиком отомкнул. В алой бархатной постели *игрушка-револьвер*. Перламутр, позолота на нем (329).

Что является определяемым и определением в выделенных окказионализмах? Реальный мир подсказывает, что определяемым должны быть *листья*, *портреты* и *револьвер*. Однако словообразовательный тип, где первое слово является определением, как мы уже напоминали выше, является малопродуктивным: на наше восприятие влияет другой тип, значительно более продуктивный, где определяемым является первое существительное. Если исходить из этой позиции и принять, что определяемыми в этих примерах являются *лапы*, *тени* и *игрушка*, то текст романа становится еще более выразительным — и таких окказионализмов, допускающих разное толкование их семантической структуры, в романе много.

Значительную группу сложных окказионализмов составляют существительные, объединенные не определительной, а сочинительной связью, по типу *хлеб-соль*, *отец-мать*. Среди них можно выделить окказионализмы, в которых объединены существительные, близкие по значению, например:

– В болезнью подкошенной Надиной душе белые женщины *дум-мечтаний* в пляске хороводной свились (148).

– Седой лунь, прозорливец хищный, в *тучах-облаках*, редко по-зимнему темных, место себе выискал. Над Волгой над декабрьской, над белой, сидит, когти в тучу — в облако вонзив (162).

К этой группе можно отнести и следующие окказионализмы: *голос-говор* (22), *хохоты-крики* (45), *страх-ужас* (50, 82, 128), *страхи-ужасы* (263, 275), *страсти-ужасы* (275), *медали-ордены* (62), *шум-говор* (63), *шум-крик* (91), *шум-смех* (91), *шум-суета* (186), *знаки-узоры* (66), *пар-дым* (67), *крик-ругань* (70), *крики-ругань* (135), *злоба-ненависть* (72), *шаги-прыжки* (78), *грохот-треск* (78), *грохот-хохот* (101), *крик-визг* (78), *сорванцы-разбойники* (84), *подлецы-мошенники* (84), *голоса-крики* (101), *любовь-охота* [разводить лошадей] (111), *грезы-сны* (120), *счастье-удача* (136), *думы-мечтания* (148), *думы-грезы* (253), *хитрости-придумки* (156), *тучи-облака* (162), *свет-огонь* (246), *сила-мощь* (264) и др.

Объединение существительных, близких по значению, служит целям интенсификации их значений и более полного описания фрагмента ситуации.

Выделяется также группа окказионализмов, в которых существительные объединяются только по общности ситуации или объекта номинации, например:

– Глаз-на-глаз с царь-девицей рыцарь вдвоем сидели. *Песня-музыка* слов рыцаря чаровала (130).

– Бьются нетопырями, лампы боящимися, летают в холодных стенах в мраморных *думы-страхи* матери (183).

К этой группе можно отнести и следующие окказионализмы: *слова-думы* (43), *думы-шепот* (50), *ласкость-тихость* (92), *мзда-страдание* (100), *грусть-задумчивость* (114), *храп-бормотанье* (117), *садовод-мастер* (120), *песня-музыка* (130), *говор-крик* (134), *крик-говор* (182, 185), *говор-смех* (429), *слова-взгляды* (135), *беседы-басни* (155), *слабость-робость* (198), *тоска-робость* (253), *слова-крики* (394), *вихрь-холод* (400), *немец-хозяин* (423) и др.

В сочинительных образованиях подобного типа возможно объединение и сразу трех существительных, например: *змея-птица-рыба* [о гондоле] (235), *вопросы-сказки-грезы* (235), *думы-грезы-упреки* (350).

Такие новообразования используются автором романа для более разностороннего и компактного описания определенных фрагментов ситуации.

Помимо большого количества окказионализмов, образуемых соположением существительных, в романе отмечается также огромное количество окказионализмов, образуемых соположением глаголов по модели: *ходит-бродит*; *и пошел-поехал*; *Шумел, горел пожар московский…*; *Там ступа с Бабою Ягой идет, бредет сама собой*; *Жили-были старик со старухой…*; *И стали они жить-поживать да добра наживать*. Этот тип словосложения не является продуктивным в современном русском языке, однако широко используется автором.

Весь массив глагольных окказионализмов можно условно разделить на три большие группы и несколько немногочисленных групп. К одной из них относятся окказионализмы, образуемые соположением глаголов, близких по значению, например:

– И *заснет-задремлет* Корнут важный. Но не больше, чем на минуту, на две (185).

– Начала что-то ворчать об осетрине, которая в этот раз не то неудачно, не то удачно куплена. Но *стукнули-задребезжали* стаканы. Заворчала громко и сердито, и ласково (195).

К этой группе также относятся и следующие окказионализмы: *конь пропал-провалился* (21); [Федор с Вячеславом] *пропали-провалились* (51); *ходит-гуляет* [Макар] (110); *гуляет-бродит Корнут-отрок* (139); [Кто это] *наговорил-нажаловался* (56); *убить-сокрушить* [брата] (71); [хотела Мелания] *закричать-завопить* (77); *затрепетала-забилась* [Мелания] (77); *забыть-согнать* [ужас] (81); *скажет-донесет* (83); *спать-дремать* (87); *страшное встает-нарождается* (96); *очнется-проснется* [Семен] (106); *ездит-катается* [Макар] (110); *спорить-торговаться* (111); *бьется-колотится* [сердце] (124); *открыл-распахнул* [дверь] (128); *прошли-пролетели* [слова] (128); *целует-милует*

его (130); *бьет-хлещет волна морская* (130); *украли-полонили* (136); *парила-висела* [ночь] (138); [слова птицами] *летают-кружат* (154); *очарование пришло-возвратилось* (154); *гудел-гремел орган* (210); *вздохнула-охнула помещица* (254); *поднял-вскинул голову* (314); *истерика колотила-трепала* (330); *взоры встретиться-столкнуться боялись* (354); *прятался-спасался* (359); *смолк-оборвался говор* (364); *кинулась-упала в постель* (420) и др. Этот тип словосложения, как и в случае с существительными, близкими по значению, используется автором романа для усиления значения объединяемых глаголов, для более полного и компактного описания ситуации и усиления экспрессивности повествования. Заметим, что по современным правилам пунктуации эти глаголы могли бы писаться и через запятую.

Наряду с глагольными окказионализмами в романе встречаются и немногочисленные примеры общеупотребимых повторов одного и того же глагола: *подождут-подождут* (37); *обещались-обещались* (48); *жили-живут почетные граждане* (139); *думал-думал* (139) и др. Повторы одного и того же глагола в одной и той же форме используются в современном русском языке для выражения длительности и интенсивности действия, например: *думал-думал да и надумал*; *ждал-ждал да не дождался*; *смотрит-смотрит— пытается разглядеть*.

Многочисленную группу окказионализмов в романе составляют объединения глаголов, обозначающих разные действия, но связанные ситуативно сочинительной связью, например:

– Три раза подряд выиграл Доримедонт. Не отыгрался еще. Но ликовал. *Шутил-насмехался* (268).

– — Ах, Яшенька! Прокурор ты. *Смотри-любуйся*, Степан-Степаныч, каков племянник у меня, Макаров-то первенец (272).

К этой группе можно отнести следующие окказионализмы: *увертывалась-смеялась* (20); *пели-кричали* (20); *спит-ворочается* (21); *причесываются-припомаживаются* [волосы бабочкой] (23); *затрепетал-захлебнулся* (27); *хохочут-рассказывают* (36); *крикнул-цыкнул старик* (43); *чует-мыслит* (50); *чует-шепчет* (50);

встала-предстала девица-красавица (52); *шепчут-повторяют* (53); *говорила-плакал*а (59); *вороны кричат-мечутся* (59); *забегали-замигали глаза* (60); *заторопилась-заплакала* (68); *говорит-будит* (71); *застучали-заскрипели* [ступени] (71); *шли-бежали* [люди на пожар] (74); *стоял-молчал* (80); *кричит-воет* (80); *закричали-заплакали* (82); *думы летают-ползут* (87); *пел-шептал свой тропарь* (96); *говорит-улыбается* (105); *говорит-наставляет* (105); *сидит-высматривает* (162); *ворчать-думать* (196); *улыбнулся-фыркнул* (205); *зевал-потягивался* (215); *думал-шептал* (255); *шептать-выкрикивать слова* (256); *дошли-добежали до огонька* (259); *трепетал-спрашивал* (260); *видела-слышала* (282); *зашептал-застонал* (325); *плакала-горевала* (331); *целовал-утешал* (355); *сидел-молчал* (355); *целовал-радовал* (360); *шептал-пел* (372); *говорил-жаловался* (391); *заходил-забегал* (426); *дрожала-звенела на блюдце чашка* (430) и многие другие. Отмечаются и немногочисленные примеры ситуативного объединения сразу трех глаголов: *прыгает-вертится-хохочет* (39), *стоял-молчал-караулил* (119), *говорить-упрекать-жаловаться* (159), *шла-молчала-вела* (242). Такие глагольные образования, вероятно, служат целям более разнообразного, иногда более динамичного и компактного описания действий.

Большой интерес представляют окказиональные объединения глаголов, где второй глагол является модификатором и конкретизатором первого, ср.:

– *Идет-спешит* от попа Ивана Вера Тараканова. Ныне менее злобы на желтом лице ее (108).

– И на дядю поглядел и надеждою, и ненавистью бессильною. А на Степана Степаныча так, будто *сказал-прошипел*: // — Тебя-то чего сюда нелегкая занесла? (272).

К такого рода объединениям можно отнести следующие: *входила-влетала* [женщина] (20); *вошел-вбежал* (57; 290; 365); *входили-вбегали* (92); *вошли-вбежали* (114); *вошла-вбежала* (329); *подошел-подбежал* (22); *ушла-растаяла* [женщина] (21); *говорит-шепчет* (28); *бормочут-шепчутся* (29); *заплакало-зарыдало* (44); *объясняет-кричит* (64); *сказал-прокричал* (72); *толкует-воркует про разное* (76); *сложил-кинул свою ношу* [на тахту] (77); *плачу-рыдаю* (87); *пошла-побежала* (91); *идет-спешит* (108); *невнятно*

отвечал-чавкал (110); *идет-пробирается* (126); *идет-торопится* (127); *дверь ударила-зазвенела* (135); *смотрит-впился* (140); *ходил-хромал* (209); *ходил-маршировал* (209—210); *шла-молчала* (242); *шли-спешили* (242); *встал-вскочил* (247); *сказал-прошептал* (251); *сказал-прошипел* (272); *говорит-шепчет* (286); *вдова бродит-ползает* (291); *в кресле <…> сидела-лежала мать* (297); *встал-вскочил* (309); *поднял-вскинул голову* (314); *сказала-прошептала* (329); *сказал-крикнул* (334); *говорил-пел Антон* (354); *летели-трепыхались часы* (365); *говорил-спешил* (365); *вышла-выбежала* (372); *сказала-прокричала* (388); *читал-шептал* (390); *читала-шептала* (431); *говорила-шептала* (393); *встала-вскочила с дивана* (410); *шептал-торопился* (426) и др. Случаи, в которых конкретизатором действия является первый из двух глаголов, единичны, например: *заскрипел-заговорил* (33); *шептала-говорила* (53); *замурлычет-запоет* (123); *заскользил-побежал* (212); *шептала-повторяла* (242); *слова поет-говорит* (253) и др. Редким примером, когда глагол выполняет функцию определения, является название книжных магазинов «Читай-город» (ср. название района в Москве *Китай-город*).

Иногда объединяются глаголы, отображающие последовательность действий, например: *ужаснулся-проснулся* (27); *вставать-одеваться* (54); *села-повалилась* (82); *младенца отнести-спрятать хочет* (91); *взял-поднял медный шандал* (95); *затрещала-вскоробилась накрахмаленная грудь* (207); *первый стакан налил-выпил Виктор* (235); *сел-повалился на коврик* (247); *повлек-уложил* (259); *открылась-хлопнула дверь* (312); *сел-упал на диван* (322); *упадешь-пропадешь* (350) и др.

Большую группу окказиональных образований в романе представляют собой сложные определения, которые, как правило, оформляются с помощью дефиса. Среди них также можно выделить несколько подгрупп.

Одну из них образуют прилагательные, являющиеся объединением основ двух прилагательных, имеющих разные значения, например:

– Макар Яковлевич по одному своему второму этажу бегает <…> И открытые двери, и снующие мимо слуги ничуть не мешают *строительно-хозяйственным* его думам (186).

– В молчании *влюблено-далеком* затих Виктор. И тихи были слова спутников… (236).

К этой группе можно отнести и следующие окказионализмы: *священно-торжественные дни* (31), *раздумчиво-страшные слова* (32), *весенне-капризная река* (33), *Дарья весело-прекрасная* (47), *утренне-солнечные стены* (48), *однолико-скорбны думы* (49), *огонечки скорбно-молитвенны* (53), *зелено-веселый берег* (61), *недавно-девичья дума* (63), *шелково-стальная материя* (66), *старо-розовый плюш* (67), *сонно-радостная рука* 75), *жадно-веселые взоры* (92), *брито-красное лицо* (95), *радостно-бездельные люди* (101), *ласково-холодный снег* (107), *молчаливо-скорбный Семен* (112), *насмешливо-злобная улыбка* (114), *спокойно-гордая Раиса* (114), *свято-книжные слова* (116), *стыдно-гнусные дни* (116), *дремно-жуткие засыпания* (117), *кругло-неподвижные глаза* (118), *радушно-вдумчивое лицо* (119), *винно-цветочный праздник* (122), *речь жалобно-ласковая девичья* (130), *влюбленно-тихие взоры* (134), *волжско-майская ночь* (138), *разумно-холодное тело* (138), *хвалебно-просительные песни* (138), *деревянно-русский город* (139), *завистливо-сердитые глазки* (151), *весело-молодой мальчишка* (158), *слова молитвенно-любовные* (180), *взгляд злобно-завистливый* (197), *мраморно-мертвый город* (230), *Италия старо-каменная* (232), *старо-белое здание* (241), *покорно-печальные глаза* (300), *стон липко-мокрый* (300), *перо забыто-зажатое в руке* (350), *поцелуй уверенно-красный* (355), *лицо развратно-тихое* (383), *безучастно-наглая жизнь каменной столицы* (412) и др. Окказионализмы подобного рода, вероятно, создавались для более полной, компактной и иногда неожиданной характеристики определяемого объекта.

Определенный интерес представляют окказиональные объединения прилагательных-антонимов. Приведем примеры: *ново-старый сон* (23), *притворно-искренняя тихость* (24), *сладко-горестный воздух* (59), *грузно-стройный дворец* (97), *скорбно-радостный Семен* (101), *далеко-близкий хохот* (102), *злобно-веселая Вера* (110), *ласково-властные слова* (119), *счастливо-несчастная женщина* (122), *морозно-теплый склеп* (123), *счастье небесно-земное* (132); ср. также: *безмерно богатая и нищая дочь* (125), *гордо-счастливая и терзаемая дочь* (125), *дождливо-солнечное лицо* (157),

добродушно-хитрый Яков (166), *слова скромно-хвастливые* (173), *говор радостно-грустный* (174), *площадь близко-далекая* (244), *глаза неживые-живые* (251), *ковер тускло-пестрый* (296), *Волга далеко-близкая* (296) и др. Создание таких образований, вероятно, призвано было породить у читателя противоречивые чувства, неуверенность и нечеткость восприятия образа; возможно, являлось попыткой создать новые значения, для которых в русском языке нет отдельного слова, т.е. создать определенный стилистический эффект. Надо заметить, что аналогичные процессы наблюдаются и в абстрактной живописи, когда, отказавшись от языка предметной живописи, конструируя необычные композиции, художник пытается создать новые значения и смыслы, которые невозможно выразить языком предметной живописи.

В образовании сложных окказиональных определений такого рода И.С. Рукавишников часто использовал и причастия, иногда определяемые наречиями, например:

– Не уехал Виктор из Венеции тогда, после закрытия выставки. *Мертво-шепчущая* сказка впервые видимого города очаровала больного неизлечимою любовью (230).

– Молчаливо стали пить чай … И удивляясь, и сердясь, почуял Антон *зарождающиеся-поднимающиеся* слезы (256).

– И обнимал ее, слабый уже, но жаждущий. И говорил *насильно-ласкающие* слова (261).

К этой группе определений можно отнести следующие окказионализмы: *вошел бледно-решившийся* (65—66); *Семен погибающе-радостный* (66); *неверяще-радостные* глаза (75); *предвкушающе-спокойный голос* (95); *весенне-разлившаяся Волга-река* (97); *скрипяще-медлительный голос* (103); *хохочуще-рыкающий бас* (118); *кругло-неподвижные глаза* (118); *пытливо-испуганные глаза* (119); *мудро-выцветшие гобелены* (122); *розово-выцветающий шелк* (122); *холодно-молчащие потолки* (123); *упорно-испуганная песня* (124); *бездонно-недвижные очи* (133); *влюбленно-тихие взоры* (134); *предзакатно-томящиеся дали* (156); *упрекающе-злые взоры* (165); *взоры ищуще-*

утомленные (247); *шутки-загадки плачуще-смеющиеся* (337); *красно-всходящее из моря солнце* (402) и др.

Одно из центральных мест в художественной палитре романа занимает образ «лампады» и «лампадного света», относящийся к периоду юности второго поколения героев, периоду их жизни в родительском доме. Отсюда мы имеем следующие сложные определения: *лампадно-рассветная битва* (26), *лампадно-рассветная комната* (26), *лампадно-ризный свет* (117), *лунно-лампадные слова* (117), *лампадно-тихие стены* (118), *лампадно-душная спальня* (119) и др.

Значительную группу окказиональных образований в романе представляют собой объединения двух разных по значению наречий, например:

– Чинно по ковру ступая, чуть пошатываясь, Корнут футляры разноцветные с орденами и медалями вынул, раскрыл. И *медлительно-любовно* перед зеркалом себя украсил (212).

– *Грустно-раздумчиво* говорил, стоя у дверцы балконной со стаканом в руке (238).

К этой группе можно отнести и следующие окказионализмы: *тоскливо-страшно* (20); *гордо-весело* (21); *справа-слева* (24); *спокойно-важно вымолвил* (34); *влюбленно-тихо сохла* (39); *важно-насмешливо* (39); *испуганно-раскаянно глядели они* (47); *чует-мыслит* <...> *жутко-раскаянно* (50); *тихо-скорбно ходят* (53); *важно-грозно* <...> *слова бросал* (82); *спокойно-рассудительно* (94); *говорил вкрадчиво-испуганно* (100); *тоскливо-бездумно кричат* (108); *морозно-предсмертно дремал* (109); *морозно-никчемно-пусто* (110); *весело-радостно* (110); *громко-весело рассказывал* (111); *тихо-грустно беседуют* (113); *весело-визгливо песни поют* (117); *честно-заботливо нажитого* (123); *злобно-радостно шипит* (140); *злобно-нерадостно вглядывается* (140); *тихо-радостно Виктору* (159); *обиженно-злобно повторяя* (166); *важно-нудно рассказывать* (173); *безрадостно-злобно урча* (254); *грустно-вдумчиво ответил* (362) и др. С семантической стороны такие окказиональные объединения наречий служат усилению значений (*весело-радостно*, *весело-визгливо*, *тихо-скорбно*, *тихо-грустно*), более полному, разностороннему

описанию ситуации (*тоскливо-страшно*, *испуганно-раскаянно*, *морозно-никчемно-пусто*, *честно-заботливо*) или, путем объединения трудносовместимых, а иногда и противоположных по значению наречий, автору удается создать особый стилистический эффект (*морозно-предсмертно*, *злобно-радостно*, *мучительно-радостно*, *недавно-давно*, *успокоенно-трепетно* и т.д.).

Объединение двух разных по значению наречий не является продуктивным типом словосложения в русском языке. Высокопродуктивной, однако, является редупликация, т.е. повтор одного и того же наречия, для усиления его значения, например: *тихо-тихо*, *сильно-сильно*, *скоро-скоро*, *далеко-далеко*, *рано-рано*, *давно-давно* и пр.

Как видно из приведенных выше примеров, И.С. Рукавишников широко пользуется различными типами словосложения для создания окказиональных новообразований, однако отмечается много случаев, когда такие возможности словосложения писателем упускаются, ср.:

– Но вот Сережиного лохматого врага слова *каменно убедительные* показались такими *простыми, неоспоримыми* (171).

– По воскресеньям длинный стол в столовой рабы *чинные, бесшумные*, с утра *уставляют, украшают* (174).

– Между ними тяжелый темный стол, ничем не покрытый … И Макар Яковлевич *закричал, забегал, запрыгал* по ту сторону длинного стола. *Задыхался, заикался*, когда выкрикивал свои слова (229).

Из проведенного предварительного исследования типов окказионального словосложения в романе И.С. Рукавишникова можно сделать следующие выводы:

Языковой статус сложных окказиональных образований в романе неоднороден, порой неоднозначен и часто не вписывается в существующие классификации: одни новообразования можно рассматривать как словосочетания (например, объединение существительных с определительной связью), другие — как сложные слова (объединение прилагательных или прилагательных с причастиями), а статус третьих еще требует тщательного, всестороннего изучения и своего особого определения.

Рассмотренные окказиональные образования в романе служат разным целям. Окказиональное объединение слов или основ, близких по значению, способствует интенсификации их значения и усилению воздействия на читателя. Объединение слов или основ, связанных лишь только ассоциативно по ситуации, помогает более разностороннему и компактному описанию фрагментов таких ситуаций. Объединение слов или основ с противоположными, антонимичными, а иногда просто трудносовместимыми значениями, осложняет восприятие текста и служит целям создания особых стилистических эффектов. Отмечались и такие новообразования, которые не поддаются однозначной интерпретации.

Совершенно очевидно, что обилие сложных окказионализмов в романе говорит об осознанном эксперименте автора по созданию новых языковых единиц и значений, которые бы отражали авторское видение описываемой в романе реальности. Не исключено, что в языке романа можно проследить и определенное влияние местного нижегородского говора начала XX в.

Прошло уже около ста лет со времени появления романа «Проклятый род», но яркий эксперимент в области словосложения, затеянный автором, так и не произвел революции в русском языке, и, наверное, не только потому, что роман был многие годы почти не известен читателю. Как бы там ни было, богатейший языковой материал романа заслуживает тщательного и всестороннего исследования.

Литература

1. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 2012.

2. Кочеткова Т.И. Проблема словосложения в современной русистике // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета, № 1, 2006.

3. Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М., 1989.

4. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М., 2008.

5. Рукавишников И.С. Проклятый род. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 1999.

6. Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. М., 1982.

Т.Е. Янко (Институт языкознания РАН)

T.E. Yanko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Сегментация устного дискурса на материале корпусов звучащей речи [1]

Oral speech segmentation on the material of spoken corpora

Аннотация

Анализируется просодическое маркирование элементарных единиц устной речи. Рассматриваются типы акцентных пиков и модели выбора словоформ их носителей, выделяющие единицы дискурса. Результаты анализа показывают, что просодические средства выражения темы могут совпадать со средствами выражения незавершенных единиц дискурса, представляющих собой не просто коммуникативные компоненты предложения, а единицы связного текста, продвигающие повествование вперед. Таким образом, демонстрируется, что просодических данных для выделения сегментов дискурса недостаточно: принятие решения об определении границ единиц текста должно приниматься на основании комплекса параметров: просодических, синтаксических и семантических. Анализ базируется на данных корпусов звучащей речи.

The analysis is aimed at dividing a spoken chain into elementary discourse units, with data taken from the corpora of records based on TV interviews, eye-witnesses accounts, and actors' recitations. A question arises whether defining the boundaries of a discourse unit could be reached by using the parameters of prosody. The analysis shows that prosody cannot distinguish between a theme of a statement and an uncompleted discourse unit which actually forwards the narration ahead. The prosodic analysis, therefore, is not a sufficient means to delimit all elementary discourse units one from another. The ultimate segmentation must conclude a variety of criteria based on syntactic, semantic and prosodic parameters.

[1] Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 8009 "Языковые параметры современной цивилизации".

Ключевые слова

просодия, дискурс, корпуса звучащей речи, элементарная дискурсивная единица, тема, рема, незавершенность

prosody, discourse, elementary discourse units, theme, rheme, incompleteness, oral speech, spoken corpora

Введение

Выделение минимальных единиц дискурса — одна из наиболее обсуждаемых проблем современной лингвистики. Еще в 1976 году В.А. Звегинцев обратился к проблеме существования языкового уровня, который находится «выше» предложения, уровня дискурса. В качестве основного параметра, который формирует этот уровень, В.А. Звегинцев выделяет смысловую связь между единицами дискурса. Особенность такой связи, по мысли В.А. Звегинцева, состоит в том, что она представляет собой «связь понятий и суждений» и не всегда имеет собственно языковое выражение. Между тем В.А. Звегинцев находит и языковые средства создания связного дискурса. Неоспоримо языковыми способами связи В.А. Звегинцев считает 1) анафору и 2) пресуппозиции [1, 171]. В современной лингвистике в связи со смещением фокуса внимания от анализа письменной речи к анализу устной спонтанной речи и возникновением новых инструментов анализа устного дискурса — корпусов звучащей речи и компьютерных систем анализа звучащей речи — к этим параметрам неизбежно добавляется еще одно средство оформления связного дискурса: дискурсивная просодия. Между тем открытым остается вопрос не только о том, как установить связи между единицами дискурса, но, прежде всего, о том, что представляют собой эти единицы и где проходят границы между ними.

Цель настоящей работы — проанализировать роль интонации при выделении языковых единиц связной речи. Заранее очевидно, что анализ интонации, каким бы полным он ни казался, не закроет проблемы выделения границ между единицами текста, однако, как мы предполагаем, он способен пролить свет на функционирование звучащей

речи и наметить границы применимости просодических методов при анализе связного текста.

Теоретически единицы дискурса призваны выражать минимальную законченную мысль: У. Чейф определяет их как единцы мысли (idea units), или кванты речи (brief spurts of speech) [7, 55]. Представляется, однако, что такое определение не дает лингвисту конкретного инструмента для выделения минимальных дискурсивных единиц смысла. Решение данного вопроса мы видим в выделении и объединении всех параметров, служащих в качестве средств выражения связности текста и его единиц. К таким параметрам относятся анафора и референция в структуре текста (см. одно из последних исследований на эту тему [12]), установление соответствия между единицами синтаксиса и просодии (см., например, [2; 8; 11]) и просодический анализ единиц дискурса. Детальное обсуждение проблемы выделения единиц текста, введение в лингвистический обиход термина «элементарная дискурсивная единица» (ЭДЕ) и практическое применение теоретических постулатов к описанию крупного массива звучащих текстов представлено в книге под редакцией А.А. Кибрика и В.И. Подлесской [2]. В нашем исследовании мы сосредоточимся на анализе просодического фактора в формировании структуры текста.

В качестве точки отсчета для анализа вклада просодии в организацию связного текста и для выработки критериев его сегментации можно предложить понятие речевого акта и понятие ремы как компонента, формирующего речевой акт сообщения. При этом предполагается, что связный нарративный дискурс состоит из цепочки сообщений, семантически и логически связанных между собой. Ниже будет показано, как ремы и соответствующие акценты функционируют в структуре нарративного текста, каким трансформациям они подвергаются и как они соотносятся с показателями темы и незавершенности дискурса. Таким образом, мы исходим из того, что просодия служит средством выражения коммуникативных значений двух типов. К первому типу относятся значения, формирующие предложение как речевой акт определенного типа с определенным коммуникативным заданием. Так, для формирования сообщения таким

конститутирующим речевой акт значением служит значение ремы. Кроме ремы, в сообщении есть коммуникативный компонент, который не конституирует речевой акт, а создает условия для совершения речевого акта: это тема. Тема и рема формируют речевой акт. К значениям же второго типа относится значение дискурсивной незавершенности дискурса, которое формирует связный нарратив. Ниже будет показано, что просодические средства формирования темы и средства формирования дискурсивной незавершенности могут совпадать. Между тем существуют также средства маркирования дискурсивной незавершенности, которые отличны от локальных просодий темы и ремы. Анализ средств формирования речевого акта, с одной стороны, и средств формирования дискурса, с другой стороны, сходств и различий этих средств составляет одну из задач настоящего исследования.

Материал для исследования представлен записями звучащих текстов из просодически размеченного и опубликованного корпуса «Рассказы о сновидениях» [2], корпуса «Рассказы о подарках и катании на лыжах» (см. [13] и сайт spokencorpora.ru) и массива записей радио- и телевизионных интервью, рассказов очевидцев с места событий, чтения художественных текстов в актерском исполнении и других текстов, собранных автором.

Темы, ремы и дискурсивная незавершенность, или указание на то, что повествование не закончено и продолжение следует, маркируются 1) типом акцента (в данной работе мы придерживаемся интонационной транскрипции в духе интонационных конструкций Е.А. Брызгуновой [3, 103—118]) и 2) способом выбора словоформы, несущей акцент. Тип акцента говорит о том, какую функцию исполняет соответствующая единица — является ли она темой, ремой, или контрастной или эмфатической темой или ремой, представляет ли она завершающий или, наоборот, неконечный элемент текста. Способ выбора акцента говорит о том, какой объем сегментного материала приходится на тему, рему, компонент дискурса, потому что у компонентов речевых актов и компонентов дискурса, имеющих одинаковый сегментный материал, но различный

объем, слова-акцентоносители могут быть разные [2]. Существует большое количество литературы, признающей, что акценты накладываются на сегментный материал не случайным образом: слова-акцентоносители выбираются согласно определенным принципам, см. [6; 9; 14; 17]. Конкретные принципы выбора акцентоносителей в коммуникативных компонентах, имеющих произвольную лексико-синтаксическую структуру, выделены в наших работах [4; 5, 38—60]. Выбор акцентоносителей регламентируется фактором новизны (по У. Чейфу [7]), рядом синтаксических иерархий, иерархией одушевленности и другими параметрами. В разделе «Просодические модели рем» ниже рассматриваются модели оформления рем как показателей иллокутивной силы высказывания и, одновременно, показателей завершенной фазы дискурса: отсутствие показателя незавершенности фрагмента дискурса понимается как завершенная фаза текста. В разделе «Просодические модели дискурсивных единиц незавершенного текста» рассматриваются просодии незавершенного нарратива.

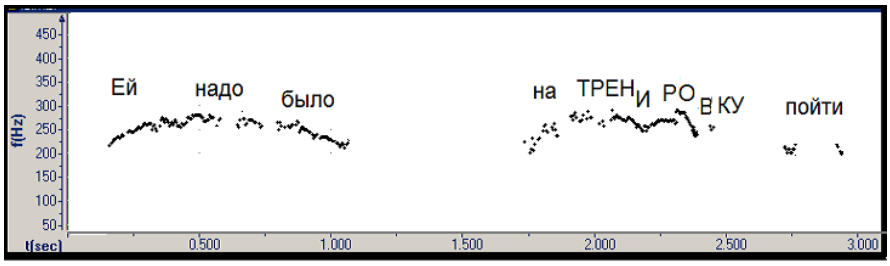
Просодические модели рем

Обратимся к просодии рем. В русском языке выделяется три основных просодических способа маркирования рем, в частности рем, осложненных дополнительными иллокутивными значениями. Анализ маркирования рем, которые обозначаются слабым понижением частоты основного тона или ровным низким тоном типа ИК-1, по Е.А. Брызгуновой, и характеризуются конечным расположением словоформы-акцентоносителя, мы опускаем. Это хорошо изученный тип просодического маркирования ремы.

Другой тип маркирования ремы представлен в примерах (1)-(3), см. ниже. Второе предложение в примере (1) иллюстрирует особый тип маркирования ремы, осложненной значением обоснования: во втором предложении говорящий объясняет, почему он и его сестра оказались на улице. Словоформа-носитель релевантного акцента выделена заглавными буквами.

[2] Так, в нерасчлененном предложении *Пришла весна* акцентоноситель ремы словоформа *весна*, а в предложении с той же лексико-синтаксической структурой *Весна пришла*, но расчлененном на тему *весна* и рему *пришла*, акцентоноситель ремы, соответственно, словоформа *пришла*.

(1) *Мы с сестренкой гуляем по улице. Ей надо было на ТРЕНИРОВКУ пойти.*

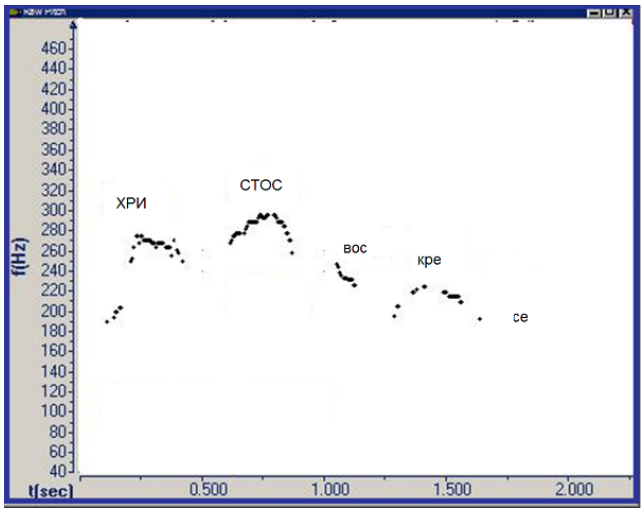


Тонограмма демонстрирует падение частоты осноного тона в верхнем диапазоне частот голоса данного говорящего с существенным перепадом частот на ударном слоге словоформы-акцентоносителя — *тренировку*. Это ИК-2, по Е.А. Брызгуновой. Перед нами один из типов маркирования неконечной ремы, дополнительно осложненной значением обоснования. Традиционно предложения такого типа называются тетическими (thetic), о тетических предложениях см., например, работы [15; 16]. Аналогичный способ марикрования ремы представлен в примере (2).

(2) *Я была в желтых туфлях таких, с такими шнурочками. МАМА купила.*

Конечное предложение фрагмента объясняет происхождение туфель у их хозяйки. Акцентоноситель ремы — словоформа *мама*. Тонограмму примера мы опускаем. И, наконец, последняя иллюстрация рассматриваемого типа рем взята из пасхальной православной службы.

(3) *ХРИСТОС воскресе.*

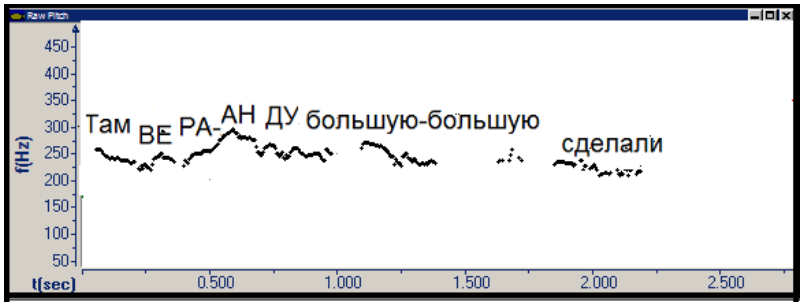


Тонограмма демонстрирует высокое падение на ударном слоге словоформы *Христос*. Падению предшествует подъем частоты в пределах того же ударного слога, что

типично для реализации ИК-2. Подъем в контексте сегментного материала, представленного примером (3), необходим для «набора» высоты. Иллокутивная сила данного примера может быть эксплицирована следующим образом: ʻСообщаю о великом событии’. Акцентоносители в примерах (1)-(3) соответствуют принципам, сформулированным в [4; 5, 38—60].

Еще один тип рем представлен в предложениях мечтаний и воспоминаний о событиях прошлого. Такая рема маркируется подъемом частоты основного тона на ударном слоге словоформы-акцентоносителя, за которым следуют относительно ровный или слабо понижающийся тон на заударных слогах и других словоформах вплоть до конца предложения. Подъем сопровождается существенным — примерно в полтора-два раза против обычного — удлинением ударного слога и заударных слогов. Рема воспоминания представлена примером (4). Растяжка обозначается удвоением ударной гласной словоформы-акцентоносителя.

(4) *Там ВЕРА-АНДУ большую-большую сделали.*



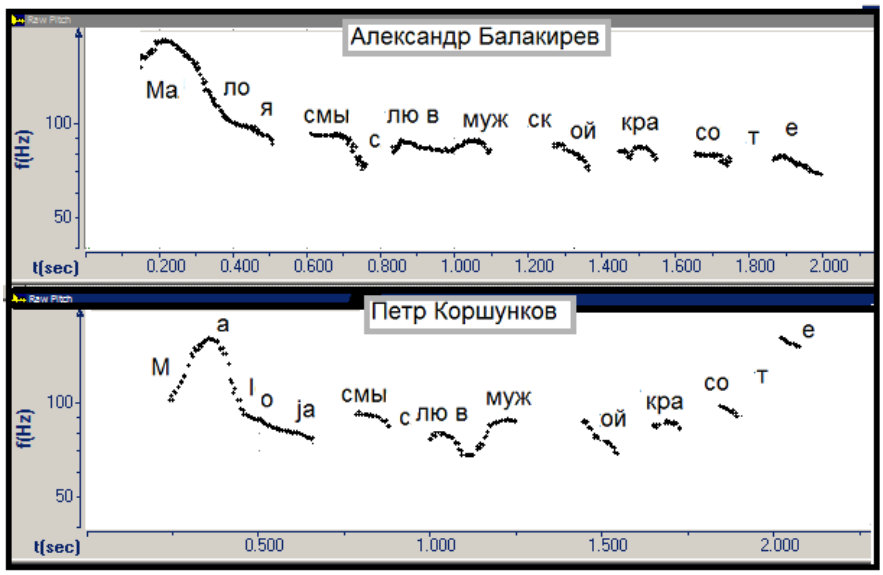
Тонограмма демонстрирует подъем и растяжку на словоформе-акцентоносителе — *веранду* — и относительно ровные заударные.

Рематический акцент говорит о том, что единица дискурса мыслится говорящим как относительно автономная, либо как завершающая законченный фрагмент дискурса. Между тем многие элементарные единицы дискурса оформляются говорящими как неконечные единицы текста. Обратимся к средствам маркирования дискурсивных единиц как элементов незавершенного текста.

Просодические модели дискурсивных единиц незавершенного текста

Русский язык разработал известное разнообразие линейно-акцентных стратегий маркирования незавершенности текста. Начнем обсуждение с примера (5), иллюстрирующего противопоставление речевого акта, который мыслится говорящим как завершающий фрагмент текста, и речевого акта, в котором содержится указание на то, что продолжение повествования следует. Перед нами два способа интерпретации текста А.П. Чехова двумя чтецами — Александром Балакиревым и Петром Коршунковым. Перед нами фрагмент из «Драмы на охоте».

(5) *МАЛО я смыслю в мужской красоте*.

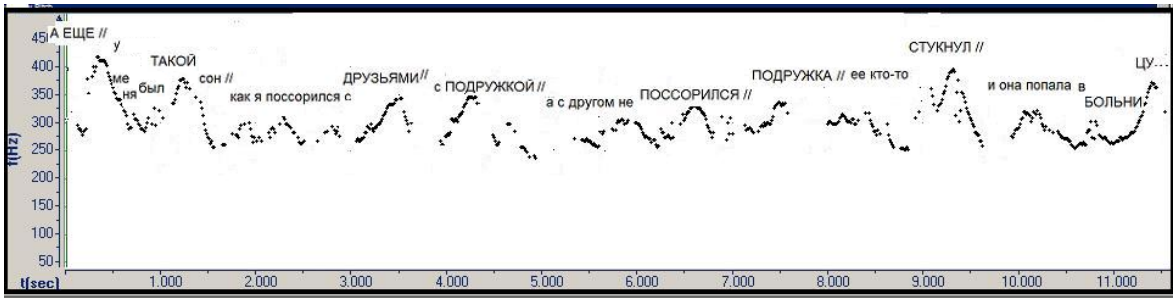


Сравнительная тонограмма чтения текста Чехова Балакиревым (верхняя панель) и Коршунковым (нижняя панель) говорит о том, что первый чтец оформляет данную дискурсивную единицу как завершенную, о чем свидетельствует единственный «рематический» акцент типа ИК-2, по Е.А. Брызгуновой, на начальном акцентоносителе ремы — словоформе *мало*. Весь последующий сегментный материал получает низкий ровный тон, что говорит о том, что перед нами единая рема. В конце предложения Балакирев ставит «точку», чтобы слушающий остановился и задумался над фрагментом текста Чехова. Коршунков же дает данной дискурсивной единице иную интерпретацию. Кроме «рематического» акцента на *мало*, дискурсивная единица содержит восходящий акцент незавершенности на конечной словоформе *красоте*. В интерпретации Коршункова эта дискурсивная единица получает интонацию «запятой»: чтец указывает

на то, что продолжение повествования следует. В данном примере рема и дискурсивная незавершенность имеют различные акценты и отдельные акцентоносители в пределах единой дискурсивной единицы. Однако данная просодическая стратегия указания на то, что единица встроена в дискурс, т.е. интерпретируется как компонент незавершенного текста, не единственная. Ниже будут рассмотрены иные способы просодического указания на то, что продолжение повествования впереди.

Основной проблемой при анализе единиц незавершенного дискурса оказывается то, что показатели темы и дискурсивной незавершенности часто совпадают, когда ни между типом акцента, ни между способом выбора носителя этого акцента при маркировании темы и незавершенности нет формальных отличий. Для иллюстрации этого положения обратимся к примеру (6) из корпуса «Рассказы о сновидениях» [2].

(6) *А ЕЩЕ // у меня был ТАКОЙ сон // как я поссорился с ДРУЗЬЯМИ // с ПОДРУЖКОЙ // а с другом не ПОССОРИЛСЯ // ПОДРУЖКА // ее кто-то СТУКНУЛ // и она попала с БОЛЬНИЦУ...*



Тонограмма демонстрирует серию подъемов частоты основного тона на ударных слогах словоформ *еще*, *такой*, *друзьями*, *подружкой*, *поссорился*, *подружка*, *стукнул* и *больницу*, которые говорят о том, что повествование не закончено и продолжение следует. Выбор словоформ-носителей акцентных пиков в примере (6) соответствует основным принципам выбора акценоносителей в темах и ремах предложений. Об основных принципах выбора акцентоносителя коммуникативно релевантного компонента предложения см. [4; 5, 43—73].

Между тем эти же подъемы могут быть интерпретированы не только как показатели незавершенного повествования, но и как маркеры множественных тем,

противопоставленных одной реме, расположенной в последующем контексте. Так, словоформа *еще* легко интерпретируется как тема, а словоформу *подружка* в фрагменте *подружка, ее кто-то стукнул...* естественно понимать как вынесенную тему, или как вынесенный топик. Таким образом, формальные показатели, которые позволили бы отличить тему от дискурсивной незавершенности, здесь отсутствуют.

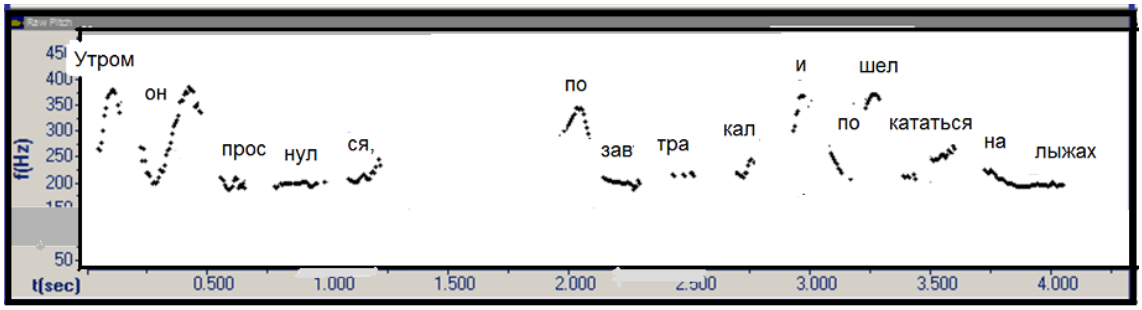
В качестве средства, позволяющего отличить тему от дискурсивной незавершенности, мог бы выступить синтаксический фактор. Так, компоненты, представляющие собой целое предложение (или структуру типа S) скорее должны пониматься как компоненты дискурса, а именные, глагольные и другие группы — как темы. Так, компонент *ее кто-то стукнул* может претендовать на роль компонента текста, так как он имеет синтаксическую форму законченного предложения. Между тем нельзя не признать, что синтаксическая структура типа S вполне может представлять собой тему в составе речевого акта сообщения, имеющего также и рему. Так, в примере (7) компонент *Вадик познакомился с Марусей* имеет синтаксическую структуру законченного предложения, между тем он играет роль темы, соотносимой с ремой в *Киеве*, например, при ответе на вопрос *Где Вадик познакомился с Марусей?*

(7) *Вадик познакомился с Марусей в Киеве.*

Таким образом, выделение единиц дискурса на основании синтаксического фактора также не совсем надежно. Следовательно, все компоненты примера (6) могут пониматься и как темы, относящиеся к одной реме, имеющейся в последующем контексте или даже отсутствующей. Некоторые из этих компонентов, которые имеют сентенциальную форму и «продвигают повествование вперед», могут пониматься и как компоненты незварешенного дискурса. Стратегию указания на незавершенность дискурса, представленную примером (6), где маркеры незавершенности формально не отличаются от маркеров темы, мы предлагаем называть стратегией множественных тем. Множественные темы — это наиболее распространенное средство маркирования незавершенности дискурса во многих языках. Возникает вопрос: существуют ли показатели незавершенности дискурса, отличные от показателей темы?

На этот вопрос можно дать положительный ответ: существуют акценты и модели расстановки акцентов в предложении, которые отвечают только за связь предложения с контекстом и с показателями темы не совпадают. Начнем с акцентов. Так, ИК-4, по Е.А. Брызгуновой, или падение (или ровный низкий тон) на ударном слоге плюс подъем на заударных, если они есть (если их нет, восходящий тон смещается на финальный фрагмент конечного ударного или единственного слога акцентоносителя), в русском языке (но не в английском или немецком) никогда не служат маркером простой темы. ИК-4 используется в рассказе о событиях, которые упорядочены либо во времени, либо в пространстве, либо по своей внутренней логике. В связном дискурсе ИК-4 значит не только, что текущий шаг повествования не последний, но также и то, что шаг, следующий за текущим, тоже не последний. Обратимся к примеру из корпуса рассказов о катании на лыжах.

(8) *Утром он проснулся, позавтракал и пошел кататься на лыжах.*

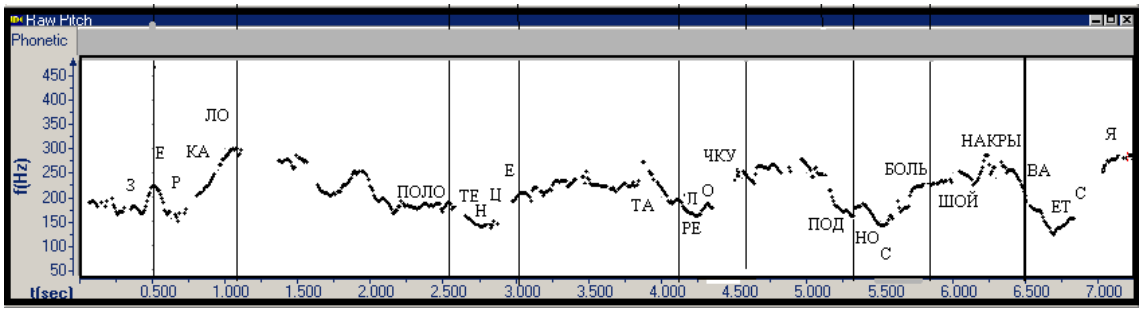


Тонограмма демонстрирует низкий ровный тон на ударном слоге, за которым следует легкий подъем на заударном слоге акцентоносителя дискурсивной единицы, которая соответствует первому событию в цепи последовательных (и упорядоченных) событий. Это глагол *проснулся* во фрагменте *Утром он проснулся.* Второе событие описывается глаголом *позавтракал*, у которого на ударном слоге фиксируется слабо понижающееся движение тона плюс ровный тон на первом заударном плюс подъем на втором заударном слоге. Глагол *позавтракал* соответствует второму событию в цепи событий. Третье событие — *пошел кататься на лыжах* — завершает данный сюжетный ход, о чем свидетельствует понижение на ударном слоге словоформы *лыжах*. Ровный низкий тон на заударном слоге словоформы *лыжах* завершает акцент типа ИК-1,

маркирующий рему. Он говорит о том, что и речевой акт, и фрагмент повествования кончились. ИК-4 на *проснулся* и *позавтракал* говорит о том, что перед нами не тема, а единица дискурса, встроенная в связный нарратив.

В примере (9) из объяснений гадалки, как гадать на зеркале, также представлена жесткая последовательность действий. Очевидно, что нарушать данную последовательность нельзя, иначе гадание не состоится. На тонограмме курсорами и орфографической записью помечены только словоформы-акцентоносители дискурсивных единиц, из которых состоит данное повествование. ИК-4 на последней словоформе *накрывается* говорит о том, что последовательность шагов не закончена.

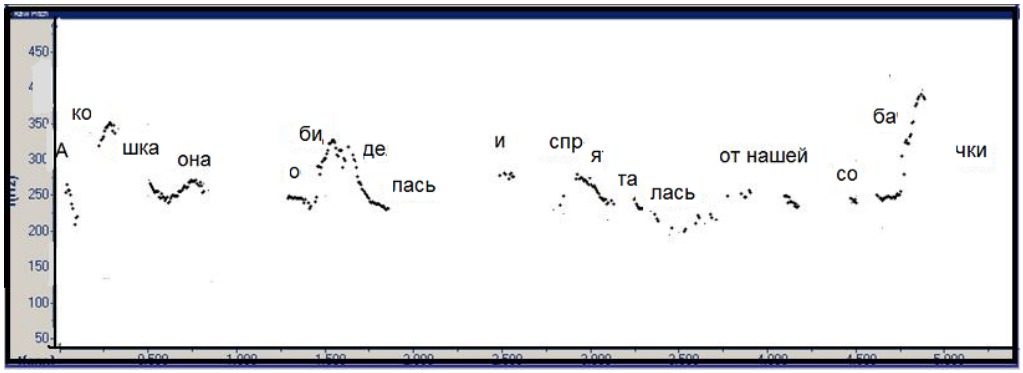
(9) *Значит, зеркало, чистое новое полотенце обязательно, тарелочку большую, поднос большой, накрывается...*



Тонограмма демонстрирует прекрасные образцы ИК-4 в русской речи. Заметим, что английские, немецкие и польские акценты, совпадающие по тонально-темпоральным параметрам с русским акцентом ИК-4, имеют в этих языках иные функции. ИК-4 — эксклюзивный маркер незавершенного дискурса в русском языке, т.е. в примере (9) перед нами не темы, а единицы незавершенного дискурса.

Другие просодические стратегии, маркирующие незавершенность независимо от маркирования тем и рем предложения, основаны на особом выборе словоформ-акцентоносителей. Обратимся к примеру.

(10) *А кошка, она обиделась и спряталась от нашей собачки...*



На тонограмме примера (10) можно наблюдать рематическое падение на словоформе *спряталась*, такое же, как в гипотетическом примере (10.1), которое выражет законченную мысль:

(10.1) *Кошка обиделась и спряталась*.

Словоформа *кошка* в примере (10) служит темой, она несет подъем на ударном слоге, который завершается падением на заударном. Аналогичный подъем на *обиделась* можно трактовать и как еще одну тему, и как начальный компонент конструкции, связанной союзом *и*: формальных средств отличить одно от другого здесь нет. И, наконец, финальный подъем на словоформе *собачки* служит независимым маркером незавершенности дискурса. Таким образом, в данном примере представлены и тема (*кошка*), и рема (акцентоноситель *спряталась*), и незавершенность дискурса (подъем на словоформе *собачки*). Существенно, что у всех коммуникативных значений имеется свой отдельный акцентоноситель и соответствующий акцент.

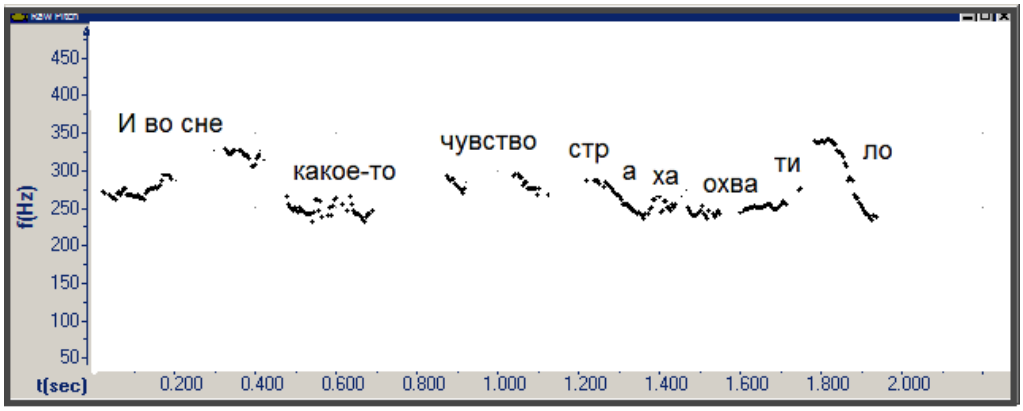
Словоформа *собачки*, несущая акцент незавершенности расположена после маркера ремы. Вслед за [18] мы предлагаем называть сегментный материал предложения, расположенный после акцентоносителя ремы хвостом, ср. термин «tail» в работе [18]. В качестве иллюстрации понятия хвоста авторы приводят пример (11), где вторая встречаемость словоформы *chocolates* ‘шоколадные конфеты’ служит хвостом. Ремой во втором предложении данного примера служит словоформа *hates* ‘терпеть не может’.

(11) *You shouldn’t have brought chocolates to the president. He HATES chocolates.* ‘Не следовало приносить президенту шоколадные конфеты. Он терпеть не может шоколадных конфет’.

Аналогично, словоформа *собачки* в примере (10) — это хвост. Сегментный материал хвоста может остаться неакцентированным, но он может также быть использован для указания на незавершенность дискурса. В повествовании, которое мыслится завершенным, хвост не несет никаких релевантных акцентов. Так, в английском примере (11) хвост как потенциальный акцентоноситель незавершенности остается невостребованным. Аналогично, в примере (5) выделяется акцентоноситель ремы — словоформа *мало* — и хвост — *я смыслю в мужской красоте*. Первый диктор (верхняя панель) никак не использует хвост, т.к. мыслит данное предложение как завершение фрагмента дискурса, а второй диктор (нижняя панель) использует хвост для указания на незавершенность: акцентоноситель незавершенности — словоформа *красоте* — несет здесь подъем тона, говорящий о том, что продолжение повествования следует.

И, наконец, последняя стратегия также использует полный набор показателей для таких коммуникативных значений, как тема, рема и дискурсивная незавершенность, как в примере (10). Между тем по сравнению со стратегией, предствленной в примере (10), для реализации стратегии, которая иллюстрируется примером (12), необходима специальная линейно-акцентная трансформация, предусматривающая вынесение финитного глагола на конечное место в предложении.

(12) *И во сне какое-то чувство страха охватило...*



Тонограмма демонстрирует подъем на акцентоносителе темы словоформе *сне*, рематическое падение на акцентоносителе ремы словоформе *страха*, и новый подъем на акцентоносителе незавершенности конечном глаголе *охватило*. Мы видим подъем

частоты на ударном слоге *-ти-* и падение на заударном слоге *-ло*, что полностью соответствует модели ИК-3, по Е.А. Брызгуновой. Набор акцентов и акцентоносителей и акцентов здесь в целом такой же, как и в примере (10), однако хвост в форме финитного глагола здесь создается в результате специальной трансформации, при которой глагол и его актант *чувство страха* «меняются местами». Базовый порядок слов в предложении с такой лексико-синтаксической структурой, как в (12), был бы такой:

(12.1) *Во сне меня охватило какое-то чувство страха*.

В (12.1) имеется тема *во сне меня* с акцентоносителем темы — словоформой *сне* — и рема *охватило какое-то чувтство страха* с акцентоносителем ремы — словоформой *страха*, указания на незавершенность в нем нет.

Пример (12) с финитным глаголом, вынесенным в постпозицию в качестве маркера дискурсивной незавершенности, взят из базы данных «Рассказы о сновидениях» (см. [2]), из которой можно почерпнуть множество других примеров, аналогичных примеру (12). Так, в примере (13) имеется падение на акцентоносителе ремы — словоформе *комнаты* — и подъем незавершенности на конечном глаголе *выхожу*.

(13) *Я из комнаты выхожу... <когда вхожу, она [бутылка] уже наполовину пустая>*.

Базовый порядок слов здесь представлен примером (13.1) с акцентоносителем ремы — конечной словоформой *комнаты*:

(13.1) *Я выхожу из комнаты*.

И последний пример, иллюстрирующий эффект создания сегментного материала для реализации незавершенности в «хвосте» предложения, — это предложение (14):

(14) *И когда обратно уже бежали...*

Здесь имеется падение на акцентоносителе ремы *обратно* и подъем незавершенности на конечном глаголе *бежали*. Базовая структура представлена предложением (14.1):

(14.1) *И когда уже бежали обратно...*

Примеры (12)-(14) говорят о том, что русским языком разработана специальная стратегия вынесения финитного глагола в конец предложения для использования глагола в качестве акцентносителя незавершенности. Очевидно, что в языках с более жестким порядком слов такая стратегия невозможна. То, что в качестве хвоста для реализации стратегии незавершенности используется глагол, объясняется тем, что при глаголе, имеющем актанты, актанты, как правило, играют роль темы и ремы предложения. Глагол же никаких релевантных акцентов в таком случае не несет. Таким образом, в огромном большинстве случаев финитный глагол оказывается наиболее «свободным» от исполнения иллокутивных функций (функций акцентоносителя темы и ремы) компонентом предложения. Тем самым в русской речи глагол может использоваться в качестве «окна в текст»: он выносится в постпозицию, становится хвостом и принимает на себя акцент незавершенности.

Заключение

Вклад анализа просодии в решение проблемы сегментации устной речи на элементарные дискурсивные единицы состоит в следующем.

1. Обнаружение акцентов и принципов выбора их носителей, которые маркируют рему, служит для распознавания предложений не только как отдельных речевых актов, но и как законченных единиц повествования. Выше было описано три типа просодического маркирования рем в русском языке.

2. Обнаружение акцентов, которые служат исключительным средством маркирования незавершенного дискурса (но не темы), позволяет вычленить определенные типы дискурсивных единиц, которые мыслятся как отдельные, но незавершенные единицы дискурса. К таким эксклюзовным просодиям, оформляющим связный дискурс, относится акцент типа ИК-4, по Е.А. Брызгуновой.

3. Обнаружение системных средств расстановки акцентов, обеспечивающих автономное маркирование в пределах одного простого предложения темы, ремы и, отдельно, дискурсивной незавершенности с использованием сегментного материала, расположенного после ремы и называемого здесь хвостом, также дает исследователю в

руки инструмент, который позволяет отличить тему от дискурсивной незавершенности. К таким стратегиям относится, в частности, стратегия с выносом финитного глагола в конец предложения для обозначения речевого акта как единицы незавершенного дискурса.

Между тем просодических показателей оказывается недостататочно для стопроцентного различения темы предложения и элемента незавершенного дискурса, потому что средства выражения темы предложения и дискурсивной незавершенности часто совпадают как по тонально-темпоральным характеристикам, так и по принципам выбора носителей акцентов. Таким образом, окончательное решение о проведении границ между дискурсивными единцами должно приниматься на основании комплекса факторов — просодических, синтаксических, логических и смысловой структуры текста.

Литература

1. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
2. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. Кибрик А.А., Подлесская В.И. (ред.). М.: ЯСК. 2009.
3. Русская грамматика. Т. 1. М.: «Наука». 1982.
4. Янко Т.Е. Коммуникативная структура с неингерентной темой // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1991. № 7.
5. Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: ЯСК. 2008.
6. Bolinger, D. A Theory of Pitch Accent in English // Word, 14. 1958.
7. Chafe, W. Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago and London: «University of Chicago Press», 1994.
8. Croft, W. Intonation units and grammatical structure // Linguistics 33. 1995.
9. Enkvist, N.E. Marked focus: functions and constraints // Studies in English Linguistics for Randolph Quirk. London, 1979.

10. Halliday, M. Intonation and Grammar in British English. The Hague, 1976.

11. Izre'el, Sh. Prosodic and Segmental Units: A View from Spoken Israeli Hebrew // Пятая международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. Т. II. Калиниград, 2012.

12. Kibrik, A.A. Reference in Discourse. Oxford and New York: Oxford University Press, 2011.

13. Podlesskaya, V. Russian complement clauses in prosodically annotated spoken corpora // Пятая международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. Т. II. Калиниград, 2012.

14. Steedman, M. Information Structural Semantics for English Intonation // Topic and Focus: Cross-Linguistic Perspectives on Meaning and Intonation. Dordrecht: Springer, 2007.

15. Sasse, H.-J. The thetic / categorical distinction revisited // Linguistics 25/3. 1987.

16. Sasse, H.-J. 'Theticity' and VS order: a case study // Sprachtypologie und Universalienforschung. 48. 1/2. 1995.

17. Schwarzschild, R. Givenness, AvoidF and other constraints on the placement of accent // Natural Language Semantics. 7. 1999.

18. Vallduví, E., Engdahl, E. The linguistic realization of information packaging // Linguistics, 34. 1996.

Проблемы преподавания языка

Problems of Language Education

К.В. Головкин (Институт языкознания РАН)

K.V. Golovkin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Интеграционный курс как способ адаптации иммигрантов в Германии

The integration course as a way of adaptation of immigrants in Germany

Аннотация

В статье дается обзор Интеграционного курса, который был введен в ФРГ согласно закону «Об иммиграции», вступившему в силу 1 января 2005 года. Германия является страной с долгой историей внешней трудовой иммиграции, и потому к началу нового века назрела необходимость обновить устаревшее законодательство. В новом законе особая роль отводится проблеме адаптации и интеграции иностранных рабочих, приезжающих на долгий срок в ФРГ. В статье рассматривается механизм прохождения иммигрантами специального интеграционного курса и получения сертификата о знании немецкого языка.

The paper reviews the Integration course introduced in the Federal Republic of Germany pertaining to the Immigration Law of January 1, 2005. At the beginning of the new century, owing to Germany's long history of external labour immigration, the need to update the obsolete legislation has become apparent. The new legal instrument specifically covers the problem of adaptation and integration of foreign workers arriving in Germany for a long period of time. The article considers the arrangement of the integration course and getting the German Language Proficiency Certificate.

Ключевые слова

языковая адаптации мигрантов, интеграционные курсы, Германия

linguistic adaptation of migrants, integration courses, Germany

К началу XXI в. стало окончательно ясно, что Германия является страной активной иммиграции, хотя это и не было официально закреплено в документах [4, 56—57]. Помимо гастарбайтеров из Турции, которые начали приезжать в ФРГ еще в пятидесятых годах прошлого века, в Германию прибывали и продолжают прибывать рабочие из Польши, Италии. Греции, Ирана, стран бывшей Югославии (в первую очередь, Хорватии). При этом культурные различия представителей коренного населения Германии и иммигрантов часто являются источником различных конфликтов. Многие иммигранты ничего не предпринимали для самостоятельной интеграции в германское общество, в частности не учили немецкий язык. При этом овладение языком страны, в которую приезжает иностранец, является не только первым, но и главным шагом на пути к интеграции в местное общество. По этим причинам в начале прошлого десятилетия в Германии назрела необходимость создания нового миграционного законодательства, которое бы полностью соответствовало своему времени и позволяло решать актуальные проблемы в области внешней трудовой миграции.

Новый Закон «Об иммиграции» вступил в силу 1 января 2005 г. Приняв его, Германия признала себя страной иммиграции *de juries* [4, 56—57]. Согласно этому документу [4; 7], иммигрантам и беженцам гарантируется поддержка со стороны государства при решении вопросов, связанных с приездом в ФРГ, пребыванием в стране, интеграцией, трудоустройством, получением вида на жительства и гражданства. Вопросы интеграции рассматриваются в первой статье закона, которая формально является отдельным законом: «О пребывании, трудовой деятельности и интеграции иностранных граждан на Федеральной территории», сокращенно — «О пребывании» [6]. По закону, иностранным гражданам, желающим жить и работать в Германии, предлагается пройти специальный интеграционный курс по немецкому языку, состоящий из 600 занятий

(*Unterrichtseinheiten*). Кроме того, предусмотрен ориентационный (вводный лингвострановедческий) курс длительностью 60 часов, предназначенный для ознакомления с культурными, социальными и правовыми особенностями Германии. Выпускной экзамен включает в себя языковой тест, который называется *Deutsch-Test für Zuwanderer* (Тест на знание немецкого языка для иммигрантов), разработанный специалистами Германского культурного центра имени Гете, и тест по материалам ориентационного курса [4]. Языковой тест состоит из устной и письменной частей. Иностранные граждане, успешно сдавшие тест, получают сертификат, подтверждающий их владение языком на уровне *B1* или *A2* Общеевропейских компетенций владения иностранным языком (*Common European Framework of Reference for Languages*). Пройти данный курс обязаны иммигранты, получившие право на проживание в Германии, но при этом плохо разговаривающие и пишущие по-немецки. Решение о необходимости участия в интеграционном курсе принимает Ведомство по делам иностранцев. В случае невыполнения данного обязательства у иностранного гражданина могут возникнуть проблемы с продлением права на проживание в Германии и получением пособий.

Благодаря языковому блоку интеграционного курса, слушатель должен получить навыки, позволяющие ему полноценно существовать в германском обществе и решать любые типичные проблемы без помощи переводчика. «Вы выучите лексику, употребляемую во всех важных областях повседневной и профессиональной жизни — например, осуществление покупок в магазине, общественный транспорт, общение с административными органами, поиск квартиры, проведение свободного времени с друзьями и соседями, а также повседневные ситуации. Вы научитесь писать письма по-немецки, заполнять формуляры, разговаривать по телефону или подавать заявление о приеме на работу. Вы научитесь правильно употреблять уже знакомые и новые слова и начнете увереннее говорить по-немецки», — так описываются задачи языковой курса в информационном электронном буклете, посвященном интеграционному курсу и выпущенном Ведомством по делам мигрантов и беженцев [2, 1].

Языковой блок интеграционного курса состоит из двух курсов: базового и продвинутого. Первый насчитывает 300 занятий (250 занятий в аналогичном курсе, рассчитанном на людей с высоким темпом овладения знаниями), сгруппированных в три модуля по 100 занятий. По его завершении слушатель должен владеть немецким языком на уровне *A2* [8, 13—16]. Согласно Общеевропейским компетенциям владения иностранным языком, это означает, что иностранный гражданин получает следующие основополагающие языковые навыки: понимание отдельных предложений и часто встречающихся выражений, связанных с основными сферами жизни (семья, покупки, объявления и т.д.), выполнение задач, связанных с простым обменом информации на знакомые или бытовые темы и способность в простых выражениях рассказать о себе, своем происхождении и образовании, описать основные аспекты повседневной жизни. Слушатель должен понимать на слух отдельные предложения, наиболее употребительные слова, ясные и простые сообщения, читать простые тексты и личные письма, понимать их содержание и уметь находить в повседневном тексте определенную информацию, устно изъясняться в простой форме и описывать вслух различные повседневные ситуации и вести диалог, излагать на письме простые мысли, делать записи, сочинять небольшие личные письма [1]. Сосредоточенность на повседневных ситуациях должна позволить обучающемуся развивать самостоятельность при изучении языка. Среди тем, которые рассматриваются в этой части интеграционного курса, присутствуют «социальные контакты», «жилье», «покупки и торговля», «еда и напитки», «тело и здоровье», «повседневная жизнь», «работа и профессия», «воспитание и образование», «свободное время», «природа и окружающая среда». На занятиях учитываются особенности слушателей: их пол, возраст, социокультурные факторы, происхождение, степень обучаемости, фоновые знания и уровень владения родным языком [8, 7].

Очень важную роль при обучении иностранцев языку играют мотивирующие факторы (возможность интеграции в общество и смены социального статуса), доступ обучающегося к средствам массовой информации на немецком языке, возможность как

можно скорее начать использовать коммуникативные навыки в повседневной жизни [8, 16].

По завершении этого курса проводится промежуточный экзамен. Впрочем, в случае быстрого и успешного овладения языком сдать промежуточный тест можно уже после 125 занятий.

Продвинутый курс строится по такому же принципу [8, 17—19]. Он также состоит из 300 занятий, разделенных на три модуля. Если базовый курс рассчитан на людей с нулевым или минимальным уровнем владения немецким языком, то продвинутый — на людей, владеющих немецким языком на уровне *A2* (полученном благодаря базовому курсу или иным путем.). В данном случае перед слушателями ставится цель расширить свои знания и достичь уровня *B2*. В результате слушатель должен понимать основные пункты сообщений на хорошо знакомые ему темы (работа, учеба, свободное время), успешно справляться с типичными для Германии повседневными бытовыми трудностями, связно и уверенно изъясняться на тему семьи, работы и хобби, описывать свои желания и потребности, рассказывать о своих планах и намерениях. При этом полученные знания должны отвечать стандартам, соответствующим уровню *B1*: «необходимо понимать общее содержание сложных текстов на абстрактные и конкретные темы, в том числе узкоспециальные тексты; говорить достаточно быстро и спонтанно, чтобы постоянно общаться с носителями языка без особых затруднений для любой из сторон; уметь делать четкие, подробные сообщения на различные темы и изложить свой взгляд на обсуждаемую проблему, показать преимущество и недостатки разных мнений» [1]. В рамках продвинутого курса повторно рассматриваются лексические темы предыдущего блока, и к ним добавляются еще три: 1) «Медиа и современные информационные технологии», 2) «общество, государство, международные организации», 3) «отношение к другим людям и культурам; мировоззрение». Методические рекомендации к проведению продвинутого курса совпадают с требованиями базового курса [8, 19].

Свои знания слушатели должны продемонстрировать на заключительном экзамене, выполнив языковой тест и тест по материалам ориентировочного курса (на сайтах Ведомства по делам мигрантов и беженцев и на Интернет-портале Федерального германского офиса миграции и интеграции опубликованы полный список вопросов теста по ориентировочному курсу и образец тестового экземпляра, которые позволяют слушателям параллельно с занятиями готовиться к этой части экзамена). Интеграционные курсы проводят частные организации, получающие специальное разрешение у государственных органов. Стоимость курса практически полностью покрывается за счет бюджетных средств, при этом слушатель также обязан частично оплатить свои занятия в зависимости от дохода. В случае успешного выполнения итогового теста, иностранному гражданину возвращают половину потраченных им средств. Граждане, не сумевшие с первого раза сдать экзамен, могут повторно пройти продвинутый курс, но при этом теряют возможность получить сертификат о знании немецкого языка на уровне *B1* [2].

По данным на середину 2012 года германские чиновники выдали около 126 тысяч направлений на интеграционные курсы. Большая часть из них была выдана в 2005 году, когда был введен закон об «Иммиграции» [5].

Литература

1. Европейские компетенции владения иностранным языком // http://lang.mipt.ru/articles/european_levels.esp.

2. Интеграционный курс для иммигрантов. Нюрнберг, 2005 // http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/RU/Publikationen/Flyer/lernen-sie-deutsch_ru.pdf?_blob=publicationFile.

3. Краткий обзор по интеграционным соглашениям и требованиям к уровню овладения языком для иностранных граждан третьих стран в государствах ЕС // http://refugee.ru/Events/2013/rybakov_mom.pdf.

4. Скорняков И.А.,Эволюция законодательства в области регулирования репатриационных, иммиграционных и интеграционных процессов в ФРГ // Вестник Томского государственного университета, № 327. Томск: ТГУ, 2009

5. Bericht zur Integrationskursgeschäftsstatistik für das erste Halbjahr 2012 // http:// www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Downloads/Infothek/Integrationskurse/Kurstraeger/Statistiken/2012-quartal2_integrationskursgeschaeftsstatistik_bund.pdf?__blob=publicationFile.

6. Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet //http://www.gesetze-im-internet.de/aufenthg_2004/index.html.

7. Gesetz zur Steuerung und Begrenzung der Zuwanderung und zur Regelung des Aufenthalts und der Integration von Unionsbürgern und Ausländern // http://www. bmi.bund.de/SharedDocs/Gesetzestexte/DE/Zuwanderungsgesetz.pdf?__blob=publicationFile.

8. Konzept für einen bundesweiten Integrationskurs. Nürnberg, 2005 // http://www. bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/Broschueren/2005/Integrationskurse_de.pdf;jsessionid =E9FEF5DF85130C1C3FFA8ED279E52D18.2_cid287?__blob=publicationFile.

Н.А. Капустина (Институт языкознания РАН)

N.A. Kapustina (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Вопросы обучения аудированию на послевузовском этапе языковой подготовки иностранных учащихся

Problems of Language Education: Listening Comprehension Training for Foreign Post-Graduate Students

Аннотация

В статье излагаются лингводидактические принципы обучения иностранных аспирантов аудированию научной монологической речи, оценивается роль специального текста в развитии навыков понимания аудитивно представленной научной информации специального характера.

The paper deals with principles of language didactics in the field of training foreign postgraduates' comprehension of oral scientific monologic discourse. The author assesses the role of a prepared text in training students' skill of listening comprehension on specific topics.

Ключевые слова

русский язык как иностранный, иностранные аспиранты, академическая лекция, аудирование, устная научная монологическая речь, специальный текст

Russian as a foreign language, foreign post-graduates, listening comprehension, oral monologic discourse, academic lecture, prepared text

При всем многообразии форм организации учебного процесса — в высшей школе центральное место по-прежнему занимают лекции. Образовательные программы профессиональной подготовки отводят на лекционные курсы значительную часть учебного времени, рассматривая их как организационную и методологическую основу для всех прочих форм учебных занятий, в том числе самостоятельных [12].

Если мы обратимся к учебным планам подготовки аспирантов, то увидим, что в системе послевузовского образования, где акцент существенно смещается в сторону самостоятельной исследовательской работы, аспирантам также предлагается прослушать целый ряд лекционных курсов. До половины учебной (аудиторной) нагрузки аспиранта в структуре основной профессиональной образовательной программы приходится на лекции по общенаучным (история и философия науки), а также специальным профильным дисциплинам [8].

Поскольку стандарты профессионального послевузовского образования едины для российских и иностранных аспирантов, аспиранты-иностранцы, которые готовятся к кандидатским экзаменам, слушают лекции по философии и по специальности в общем потоке с российскими аспирантами.

Академические лекции, какую бы форму они ни принимали в рамках современных технологий обучения (лекция-визуализация, лекция-беседа, лекция-дискуссия и др. [12]), несут, как правило, отсутствующую в учебной литературе информацию фундаментального, методологического характера о новых фактах, идеях, знаниях. Восприятие на слух материала таких лекций с одновременным его точным и полным пониманием (аудирование) — достаточно сложный вид учебной деятельности. Он, несомненно, становится еще более сложным, когда речь идет о восприятии лекций на иностранном языке.

Оставляя в стороне предметную составляющую профессиональной подготовки, хотя именно она и влияет на глубину понимания, зададимся вопросом о том, в какой мере занятия иностранным языком (в данном случае русским языком как иностранным (РКИ)) могут помочь аспирантам-иностранцам справляться с лингвистическими трудностями аудирования лекций на русском языке.

Необходимо отметить, что, приступая к обучению по программам послевузовской подготовки, иностранные учащиеся имеют прочную базу профессиональных научных знаний, позволяющих им продолжить обучение в российской аспирантуре по выбранной специальности. Что же касается языковой подготовки, то у них, как правило, уже

накоплен необходимый лексико-грамматический минимум знаний по «языку специальности», а в области аудирования сформированы не только общие перцептивные навыки восприятия звучащей русской речи, но и специальные умения аудирования устной научной монологической и диалогической речи [7].

Вместе с тем фактический уровень развития этих умений, как отмечают сами учащиеся, не обеспечивает полноценного понимания устной научной речи, содержащей информацию специального характера. В особенности это относится к тем аспирантам, чья языковая и профессиональная подготовка начиналась не в бакалавриате российского вуза, а в магистратуре, и опыт учебно-профессиональной деятельности на русском языке оказался недостаточным для того, чтобы они могли уверенно чувствовать себя в роли слушателей.

Программой языковой подготовки иностранных аспирантов предусмотрена работа над всеми видами речевой деятельности. Но так сложилось, что аудирование никогда не входило в число ее приоритетных направлений, в отличие, например, от чтения и письменной речи, которые являются для этой категории учащихся наиболее востребованными [9, 3].

Научно-исследовательская деятельность аспиранта связана в первую очередь, конечно, с чтением литературы по специальности (научные монографии, статьи, издания справочного характера и др.). Главная проблема, с которой сталкиваются иностранные учащиеся в процессе этой деятельности, — проблема понимания. В одних случаях она вызвана языковой формой высказываний, в других — трудностями выявления логических связей внутри макро- или микроконтекста, либо проблемы возникают на уровне концептуального понимания [3].

Чтение и аудирование профессионально значимой информации — процессы, которые имеют много общего, поскольку направлены на восприятие, смысловую переработку, сохранение и дальнейшее использование наиболее ценных (новых, значимых для реципиента) сведений [5, 201]. Следовательно, можно говорить о том, что цели обучения чтению и аудированию на послевузовском этапе в известной степени

совпадают. Необходимо добиться точности, полноты и глубины понимания развернутых научных сообщений специального характера, предъявляемых как в письменной (указанные выше жанры), так и в устной (лекция, доклад, дискуссия) форме.

Основным материалом для работы на послевузовском этапе в группах среднего и продвинутого уровня является специальный научный текст. Будучи одной из базовых единиц профессиональной научной коммуникации, он служит важнейшим средством обучения иностранных аспирантов как рецептивным (чтение и аудирование), так и продуктивным (говорение и письменная речь) видам речевой деятельности. С опорой на текст ведется работа и над каждым из аспектов языка: анализируются характерные стилеобразующие особенности единиц разных уровней (морфемного, словообразовательного, лексического, синтаксического), которые участвуют в оформлении высказываний, выражающих разные научные смыслы. Выявляются способы, обеспечивающие связность развернутого высказывания, характерные признаки, указывающие на его принадлежность к тому или иному функционально-семантическому типу, и многое другое [9; 10; 5]. Цель подобной работы заключается в том, чтобы упорядочить уже имеющиеся у аспирантов знания, довести до уровня автоматизма некоторые операции по языковой (содержательной) расшифровке текста, облегчив и ускорив тем самым смысловое восприятие содержащейся в тексте информации. По этой же причине на занятиях последовательно отрабатываются умения, связанные с грамматическим членением текста и его смысловой интерпретацией. Отметим наиболее важные среди них:

(а) находить предикативное ядро предложения, определять общее значение сложного предложения и устанавливать виды связи между предикативными единицами в его составе; производить трансформационные замены способов выражения типовых значений, упрощая структурные схемы предложений;

(б) выявлять устойчивые сочетания слов, составляющих пласт так называемой общенаучной лексики, либо терминологическую, предметную, базу; прогнозировать следующие за ними элементы в составе целого предложения;

(в) определять информационный центр высказывания, роль данного высказывания в сверхфразовом единстве;

(г) тематически членить текст, определяя тему каждой из его единиц; выделять микротемы и устанавливать иерархию микротем;

(д) выявлять избыточную и повторяющуюся информацию; устанавливать сходство и различие информации при разных способах ее выражения;

(е) выявлять объективно новую и новую только для аспиранта информацию, определять степень субъективизации авторского изложения научной информации;

(ж) выявлять существенные для научного текста смысловые части (постановка проблемы, гипотеза, ход рассуждений, система доказательств, ссылка на источники, обобщение, вывод) [1; 8; 9; 10].

Анализ специального научного текста, предпринимаемый на занятиях по РКИ, «не является самоцелью, он служит инструментом для целевого извлечения информации и передачи ее в виде конспекта, тезисов, реферата» [10, 14]. Навыки структурно-смыслового анализа формируют оптимальную стратегию работы с письменным научным текстом, обеспечивая иностранным учащимся понимание языковой, предметной и концептуальной информации. Они составляют необходимый компонент и такого сложного умения, как аудирование научной монологической речи.

Процесс восприятия на слух устной научной монологической речи представляет собой «многоуровневую и многоканальную систему», которую составляют сложно взаимодействующие друг с другом речевые механизмы (оперативной памяти, эквивалентных замен, вероятностного прогнозирования, смысловой догадки и др.), направленные на переработку и осмысление воспринимаемой информации [3; 4]. При аудировании развернутых монологических сообщений, например, лекции, в действие вступают не только механизмы, обеспечивающие процесс понимания, но и запоминания, которое сопровождается смысловой группировкой воспринимаемой информации, предполагающей разного рода компрессию (сжатие, свертывание), систематизацию, обобщение [3; 4, 65]. Лишь при достаточном уровне сформированности базовых

языковых (лингвистических) и психолингвистических механизмов речевой деятельности внимание учащихся будет направлено на смысловое содержание материала лекции.

Что касается глубины смыслового понимания материала лекции, то она зависит от самых разных факторов: хорошего знания иностранными аспирантами специальной терминологии, наличия прочной базы профессиональных научных знаний, индивидуальной логики мышления, уровня мотивации, устойчивости внимания и др. [3; 4; 5]. Соответственно, и трудности, возникающие в процессе понимания, могут быть связаны с любым из этих факторов.

Говоря о трудностях аудирования лекций иностранными учащимися, нельзя не затронуть лингводидактический аспект этой проблемы. Как уже было отмечено выше, на послевузовском этапе обучения опора на специальный научный текст — главное условие развития наиболее актуальных для иностранных аспирантов речевых умений, а следовательно, и участия в различных сферах профессиональной коммуникации на русском языке. Интенсивное самостоятельное чтение в рамках заданного корпуса специальных научных текстов, несомненно, ускоряет в дальнейшем процесс понимания тематически однородной информации, излагаемой в устной форме. Вопрос заключается в том, насколько оправданным является использование в качестве опоры и средства обучения аудированию академических лекций только письменных форм научной речи.

Академическая лекция — это жанр устной речи. Лекторскую речь принято относить к устной разновидности монологической научной речи. Это подготовленная, логически выстроенная речь, которая имеет все признаки научного текста: информативность, связность, делимость, что позволяет выделить в ней основные структурно-смысловые компоненты научного текста [2; 14]. С письменными формами научной речи ее объединяет не только четкая композиционная организация и подчеркнутая логичность изложения, но и выбор соответствующих языковых средств. В то же время устная форма реализации лекции не может не сближать ее с другими стилями речи. Некоторые исследователи [13] даже утверждают, что лекторская речь

занимает промежуточное положение между письменной формой научной речи и разговорной речью.

Цель академической лекции, независимо от ее типа (вводная, обзорная, обобщающая, тематическая), — добиться как можно более точного понимания, в связи с чем в лекторской речи часто появляются особые, несвойственные письменной речи, средства выражения, принадлежащие к разным стилям и уровням языка. И это может представлять некоторые трудности при аудировании лекций иностранцами. В работах, посвященных описанию устной научной речи, в том числе в целях обучения иностранных учащихся [2; 11; 6], акцент делается на синтаксических характеристиках устной формы научного стиля, развертывающейся все-таки в соответствии с законами построения устной монологической речи. Особое внимание уделяется интонации и такой специфической особенности устной речи, как акцентное выделение отдельных языковых единиц. Эти знания очень важны для иностранных учащихся, поскольку помогают им выявить в звучащем тексте дополнительные смысловые опоры, понять особую коммуникативную установку говорящего [11].

Академическая лекция — это не просто устная реализация письменной формы научной речи, а особый вид устной научной речи, который требует специальной подготовки иностранных учащихся к ее восприятию и адекватному пониманию. Работа над сложным умением понимать звучащую речь должна сопровождаться предъявлением образцов такой речи. Те виды работы, к которым вынуждены прибегать преподаватели (излагать (зачитывать) фрагменты специальных текстов, предваряя выполнение некоторых заданий, направленных на развитие аудитивных умений), ничего общего с ситуацией естественного профессионального аудирования, конечно, не имеют. Очевидно, что корпус специальных научных текстов, используемых на занятиях с иностранными аспирантами русским языком, целесообразно пополнить аудиоматериалами, желательно аутентичного характера. Большие возможности тут предоставляет русскоязычная зона Интернета, открывающая доступ к огромному количеству ресурсов. Так, например, положить начало небольшой аудиотекстотеке могли бы выложенные на сайтах

академических научных институтов аудио файлы лекций ведущих сотрудников этих институтов (разумеется, при условии высокого качества звучания). Это, бесспорно, приблизит процесс обучения к реальным условиям аудирования профессиональной научной речи, хотя значительно и усложнит задачи преподавателя по отбору и дальнейшей методической обработке аудиоматериалов.

Литература

1. Государтвенный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному (проект). Второй уровень владения русским языком в учебно-профессиональной сфере. М.: РУДН, 2003.

2. Лаптева О.А., Скорикова Т.П., Краевская Н.М., Акишина Т.Е., Гейченко Е.И. Обучение устной научной речи: теория и практика. Учебно-методическое пособие. М.: Билингва, 2000.

3. Лебединский С.И. Восприятие устной научной речи: стратегии понимания смысловой информации на уровне микро- и макротекстов. Минск: БГУ, 2009.

4. Методика. Зарубежному преподавателю русского языка / под ред. А.А. Леонтьева, Т.А. Королевой. М.: Русский язык, 1982.

5. Методика преподавания русского языка как иностранного / под ред. О.Д. Митрофановой, В.Г.Костомарова. М.: Русский язык, 1990.

6. Мухина Т.Г. Устная научная речь в иноязычной аудитории // Преподавание русского языка студентам и специалистам нефилологического профиля / под ред. А.А.Амельчонок, О.А. Лаптевой. М.: Русский язык, 1978.

7. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 октября 2009 года № 463 «Об утверждении федеральных государственных требований по русскому языку как иностранному».

8. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 16 марта 2011 года № 1365 «Об утверждении федеральных государственных требований к

структуре основной профессиональной образовательной программы послевузовского профессионального образования (аспирантура)».

9. Программа по русскому языку для иностранных аспирантов, обучающихся в вузах СССР естественнонаучного и технического профиля. М.: Русский язык, 1988.

10. Рабочий план по русскому языку для занятий с аспирантами-иностранцами в III и IV семестрах. Составители: Крючкова М.Л., Пучкова Л.И. М.: КИЯ РАН, 1995.

11. Скорикова Т.П. Семантика и функционирование русских акцентно маркированных наречий в устном научном тексте // Научный и общественно-политический текст. Лингвистические и лингводидактические аспекты изучения. М.: Наука, 1991.

12. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.: Академия, 2005.

13. Соболева Н.И. Трудности аудирования лекторской речи // Преподавание русского языка студентам и специалистам нефилологического профиля / под ред. А.А. Амельчонок, О.А. Лаптевой. М.: Русский язык, 1978.

14. Современная русская устная научная речь / под ред. О.А. Лаптевой. Том 1. Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск, 1985. Том 2. Синтаксические особенности. М., 1994. Том 3. Текстовые, лексические и словообразовательные особенности. М.,1995.

Н.В. Мощинская (Институт языкознания РАН)

N.V. Moŝinskaâ (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Дидактические компоненты формирования вторичной языковой личности

Didactic Component in Developing Newly Acquired Secondary Speech Skills

Аннотация

В статье рассматривается модель вторичной языковой личности на основе понятия языковой личности. Названы компоненты учебного пособия «Русская культура: диалог со временем», необходимые для приобщения иностранных учащихся к русской культуре.

The paper deals with a possible model of non-primary language-competent individual using the ideal of a language-competent individual as its basis. In the focus are parts of the “Russian Culture: a Dialogue with Time” text-book aimed at acquainting a foreign student with various aspects of Russian culture.

Ключевые слова

вторичная языковая личность, системность, концентричность, комплексность, линвокультурологическая направленность, наглядность, сопоставление культур

non-primary, language-competent individual, approaches used: systematic, concentric, complex Cultural, use of visual techniques, comparison of cultures

Современный подход к преподаванию русского языка как иностранного исходит из концепции «вторичной языковой личности» и основывается на понятии «языковой личности» [1], введённом В.В. Виноградовым и разработанном Ю.Н. Карауловым.

---

[1] Языковая личность — «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [3, 3].

С точки зрения исследователей, структура языковой личности включает в себя три уровня:

— вербально-семантический, предполагающий обыденное владение языковыми единицами;

— когнитивный, отражающий понятия, идеи, концепты, иерархию ценностей, складывающиеся в «картину мира»;

— прагматический, показывающий цели, интересы, мотивацию передаваемого текста [3, 5].

Концепция «вторичной языковой личности» [2] уточняет понятие «языковой личности» применительно к инофонам.

Языковая личность бытует в зоне культуры, отражённой в языке. При изучении «чужого» языка происходит приобщение к «чужой» лингвокультурной общности, к культуре народа, язык которого изучается. Появляющаяся у человека способность к иноязычному адекватному общению на межкультурном уровне создает предпосылки для формирования у инофона вторичной языковой личности. Этот процесс связан не только с освоением новой языковой системы, но и с формированием в сознании инофона картины мира, присущей носителю родного языка.

Учащийся только тогда освоит чужой язык, когда научится не только декодировать получаемую информацию, исходя из изученной языковой системы, но и воспримет текст, созданный отправителем на основе национальных образов и представлений, и найдёт ему соответствующее место в своей картине мира. При этом он должен понимать, в чём различия между культурами, может опознавать их, сознавая особенности иной системы ценностей.

Только в этом случае можно говорить об адекватной межкультурной коммуникации, о вторичной языковой личности, подготовленной к эффективному межкультурному общению.

---

[2] «Вторичная языковая личность» — личность, приобщённая к культуре народа, язык которого изучается [1, 56].

Для того чтобы научить носителя одной картины мира понимать носителя другой языковой картины мира, необходимо не только донести до него особенности системы чужого языка, но и помочь ему овладеть большим объемом фоновой информации, необходимой для взаимопонимания на межкультурном уровне.

Важным компонентом формирования «вторичной языковой личности» является отбор и организация учебного материала. Одна из моделей обучения русскому языку как иностранному предложена в учебном пособии «Русская культура: диалог со временем» [4].

В основу пособия были положены определенные дидактические компоненты. Назовем некоторые из них.

— Системность, концентричность, комплексность.

Для управления процессом формирования «вторичной языковой личности» пособие построено на принципах системности, концентричности, комплексности. О них заявлено в «Методических рекомендациях (для преподавателя, для учащихся)», с которых начинается книга.

Системность заключается в чётком разделении всего материала по разделам, связанным с различными этапами формирования русской национальной личности: «Духовные искания в Древней и Средневековой Руси», «XVIII век — переломный этап в развитии русской культуры», «Русская классическая культура», «Культура пореформенной Руси», «Серебряный век русской культуры», «Культурные явления Советской России». Особое место занимает раздел «Отражение самобытности русского характера в русской культуре».

Концентрическое расположение материала вокруг темы раздела предоставляет возможность соотнести языковой и текстовой материал с целями обучения.

Каждый раздел открывается названием общей темы, указываются темы текстов, включённых в раздел. Всего в книге 68 текстов, составленных авторами пособия в соответствии с принципами культурологической ценности и репрезентативности. Раздел

начинается с общего текста, его дополняют, расширяют другие тексты, которые предлагаются для чтения и обсуждения. Учащемуся предоставляется возможность выбрать для чтения и обсуждения текст по интересующей его проблеме. Тексты множественного выбора отличаются не только тематически, но и разной степенью структурно-языковой сложности, что позволяет инофону самому определять свой уровень сформированности вторичной языковой личности.

По определенной системе, повторяющейся из раздела в раздел, строятся задания на русском и английском языках, нацеливающие инофона на восприятие и извлечение информации и интерпретацию её, осмысление единиц текста. Для вербально-семантического уровня языковой личности иностранного учащегося важно знание языка, на котором составлен текст, семантико-синтаксические, грамматико-парадигматические, ассоциативные отношения между словами. Исходя из этого, авторы построили систему заданий, предназначенную для анализа встречающихся в тексте единиц языка с точки зрения их значения и употребления, а также для овладения лингвокультурологическими речевыми единицами. В эту систему вписываются аудиозадания и аудиодиктанты.

Комплексность пособия создаёт условия для развития различных коммуникативных умений, освоения всех видов речевой деятельности: чтения, аудирования, говорения, письма.

— Линвокультурологическая направленность.

В работе «Русский язык и языковая личность» Ю. Н. Караулов подчёркивал связь языковой личности с национальным характером, национальным менталитетом, трактуя языковую личность как «глубоко национальный феномен» [2, 48].

Раскрыть национально-культурные особенности русского человека на разных этапах развития российского общества, дать представление о важных явлениях русской культуры, о «русском ментальном пространстве», помочь инофону понять особенности русского самосознания в контексте художественной культуры стремится пособие «Русская культура: диалог со временем». Рамки учебного пособия существенно ограничивают материал и не позволяют дать исчерпывающую информацию о тех или

иных событиях, фактах, личностях. Тексты на русском и английском языках знакомят иностранных учащихся с основными фактами русской культуры, со значительными личностями, оставившими глубокий след в культурном развитии России.

Необходимость в подобного рода пособии связана с тем, что у иностранных учащихся картина мира России сформирована слабо, представления о России и россиянах часто бывают искажены. Это может привести к нарушению коммуникации, непониманию ситуаций и негативным оценкам российских реалий. Недостаточность представлений о русской культуре у инофонов, а также иногда тенденциозное отношение к России свидетельствуют о том, что нужны пособия, где более глубоко будет представлена картина мира носителей русского языка, образ жизни жителей России, национальный характер и менталитет. Именно неосведомлённость о национальных особенностях может затруднить процесс межкультурного общения.

Познание чужой картины мира связано с освоением концептов другой культуры. Понятия, идеи, концепты являются единицами когнитивного уровня языковой личности. Принимая это во внимание, авторы пособия ориентировались на культурологические концепты: *общинность*, *воля*, *свобода*, *честь*, *дом*, *труд*, *богатство*, *бедность*, *власть*, *любовь*, *семья*, *счастье*, *страдание*, *красота*, *страх*, *насилие*. Изучение их способствует развитию у учащихся понимания современной российской культуры и ментальности.

Чтобы сформировать в языковом сознании учащегося когнитивно-культурное пространство, необходимое для формирования «вторичной языковой личности», вводятся и объясняются национально зафиксированные символы, образы, представления (например, *хлеб-соль*, *царь-батюшка*, *боярин*, *купец*, *красный угол*, *кулич*, *бородинский хлеб* и др.). На усвоение национально-культурной маркированности языковых средств текстов нацелены задания, работа по конструкциям, словари-справочники, тесты.

Поскольку национально-культурные единицы являются и знаками реалий и единицами языка, их культурная семантика, сформированная на основе взаимодействия языка и культуры, выявляется через словообразовательное гнездо, сочетаемость, с помощью перевода на английский язык, через объяснение в самом тексте. Так, концепт

честь раскрывается в процессе работы с текстами «Дворяне и дворянская честь», «Казацкая вольница», «Купечество»; *воля-свобода* — «Нравственные основы русской общины», «Жить по правде, а не по лжи»; *власть* — «Как формировалось русское самосознание», «Революция сверху», «Анекдоты и власть».

— Антропологически ориентированный подход к изучаемому материалу.

Согласно современной ориентации системы обучения РКИ на личность иностранца как субъекта этой системы, авторы пособия ориентировались на интересы и потребности инофона, на раскрытие его личностных возможностей. Личностный компонент входит в содержание языковой личности.

В соответствии с личными потребностями и коммуникативно-познавательными интересами иностранных учащихся темы предлагались самими учащимися, а затем по рекомендованным инофонами темам авторами пособия составлялись тексты. По мнению психологов и методистов, удовлетворение образовательных запросов повышает мотивацию обучения, выступает в качестве универсального механизма формирования личности. Развитие и активизация личностных интересов инофона, его знаний и опыта — необходимое условие учебного процесса. Приступая к работе по пособию, необходимо учитывать, что каждый учащийся имеет свой собственный опыт, своё собственное представление о жизни в России.

Тексты составлялись таким образом, чтобы они не только несли информацию, но и затрагивали чувства и эмоции: вызывали интерес, любопытство, удивление, желание дискутировать. Названия некоторых текстов содержат вопрос, побуждающий к антиципации смыслового содержания текста («Сибирь — колонизация или поиски лучшей жизни?», «Что русского в древнерусском искусстве?», «Дом человека — модель космоса?», «Молчат ли музы во время войны?»).

Рассматривая систему заданий, следует выделить те, которые стимулируют проявление собственной активности инофона, рассчитаны на его реакцию. К ним относятся, например, такие: «Напишите, как вы думаете, в чём похожи русские на

представителей вашей культуры и чем не похожи?»; «Узнайте у своего коллеги и сформулируйте его точку зрения на следующий вопрос. Не кажется ли странным, что граф Николай Петрович Шереметев не только полюбил свою крепостную, но и женился на ней? С вашей точки зрения, любовь сильнее сословных отношений? Как в вашей стране относятся к таким бракам?»; «Согласны ли вы с тем, что сила, власть, рациональность присущи в большей степени мужчинам, а чувствительность, сострадание, нежность — женщинам? Обоснуйте свою точку зрения, сравните её с тем, что говорится об этом в тексте»; «Объясните, чем для русских является дом. Используйте материалы текста, а также слова и словосочетания, переведённые на английский язык. Достаточно ли для вас этих слов, чтобы рассказать о том, чем служит дом для вас?».

Дидактически успешными являются задания сопоставительной направленности, предполагающие обсуждение определённых тем в следующих ситуациях:

— иностранец — носитель языка (например, *Поговорите с русскими друзьями и узнайте*: 1. *Какие черты характера они считают типичными для русских?* 2. *Что им нравится в национальном характере и что не нравится?* 3. *Какие события культурной жизни своей страны они считают важными?*). Учащийся выбирает одну из тем, обсуждает её с носителем языка и передаёт содержание беседы в устной или письменной форме.

— иностранец — иностранец с пересказом беседы на русском языке (например, *Обсудите следующие вопросы и расскажите, что вы узнали*: 1. *Какие черты русских людей можно назвать типичными?* 2. *Какие черты русских людей вам нравятся, какие вы можете принять, какие, с вашей точки зрения, являются отрицательными?* 3. *Вступали ли вы в конфликты с русскими и чем, по-вашему, эти конфликты были вызваны?*).

Эти задания служат индивидуализации личности, развивают речемыслительную активность.

Обмен мнениями по задаваемым в каждой части вопросам может превратиться в дискуссию, в процессе которой высказываются разные точки зрения в рамках одной темы. Реализовать речевые задачи (сформулировать свою позицию по данному вопросу, выделить главное в высказывании, ввести в своё высказывание цитату, реагировать на услышанное, задать уточняющий вопрос, переспросить, согласиться или не согласиться с высказыванием) помогают материалы таблицы, приводимые в пособии («Конструкции, используемые при пересказе и обсуждении текстов»). В определённых случаях инофону требуется выйти в Интернет, чтобы найти дополнительную информацию для подтверждения или опровержения. Важно было, чтобы иностранные учащиеся в процессе работы отказывались от стереотипов, сопереживали поступкам представителей чужой культуры, научились эмпатии.

Опираясь на дидактическое положение о том, что обучение — это когнитивный, творческий процесс, авторы не ограничились выдвижением одной точки зрения на культурно-исторические явления. Существенную роль в формировании картины мира у инофона играют используемые аутентичные англоязычные тексты, написанные представителями иной системы общественных представлений — английскими и американскими историками и культурологами. В этих текстах высказываются несколько иные взгляды, суждения на историю и культуру России. Сопоставление точек зрения представителей разных культур помогает расширить информацию, содержащуюся в русскоязычных текстах, активизирует дискуссию, выводит её на более глубокий уровень. Иностранный учащийся, выбирая из англоязычных текстов заинтересовавшие его сведения и структурируя их, соотносит их с информацией, полученной из русскоязычных источников, критически осмысливает её, параллелизирует разные подходы, анализирует, обобщает.

Англоязычные тексты сопровождаются самостоятельно выполняемыми заданиями и упражнениями и не предполагают перевода как такового. Инофон должен определить тему текста, выделить ключевые слова и словосочетания, сравнить их с

ключевыми словами и словосочетаниями в русском тексте на аналогичную тему, передать по-русски основное содержание, изложить точку зрения, высказанную в тексте, объяснить, как он её понимает, выяснить путём вопросов к коллегам по группе их отношение к высказанной в тексте проблеме. Так у иностранного учащегося формируется индивидуально-когнитивное пространство.

— Сопоставление культур.

Пособие построено в соответствии с определением вторичной языковой личности как личности, способной понять культуру народа изучаемого языка через сопоставление со своей культурой [5]. Постижение языка как «дома бытования народа» [6,17], возможность ощущать себя в пространстве двух различных социокультурных общностей несёт в себе большой потенциал развития личности, воспитывает толерантность, даёт возможность познать через «чужую» культуру особенности «своей», лучше осознавать самого себя.

Воспринимать иностранную культуру «означает не просто запомнить и воспроизвести какие-то сведения по необходимости. Знать культуру — значит иметь опыт: а) восприятия фактов культуры, б) осознания их места в культуре, в) сопоставления с фактами родной культуры, г) анализа их ценности, д) включения их в систему своих знаний, е) действования соответственно новым знаниям» [7, 61].

В послетекстовых заданиях, а также при обсуждении вопросов, предложенных в конце каждой части пособия, иностранный учащийся, сравнивая элементы культур, находит общие и различные компоненты культур-коммуникантов. Он начинает лучше понимать, как соотносятся национальные ценности, традиции, обычаи, социальные символы различных народов. Завершающее каждую часть задание выводит учащегося в свободное высказывание по аналогии с изученными темами.

Среди предлагаемых для обсуждения вопросов можно назвать следующие:

— *Как «переломные периоды» русской истории повлияли на русскую культуру, русский характер? Были ли такие периоды в вашей истории?*

— Каково отношение к труду у русских и у представителей вашего народа? Как формировалось это отношение?

— Как относились русские к богатству и бедности? Как относятся к этому в вашей культуре?

— Что для русских важнее: чувство или разум? Как это проявляется в культуре? А в вашей культуре что важнее?

— Как считается в вашей культуре, кто творит историю: мужчина или женщина. Приведите примеры из своей и русской истории.

— Бывали ли вы в Москве и Петербурге? Чем, с вашей точки зрения, различаются эти города? А в вашей стране всегда была одна столица? Что отличает её от других городов?

— Как относились деятели русской культуры к простому народу? Как складываются отношения между деятелями культуры и народом в вашей стране?

— Согласны ли вы с тем, что, по словам Солженицына, «истина, доброта, красота» могут уберечь человечество от духовной катастрофы? Был ли в вашей стране деятель культуры, который призывал «жить по правде»?

Для сопоставления фактов культуры используются списки культурных памятников каждого исторического периода, а также сравнительно-сопоставительные «Таблицы основных явлений культурной жизни», выстроенные в хронологической последовательности. В левой части таблицы представлены графы, соответствующие историческим и культурным событиям России, годам жизни выдающихся деятелей культуры. Правую часть таблицы предлагается заполнить учащемуся-инофону, указав важные события культурной жизни, которые происходили в это время в его стране. По мере изучения материалов правая часть таблицы постепенно заполняется учащимся.

Работа со сравнительно-сопоставительными таблицами является эффективным методом интенсификации личностного развития. Она структурирует изучаемый материал, раздвигает его границы, способствуют формированию общей картины мира.

— Наглядность.

Для успешного усвоения языкового и экстралингвистического материала в пособии используется обширный визуальный материал (свыше 650 единиц — карты, репродукции произведений живописи и графики, фотографии и др.). Иллюстрации отражают существенные стороны жизни страны, ориентированы на темы текстов, которые они сопровождают, широко известны российскому коммуниканту вербального общения, доступны для восприятия. Средства зрительной наглядности усиливают психологическую и эмоциональную составляющую процесса обучения, помогают овладеть эстетическим и духовным богатством русской культуры.

Иностранный учащийся включается в систему работы через различного рода задания, получая сведения из информационного поля картин.

— Рассмотрите картины Н.К. Рериха «Заморские гости», «Гонец. Восстал род на род», «Славяне на Днепре», картину И.И.Левитана «Свежий ветер» и скажите, какую функцию выполняли реки? Чем занимались люди, живущие по берегам рек? Можно ли сказать, что реки были «улицами Руси»?

— Как вам кажется, на картинах художников о революционных годах (Дейнека «Оборона Петрограда», Кустодиев «Большевик», Петров-Водкин «Смерть комиссара») события показаны с документальной точностью или дан символический образ времени? Вы чувствуете ритм, динамику движения? Как вы думаете, почему картины кажутся монументальными?

Визуальные средства служат зрительно-смысловой опорой для введения, активизации и закрепления языковых единиц. Наглядная семантизация лингвострановедческой лексики является очень продуктивной.

— Посмотрите на картины русских художников, посвящённые военным битвам. Какие черты русского характера показывают художники на этих картинах? Выберите из ряда прилагательных те, которые можно использовать, описывая мужчин-воинов на картинах:

беззащитный (*defenseless*), *добрый* (*kind*), *доброжелательный (well-wishing*), *терпеливый* (*patient*), *скромный* (*modest*), *храбрый* (*bold*), *смелый* (*courageous*), *справедливый* (*just*), *благородный* (*noble*), *беспощадный* (*relentless*), *покорный* (*submissive*), *сдержанный* (*reserved*), *спокойный* (*calm*), *нежный* (*tender*), *решительный* (*resolute*), *мужественный* (*manly*), *бесстрашный* (*fearless*).

— Рассмотрите картину А.М.Васнецова «Горница древнерусского дома». Горница — это комната верхнего (второго) этажа. Обратите внимание на красивую печь, около которой сидит бабушка, на открытый сундук, где лежит одежда (другие сундуки стоят в другой комнате), на разноцветные окна. Скажите, чем занимается каждый персонаж на картине? Как вы думаете, в этом доме живёт бедная крестьянская семья или богатая боярская?

При работе с наглядными образами большое значение имеют вопросы на сопоставление культур, стимулирующие высказывания. Такого рода задания побуждают иностранного учащегося к высказыванию собственного мнения с обоснованием своей точки зрения.

— Посмотрите на самую древнюю и самую любимую русским народом икону Владимирской Богоматери. Христос-ребёнок с любовью и нежностью обнимает мать. А в глазах Богоматери глубокая печаль и страдание — она знает судьбу своего сына. Вспомните, какие изображения в культуре вашей страны с такой же силой передают любовь и страдание.

— Колорит картины В.М. Максимова «Приход колдуна на свадьбу» тёмный. Светлое пятно — молодая пара под иконами в «красном углу» избы. Вокруг них — родственники и соседи, члены общины, которых пригласили на свадьбу. Не пригласили колдуна — он пришёл сам. Его боятся, потому что он может наколдовать беду и в новой семье не будет счастья. Ему подносят хлеб-соль, чтобы он не рассердился. Как вы думаете, почему вокруг колдуна темно? Приход колдуна на свадьбу — это хорошо или плохо? Какие свадебные традиции существуют в вашей культуре?

Присутствие в одном зрительном поле текста и наглядного образа повышает мотивацию работы инофона, создаёт более содержательное и цельное информационное поле изучаемого материала. Учащийся по-своему воспринимает произведения искусств и на основе их интерпретации, а также анализа прочитанного текста создаёт свой текст, используя лексико-грамматический материал по теме. Например, после текста о деятельности Петра I предлагаются следующие задания:

— *Посмотрите на фотографии памятников Петру I, поставленные в разных городах. Какие особенности личности царя, о которых говорилось в тексте, отражены в скульптурах?*

— *Обратите внимание, как на картине В.А. Серова Пётр I быстро и решительно идёт навстречу ветру. Чем, по вашему мнению, он отличается от других членов группы? Как вы думаете, почему картина имеет ещё одно название «Свежий ветер?». Посмотрите в предтекстовом словаре разные значения прилагательного «свежий». Выберите то, которое употребляется в данном контексте.*

В процессе работы устанавливаются смысловые связи между текстом и зрительным рядом, выстраивается логика высказывания, определяются лексико-грамматические средства, необходимые для создания высказывания в соответствии с поставленными учебными задачами. Учащийся, стимулируемый картиной и текстом, вовлекается в познавательный процесс, учится строить высказывания по типам речи (описание, повествование, рассуждение).

Все названные компоненты помогают моделировать вторичную языковую личность, приобщают инофона к творческой речевой деятельности на русском языке, помогают овладеть большой внеязыковой информацией, необходимой для адекватного общения и взаимопонимания на межкультурном уровне.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб., 1999.

2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

3. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения. // Язык и личность. М., 1989.

4. Мощинская Н.В., Разинкина Н.М. Русская культура: диалог со временем. Учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык (с привлечением материалов на английском языке). М.: Русский язык. Курсы, 2013.

5. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика). М.: Высшая школа, 1989.

6. Санчес Пуиг М., Караулов Ю.Н., Г.А. Черкасова. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. Москва-Мадрид: Азбуковник, 2001.

7. Пассов Е.И, Кибирева Л.В., Колларова Э. Концепция коммуникативного иноязычного образования. СПб.: Златоуст, 2007.

О.В. Наумова (Институт языкознания РАН)

O.V. Naumova (Institute of Linguists, Russian Academy of Sciences)

Технология обучения чтению и переводу научной и технической литературы специалистов неязыковых специальностей

Teaching Technicians to Read and Translate Professional Literature

Аннотация

Статья посвящена основным подходам к обучению переводу научных и технических текстов. В статье рассматриваются подходы к классификации перевода; методика перевода текстов научного стиля; основные требования, которым должен удовлетворять хороший перевод. Особое внимание уделяется общим и специфическим переводческим навыкам и умениям, которые формируются с помощью теоретических, практических и экстралингвистических знаний в процессе речевой деятельности и в процессе выполнения специальных упражнений.

The article deals with the main approaches to translation-teaching with respect to scientific and technical texts, including classifications of translation, methods and practicalities of translating a scientific text, and essential requirements for an adequate translation. Special attention is paid to components of the procedural aspect in teaching translation of scientific texts that enable molding theoretical and applied knowledge, abilities and skills by means of special exercises.

Ключевые слова

иностранные языки, преподавание, перевод, научные тексты, навыки, умения, упражнения

foreign languages, teaching, translation, scientific texts, abilities, skills, exercises

Эпоха научно-технической революции охватывает все стороны существования современного общества. Не может оставаться в стороне и такая сфера общественной

практики, как язык, социальная природа которого в различных и многообразных аспектах ее проявления давно привлекает внимание филологов, а также специалистов по методике обучения овладению иностранным языком. Знание иностранных языков стало насущной потребностью будущих специалистов. При недостаточной сформированности языковой компетенции современному специалисту доступен лишь минимум необходимой информации из переведенных источников. Таким образом, хорошая лингвистическая подготовка, обязательно включающая переводческие умения и навыки, существенно влияет на профессиональную компетентность современного специалиста, так как новая информация актуальна именно в момент своего появления.

Практика показывает, что одним из факторов, обеспечивающих успешность и эффективность профессиональной деятельности современного специалиста, является способность уверенно действовать в современной информационной среде, получать, обрабатывать и передавать профессионально значимую информацию. Следовательно, в процессе обучения особую значимость приобретает курс научно-технического перевода, изучение которого обеспечивает формирование профессиональной компетенции специалиста.

Проблемами обучения научно-техническому переводу занимались многие исследователи (Д.В. Бирюков, А.Л. Пумпянский, Г.М. Стрелковский, А.В. Швейцер и др.). «Перевод научной и технической литературы является особой дисциплиной, возникшей на стыке лингвистики, с одной стороны, и науки и техники — с другой. Поэтому перевод научной и технической литературы надо рассматривать как с языковедческих, так и научных и технических позиций, с приматом первых при исследовании общеязыковых вопросов и вторых — при рассмотрении узкой терминологии» [9, 9].

При исследовании переводческой деятельности (перевод научно-технических текстов) были использованы достижения лингвистики (работы таких ученых, как М.М. Бахтин, А.А. Залевская, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, В.Е. Чернявская, S. Moirand, P. Pecvan, G. Rondeau, M. Pecheux и др.) и переводоведения (И.С. Алексеева, JI.С.

Бархударов, С.А. Бурляй, Ю.В. Ванников, Д.И. Ермолович, В.А. Иовенко, В.Н. Комиссаров, А.Н. Крюков, Л.К. Латышев, Р.К. Миньяр-Белоручев, О.А. Фирсов, И.И. Халеева, Г.В. Чернов, М.Я. Цвиллинг, А.Д. Швейцер, C. Bedart, J. Delisle, C. Durieux, D. Gile и др.). Переводческой деятельности и основам формирования переводческой компетенции посвящено много научных трудов (Е.И. Белякова, М.П. Брандес, В.С. Виноградов, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, Р.К. Миньяр-Белоручев, Г.Э. Мирам, А.Д. Швейцер). Проведены исследования по этимологии и заимствованной лексике (Н.Ф. Алефиренко, Г.Б. Антрушина, В.Д. Аракин, И.В. Арнольд, И.Г. Добродомов, И.В. Зыкова, Л.П. Крысин, О.Н. Трубачев, Э. Хауген, Л.И. Шелепова, В.Е. Щетинкин), по терминологии (Н.В. Васильева, Г.О. Винокур, В.П. Даниленко, Т.Л. Канделаки, Л.А. Климовицкий, В.С. Кулебакин, В.М. Лейчик, Д.С. Лотте, Н.В. Подольская, А.В. Суперанская). В основу разработки системы обучения переводу научно-технических текстов легли результаты исследований по психологии (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, И.А. Зимняя, А.К. Маркова, Н.Ф. Талызина, Д.И. Фельдштейн, P. P. Boulanger и др.), по теории и методике обучения иностранным языкам (И.Л. Бим, Н.Д. Гальскова, М.Г. Евдокимова, Р.К. Миньяр-Белоручев, И.П. Павлова, Т.Ю. Полякова, Е.Н. Соловова, С.К. Фоломкина, Н.В. Языкова и др.), по дидактике перевода (М.П. Брандес, Н.Н. Гавриленко, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, Р.К. Миньяр-Белоручев, Г.Э. Мирам, В.И. Проворотов, А.Л. Семенов, C. Bedart, J. Delisle, C. Durieux, M. Lederer, D. Seleskovich и др.), по разработке и составлению системы упражнений, в том числе в форме тестовых заданий (П.К. Анохин, Г.А. Аронова, Ю.К. Бабанский, Т.М. Балыхина, Т.Г. Галактионова, И.А. Зимняя, И.Я. Лернер, Р.К. Миньяр-Белоручев, Е.П. Паклина, М.Н. Скаткин, А.М. Смолкин, А.В. Хуторской, C. Bedart, C. Durieux, P. Marquet и др.).

Исследуя методику обучения переводу научного текста, можно заметить доминирующий денотативный динамизм передачи информации в специальной сфере деятельности в отличие от коннотативного характера речевого общения в обычных жизненных ситуациях. Современная методика обучения переводу особо подчеркивает необходимость усиления прагматических аспектов переводческой деятельности.

Современность предъявляет все более высокие требования к обучению практическому владению навыками перевода текстов научной направленности, относящихся к различным областям знания. Усиление экономической интеграции стран Европы и всего мира вызывает все большую необходимость в переводах научных текстов, поэтому подготовка будущих специалистов к работе с такими текстами приобретает особую актуальность.

В современной науке имеется целый ряд определений перевода, с различной степенью полноты отражающих разные стороны этого многогранного явления, например: «перевод — это передача информации, содержащейся в данном произведении речи, средствами другого языка» [2, 6], «переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, т.е. значения» [3, 24], «вызванный общественной необходимостью процесс и результат передачи информации (содержания), выраженной в письменном или устном тексте на одном языке, посредством эквивалентного текста на другом языке» [4, 17]. В данной статье под переводом мы понимаем полноценную передачу сообщения на одном языке средствами другого языка.

Поскольку тексты различны по характеру, их перевод должен осуществляться с учетом особенностей конкретного жанра. Если речь идет о научном или научно-техническом тексте, то кроме знания приемов перевода требуется владение областью знаний и терминологией, затронутой в тексте. В научной литературе существуют различные подходы к классификации перевода по формам, видам и жанрам. В зависимости от того, в какой форме речи используются взаимодействующие языки, А.С. Хоменко выделяет следующие виды перевода [12].

Письменно-письменный перевод — письменный перевод письменного текста. В зависимости от характера переводимого материала можно выделить несколько жанров, к числу которых относятся: газетный перевод; официально-деловой перевод; научный перевод; научно-технический перевод; перевод ораторской речи и публицистики; литературно-художественный перевод. Подобная дифференциация жанровых

разновидностей перевода основывается на том, что каждый текст в зависимости от видовой и жанрово-стилевой принадлежности имеет свою ярко выраженную языковую и стилистическую специфику. Она проявляется в повышенной частотности использования в текстах одного жанра определенных структурных компонентов — синтаксических конструкций, грамматических форм, стилистических средств.

Основными стилистическими и языковыми особенностями научных и научно-технических текстов являются высокая частотность употребления терминов, отвлеченно-обобщенный характер изложения, логичность, однозначность и сжатость в передаче информации, номинативный характер научной речи, частое использование пассивных конструкций.

Устно-устный перевод — устный перевод устного текста. В рамках этого вида перевода существуют две разновидности: а) последовательный перевод и б) синхронный перевод.

Письменно-устный перевод — устный перевод письменного текста перевод может осуществляться одновременно с чтением оригинала про себя или же последовательно, после прочтения всего текста в целом или по абзацам. Первую разновидность письменно-устного перевода обычно называют переводом с листа, вторую переводом с подготовкой (с предварительным прочтением и пониманием текста оригинала).

Устно-письменный перевод — письменный перевод устного текста. На практике этот вид перевода встречается достаточно редко. Пожалуй, единственным случаем применения устно-письменного перевода на практике является диктант-перевод — один из наиболее распространенных видов тренировочных упражнений на уроках по изучению иностранного языка в переводческих группах.

Иногда выделяют ***автоматический*** **(*компьютерный*)** ***перевод*** как особый вид перевода, ставший распространенным в последнее время. Однако необходимо помнить, что такой перевод требует большой и тщательной корректировки, поэтому самостоятельным его называть пока рано.

Перевод научно-технической литературы должен отвечать следующим требованиям: эквивалентность, адекватность, информативность, логичность и четкость изложения. У М.Н. Кожиной, например, называются точность, абстрактность, логичность и объективность — это экстралингвистические признаки научного стиля, которые организуют в систему все языковые средства, формирующие данный функциональный стиль [6]. В соответствии с современными методиками обучения переводу научного стиля текстов мы стремимся рассмотреть перевод как двустороннюю деятельность, т.е. представить его как обоюдный процесс взаимодействия текста и переводящей личности.

Рассматривая особенности методики перевода текстов научного стиля, нужно отметить, что основные функциональные черты стиля универсальны, они присущи всем языкам. Под эквивалентностью в теории перевода следует понимать сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе. Эквивалентность предполагает равенство между исходным и конечным текстами при успешном переводе. С точки зрения адекватности перевод рассматривается как процесс. Адекватность означает соответствие перевода как процесса данным коммуникативным условиям (разговорный жаргон, например, не применим в официальной деловой беседе). Такая черта научной литературы, как логичность изложения, в первую очередь, связана с особенностями синтаксиса научного стиля. В синтаксическом строе проявляется доказательность, аргументированность изложения научного стиля. Тщательный отбор лексики способствует четкости, ясности изложения. Используются те лексические единицы, с помощью которых можно однозначно передать необходимую научную информацию. Вариативность лексики в научных текстах довольно ограничена. Для научного стиля характерно стремление к стандарту. Информативными тексты могут быть только при правильном подборе однозначно воспринимаемых лексических средств. Большую роль в создании научных текстов играют общенаучные слова — такие, как, например, *процесс*, *анализ*, *параметр*, *аспект* и т.п. Из текста в текст переходят типовые словосочетания, которые создают клишированность языковых средств, облегчают

восприятие научной информации, способствуют однозначности ее представления. Лексика научного стиля характеризуется следующими свойствами: употребление общекнижного, нейтрального и терминологического пластов; преобладание абстрактных существительных над конкретными; употребление многозначных слов в одном или двух значениях; увеличение доли интернационализмов в терминологии; относительная однородность, замкнутость лексического состава; малоупотребительность слов с разговорной и разговорно-просторечной окраской.

Осмысление понятия научности, на наш взгляд, непосредственно связано с принципами методики перевода научного текста. Так, недооценка его роли в переводческой деятельности может привести к внедрению компонентов псевдонаучного типа, поскольку в этом случае может возникнуть в тексте перевода ненаучный, или ложный, концепт. Поэтому усилия должны быть направлены не на перевод отдельного термина, носителя информации, а на создание потенциально динамического интертекстуального пространства. В этом смысле методику перевода научного текста можно назвать макроцентрической, в отличие от контекстоцентрической в художественном переводе [1].

Нужно отметить, что в основном в научном стиле используются те же лексические, грамматические и стилистические средства создания образности, передачи эмоций и оценки, что и в других стилях. Не менее важным нам кажется наблюдение, что как бы широко ни была реализована эмоциональная функция в рамках научного высказывания, она всегда подчинена основной его цели — служить источником информации, ибо эмоциональная функция лишь помогает автору более убедительно доказать свою точку зрения. Большой вклад в исследование элементов эмоционально-субъективной оценки в английской научной речи внесла Н.М. Разинкина. Она считает, что «... адекватное описание сущности языковых особенностей научной прозы требует изучения их эмоциональных качеств; человеческое мышление есть единство логического и чувственного познания действительности» [11, 24].

Трудность перевода научного текста сопряжена также с необходимостью владения основными понятиями общей теории текста, прежде всего, такими, как связность. Осознание важности понятия связности в методике перевода научного текста позволит избежать многих переводческих неудач, связанных с желанием изменить структуру параграфа, предложения, дробить текст оригинала и т.п.

Нарушения норм перевода получили названия ***буквальный*** и ***вольный*** переводы. Буквальным переводом является недостаточно трансформированный перевод. Так, в частности, при переводе высказываний, которые содержат конструкции, отсутствующие в русском языке. Это приводит к буквализму. Например: *He walked with his eyes down.* Часто переводят это так: *Он шел с глазами, опущенными в землю,* в то время как правильным будет перевод *Он шел, опустив глаза.*

Одна из причин неправильного перевода кроется в неверном выборе значения слова и в незнании грамматики переводимого языка. Широко известен «ляпсусный» перевод предложения *A bare conductor ran on the wall. По стене бегал голый кондуктор*, *в*место *По стене был протянут оголенный провод.*

Следует помнить, что «вольный перевод» основан либо на глубоком знании, либо на глубоком незнании. Приблизительное улавливание общего смысла прочитанного, интуитивная догадка не должны иметь места. Только сознательный лексико-грамматический анализ гарантирует правильный перевод смысла текста и мысли автора [10].

От буквального перевода следует отличать ***дословный перевод***. Он состоит в передаче структуры предложения без изменения конструкции и без существенного изменения порядка слов. Дословный перевод допустим в тех случаях, когда русское предложение может иметь структуру, аналогичную структуре в предложении на иностранном языке, и дословный перевод не приводит к нарушению грамматических и лексических норм русского языка**.** Дословным, или приближающимся к дословному, может оказаться перевод научно-технического или специального текста, изобилующего терминами и близкого по своей структуре к грамматическому строю русского языка.

What is heavy water like? The water studied best is that containing deuterium. It cannot be distinguished from ordinary water by its colour, smell or taste... Что же представляет собой тяжелая вода? Лучше всего изучена вода, молекулы которой содержат дейтерий. По цвету, запаху и вкусу она ничем не отличается от обычной воды...

Вольный перевод выступает антиподом буквального. Если буквальный перевод недостаточно трансформирован, то вольный перевод является излишне трансформированным. Неоправданный отход от подлинника ведет к тому, что переводчик выходит за круг своих обязанностей и выступает в несвойственной ему роли автора. Ярким примером такого превышения своих полномочий было творчество переводчика XIX века И.И. Введенского, о котором К.И. Чуковский в свое время писал: «Если Диккенс говорит "*Она заплакала*", И. Введенский считает своим долгом сказать: "*Слезы показались на прелестных глазках милой малютки*". Встречая у Диккенса слово *приют*, он непременно напишет: "*Приют, где наслаждался я мирным счастьем детских лет*"…» [14]. Сам И. Введенский, обосновывая свою манеру подхода к иноязычному материалу, ссылался на свой настрой, на дух автора, на авторский образ выражения мыслей.

Определяя содержание методики перевода, некоторые исследователи считают, что главное в ней — поиск удачных переводческих преобразований, замена предикатов, перевод словосочетаний и т.д. По нашему убеждению, перевод как языковая деятельность является не простой манипуляцией с текстом оригинала, не заменой одного текста другим, а сложным мыслительным процессом, строящимся на методе рефлексии. На занятиях по иностранному языку, в частности при изучении курса научно-технического перевода, учащийся погружен в деятельность активного реагирования. Его постоянно побуждают к дифференцированным действиям: найти соответствующие эквиваленты, найти синонимы и антонимы, перевести с одного языка на другой. В этом случае значение иностранного языка как предмета значительно возрастает, поскольку при формировании переводческой готовности учащиеся одновременно обучаются стилю научного или технического изложения и на русском языке. Они овладевают стилем,

терминологией, определенными клише не только иностранного, но и родного языка. Все это способствует подготовке специалиста, умеющего грамотно и логично изложить свои мысли как на родном, так и на иностранном языке.

Приступая к обучению переводу научно-технических текстов учащиеся, прежде всего, должны быть ознакомлены с основными особенностями перевода, а именно: при переводе научно-технической литературы следует учитывать, что язык научно-технических текстов является частью общенационального языка, использует его лексику и грамматический строй; тем не менее, ему свойствен определенный стиль, отвечающий целям и задачам содержания научной литературы, а также ряд особенностей как в области терминологии, так и в области грамматики. Для языка научно-технической литературы характерно наличие большого количества терминов, распространённость различных видов сокращений, предпочтение одних синтаксических оборотов другим, особенность перевода ряда грамматических конструкций, а также отсутствие эмоциональной насыщенности образных сравнений, метафор, элементов юмора, иронии и т.д. Основной стилистической чертой научно-технической литературы является краткость изложения материала и четкость формулировок. Одним из главных отличий языка технической литературы от языка художественной литературы является значительная насыщенность текста специальными терминами. По мере расширения границы человеческих знаний растет потребность в новых определениях, понятиях — как в освоенных, так и в новых областях науки и техники, и, соответственно, расширяется словарный состав, причем расширение идет в основном за счет новых терминов. При переводе научно-технических текстов требуется знание новой терминологии и умение точно передать её на русский язык. В этом и заключается одна из главных трудностей.

При переводе имеет место не только контакт двух языков, но и соприкосновение двух культур. Различие культур проявляется, в частности, в различии фоновых знаний. Страноведческие фоновые знания исключительно важны при изучении иностранных языков.

Основные требования, которым должен удовлетворять хороший перевод, сводятся к следующему:

1. Правильное понимание содержание текста на языке оригинала.

2. Полная и точная передача текста оригинала средствами языка перевода.

3. Строгая ясность изложения мысли при максимально сжатой и лаконичной форме, присущей стилю русской научно-технической литературы. При переводе не следует переносить в русский текст специфические особенности иностранного языка. Это особенно важно, поскольку необходимо так сформулировать мысль на родном языке, чтобы это соответствовало современной практике.

4. Перевод должен полностью удовлетворять общепринятым нормам русского литературного языка, это необходимо учитывать при переводе отсутствующих в русском языке и характерных для иностранного языка грамматических конструкций.

Для успешного перевода научно-технической литературы необходимо следующее:

1) иметь определенный запас слов иностранного языка (в том числе специальной терминологии в определенной области знаний);

2) знать грамматику иностранного языка, иначе слова останутся лишь «кирпичами», из которых не удастся ничего построить;

3) знать лексические, грамматические и стилистические правила перевода;

4) уметь пользоваться словарем (прежде чем открывать словарь, определять по формальным признакам, к какой части речи относится незнакомое слово; знать все особенности построения словаря);

5) иметь представление об области знания, к которой относится переводимый текст (а в идеале — хорошо ориентироваться в ней).

Таким образом, чтобы перевод научного текста удовлетворял вышеизложенным требованиям, учащиеся должны овладеть общими и специфическими переводческими навыками и умениями. Таким образом, в содержание обучения переводу научных текстов входят:

— теоретические знания о фонетическом, лексическом и грамматическом строе иностранного языка (знания лексических единиц и грамматических правил, правил словообразования); знания об особенностях перевода научных текстов (знания о видах переводческих трансформаций и соответствий);

— языковые практические знания (знание способов перевода — транслитерации, калькирования, перестановки, замены, добавления, опущения, способов описательного и антонимического перевода);

— экстралингвистические знания (информационный запас, необходимый для перевода специализированного текста), используемые в процессе понимания и переформулирования предложений исходного текста на язык перевода, поскольку при переводе специализированных научных текстов одних переводческих знаний недостаточно.

На основе имеющихся знаний необходимо формировать навыки и умения для осуществления перевода научного текста. Под навыком понимается «операция, достигшая в результате своего выполнения уровня автоматизма; это автоматизированный компонент сознательно выполняемой деятельности» [16, 128]. В аспекте исследуемой нами проблемы мы понимаем под навыком перевода научного текста операцию, достигшую в результате многократного выполнения уровня автоматизма.

К навыкам перевода научных текстов относятся навыки перевода лексических единиц (лексический навык) и грамматических явлений (грамматический навык), а также «речевой навык переключения» с одного языка на другой.

В связи с проблемой определения межъязыковых соответствий в предметной сфере мы считаем целесообразным рассматривать в рамках лексического навыка иноязычный языковой терминологический навык и речевой терминологический навык [13], поскольку владение терминами является наиболее значимым в процессе перевода специализированного научного текста.

Языковой терминологический навык — это навык распознавания и распредмечивания узкоспециальных и общенаучных терминов с опорой на

экстралингвистические знания. При обучении переводу научного теста следует проводить сопоставительный анализ терминологии русского и иностранного языков на уровне отдельных слов и словосочетаний.

Речевой терминологический навык — это навык понимания и употребления терминов данной предметной сферы. При его формировании основное внимание уделяется изучению функционирования терминов в аутентичных текстах и становлению автоматизма расшифровки и употребления терминов в процессе перевода.

В переводе научного текста с иностранного языка на русский большую роль играют грамматические навыки, к которым относятся:

1) дискурсивно-аналитический языковой навык дешифровки формальных признаков грамматических явлений в тексте (понимание языковой информации с помощью аналитических действий) [15];

2) рецептивно-пассивный речевой навык (навык узнавания языкового материала по внешнему виду на основе зрительной памяти). В основе пользования этим видом навыков лежат автоматизированные процессы узнавания языковых явлений и понимания (на основе контекста и припоминания) их значения.

«Речевой навык переключения» с одного языка на другой — это автоматизированные операции по переходу с одного языка на другой для перевода единиц речи. Мы разделяем точку зрения Р.К. Миньяр-Белоручева, который под навыком переключения понимает образование таких связей между иностранным словом или выражением и его эквивалентом в родном языке, при которых вербальная реакция на воздействие иностранного слова состоит в непосредственном возникновении его эквивалента на родном языке и проявляется автоматизированно, без видимых усилий [8, 43]. Основываясь на данных психологии, можно сказать, что при переключении речевого действия человека с системы родного языка на систему иностранного языка сопоставление двух языков не затрудняет обучение переводу. Более того, иногда такое сопоставление является фактором, способствующим формированию иноязычных навыков и развитию умений.

Таким образом, рациональное использование приемов сопоставления и перевода вызывает значительную активность высшей нервной деятельности, что, в свою очередь, благоприятно сказывается на процессе обучения.

Одним из важнейших свойств навыка является устойчивость и стабильность в выполнении операций (в данном случае — переводческих), и прочность нервных связей является признаком сформированности грамматических и лексических стереотипов. Навыки являются автоматизированными компонентами умений, которые мы вслед за И. А. Зимней называем способностью «выражать мысли посредством языка, основываясь на знании программы действия, языковых средств и способов формирования и формулирования мысли, на навыках их использования и их свободном комбинировании» [5, 311].

В процессе перевода научных текстов формируются две группы умений. В первую группу мы относим умения анализировать текст. Данные умения обеспечивают полноту понимания и нахождение инварианта научного текста. К ним относятся умения:

— выделять в тексте отдельные его элементы: основную мысль, ключевые слова, отдельные существенные факты;

— извлекать основную информацию из текста;

— обобщать отдельные факты;

— соотносить отдельные части текста друг с другом;

— выстраивать факты в хронологической или иной последовательности;

— группировать факты по какому-либо признаку;

— подразделять информацию на «новую» и «знакомую»;

— определять предложения, несущие наиболее важную смысловую информацию.

Вторую группу умений составляют умения передавать информацию в форме реферативного и полного письменного перевода. В эту группу входят умения:

— обращаться со справочной литературой в процессе письменного перевода;

— осуществлять необходимые лексические (перестановка, замена, добавление, опущение и др.) и грамматические (переводческие) трансформации (перестановка членов

предложения, синтаксическая замена, замена формы слова и др.) средствами языка перевода;

— находить верные вербальные эквиваленты в языке перевода согласно контексту.

Обучая переводу, следует помнить, что для грамотного перевода необходимы не только языковые и речевые навыки и умения во всех видах речевой деятельности, но и языковая и речевая (коммуникативная) компетенция. Перевод является видом коммуникативной деятельности, при которой учащийся выполняет важную социальную функцию посредника между двумя разноязычными и разнокультурными сообществами. Однако для выполнения этой функции важно обладать определенными знаниями, умениями и навыками, а также необходимой переводческой компетенцией, которая формируется в процессе обучения иностранному языку. Разделяя мнение В.Н. Комиссарова о многокомпонентном составе переводческой компетенции, укажем основные составляющие профессионально ориентированной переводческой компетенции: лингвистическая компетенция в рецептивном и продуктивном планах в родном и иностранном языках; текстообразующая компетенция (т.е. знание соотношения правил порождения текстов на родном и иностранных языках, умение строить адекватные оригиналу тексты разного функционального стиля, жанра и типа); коммуникативная компетенция, предполагающая умение максимально полно передавать смысл текста с иностранного языка на родной язык учащегося; технологическая компетенция (специфические знания, владение основными переводческими стратегиями и приемами); специальная компетенция (знание предмета; владение понятийно-терминологическим аппаратом данной предметной области); компенсаторные умения, т. е. умения пользоваться словарями, справочниками, базами данных и другими источниками дополнительной информации [7].

Обучение переводу предполагает одновременное, параллельное формирование речевых навыков и развитие умений в основных видах речевой деятельности и формирование собственно переводческих компетенций в основных его видах. Кроме

того, обучение письменному переводу целесообразно совмещать с обучением информативному чтению и письму, а обучение устному переводу — с обучением говорению и аудированию. При этом можно сказать, что преподавание языка и перевода приобретает более рациональный характер, если оно реализуется на корреляционной основе.

Таким образом, вышеперечисленные знания, навыки и умения составляют процессуальный аспект содержания обучения переводу научных текстов, и от уровня их сформированности зависит эффективность осуществления этого вида перевода.

Формирование необходимых навыков и умений происходит в процессе выполнения специальных упражнений, состоящих как из упражнений на формирование переводческих умений, так и заданий по практическому выполнению перевода определенного объема в указанный отрезок времени. При создании системы упражнений целесообразно также учитывать и то, что переводческие трудности в упражнениях должны нарастать постепенно и по определенной системе, обусловленной требованиями постепенности и главной задачей данной ступени обучения и уровнем знаний учащихся [15].

Подготовительные упражнения имеют целью создать условия для успешного осуществления переводческого процесса, создать необходимую коммуникативную установку, проверить наличие у студентов языковых и фоновых знаний, показать им решение типовых переводческих задач [10].

Среди подготовительных упражнений целесообразно выделить упражнения на формирование общеучебных и собственно языковых умений. Примером подготовительного упражнения, формирующего собственно языковые умения, является упражнение на перефразирование с последующим переводом. Поскольку языку и стилю научной и технической литературы присущ формально-логический стиль, необходимо, начиная с первых уроков, обучать ему студентов, прививать им логический, почти математический, строгий анализ языковых закономерностей, делать упор на те явления,

которые специфичны для научных и технических текстов и являются причиной стандартных ошибок при переводе.

Этапами работы над лексикой при выполнении письменного перевода являются:

— уяснение значений слов и словосочетаний;

— собственно перевод;

— анализ перевода, проверка [10].

Описывая виды упражнений, направленных на формирование умений и навыков письменного перевода научно-технической литературы, Э.А. Штульман использовал следующие подготовительные упражнения:

— лексические упражнения на тематическую лексику, включающие в себя термины, названия; подбор эквивалентов активного словаря по изучаемым темам;

— грамматические упражнения, направленные на распознавание указанных грамматических явлений;

— лексико-грамматические упражнения, включающие упражнения по выявлению несоответствий в текстах иностранного языка и родного языка, поиск эквивалентов как на иностранном, так и на русском языке.

Также обучаемым предлагается найти в тексте обозначенное грамматическое явление и проанализировать способ перевода [16].

Говоря о подготовительных упражнениях, прежде всего имеют в виду упражнения на подбор переводческих эквивалентов лексическим единицам, объяснения клише, которые могут быть неизвестны учащимся. Результатом выполнения упражнений должно стать снятие у обучаемых трудности перевода посредством выполнения переводческих трансформаций. Основными переводческими трансформациями являются перестановка, добавление, опущение и калькирование; обучение данным приемам перевода проводится на базе упражнений [16]. Таким образом, упражнения включают задания, направленные на усвоение учащимися типичных словосочетаний и определенных синтагматических единиц, являющихся строительным материалом научной речи на иностранном языке. Причем следует обратить внимание, что лексико-

грамматические упражнения предопределяют основу для последующего текстового материала. Подобные упражнения направлены на усвоение особенностей научно-технической литературы на грамматическом и лексическом уровнях. Обучающиеся должны научиться грамматически и стилистически верно построить высказывание на родном языке.

При введении и закреплении лексического материала необходимо приучать учащихся видеть различные значения слов и словосочетаний, характерные для языка научно-технической литературы. При работе над грамматическим материалом учащиеся должны анализировать разные значения омонимичных форм, являющихся одним из важнейших источников грамматических ошибок при чтении и переводе. Если речь идет об английском языке, то необходим анализ таких характерных для английской научно-технической литературы грамматических форм, как инфинитивные обороты, причастные и герундиальные обороты, инфинитив с модальными глаголами и условные предложения.

При изучении лексики надо концентрировать усилия на тех словах, которые вследствие своей многозначности, неправильной аналогии с другими словами, словами одного с ними корня или ошибочного графического восприятия, часто переводятся неправильно и приводят к искажению мысли оригинала.

Работа над текстом по специальности требует, прежде всего, умения переводить. К сожалению, знание слов и основ классической грамматики не является гарантией того, что человек сможет овладеть техникой перевода. Для умения переводить нужно иметь сформированные навыки перевода, нужно знать особенности иностранного языка, поэтому представляется целесообразным выделить основные положения техники письменного перевода научно-технических текстов.

Перевод связного текста предполагает комплексное использование переводческих методов и приемов с учетом того, что текст представляет собой единое целое в смысловом и структурном плане. Занятия курса можно разделить на две основные части. В первой части занятия учащимся предлагается определенное количество лексико-грамматических упражнений: перевод терминов, словосочетаний и предложений

определенной грамматической формы; упражнения на синтаксический анализ технических текстов (грамматически незаконченные формы, слова-индикаторы структуры предложения); перевод лексических конструкций (термины-кальки, многокомпонентные термины, перевод неологизмов или терминов, отсутствующих в русских словарях); упражнения на перевод многокомпонентных терминов, среди которых встречаются термины, не подчиняющиеся общему правилу (последнее слово в цепочке не является главным), на перевод неологизмов в области науки и техники. Также можно предложить упражнения на перевод многозначных терминов в предложениях, в которых одни и тот же термин употребляется в разных значениях. Следует отметить, что данные термины являются широко распространенными и вызывают трудности при переводе. Учащиеся находят всевозможные значения термина (при подготовке к занятию в домашних условиях), а на занятии на перевод им предлагаются предложения из различных областей науки и техники, К таким терминам относится, например, английское слово *pattern*:

To obtain correct tooth contact pattern two considerations must be observed: One is the lengthwise contact pattern that is in the length direction of the teeth, the other is face width pattern that is in height direction of teeth.

Eyetracking visualizations show that users often read Web pages in an F-shaped pattern: two horizontal stripes followed by a vertical stripe

Design patterns can speed up the development process by providing tested, proven development paradigms.

После того как учащиеся уже в достаточной степени ознакомились с конкретными разделами грамматики и терминологией определенной области на иностранном языке, им предлагаются различные тексты на иностранном языке по области их специализации для анализа и интерпретации с точки зрения трудностей лексико-грамматического характера.

Одним из эффективных средств научиться переводить литературу по специальности является перевод литературы по смежной или незнакомой области, где

поневоле приходится прибегать к лексическому и грамматическому анализу. В связи с этим целесообразно использовать отрывки из научной и технической литературы, не полностью совпадающие со специальностью. Основная задача студента, изучающего перевод научной и технической литературы, это уметь различать трудности перевода в любом контексте, используя грамматические формулы и зная те слова, выражения, сочетания и обороты, которые, как правило, приводят к неправильному переводу независимо от тематической направленности текста.

В качестве домашнего задания обучающиеся получают научно-технические тексты для полного или выборочного письменного перевода. Помимо перевода учащихся можно попросить найти ошибки в предложенном переводе с точки зрения адекватности перевода. Данные упражнения помогают учащимся знакомиться с идиоматическими структурами, характерными для иностранного языка и отсутствующими в русском языке, а также развивает умение видеть стилистические нарушения и избегать употребления «русизмов» и буквализмов при переводе. В качестве текстовой основы используются аутентичные материалы из научных периодических изданий, научных монографий, диссертационных работ, научные доклады и статьи, материалы сети Internet.

На протяжении всего курса обучения техническому переводу следует помнить, что главное — это научить студентов творчески работать над языком. Важно не то, чтобы студент запомнил определенное число интернационализмов, а то, чтобы он научился их видеть в тексте, по смыслу находить в словаре правильный перевод так называемых «ложных друзей переводчика», выбирать нужные значения многозначных слов и т.д. Приёмы расшифровки словосочетаний, использование догадки, умение работать со словарем, самостоятельно разбираться в незнакомых конструкциях, умение охватить основной смысл читаемого и, где нужно, использовать элементы анализа — всё это и составляет умение чтения и перевода, которое необходимо специалисту в его будущей работе.

Литература

1. Алексеева Л.М. Специфика научного перевода. Пермь, 2002.

3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975.

2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Либроком, 2010.

4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001.

5. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на ИЯ: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1985.

6. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь: Перм. ун-т, 1986.

7. Комиссаров В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу. М.: Рема, 1997.

8. Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения переводу на слух. М.: ИМО, 1959.

9. Пумпянский А.Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. М., 1965.

10. Пумпянский А.П. Упражнения по переводу английской научной и технической литературы с русского на английский. Минск: Попурри, 1997.

11. Разинкина Н.М. Стилистика английской научной речи. М.: Наука, 1972.

12. Хоменко С.А., Цветкова Е.Е., Басовец И.М. Основы теории и практики перевода научно-технического текста с английского языка на русский. Минск: БНТУ, 2004.

13. Чичерина И.В. Профессионально-ориентированное обучение гидов-переводчиков в старших классах гуманитарной гимназии. Дисс. канд. педагогических наук. СПб., 1996.

14. Чуковский К.И. Искусство перевода. М.: Академия, 1936 //http:samlib.ru/w/wagapow a s.

15. Шатилов С.Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе. М., 1986.

16. Штульман Э. А. Основы эксперимента в методике обучения иностранным языкам. Воронеж: Изд-во Воронен. ун-та, 1971.

17. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика. Учеб. пособие для преподавателей и студентов. М.: Фидоматис, 2004.

Н.М. Разинкина (Институт языкознания РАН)

N.M. Razinkina (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Антитеза (учебный материал с вопросами и заданиями на материале английского и русского языков)

Antithesis. Teaching Material with English and Russian Examples

Аннотация

Антитеза как стилистический прием представляет собой сложное синтаксическое образование, в рамках которого возникают контекстуальные (часто весьма неожиданные) смысловые приращения и преобразования. Антитеза свободно «втягивает» в свои синтаксические рамки такие лексические тропы, как сравнение, метафора, эпитет, повтор и оксюморон. Этому процессу способствует синтаксический параллелизм, придающий равную значимость частям антитезы, которые противопоставлены (имплицитно или эксплицитно) друг другу по линии сходство vs несходство, открытый конфликт или даже антагонизм.

Antithesis is seen as a stylistic device dealing with the relation of ideas, statements, qualities and the like when they are set against each other so as to bring out sharply the contrast, conflict or antagonism between them. Synonymous and antonymous meanings within the syntactic structure of the antithesis might shift to emphasize contrast within a wide range of a very slight additive effect to meanings so far apart as to seem irreconcilable with each other. Antithesis is free to include in its syntactically parallel structure a number of stylistic devices such as metaphors, similes, and epithets thus enhancing its emotionally coloured potential.

Ключевые слова

стилистический прием, параллелизм, контекстуальное смысловое приращение, смысловое преобразование, имплицитность, оценочная экспрессия, словарные/контекстуальные антонимы, словарные контекстуальные синонимы

a stylistic device, contrast, conflict, dictionary/contextual meanings, syntactic parallelism, metaphorical emphasis

В данной статье антитеза рассматривается как стилистический прием, используемый для экспрессивного обозначения смыслового противопоставления, резкого смыслового контраста. Само название этого стилистического приема предполагает противопоставление, поскольку приставка *анти-* имеет то же значение, что и приставка *противо-*.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что антитезу как стилистический прием следует отличать от простого логического противопоставления. Рассмотрим следующие примеры:

(1) Так прошел весь этот длинный день, *ни оживленно, ни вяло — ни весело, ни скучно* (И.С. Тургенев).

Здесь наречия *оживленно — вяло*, *весело — скучно* использованы в их прямом словарном значении. Мы не найдем здесь ни контекстуальных приращений, типичных для антитезы, когда она является стилистическим приемом, ни каких-либо смысловых преобразований, ни возникающих новых, подчас неожиданных, синонимичных или антонимичных отношений между словами, противопоставленными по смыслу. Автор лишь перечисляет логически противоположные понятия, не создавая при этом образа и связанной с ним экспрессии.

Другой пример:

(2) At one moment he (Winston Smith — H.P.) felt certain that *it was broad daylight* outside, and at the next equally certain that *it was pitch darkness* (G. Orwell).

В данном случае противопоставление осуществляется в рамках синтаксически параллельных конструкций, обладающих предельно четкой организацией. При этом как *broad daylight*, так и *pitch darkness* построены на двойном повторе — лексическом и синтаксическом:

felt certain that… — equally certain that…;

it was at one moment — at the next (*moment*).

Подобная синтаксическая модель и ее повторяемое лексическое наполнение не в состоянии создать какие-либо непредвиденные смысловые связи или же вызвать у читателя ассоциативно переплетающиеся метафорические образы.

Повтор синтаксической модели может сопровождаться не только лексическим, но также и морфологическим повтором. В приводимом ниже примере это — глагольная приставка *en-* и ее фонетический вариант *em-*, появляющийся в связи со звуковым уподоблением (как [m], так и [p] являются губно-губными звуками).

(3) Jonathan took all his courage in hand and walked to the Elder Gull, who, it was said, was soon to be moving beyond this world.

"Chiang…" he said, a little nervously.

The old seagull looked at him kindly.

"Yes, my son?" Instead of *being enfeebled* by age, The Elder *had been empowered* by it; he could outfly any gull in the Flock, and he had learned skills that the others were only gradually coming to know (Richard Bach).

Выделенные курсивом глаголы принадлежат литературно-книжному слою лексики. С точки зрения своего значения, а также под влиянием имеющей место четкой противопоставленности разговорной лексике (приведенный выше фрагмент представляет собой диалог) они являются, безусловно, экспрессивными. Однако стилистического приема антитезы здесь не возникает: слишком однозначно логическое противопоставление силы и слабости, слишком явно отсутствие каких-либо неожиданных контекстуальных семантических наслоений и смысловых преобразований.

Даже такие «предельно» нагруженные в экспрессивном отношении слова, как *devil* и *God*, не в состоянии создать стилистический прием антитезы, если они не способствуют возникновению неких неожиданных контекстуальных смысловых связей. Приведем пример:

(4) They are saying in the Flock that if you are not the Son of the Great Gull Himself… then you are a thousand years ahead of your time.

Jonathan sighed. The price of being misunderstood, he thought. *They call you devil or they call you God* (Richard Bach).

Вместе с тем простое логическое противопоставление способно перерасти в нечто большее, нежели констатация резкой несхожести. Рассмотрим примеры (5 — 8):

(5) … у нас принято высмеивать интеллигентов за гамлетовскую раздвоенность, за сомнения, нерешительность. И я в молодости презирал в себе эти черты. А теперь я считаю по-иному: нерешительным и сомневающимся люди обязаны и великими открытиями, и великими книгами; сделали они не меньше, чем прямолинейные стоеросы. Они и на костер пойдут, когда надо, и под пули не хуже волевых и прямолинейных (В. Гроссман).

Возникает вопрос: имеем ли мы здесь дело с простым логическим противопоставлением или со стилистическим приемом антитезы? В пользу первого предположения говорит отсутствие в данном фрагменте слов, демонстрирующих какие-либо контекстуальные смысловые приращения и сдвиги. В пользу второго — наличие оценочной (отрицательной и положительной) экспрессии в значении таких слов, как *высмеивать*, *презирать*, *великие* (*книги*, *открытия*).

Кроме того, прилагательное *прямолинейные* (*стоеросы*) приобретает в данном случае явную отрицательно-оценочную коннотацию. В толковых словарях находим: *стоеросовый — дубина стоеросовая* или *болван*, *балда*, *пень*, *дурак стоеросовый* (прост. бран.) — о глупом, тупом человеке. В Национальном корпусе русского языка находим (в дальнейшем сокращенно Нкр): «Но нет, крепчайший стоерос, ни с места, продолжает тупо жевать» (А. Болдырев). «Выросла дубина такая… Стоерос!» (Ф. Крюков).

Задание: Придумайте и опишите две ситуации, в одной из которых прилагательное *прямолинейный* имело бы положительную оценочную характеристику, в другой — отрицательную оценочную характеристику.

(6) Надежда Мандельштам называла их (Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама — Н.Р.) антиподами. Основание для разделения — укорененность Пастернака в быту и принципиальная бездетность Мандельштама, врожденное право

Пастернака на Москву и мандельштамовское бездомье, надежды Пастернака на гармоническое сосуществование с собратьями по перу и с государством и мандельштамовский разрыв с официальной литературой и властями. Такое разделение не просто субъективно — оно, увы, поверхностно. Тем не менее в главном она права, действительно антиподы… (Д. Быков).

Все три противопоставления — *укорененность в быту* vs *принципиальная бездетность*, *право на Москву* vs *бездомье*, *надежды на гармоническое сосуществование с…* vs *разрыв с официальной литературой и властями* — имеют целью подтвердить и развить мысль автора о том, что два поэта на самом деле были антиподами.

Здесь, в рамках контраста, сопоставляются логически противоположные понятия. Мы не находим в данном случае характерных для антитезы (как стилистического приема) контекстуальных лексических приращений и неожиданных экспрессивных наслоений в значении слов. Вместе с тем данный пример не может быть поставлен в один ряд с приведенными выше примерами (1) и (2) — слишком значителен, в смысловом отношении, контекст, связанный с именами двух великих поэтов.

По-видимому, здесь мы имеем дело с неким переходным случаем, приближающим анализируемый пример к стилистическому приему антитезы. В пользу этого предположения говорит использование таких экспрессивно и эмоционально окрашенных слов, как *бездомье*, *разрыв*, *бездетность*.

В качестве еще одного примера, демонстрирующего подобный переходной случай, можно привести следующий фрагмент:

(7) Слушатели…отлично знали, что чередование *вялости и напора, шепота и крика, языка цифр и вдохновенного камлания* не более чем прием профессионального оратора, и все же поневоле ощущали на себе магию этой странной, известной всему миру полуулыбки (Б. Акунин).

Если *вялость и напор*, *шепот и крик* можно без каких-либо сомнений отнести к словарным антонимам, то введение в контекст существительного *камлание* несколько усложняет семантически прозрачную картину простых логических противопоставлений.

Напомним читателю словарное определение этого существительного: *камлание* — это ритуал, сопровождающийся пением и ударами в бубен, во время которого шаман, приходящий в экстатическое состояние, общается с духами.

Прилагательное *вдохновенный* и наличие в значении существительного *камлание* семы ‘экстатический’ создают заметное эмоциональное и экспрессивное нарастание, явно прослеживаемое в ряду существительных *напор* — *крик* — *камлание* (экстатическое состояние). Подчеркнем, что напор и крик являются частыми атрибутами исступленно-восторженного экстаза.

Приведем пример, иллюстрирующий смысловую связь двух существительных — *экстаз* и *крик* как проявление экстатического состояния:

(8) Нюра очень похоже передразнивает ее вздохи, стоны, *выкрики* и страстные слова, от которых она никогда не может удержаться *в минуты экстаза* и которые бывают слышны через две или три перегородки в соседних комнатах (А.И.Куприн) [Нкр].

Задание: Попробуйте описать экстатическое состояние человека или группы людей, толпы. Вы могли наблюдать это состояние на улице, а также видеть его на художественном полотне, в фильме, на театральной сцене, на спортивной трибуне во время футбольного матча между командами-фаворитами. Предварительно составьте перечень существительных, прилагательных и глаголов, которые вам понадобятся для такого описания. Это задание выполняется в письменном виде.

Приведём еще один пример смыслового контраста, который не является стилистическим приемом антитезы, хотя и создаётся с помощью экспрессивной, эмоционально-оценочной лексики. В этом примере противопоставление глагола *возносить* и словосочетания *оставлять в ничтожестве* слишком очевидно, слишком явно по своей контрастности для того, чтобы можно было говорить о возникновении семантически осложненного (контекстуальными связями) стилистического приема антитезы.

(9) Иосиф решительно пускается в путь. С любопытством и волнением вдыхает он воздух этих чужих домов и людей (Рима — Н. Р.), во власти которых *и вознести его, и оставить в ничтожестве* (Л. Фейхтвангер. Пер. с нем.).

Выше были рассмотрены примеры простого логического противопоставления, а также случаи переходного характера, сближающие эти последние со стилистическим приемом антитезы.

Другой особенностью не осложненного семантическими преобразованиями логического контраста является его способность предварять, иными словами, предвосхищать, стилистический прием антитезы как таковой. Начнем с короткого примера:

(10) Каждое поколение вносит в словарь свои находки — *подлинные или мнимые. Одни слова язык усыновляет, другие отвергает* (С.Я. Маршак).

Прилагательные *подлинный* и *мнимый* находятся в положении логического противопоставления. Толковые словари определяют первое как ‘настоящий’, а второе как ‘ненастоящий’, ‘ложный’. В нашем примере значение прилагательного *подлинный* углубляется с помощью неожиданной (в смысловом отношении) метафоры — *усыновить слово*, т.е. сделать его родным, своим, органически входящим в словарный состав языка.

Вопрос: Прочтите этот пример еще раз, опустив при этом логическое противопоставление *подлинный* vs *мнимый*. Как вы думаете, оригинальность и неожиданность метафоры (т.е. подразумеваемое ею сравнение словарного состава языка с семьей, в которую приходит новый человек) от этого только выиграет или, напротив, проиграет? Обоснуйте свою точку зрения в письменном виде.

Способность контраста, не осложненного смысловыми контекстуальными наслоениями, предварять весьма протяженные отрезки текста может быть показана на примере, заимствованном из произведения Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича».

(11) Прошедшая история жизни Ивана Ильича была *самая простая и обыкновенная и самая ужасная.*

С этих слов начинается вторая глава повести. Далее следует удивительный по своей глубине толстовский анализ этой обыкновенности и этой трагичности, связанной с болезнью главного действующего лица.

Задание: Прочтите данную повесть Толстого, одновременно делая выписки, раскрывающие смысл двух синонимичных прилагательных — *простой* и *обыкновенный*, а также смысл эмоционально-оценочного прилагательного широкой семантики — *ужасный*. Какие языковые средства используются при этом чаще, какие — реже? Какие фрагменты текста показались вам наиболее яркими, убедительными? Это задание желательно выполнить в письменном виде.

Приведем еще один пример из того же произведения. В этом примере словарные антонимы *отчаяние* и *надежда* предваряют стилистический прием антитезы:

(12) С самого начала болезни, с того времени, как Иван Ильич в первый раз поехал к доктору, его жизнь разделилась на два противоположных настроения, сменившие одно другое: то было *отчаяние* и ожидание непонятной и ужасной смерти, то была *надежда* и исполненное интереса наблюдение за деятельностью своего тела (Л.Н. Толстой).

Здесь отчаяние связано с ожиданием смерти (непонятной и ужасной). Если бы после существительного *надежда* мы нашли слово *жизнь*, то это был бы случай простого логического противопоставления: отчаяние — надежда; смерть — жизнь. Однако мы сталкиваемся здесь не с простым смысловым контрастом, а со стилистическим приемом антитезы, поскольку смерти противопоставлена не жизнь, а интерес (*исполненное интереса наблюдение за…*). Этот последний становится контекстуальным антонимом существительного *смерть*, поскольку означает неведомое смерти желание вникнуть в суть, понять, узнать что-либо, а также проявление внимания по отношению к чему-то важному, значительному.

Задание: Сочините антитезу, предваряемую словарными антонимами *отчаяние* vs *надежда*. Вы можете воспользоваться эпизодом из собственного жизненного опыта или же взять какой-либо факт из художественной литературы.

Обратимся к примеру на английском языке. Цель та же, что и в рассмотренных выше примерах, а именно: отметить способность не осложненного (в семантическом плане) контекстом противопоставления ‘подготовить почву’ (если такая метафора позволительна) для введения оригинальных (часто многоступенчатых) стилистических приемов или же для создания фрагмента текста, насыщенного эмоционально-оценочной лексикой.

(13) Brutus: If there be any in this assembly, any dear friend of Caesar’s, to him I say, that Brutus’ love to Caesar was no less than his. If then that friend demand why Brutus rose against Caesar, this is my answer:

Not that *I loved* Caesar *less*, but that I *loved* Rome *more.*

Had you rather Caesar were living and die all slaves, than that Caesar were dead, to live all free men?

As Caesar loved me, I weep for him, as he was fortunate, I rejoice at it, as he was valiant, I honour him, but, as he was ambitious, I slew him.

There is tears for his love, joy for his fortune, honour for his valour, and death for his ambition (W. Shakespeare. The Life and Death of Julius Caesar. Act 3, Scene 2. The Forum).

В начале фрагмента находим четыре противопоставления (*I loved less — I loved more*, *Caesar were living — Caesar were dead*, *to die — to live*; *slaves — free men*), которые нельзя назвать стилистическим приемом антитезы в полном смысле этого слова. Такие пары слов, как *more — less*, *living — dead*, *to die — to live, slaves — free men* можно обнаружить во всех словарях синонимов и антонимов современного английского языка. Эти противопоставления лишены оригинальности и неожиданности — качеств, необходимых для создания стилистического приема антитезы.

Однако далее в тексте происходит развитие и контекстуальное углубление устойчивого (канонизированного) словарного значения ряда слов. Любить, говорит Брут, значит оплакивать того, кто при жизни любил тебя: *As Caesar loved me, I weep for him*; быть везучим и счастливым (*as he was fortunate*) значит радовать тех, кто тебя любит (*I*

rejoice at it); за героические поступки (*as he was valiant*) человека почитают (*I honour him*).

Всем этим прекрасным нравственным качествам Цезаря, обозначенным прилагательными *valiant*, *fortunate*, *loving*, противопоставлено только одно качество, выраженное прилагательным *ambitious*. Но это качество таково, что Брут считает себя вправе совершить убийство Цезаря: *as he was ambitious I slew him*.

В рассматриваемом нами примере противопоставление трех прилагательных положительной оценки — *valiant*, *fortunat*e, *loving* — только одному прилагательному *ambitious* создает стилистический прием антитезы, в рамках которого *ambitious* реализует значение отрицательной оценочной характеристики, связанной с обозначением огромного желания власти. По свидетельству толковых словарей, значение *ambitious* можно определить в данном случае как ‘an eager, strong and even ardent desire to achieve power’.

Далее мы находим еще одну стилистическую антитезу: слезы (потому что Цезарь любил Брута), радость (потому что Цезарь был удачлив), почитание, (потому что он совершал героические поступки) — всё это противопоставлено одному — смерти (месть за то, что Цезарь желал абсолютной власти).

Таким образом, антитезный ряд выстраивается следующим образом:

tears, *joy*, *honour* vs *death* (for Caesar’s ambition). Смысл ‘смерть’ усилен глаголом *to slay* (*slew*), имеющим значение ‘to kill, especially violently’.

Вопрос: Как вы думаете, почему Брут, желая объяснить причину совершенного им злодеяния, начинает свою речь в сенате со слов о любви, испытываемой им к Цезарю?

Вопрос: Познакомьтесь с фрагментом из романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Как вы думаете, ряд контрастных по своему смыслу словосочетаний (*крупное землевладение — аристократический элемент* и далее до конца примера) являются здесь простыми логическими противопоставлениями или же в данном случае мы имеем дело со стилистическим приемом, вносящим в контекст значительную долю экспрессии?

Обдумывая ответ на этот вопрос, обратите внимание на существительное *каша*, использованное в начале фрагмента:

(14) Многие мастера погрели около нее (жены губернатора Юлии Михайловны — Н.Р.) руки и воспользовались ее простодушием в краткий срок ее губернаторства. И что за каша выходила тут под видом самостоятельности! Ей нравились и крупное землевладение, и аристократический элемент, и усиление губернаторской власти, и демократический элемент, и новые учреждения, и порядок, и вольнодумство, и социальные идейки, и строгий тон аристократического салона, развязность чуть не трактирная окружавшей ее молодежи. Она мечтала *дать счастье* (курсив автора романа — Н.Р.) и примирить непримиримое, вернее же соединить всех и всё в обожании собственной ее особы (Ф.М. Достоевский).

От вопросов, связанных со взаимодействием простого логического противопоставления (больше — меньше, жизнь — смерть; усиление губернаторской власти — демократический элемент), и антитезы как оригинального стилистического приема, перейдем к такому яркому качеству антитезы, как ее способность «втягивать» в свою синтаксическую структуру другие стилистические приемы — такие, например, как сравнение, метафора, оксюморон, ирония, фонетический прием аллитерации.

Обратимся к случаю «антитеза + метафора»:

(15) Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость. На Волге человек начал удалью, а кончил стоном, который зовется песенью; яркие, золотые надежды сменились у него немочью, которую принято называть русским пессимизмом, на Енисее же жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась (А.П. Чехов. Из Сибири).

Интересно, что метафорическая антитеза реализуется в данном примере по нескольким смысловым линиям. Во-первых, мы имеем здесь случай, который можно назвать открыто заявленной антитезой. Дело в том, что, если говорящий (или пишущий)

произносит *не в обиду вам* (*тебе и проч.*) *будь сказано*, это означает, что он на самом деле придерживается иного мнения, нежели то, которое разделяет его собеседник (‘пусть вам не покажется обидным, но я считаю, что…’).

Подобная антитеза не только заявлена самым недвусмысленным образом, она обладает еще одним существенным признаком, а именно диалогичностью. Иными словами, говорящий (пишущий), имея иную, часто противоположную точку зрения, высказывается таким образом, чтобы не обидеть собеседника. Это — антитеза, связанная с моделью «тип поведения».

Словосочетания типа *не в обиду вам будь сказано*, *вам может показаться странным, но у меня иное мнение*, *возможно, я ошибаюсь, но…* и т.п. можно, по-видимому, считать своего рода приспособительным механизмом, облегчающим адаптацию к спорной («антитезной») ситуации.

В анализируемом нами примере антитеза строится с помощью ряда метафор: *Волга — нарядная, скромная, грустная красавица vs Енисей — могучий неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость*.

Существительные *красавица* и *богатырь* сами по себе не создают противопоставления. Представим такой контекст: *Волга это красавица, а Енисей это богатырь*. Здесь нет противопоставления, только метафорическая констатация. Что же касается антитезной метафоры, то ее способны создать прилагательные. Прилагательные *нарядная*, *скромная*, *грустная* vs *могучий*, *неистовый* становятся контекстуальными антонимами.

Задание: Попробуйте найти такое прилагательное, которое было бы синонимом (более или менее близким) двух слов — *скромная* и *грустная*. То же самое проделайте в отношении слов *могучий* и *неистовый*. Вставьте найденные вами слова в приведенный выше пример из Чехова. Сохранится ли при этом экспрессивное качество антитезы? И если нет, то почему? Это задание желательно выполнить в письменном виде.

От констатации внешнего впечатления, производимого Волгой и Енисеем, Чехов переходит к тому, как чувствует себя человек, оказавшись рядом с этими реками. Это описание тоже строится с помощью антитезы, вернее, нескольких антитез.

На Волге человек начал удалью — кончил стоном, который зовется песенью;

яркие, золотые надежды сменились немочью (русский пессимизм).

Для Енисея — те же слова, но в обратном порядке:

жизнь началась стоном — жизнь кончится удалью, какая нам и во сне не снилась.

Примечательно, что писатель не ограничивается только парными контекстуальными антитезами (*удаль — стон*; *надежда — немочь*): каждый член контекстуального антитезного противопоставления получает свое развитие. Так, стон называется песенью: надежды окрашены в яркие и золотые тона; немочь приравнена к пессимизму; удаль такова, что и во сне не снилась.

Задание: Сравните два описания Енисея: а) с помощью оценочных прилагательных *оригинальная*, *величавая*, *прекрасная* (природа); и б) с помощью метафоры *Енисей — могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость*.

Объясните, почему метафора более экспрессивна (выразительна), хотя прилагательные *величавый* и *прекрасный* обозначают положительное качество, присущее предмету (в широком смысле этого слова) в высокой степени. Это задание, как и предыдущее, желательно выполнить в письменном виде.

Выше отмечалось, что в анализируемом нами примере антитеза имеет характер открыто заявленного противопоставления (*не в обиду будь сказано ревнивым почитателям…*). В английском языке подобная констатация несхожести осуществляется с помощью словосочетаний *on the contrary*, *quite the contrary, just the reverse*, *on the other hand*, *a (thorough) contrast to*. В русском языке указание на контраст создается с помощью таких словосочетаний, как *абсолютная противоположность*, *явные противоречия*, *иные*

мысли, а также оборота, значение которого можно условно определить так: ‘нечто не является тем- то и тем-то, а, напротив, является чем-то совсем иным’. Например:

(16) Было темно. Запад и восток молчали. Силуэты заводских корпусов, развалины городских зданий, окопы, блиндажи влились в спокойную, молчаливую тьму земли, неба, Волги.

Так выразила себя народная победа. *Не* в церемониальном марше войск, под гром сводного оркестра, *не* в фейерверках и артиллерийских салютах, *а* в сыром ночном деревенском покое, охватившем землю, город, Волгу (В. Гроссман).

Гром оркестра, салют, фейерверки противопоставлены одному — покою. Если салют (особенно артиллерийский), фейерверки, оркестр (особенно сводный) — это всегда шум, оживление, скопление людей, зачастую их нервное напряжение, то для второго члена антитезы автор выбирает существительное, означающее (согласно толковым словарям) прежде всего тишину и отдых. Таким образом, *салют* и *оркестр* становятся контекстуальными антонимами существительного *покой*.

Таков механизм создания стилистического приема антитезы: в большом числе случаев ее автор выбирает для создания смыслового контраста не самое очевидное значение слова (в нашем примере — это *шум* праздничного мероприятия) и противопоставляет это значение другому слову, для которого это «не самое очевидное» значение является основным, ведущим.

Рассмотрим английский пример, в котором антитеза открыто заявлена с помощью словосочетания *on the contrary*.

(17) High and low, all made fun of him (Dobbin — H.P.). They (boys at the Swishtail Seminary — H.P.) sewed up those corduroys, tight as they were. They cut his bed-strings. They upset buckets and benches, so that he might break his shins over them, which he never failed to do. They sent him parcels, which, when opened, were found to contain the paternal soap and candles. There was no little fellow but had his jeer and joke at Dobbin; and he bore everything quite patiently and was entirely dumb and miserable,

Cuff, *on the contrary,* was the great chief and dandy of the Swishtail Seminary. He smuggled wine in. He fought the town-boys. Ponies used to come for him to ride home on Saturdays. He had his top-boots in his room, in which he used to hunt in the holidays, He had a gold repeater: and took snuff like the Doctor (of the school — H.P.).He had been to the Opera… He could knock you off forty Latin verses in an hour. He could make French poetry. What else didn't he know, or couldn't do? They said even the Doctor was afraid of him (W. Thackeray).

Данный пример интересен тем, что он позволяет увидеть, насколько разнообразны контекстуальные возможности антитезы, создающей смысловые антонимичные контрасты. Так, словосочетанию *all made fun of him*, которое использовано автором для описания школьной жизни одного мальчика (Доббина), противостоит описание жизни другого мальчика: (Cuff) *was the great chief and dandy* (of the school). И хотя это делается с помощью различных грамматических средств (глагольное словосочетание *made fun of him*) и существительные *chief and dandy*), оба члена антитезы «спаяны» единой смысловой составляющей, а именно наличием экспрессивного, эмоционально-оценочного компонента значения.

Так, *to make fun of smb.* означает не просто 'смеяться над кем-либо' (в данном случае над Доббином), а 'делать это с издевкой, высмеивать'. *Dandy*, с другой стороны, это человек, демонстрирующий собственное превосходство над обществом через моду, манеры, образ жизни и проч.

Далее антитеза развивается следующим образом. «Низкое» происхождение Уильяма Доббина противопоставлено аристократическому происхождению Каффа. Автор делает это следующим образом. Отец Доббина занимался торговлей (мыло, свечи), что, по мнению мальчиков в школе Swishtail, было занятием недостойным джентльмена: *They* (schoolboy*s* — H.P.) *sent him* (Dobbin — H.P.) *parcels, which, when opened, were found to contain the paternal soap and candles*.

Антипод Доббина, напротив, демонстрирует привычки аристократа: домой он едет на своих лошадях (пони), во время каникул охотится и, наконец, он посещает оперу.

Таким образом, создается следующий контекстуальный смысловой контраст: *soap and candles* vs *ponies, hunting, opera*.

Данная антитеза включена в контекст, который имеет четкое симметричное построение. В начале каждого из двух членов оппозиции мы находим обобщающее словосочетание. Так, в первом члене оппозиции (Доббин) — это *all made fun of him*, за которым следует детализация, а именно описание того, в чем именно состояло издевательство, осуществляемое учениками школы. Во втором члене оппозиции (Кафф) — это *the great chief and dandy*. При этом автор (также детально) показывает, что значит быть *chief and dandy* в глазах учеников школы Swishtail.

Благодаря такой композиции мы обнаруживаем еще несколько антитез, включенных в ряды перечисления, благодаря чему возникает так называемый эффект «матрешки», т.е. антитеза в антитезе. Так, контраст в одежде показан следующим образом: у Доббина это плисовые штаны, которые ему малы (*they sewed those corduroys, tight as they were*), у Каффа — дорогостоящие высокие сапоги с отворотом, обыкновенно другого цвета (*he had his top-boots*). Здесь антитеза сводит воедино разнородные синтаксические структуры с различными по смыслу подлежащими — мальчишки с их проделками vs сам Кафф, владеющий дорогими сапогами.

У Доббина — опасность перелома костей из-за проделок тех же мальчишек (*they upset buckets and benches so that he might break his shins*); Кафф, напротив, сам дерется с городскими мальчишками (*he fought the town boys*).

Презрительная насмешка, колкость и язвительные замечания в адрес Доббина (*there was no little fellow but had his jeer and joke at Dobbin)* vs страх, который испытывал перед Каффом даже директор школы (*even the Doctor* (директор школы*) was afraid of him*). Обратим внимание на введение в антитезу еще одного субъекта действия — the Doctor (если, конечно, страх можно назвать действием).

Продолжая перечень антитез (так называемые «малые» антитезы в противоположность одной основной, выраженной именами собственными *Dobbin* vs *Cuff*), приведем еще одно противопоставление: *Dobbin was entirely dumb* vs *Cuff could*

knock you off forty Latin verses in an hour. *To knock off*, согласно толковым словарям, реализует в данном случае два значения: прямое — ‘to do hurriedly’ (например, *he knocked off one painting after another*), и переносное — ‘to kill’.

Вопрос: В рассмотренном выше фрагменте в рамках антитезы реализуются три стилистических приема. Это — риторический вопрос (*What else didn’t he know or couldn’t do?*), аллитерация (*joke and jeer*) и ирония.

По-видимому, особый интерес в данном случае представляет ирония. С помощью каких языковых средств она создается? Обдумывая ответ на этот вопрос, наверное, полезно вспомнить, что Уильям Доббин был для автора романа «Ярмарка тщеславия» («Vanity Fair») воплощением порядочности, честности и скромности, чего нельзя сказать (особенно это относится к скромности) о его антиподе, Каффе.

Открыто заявленная антитеза использует не только лексические средства, о которых говорилось выше. Так, в примере, приводимом ниже, антитеза вводится противопоставлением глаголов *приходить* (только) и *жить* (постоянно):

(18) Особо зловещим казалось Михаилу Сидоровичу то, что национал-социализм *не приходил* в лагерь с моноклем, по-юнкерски надменный, чуждый народу. Национал-социализм *жил* в лагерях по-свойски, он не был обособлен от простого народа, он шутил по-народному, и шуткам его смеялись, он был плебеем и вел себя по-простому, он отлично знал и язык, и душу, и ум тех, кого лишил свободы (В. Гроссман).

Первый член антитезы (теза) создается прилагательными *надменный* (*по-юнкерски*) и *чуждый*, а также метафорой *приходить куда-либо с моноклем*. Противопоставление создается наречиями *по-свойски*, *по-народному*, *по-простому*, а также существительным *плебей* и глаголом *шутить*.

Из целого ряда значений прилагательного *надменный*, приводимых в толковых словарях (например, ‘самонадеянный’, ‘кичливый’, ‘высокомерный’), писатель выбирает только одно — *чуждый* — и ставит это слово в так называемую сильную позицию. «Сила» этой позиции состоит в том, что она открывает и тем самым как бы настраивает читателя на восприятие второго члена противопоставления.

Анализируемый фрагмент интересен с точки зрения его чрезвычайно четкой стилистической организации. Так, когда речь идет о чуждом (лагерному люду) национал-социализме, автор использует лексические единицы, принадлежащие литературно-книжному слою лексики: *монокль*, *надменный*, *чуждый*. Когда же речь заходит о пестром лагерном населении, лексика резко меняется, становится разговорной: *по-свойски*, *по-простому*.

Вопрос: Попробуйте раскрыть (желательно в подробностях) смысл метафоры *приходить куда-либо с моноклем*. Примеры можно заимствовать из художественной литературы, из текстов *non-fiction*, наконец, из вашего собственного жизненного опыта. Это задание выполняется в письменном виде.

Выше отмечалось, что антитеза, имеющая открыто заявленный характер, обладает для исследователя одним весьма привлекательным свойством, а именно: такая антитеза всегда развернута, включает в себя целый ряд так называемых малых антитез, создавая своеобразные синонимичные и антонимичные контекстуальные связи. Приведем еще один пример этого интересного стилистического явления:

(19) …Toodle returned and confronted Mr. Dombey… He was a strong, loose, round shouldered, shuffling, shaggy fellow, on whom his clothes sat negligently: with a good deal of hair and whisker, deepened in its natural tint, perhaps by smoke and coal dust (Toodle is a steam-engine stoker — котельный машинист, кочегар, истопник): hard knotty hands: and a square forehead, as coarse in grain as the bark of an oak. *A thorough contrast in all respects to Mr. Dombey,* who was one of those close-shaved, close-cut moneyed gentlemen who are glossy and crisp like new bank-notes, and who seem to be artificially braced and tightened as by the stimulating action of golden shower-baths (Ch. Dickens).

Первую антитезу образуют прилагательные, описывающие внешность двух противопоставляемых персонажей: *loose*, *round shouldered*, *shuffling*, *shaggy*, *a good deal of hair and whisker* vs *close-shaved*, *close cut*.

Примечательно, что в первом слове тезы (*loose*) реализуется значение, которое затем повторяется во втором члене противопоставления. Имеется в виду следующее:

согласно толковым словарям, *loos*е имеет значение ‘not tight (*a loose collar*, *loose-fitting clothes*)’. Во втором члене антитезы находим: *artificially tightened.* Это же значение (‘tightened’) присутствует и в глаголе *to brace* (*seem to be artificially braced*): ‘to fasten tightly’.

Вторую антитезу образуют слова разных частей речи (прилагательные и одно наречие), при этом ведущим является наречие *negligently*, использованное в значении ‘carelessly, not paying proper attention’.

Именно благодаря реализации этого значения *shuffling* и *shaggy* становятся контекстуальными синонимами. Действительно, *to shuffle* означает ‘to walk without raising the feet properly; drag them on the ground’. В этом значении отчетливо «просвечивает» *negligently* с присущим ему смыслом ‘carelessly’. То же самое можно сказать и о прилагательном *shagg*y, имеющем значение ‘not well-kept’.

Задание: Рассмотрите следующую антитезу:

hard knotty hands vs *one of those moneyed gentlemen who…*

Какой член антитезы представляется вам более экспрессивным, более выразительным — тот, который открыто заявляет о богатстве (*moneyed* etc.) человека, или же тот, в котором бедность и тяжелый труд (*hard knotty hands* etc.) переданы косвенным образом? Обдумывая этот вопрос, обратите особое внимание на наречие *artificially* и адъективизированное причастие *stimulating*.

Слова и словосочетания, вводящие открыто заявленную антитезу (упоминавшиеся выше *on the contrary*, *quite the contrary*, *just the reverse* и т.д.), могут использоваться и в конце текстового фрагмента, в рамках которого функционирует стилистический прием антитезы. В таком случае эти слова и словосочетания приобретают явный характер итогового обобщения. Например:

(20) They (Mr. Dombey and his little son Paul— H. P.) were the strangest pair at such a time (while sitting by the fire after dinner — H. P.) that ever firelight shone upon. Mr. Dombey so erect and solemn, gazing at the blaze; his little image, with an old, old face, peering into the red perspective with the fixed and rapt attention of a sage. Mr. Dombey entertaining

complicated worldly schemes and plan; the little image entertaining Heaven knows what wild fancies, half-formed thoughts, and wandering speculations. Mr. Dombey stiff with starch and arrogance; the little image by inheritance, and in unconscious imitation. The two so very much alike, and yet *so monstrously contrasted* (Ch. Dickens).

Вопрос: Наречие *monstrously* является словом широкой (размытой) отрицательно-оценочной семантики. Благодаря этой размытости, оно обладает большими возможностями сочетаться с различными прилагательными и причастиями (например, *it was monstrously cold*; *monstrously articulated speech* и т.д.; подобный ряд можно продолжать фактически до бесконечности). Если бы вы захотели использовать (в приведенном выше фрагменте) наречие более конкретной семантики, какое слово вы бы для этого выбрали?

В противоположность открыто заявленной антитезе имеет место нарочитая недосказанность (имплицитность) одного из членов противопоставления и явный призыв к читателю самому раскрыть глубинный смысл антитезы. Это явление особенно заметно в поэтическом тексте. Приведем пример:

(21) Тени вечера волоса тоньше
За деревьями тянутся вдоль.
На дороге лесной почтальонша
Мне протягивает бандероль.

По кошачьим следам и по лисьим,
По кошачьим и лисьим следам
Возвращаюсь я с пачкою писем
В дом, где волю я радости дам.

Горы, страны, границы, озера,
Перешейки и материки,
Обсужденья, отчеты, обзоры,
Дети, юноши и старики.

Досточтимые письма мужские!

Нет меж вами такого письма,

Где свидетельства мысли сухие

Не выказывали бы ума.

Драгоценные женские письма!

Я ведь тоже упал с облаков,

Присягаю вам ныне и присно:

Ваш я буду во веки веков.

Ну, а вы, собиратели марок!

За один мимолетный прием,

О, какой бы достался подарок

Вам на бедственном месте моем!

(Борис Пастернак)

Здесь антитеза имеет многоплановый характер. Первое, и самое очевидное, это противопоставление — письма *мужские* и письма *женские.* Столь же открыто противопоставлены и определения, с помощью которых поэт характеризует эти (такие разные) письма. Прилагательное *досточтимый* (*досточтимые письма мужские*), согласно толковым словарям, имеет значение ‘глубокоуважаемый’, обычно в обращении к лицам высокого звания (чина, сана). Данное прилагательное, несущее на себе отпечаток торжественности, является устаревшим.

Напротив, прилагательное *драгоценный* в данном контексте лишено какой бы то ни было торжественности и «чинопочитания». Это значение определяется толковыми словарями как а) ‘очень ценный, высоко ценимый, дорогой сердцу’ и б) ‘нужный’. Оба эти значения одновременно реализуются в поэтической строке *драгоценные женские письма*.

Повторим: *досточтимый* и *драгоценный* противопоставлены, прежде всего, по линии ‘официальное, принятое как норма в обращении к людям высокого ранга и

обязательное в среде воспитанных людей’ vs значение, связанное с называнием интимных чувств и переживаний человека (*письма дорогие сердцу*).

Далее антитеза строится следующим образом: качество мужских писем определяется поэтом определенно и однозначно. Эти письма говорят о *сухих свидетельствах мысли*. Напротив, женские письма не получают столь однозначную, открыто заявленную характеристику, выраженную с помощью оценочных прилагательных. Тем не менее, мы понимаем, что слова *ваш я буду во веки веков* подразумевают явную положительную оценочную квалификацию. Экспрессивность этой оценки усилена указанием на «родство душ» (*я ведь тоже упал с облаков*).

При этом читателю предстоит самому догадаться, о каком родстве идет речь и почему поэт присягает женским письмам *ныне и присно*, т.е. навсегда. Другими словами, читателю необходимо понять, что стоит (в смысловом плане) за наречием *тоже*. Значит ли это, что авторы женских писем и поэт испытывают одинаковые чувства?

Задание: Ответ на поставленный выше вопрос желательно сформулировать в письменном виде.

В создании контекстуальной антитезы *сухие свидетельства мысли* vs *ваш я буду во веки веков* немалую роль играют прилагательное *сухой* и существительные *мысль* и *ум*. Эти слова, имеющие в данном контексте значение ‘лишенные мягкости, абсолютно трезвые и сдержанные’, *имплицитным* образом вводят во второй член оппозиции такие понятия, как ‘чувство’, ‘переживание и сопереживание’, ‘впечатлительность’ и, возможно, ‘ранимость’. Читатель, в зависимости от особенностей своего собственного воображения и склонности к интерпретации текста, вправе изменить, продолжить или сократить этот перечень, что составляет, как известно, одно из наиболее притягательных качеств талантливого поэтического слова.

Наконец, еще одна (на сей раз открыто заявленная) антитеза использована в последнем четверостишии стихотворения. Это ‘собиратели марок, которым нет дела до содержания писем’ vs ‘поэт в его бедственном положении’. Соположение двух эмоциональных сфер (с одной стороны, коллекционер, радующийся большому

количеству марок и испытывающий безразличие к письму как таковому, и, с другой стороны, поэт, ощущающий трагичность своего положения) вновь отсылает нас к предпоследней строфе, в которой поэт говорит о том, что он упал с облаков. Иными словами, что от мечтаний он обратился к печальной действительности и теперь находится в бедственном положении.

В анализируемом нами стихотворении антитеза реализуется в рамках текстовой структуры, которую принято называть кольцевой. Первая и последняя строфы (*почтальонша* и *собиратель марок*) говорят нам о людях, которые *равнодушны* к содержанию писем. Напротив, строфы, заключенные «в кольцо», передают целый ряд эмоций: *радость* от получения писем, *восхищение* мужскими письмами, *ощущение своей близости* к тому, что способна чувствовать женщина, наконец, *переживание бедственности своего положения.*

Вернемся к способности антитезы включать в свою смысловую структуру метафору.

Как мы видели, рассмотренный выше пример № 15 (из Чехова) строился на целом ряде метафор. Однако антитеза может включать в свои рамки только одну метафору, которая, тем не менее, является смысловым центром противопоставления в целом. Рассмотрим следующий пример:

(22) Теперь, когда я сам давно уже перешагнул тот возраст, в котором родители погибли в концлагерях, я гораздо лучше понимаю их трогательные и нервозные отношения. Отец принадлежал к тому типу, который Шолом-Алейхем определил как *«человек воздуха».* Сотни идей роились у него в голове, но ни одно из его начинаний не приносило успеха. Он строил воздушные замки, которые один за другим рушились, и он при этом впадал в истерику, малодушничал.

У матери был твердый характер, и между родителями постоянно возникали конфликты… Родители часто ссорились, но при всем при том они были дружной парой, их бурные ссоры сменялись примирениями, и, думаю, мать жалела отца» (Людмила Улицкая).

Благодаря существительному *воздух*, метафора (она же цитата) *человек воздуха* ассоциируется у нас с такими идиоматическими словосочетаниями, как *носиться в воздухе* (например, *что-то непонятное носилось в воздухе*); *в воздухе чувствовались перемены* (т.е. еще только угадывались); *вопрос и всё связанное с ним повисло в воздухе* (т.е. оказалось в неопределенном положении). В словаре Даля находим: *парить по воздуху* (т.е. мечтать); *жить одним воздухом* (т.е. жить кое-как, ничем). Обратим внимание на такие упомянутые выше слова, как *что-то непонятное*, *только угадываемое*, *неопределенное*, *мечтательное*.

В данном случае метафора *человек воздуха* противопоставлена словосочетанию *твердый характер* (матери). Если для описания этого характера достаточно только одного прилагательного *твердый*, то метафора находит свое развитие — прямое и косвенное — в ряде прилагательных, глаголов и устойчивых словосочетаний. К ним относятся:

а) прилагательное *нервозные* (отношения) — результат полной противоположности характеров;

б) словосочетание *сотни идей роились в голове*. Известно, что, когда идей сотни, они редко претворяются в жизнь;

в) словосочетание *строить воздушные замки*, которым суждено рушиться, один за другим;

г) глагольная идиома *впадать в истерику* и глагол *малодушничать* — результат постоянных неудач;

д) существительное *ссоры*, глаголы *ссориться*, *конфликтовать* — всё то же различие характеров.

Если позволительно воспользоваться музыкальным термином, то в данном случае мы сталкиваемся с диссонансом, т.е. движением двух голосов (характер отца в его противопоставлении характеру матери) в диссонирующих аккордах, которые, тем не менее, разрешаются в консонанс: родители были дружной парой, их бурные ссоры сменялись примирениями.

Вопрос: Как вы думаете, почему такие уничижительные характеристики, как глагол *малодушничать* и словосочетание *впадать в истерику*, тем не менее, не вызывают у читателя резкого отрицательного отношения к слабому человеку? Вернитесь к метафоре *человек воздуха*. Не заложены ли в ней некие положительные коннотации, которые мы не упомянули выше? Каковы эти коннотации?

Вопрос: Как вы думаете, имеет ли место в данном случае *имплицитное* оценочное противопоставление (имплицитная антитеза): романтик, бескорыстная душа (*человек воздуха*) vs рациональный, достаточно холодный человек? На этот вопрос желательно ответить в письменной форме.

Метафора, реализованная в рамках антитезы, строится на неожиданных и подчас весьма интересных приемах контекстуального смыслового сближения и противопоставления слов различных частей речи. Приведем примеры:

(23) Егор пригляделся к старшему майору… Из репрессированных, что ли? То-то он не похож на нынешних начальников. Те всё больше *жидковатые, рыхлые, и взгляд осторожный, а этот бронзовый, налитой, веселый.* Будто из прежнего времени (Б. Акунин).

Здесь антитеза группирует целый ряд прилагательных в синонимичные и антонимичные ряды. *Жидковатый* использовано в метафорическом значении, фиксируемом словарями как ‘имеющий слабое сложение, тщедушный, щуплый, хилый’.

Данное метафорическое значение используется как для формулировки отрицательно-оценочной характеристики телосложения человека, так и для описания «неодушевленных предметов» (в широком смысле этого слова). Например: *Свет был желтый, жидкий, противный* (Ю.О. Домбровский) [Нкр].

Примечательно, что как в нашем примере, так и в том, который заимствован из Нкр, отрицательная оценочная характеристика усилена прилагательными: в одном случае это *рыхлый*, в другом — *противный*.

Суффикс *-оват-* (*жидковатый*), как правило, придающий слову значение ‘не в полной мере или недостаточно определенного качества’ (например, *ткань красноватого*

оттенка, т.е не совсем красная), в нашем примере использован в качестве суффикса субъективной оценки, которая связана с выражением отрицательного отношения говорящего к определенному нежелательному качеству (тщедушность: хилый, физически слабый человек).

Помимо контекстуального отрицательно-оценочного значения этот суффикс одновременно реализует пренебрежительно-презрительную оценку. Дело в том, что человек, размышления которого переданы в приведенном выше примере, — спортсмен (боксер), отличающийся завидным здоровьем, которым он откровенно гордится. Более того, на людей, не обладающих подобным здоровьем, он смотрит сверху вниз, с явным презрением.

В ряду трех прилагательных — *жидковатый*, *рыхлый*, *осторожный* — первые два являются безусловными словарными синонимами (*рыхлый* в толковых словарях определяется как ‘дряблый’, когда речь идет о теле человека или его лице).

Вопрос: Как вы думаете, вступает ли прилагательное *осторожный* (*осторожный взгляд*) в контекстуальные синонимичные отношения с метафорическими прилагательными *жидковатый* и *рыхлый* или же это слово находится в ином смысловом ряду? Обдумывая ответ на этот вопрос, полезно вспомнить, что одно из значений прилагательного *осторожный* фиксируется словарями как ‘предусматривающий возможную опасность, нерешительный, осмотрительный, опасливый’.

Что касается второго члена антитезы — *бронзовый*, *налитой*, *веселый* — то *налитой* является словарным антонимом слов *жидковатый* и *рыхлый*. Значение прилагательного *налитой* определяется словарями как ‘крепкий’ (о плечах, руках и т.п.), ‘упругий’, ‘сочный’ (например, говоря о губах), ‘плотный’ (разг.):

(24) Губы сочные. Вообще *весь налитой.* Руки расцепил — они у него растопырились (А. Волос) [Нкр]

(25) Ах, не ревнуй меня *к груди налитой*,

А ты ревнуй меня к песне забытой (А. Городницкий) [Нкр].

Прилагательное *бронзовый* в нашем случае имеет значение ‘загорелый, смуглый’.

Вопрос: Как вы думаете, почему в анализируемом нами примере это слово, обозначающее цвет кожи, превращается в контекстуальный антоним слов *жидковатый* и *рыхлый* (т.е. вялый, с тучным и дряблым телом, щуплый, тщедушный, хилый)? На какой смысловой основе возникает в данном случае контекстуальное метафорическое противопоставление?

Прилагательное *бронзовый* имеет не только прямое значение, связанное с обозначением цвета кожи, но также и переносное, метафорическое значение. Как вы думаете, какое? Что мы имеем в виду, когда говорим: *С тех пор как этот человек стал начальником, в нем появилось что-то бронзовое*? Какой смысл мы вкладываем в эту метафору?

Прилагательное *веселый*, имеющее значение ‘доставляющий веселье, вызывающий радость’, вступает в контекстуальные антонимичные отношения с каждым словом из ряда, образующего первый член антитезы.

Действительно, вряд ли рыхлый, жидковатый и осторожный человек способен вызвать у собеседника радость или, тем более, доставить веселье. Скорее напротив. Недаром, как показывают приводимые ниже примеры, прилагательное *веселый* использовано в рамках единой синтаксической конструкции с такими словами положительной оценочной характеристики, как *спокойный*, *интересный*, *подвижной*:

(26) Только Паша вечно надутый, а муж, Андрей, *веселый и спокойный* (Е. Павлова) [Нкр].

(27) В жизни я *веселый и подвижный* (С. Ткачева, Т. Гвердцители) [Нкр].

(28) ...все вместе показывали настолько *веселый и интересный*... футбол, что от наблюдения за ним было трудно оторваться (Ю. Дудь) [Нкр].

Вопрос: Какой смысл объединяет три прилагательных — *бронзовый*, *налитой, веселый* — в единый ряд контекстуальных синонимов? Какой смысл объединяет три слова — *жидковатый*, *рыхлый*, *осторожный* — также в единый ряд контекстуальных синонимов?

Сравните эти два смысла и подумайте над тем, какой антоним они образуют — словарный или контекстуальный?

Если говорить о стилистических приемах, то помимо метафоры (как словарной, так и оригинальной), о которой речь шла выше, антитеза реализует также стилистический прием сравнения (simile). Приведем пример:

(29) В этом мае Лёля уже замужем. Муж её красив, богат, молод, образован, всеми уважаем, но, несмотря на всё это, он… груб, неотесан и *нелеп, как сорок тысяч нелепых братьев* (А.П. Чехов).

Здесь мы находим слияние двух стилистических приемов — сравнения и аллюзии — имеются в виду слова Гамлета из V акта трагедии. Ср. также строки из стихотворения М.И. Цветаевой «Диалог Гамлета с совестью», где они приведены полностью:

(30) — На дне она, где ил

И водоросли… Спать в них

Ушла, — но сна и там нет!

— Но я ее любил,

Как сорок тысяч братьев

Любить не могут!

Ключевую роль (в плане создания антитезы) играет прилагательное *нелепый*. Дело в том, что *грубый* и *неотесанный* вряд ли совместимы (в плане противопоставления) с прилагательным *уважаемый*. Вероятно, поэтому писатель вводит здесь противительный союз *несмотря на*. Это — «поверхностное» противопоставление, т.е. еще не стилистический прием антитезы, требующий неожиданных (контекстуальных) смысловых наслоений.

Напротив, читатель, вероятно, согласится с тем, что можно быть человеком образованным, уважаемым и вместе с тем нелепым. Значение прилагательного *нелепый* (‘странный, несуразный, не оправдываемый здравым смыслом’) усилено аллюзивным сравнением (*как сорок тысяч братьев*), имеющим в нашем примере иронический

характер, поскольку писатель пользуется им не для обозначения силы благородного чувства (любовь), а для усиления признака, обозначаемого словарями как ‘несуразность’.

Вопрос: Познакомьтесь с приводимыми ниже примерами (все они заимствованы из Нкр). Как вы думаете, почему прилагательное *нелепый* использовано в них в рамках единой синтаксической структуры с такими словами положительной оценочной характеристики, как *добрый*, *добродушный*, *милый*. Обратите особое внимание на наречие *по-детски*:

(31) Что он за личность, я так и не понял. С виду — *нелепый*, добрый, бестолковый (Сергей Довлатов) [Нкр].

(32) Капитана Дерябина я хорошо помнил. Это был сравнительно добродушный, *нелепый* алкаш. Заключенные таскали у него сигареты (Сергей Довлатов) [Нкр].

(33) Этот милый, немного *нелепый* юноша, типичный интеллигент шестидесятых…(Коллективный. Операция «Ы») [Нкр].

(34) Я познакомлюсь с ней как посредник, сам смеющийся над поступками своего товарища, находя, что он по-детски *нелепый* (А. Терехов) [Нкр].

Приведем еще один пример с целью показать, что антитеза включает в свои смысловые рамки стилистический прием сравнения. В данном случае сравнение вводится наречием *точно*

(35) …решись он (Степан Трофимович — Н.Р.) на какой-нибудь город, и вмиг предприятие его стало бы в собственных его глазах и нелепым и невозможным, он это очень хорошо предчувствовал… Нет, уж лучше просто большая дорога, так просто выйти на нее и пойти и ни о чем не думать, пока только можно не думать. Большая дорога — это есть нечто длинное-длинное, чему не видно конца, — *точно жизнь человеческая*, *точно мечта человеческая*. В большой дороге заключается идея, а в подорожной какая идея? В подорожной конец идеи… Vive la grande route, а там что Бог даст» (Ф.М. Достоевский).

Как и в предыдущем примере из Чехова, первый член антитезы (*большая дорога* — это есть нечто длинное-длинное, чему не видно конца, — *точно жизнь человеческая,*

точно мечта человеческая) имеет более детальный, более разработанный характер, нежели второй член противопоставления (*в подорожной конец идеи*).

Кроме того, как и в предыдущем примере, меньшая развернутость этого второго члена «компенсируется» (или, иными словами, уравновешивается) двумя стилистическими приемами. В данном случае это риторический вопрос (*а в подорожной какая идея?*) и восклицательное предложение в форме несобственно-прямой речи (*vive la grande route*). Ср. с использованием стилистического приема аллюзии во втором члене противопоставления в примере (29).

Обращает на себя внимание еще одна черта сходства, а именно использование *повтора* для создания смыслового противопоставления. Так, в примере из Чехова (№ 29) находим лексико-грамматический повтор — все слова, образующие антитезу, являются прилагательными, все они имеют краткую форму: *красив, богат*, *молод* и т.д.

В примере из Достоевского обнаруживаем тройной лексический повтор: прилагательное *человеческий* (*жизнь человеческая*, *мечта человеческая*), союз *точно* (в значении ‘как’, ‘словно’) и, наконец, повторенное три раза ключевое в смысловом отношении существительное *идея*.

В анализируемом фрагменте слово *идея*, согласно толковым словарям, имеет метафорическое значение ‘постигаемый разумом *образ* предмета или понятия’ (в нашем примере это образ дороги). Ср. *идея красоты*, *идея смерти* в приводимых ниже примерах (они заимствованы из Нкр):

(36) Другое горе это — то,

Что с детских лет *идея смерти*

Всегдашним пугалом была,

Как в сказках нянек — ведьмы, черти

(К. Случевский) [Нкр].

(37) В изгибе крыл, в прямой стреле хвоста

Идея красоты, — она проста.

В гармонии аккорда нет согласней.

(Б. Садовский) [Нкр].

Задание: Сочините антитезу, оба члена которой (теза и ее смысловое противопоставление) строились бы на лексическом и/или грамматическом повторе.

Продолжим рассмотрение антитезы, создаваемой прилагательными. Такая антитеза может включать в свою четкую двухчастную структуру не только упомянутые выше метафору и сравнение, но также оксюморон. Этот последний (см. ниже *мстительно-любовный*), в свою очередь, тоже состоит из двух частей: наречия и прилагательного, резко противопоставленных друг другу по своему смыслу.

Таким образом, возникает интересное явление: одно смысловое противоположение (оксюморон) внутри другого (антитеза как таковая) в рамках единой синтаксически симметричной и аналитической по своему характеру стилистической фигуры. Например:

(38) Мне казалось, что мысль о подорожной и лошадях (хотя бы и с колокольчиком) должна была представляться ему (Степану Трофимовичу — Н.Р.) слишком *простою и прозаичною,* напротив, пилигримство, хотя бы и с зонтиком, *гораздо более красивым и мстительно-любовным»* (Ф.М. Достоевский).

Здесь мы видим на самом деле две антитезы — *простой* vs *красивый* и *прозаический* vs *мстительно-любовный*.

Мстительный определяется словарями как ‘злопамятный’, ‘злобный’; *любовный* — как ‘проникнутый, вызванный любовью, выражающий любовь’. Значения этих слов противопоставлены друг другу предельно резко и однозначно (некоторые исследователи называют подобный смысловой контраст бескомпромиссным).

Вопрос: Как вы думаете, почему яркому смысловому контрасту, основанному на составном прилагательном *мстительно-любовный*, предшествует смысловой контраст далеко не столь яркий и оригинальный — *простой* vs *красивый*? Этот вопрос можно сформулировать иначе: имеет ли здесь место своеобразная «подготовка» читателя к восприятию и осознанию оригинального (неожиданного) образного словоупотребления?

Прежде чем ответить на этот вопрос, прочтите приведенный выше фрагмент, опуская «скромные» прилагательные *простой* и *прозаичный*. Что изменилось и почему?

Помимо метафоры, сравнения и оксюморона антитеза использует также еще один стилистический прием, а именно аллюзию (она упоминалась выше в связи с большей смысловой и экспрессивной нагруженностью второго члена антитезы). Приведем пример:

(39) О, этот серый частокол —
Двадцатый опус,
Где каждый день, как протокол,
А ночь, как обыск,

Где всё зазря и всё не то,
И всё непрочно,
Который час, и то никто
Не знает точно.

Лишь неизменен календарь
В приметах века —
Ночная улица. Фонарь.
Канал. Аптека.

(Александр Галич)

В этом стихотворении мы находим аллюзию на известное и часто цитируемое стихотворение А. Блока:

(40) Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет,
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,

Аптека, улица, фонарь.

В стихотворении А. Галича антитеза создается следующим образом*: всё непрочно*, *всё зазря*, *всё не то*, *никто не знает точно* vs *неизменен* (календарь). Блоковское *бессмысленный* (свет) перекликается со словами *всё не то* у Галича. Блоковское *тусклый* (свет) — у Галича *серый* (свет). У Блока *повторится всё* — у Галича *календарь неизменен*. Эти явные черты сопоставимости лежат на поверхности. Представляется, что смысл аллюзии, кроме того, имеет также более глубокий характер: это вечность поэзии, нетленность поэтического слова, родство поэтического мироощущения, в котором безысходность и неисправимость жизни ощущаются очень остро.

Особый интерес представляет антитеза, образованная смешанными морфологическими признаками. Это тот случай, когда теза выражена словами какой-либо одной части речи, например, прилагательными, а ее противопоставление — словами другой части речи, например, существительными:

(41) Один учитель древних языков, человек на вид *суровый, положительный* и *желчный*, но втайне *фантазер* и *вольнодумец*, жаловался мне, что всегда, когда он сидит на ученических extemporalia или на педагогических советах, его мучают разные несообразные и неразрешимые вопросы (А.П. Чехов).

В данном контексте прилагательные *суровый*, *положительный* и *желчный* образуют стилистическую фигуру контраста по отношению к существительным *фантазер* и *вольнодумец*. *Фантазер*, по данным толковых словарей, это мечтатель, человек, строящий несбыточные планы, тот, кто склонен выдумывать что-либо, не соответствующее действительности. Мечтатели редко бывают суровыми и вряд ли могут быть желчными (т.е., по определению словарей, раздражительными и даже злобными).

Интересно, что прилагательные, образующие тезу контраста, включают на равных синтаксических «основаниях» совершенно разнородные признаки. Так, *суровый* и *желчный* — это свойства характера; напротив, *положительный* — это социальная характеристика, качество, с точки зрения начальства, совершенно необходимое для учителя гимназии. Отсюда — два разноплановых существительных во второй части

антитезы: *фантазер* — человек, обладающий определенными свойствами характера, склада ума, способностью к воображению; *вольнодумец* — с точки зрения начальства — потенциальная опасность для общества и гимназии, в частности.

Вопрос: Какие языковые средства создают в данном примере еще один стилистический прием, а именно иронию?

Помимо антитезы, использующей прилагательные, отчетливо выделяется глагольная антитеза. Начнем с примера, который, на первый взгляд, может показаться простым логическим противопоставлением:

(42) Ему (Ивану Ильичу — Н.Р.) казалось, что его с болью суют куда-то в узкий черный мешок… и всё дальше просовывают, и не могут просунуть. И это ужасное для него дело совершается с страданием. И он *и боится, и хочет* провалиться туда, *и борется, и помогает* (Л.Н. Толстой).

Вне контекста выделенные курсивом глаголы не создают стилистическую фигуру контраста, поскольку в изолированном виде они не «обрастают» неожиданными смысловыми наслоениями и экспрессивными оттенками. Однако напряженная эмоциональность контекста меняет это положение вещей. Использование таких существительных, как *боль*, *страдание*, прилагательного *ужасный* (*ужасное дело*), глагола повторного действия *просовывать* — действия, которое мучительно для героя (*просовывают и не могут просунуть*), заставляет читателя по-иному взглянуть на значения глаголов *бояться*, *хотеть*, *помогать*. В данном контексте эти, казалось бы, нейтральные в эмоционально-экспрессивном отношении слова продолжают смысловую линию, которую можно обозначить как физическое страдание. Иными словами, они начинают восприниматься читателем как часть этого физического страдания.

В определенной степени этому способствует и лексико-фонетический фактор: регулярный четырёхкратный повтор неударного союза *и* способствует тому, что ударные глаголы (*и боится, и хочет* и т.д.) приобретают особую выделенность. Иными словами, в тексте за неударным словом (чаще всего это повторяемый союз *и*), как правило, следует слово, несущее подчеркнутое ударение.

Задание: Прочтите приведенный выше пример следующим образом: ... *он боится и хочет, борется и помогает*. Что изменилось? Сохранилась ли картина физических мучений неизлечимо больного человека?

Особый интерес представляют случаи, в которых глагольная антитеза сочетается с использованием слов другой (или других) части речи. Приведем пример:

(43) Кто создан из камня, кто создан из глины, —

А я серебрюсь и сверкаю!

Мне дело — измена, мне имя — Марина,

Я — бренная пена морская.

(Марина Цветаева)

Глаголам *серебрюсь* и *сверкаю* — второй член антитезы — противостоит ее первый член — теза, выраженная существительными *камень* и *глина* (*создан из камня*, *создан из глины*). Это контраст абсолютной статики и неподвижности (*камень*), с одной стороны, и легкого, воздушного движения — с другой.

Подобная динамика глаголов и абсолютная статика существительного выступают особенно наглядно, если мы обратимся к толкованию слова *камень*: '*твердая* горная порода *кусками* или *сплошной массой*'. Каждое из выделенных курсивом слов — это резкое контрастное сопоставление с динамичным характером глаголов во второй строке стихотворения.

При этом следует, по-видимому, иметь в виду и следующее немаловажное обстоятельство: вода обладает способностью серебриться и сверкать только в движении, только при наличии яркого солнечного света.

Контрастные черты рассматриваемых нами глаголов и существительного *камень* подчеркнуты также и имплицитным образом, а именно наличием в сознании человека, читающего приведенные выше стихотворные строки, такого устойчивого оборота, как *под лежачий камень и вода не течет*.

Кроме того, с существительным *камень* связан целый ряд метафорических фразеологических оборотов, несущих явную отрицательно-оценочную коннотацию,

которая противостоит яркости и праздничности, передаваемой синонимичными глаголами *серебриться* и *сверкать*. Ср.: *на сердце камень* (о тяжелом душевном состоянии), *бросать камнем в к.-л.* (‘осуждать, обвинять к.-л.’), *держать камень за пазухой* (‘таить злобу против кого-нибудь’), *бросить камень в чей-либо огород* (‘недоброжелательно намекнуть на что-либо’).

Мы обнаруживаем здесь еще один не столь заметный, но всё-таки явный контраст, а именно цветовое противопоставление: камень (во всяком случае, та его обычная разновидность, которую имеет в виду поэт; о драгоценных камнях здесь речь не идет) не обладает способностью серебриться и сверкать, его цвет, как правило, тускл и непривлекателен.

Сказанное выше в равной степени относится и к существительному *глина* (*…кто создан из глины*). В толковом словаре находим: *глина* — ‘осадочная *горная порода,* в размельченном виде в соединении с водой образующая *тестообразную массу*’. Выделенные курсивом слова — в плане сопоставления с динамичным, «праздничным» характером глаголов *серебриться* и *сверкать* — создают еще одну фигуру контраста.

Попутно отметим, что оба существительных (*камень* и *глина*) используются также (вне какого-либо противопоставления) в метафорическом значении для обозначения трудно преодолимых препятствий. Ср.: *...бойцы Сталинграда отбились от врага, перепахали камень, железо и глину* (В. Гроссман).

Помимо глаголов, о которых речь шла выше, контрастное сопоставление создается также существительными (*измена*, *пена*), именем собственным (*Марина*, т.е. ‘морская’) и прилагательным *бренная.* И снова мы обнаруживаем явную антитезу, создаваемую противопоставлением статики (*камень*, *глина*) и динамики.

Динамический характер существительного *измена* не нуждается в дополнительных комментариях. То же относится и к существительному *пена* (морская), которая, как известно, непрерывно то появляется, то исчезает, каждый раз меняя свою конфигурацию. Её непостоянный характер подчеркнут поэтом прилагательным *бренная*, имеющим значение ‘недолговечный’, ‘преходящий’.

В поэтических текстах это значение может быть подчеркнуто двумя способами: а) использованием синонимичных прилагательных *тленный*, *смертный* и б) употреблением таких существительных, глаголов и наречий, которые по своему смыслу связаны с понятием недолговечности. Например:

(44) Я любил и люблю этот *бренный и тленный,*

Равнодушный, уже остывающий мир.

(Лидия Вертинская) [Нкр].

(45) Здесь всё *смертно и тленно* —

Розы и короли,

Но был сладок нам *бренный*

Темный воздух земли.

(А.П. Ладинский) [Нкр].

(46) Но нет, лишь ткань *из тлена* онемела,

Лишь *бренный цвет увял* средь *смертных нив!*

(Ю.К. Балтрушайтис) [Нкр].

Наконец, последний элемент антитезы — это противопоставление обобщенного *кто* (*кто создан из камня, кто создан из глины*) и личного местоимения *я* (*а я серебрюсь и сверкаю*). Согласно данным толковых словарей, *кто* в данном случае является союзным словом, которое используется когда речь идет о *разных* людях, о каких точно — неясно, о разных людях *вообще*. Этому значению противостоит предельно конкретное «я» автора с указанием имени собственного — *Марина*.

Сходное строение глагольной антитезы находим и в следующем примере:

(47) Один идет прямым путем,

Другой идет по кругу

И ждет возврата в отчий дом,

Ждет прежнюю подругу.

А я иду — за мной беда,

Не прямо и не косо,

А в никуда и в никогда,

Как поезда с откоса.

(А.А.Ахматова)

Здесь, как и в предыдущем случае, теза (первый член противопоставления) формулируется с помощью обобщающего слова, с той лишь разницей, что в данном случае это не *кто*, а *один* — *другой*. Согласно толковым словарям, *другой* в роли неопределенного местоимения имеет значение ‘некоторый’, ‘какой-нибудь иной’. Аналогичным образом *один* имеет значение ‘какой-то’, ‘некий’.

В первом четверостишии глагольные словосочетания *идти прямым путем*, *идти по кругу* имеют метафорическое значение, которое можно сформулировать следующим образом: люди проживают свою жизнь по-разному и при этом ждут счастливых событий — возврата в отчий дом, возврата подруги. Это ожидание счастья передано поэтом не только с помощью глагола *ждать* (как правило, мы ждем чего-то хорошего), но и самим значением слов *подруга* и *отчий дом*, которые обладают четкой положительной оценочностью.

Во втором четверостишии, которое вводится противительным словосочетанием *а я*... (ср. *но я*... в примере 30), находим ту же глагольную метафору, что и в первом четверостишии (*иду... не прямо и не косо*). Антитеза при этом реализуется по нескольким линиям:

а) люди вообще vs я;

б) упомянутое выше ожидание счастья vs беда (*а я иду — за мной беда*);

в) обычная жизнь обычных людей (первое четверостишие) vs трагическая жизнь поэта (второе четверостишие);

г) указание на пространственные и временные рамки (первое четверостишие; имеется в виду, что каждый человек идет своим путем и при этом надеется *со временем* обрести на этом пути лучшую долю) vs вне-временная и вне-пространственная

трагическая жизнь поэта (аллитерированные наречия места и времени превращены поэтом в существительные: *в никуда и в никогда*).

В анализируемом нами поэтическом тексте мы обнаруживаем ту же тенденцию, о которой упоминалось выше, а именно: второй член антитезы оказывается, в эмоциональном и экспрессивном отношении, более нагруженным, нежели ее первый член. Об этом говорит использование стилистического приема сравнения (*как поезда с откоса*), образующего, по силе своего образного воздействия на читателя, вершину эмоционального напряжения текста.

Задание: Напишите несколько строк о какой-либо черте Вашего характера (привычке, увлечении и проч.), используя схему анализа, предложенную в предыдущих двух примерах. Начните с обобщающего *кто любит путешествовать, кто не может жить без театра…* и т.п. Затем используйте противительное словосочетание *а я…*, за которым последует глагольная метафора (например, *а я погружаюсь в…*; *а я растворяюсь в…* и т.п.).

Обратимся к иному вопросу, а именно к характеру синтаксических конструкций, в рамках которых реализуется стилистический прием антитезы. Первое, что выступает особенно заметно, это использование симметричных синтаксических построений. Например:

(48) Яков (приказчик — Н.Р.) помолчал несколько секунд; потом вдруг пальцы его завертелись с усиленной быстротой, и он, переменив выражение *послушного тупоумия*, с которым слушал господские приказания, на свойственное ему выражение *плутоватой сметливости,* подвинул к себе счеты и начал говорить (Л.Н. Толстой).

Полная синтаксическая симметричность (одинаковость) двух определительных конструкций способствует тому, что внимание читателя сосредотачивается в равной степени как на противопоставлении существительных *тупоумие* vs *сметливость*, так и на противопоставлении определяющих их прилагательных — *послушный* vs *плутоватый*.

В подобных синтаксических конструкциях существительные, как правило, демонстрируют высокий «градус» оценочности (положительной или отрицательной), на что со всей определенностью в нашем примере указывает существительное *тупоумие*.

Если бы этому слову было противопоставлено существительное *ум*, мы бы имели дело с простым логическим контрастом, о котором говорилось в начале данной статьи. Однако тупоумию писатель противопоставляет сметливость, что создает стилистический прием антитезы.

Возникновение этого приема объясняется рядом причин. Одна из них состоит в следующем: в контексте художественного (как, впрочем, и нехудожественного, *non-fiction*) текста существительное *сметливость* может употребляться для формулировки как положительной, так и отрицательной оценки качеств описываемого лица (лиц). Приведем несколько примеров (они заимствованы из [Нкр]), иллюстрирующих положительную оценочную характеристику:

(49) Зная житейскую *сметливость* брата, к нему даже старшие офицеры нередко обращались за советом (Мозаика войны (2004. «Наш Современник». 2004.02.15) [Нкр].

(50) Стойкость, положительность, *сметливость*, чувство товарищества присущи были им еще в заводской совместной работе (В.Я. Шишков) [Нкр].

(51) Он по-старинному складывает буквы: аз, буки, веди, глаголь…. Еще полуграмотный, он проявляет *завидную сметливость* (Ф.И. Шаляпин) [Нкр].

(52) В нем горели простонародная русская талантливость и *несравненная* русская *сметливость* и расторопность (Ф.И. Шаляпин) [Нкр].

(53) Много раз мне приходилось отмечать *сметливость,* поворотливость и работоспособность этого народа (Н.К. Рерих) [Нкр].

Наличие таких определений, как *завидная*, *несравненная* (сметливость), а также использование в едином смысловом ряду, наряду со сметливостью, существительных *стойкость*, *положительность*, *талантливость* и словосочетания *чувство товарищества* определенно говорят о справедливости следующих словарных

толкований слова *сметливость*:‘ находчивость’, ‘сообразительность’, ‘догадливость’, ‘смекалистость’ (синонимы — *понятливость*, *смышленость*).

Однако мы находим и другие примеры, в которых *сметливость* получает иную, отрицательную оценочную характеристику.

(54) Одна из самых *неуважаемых* мною добродетелей: *догадливость и сметливость* (Венедикт Ерофеев) [Нкр].

(55) В эти минуты *расчет и хитрая сметливость* отступают от него (З.Н.Гиппиус) [Нкр].

Почему сметливость (в противоположность приведенному выше словарному толкованию этого слова) может быть названа не столь благородным свойством человеческой натуры? Представляется, что ответ на этот вопрос сформулирован в следующих строках: «С ними было то же, что бывает с промышленниками, у которых ремесло усиленно развивает *сметливость* и находчивость за счет других высших качеств и стремлений» (В.О. Ключевский) [Нкр].

Об отсутствии «высших качеств и стремлений» в значении существительного *сметливость* говорит то, что оно употребляется в контекстах, в которых действующее лицо проявляет способность приспособиться (причем, с точки зрения морали, не всегда безукоризненно) к сложившейся ситуации:

(56) Два-три предсказания, две-три угадки… житейская *сметливость* и уменье, быстро распознавая людей, *приспособляться* к их нраву, создали Аксиньюшке славу прозорливицы (А.В. Амфитеатров) [Нкр].

Именно такую ситуацию, т.е. желание приспособиться к сложившемуся положению вещей (когда приходится выслушивать господские приказания, которых приказчик не одобряет), Толстой описывает в приведенном выше примере.

Читатель, который не забыл «Детство. Отрочество. Юность», возможно, вспомнит, что приказчику Якову не были свойственны какие-либо «высшие качества и стремления». Отсюда — прилагательное *плутоватая* (*сметливость*), употребленное в значении ‘склонный к лукавству и хитрости’.

Суффикс *-оват-* говорит о наличии качества в ограниченной мере (это обстоятельство упоминалось выше; в качестве примера приводилось прилагательное *красноватый*, т. е. не вполне красный). Яков не плут в полном смысле этого слова. Он именно плутоват и его покорность (*послушное тупоумие*) — это то же лукавство, хитрость и притворство. Таким образом, *послушный* и *плутоватый* становятся контекстуальными синонимами.

В рамках полного синтаксического параллелизма может реализоваться антитеза, которая одновременно является другим стилистическим приемом, в данном случае — оксюмороном:

(57) Бывало, думал ради мига
И год, и два, и жизнь отдам…
Цены не знает прощелыга
Своим приблудным пятакам.

Теперь иные дни настали.
Лежат морщины возле губ,
Мои минуты вздорожали,
Я стал умен, суров и скуп.

Теперь себя я не обижу:
Старею, горблюсь, — но коплю
Всё, что так *нежно ненавижу*
И так *язвительно люблю.*

(Владислав Ходасевич).

Взятые сами по себе глаголы *ненавижу* и *люблю* не способны создать стилистический прием антитезы, поскольку играют роль простых словарных антонимов. Вся «тяжесть» приема, с присущими ему контекстуальными смысловыми наслоениями, ложится на два наречия — *нежно* и *язвительно*.

Антитезное противопоставление двух оксюморонов основано на следующих значениях наречий: *нежно* означает в данном случае ‘проявляющий любовь’ (*нежно ненавижу* — это тот случай, который обычно называют «любовь — ненависть»). В свою очередь, *язвительно* (*люблю*), согласно данным толковых словарей, означает ‘насмешливо, ядовито, иронично и даже злобно’.

Таким образом, любовь становится тем словом, которое объединяет два оксюморона, с той лишь разницей, что во втором оксюмороне любовь заявлена открыто, а в первом — заключена в слове *нежно*.

Имеется еще одно обстоятельство, объединяющее два антитезных оксюморона. Это — наличие аллитерации. В первом оксюмороне находим звук [н] в начале каждого слова и повторяющийся звук [ж] в обоих словах — ***нежно ненавижу***. Во втором оксюмороне аллитерация не столь очевидна, как в первом, однако и здесь имеет место тройной повтор звука [л] — *язвительно люблю*.

Попутно отметим, что явление аллитерации использовано не только в самом конце стихотворения, но также и в его начале и середине: *цены не знает **п**рощелыга своим **п**риблудным **п**ятакам; я стал с**у**ров, **у**мен и ск**у**п*.

Задание: Выше говорилось об антонимичной паре глаголов — *люблю* и *ненавижу*. Приведите иные пары глаголов, обозначающих контрастные чувства.

Разновидностью антитезы, реализуемой в рамках морфологического параллелизма, является такая структура, в которой теза и ее противопоставление выражены одной и той же частью речи. В приводимом ниже примере это прилагательные.

(58) Вечернее солнце вдруг ослепило улицы, и пыльный, холодный, ждущий зимы, злой, обшарпанный город показался торжественным, розовым, светлым (В. Гроссман).

Эмоционально-экспрессивным центром тезы является прилагательное *обшарпанный*. Толковые словари определяют это слово как ‘потертый, оборванный,

обтрепанный, грязный’. В контексте приведенного выше примера прилагательное *пыльный* (иными словами, грязный) становится синонимом слова *обшарпанный*.

Что касается определений *холодный* и его контекстуального синонима *ждущий зимы*, то они вносят иную, дополнительную черту в метафорическое описание города как чего-то потертого, оборванного и обтрепанного.

В перечне прилагательных, описывающих город, определенный интерес представляет слово *злой*. В рассматриваемом нами примере это прилагательное, согласно данным толковых словарей, реализует два значения: а) ‘преисполненный чувства недоброжелательства’ и б) ‘крайний по степени проявления этого качества’. Иными словами, оборванность, обтрепанность, грязь, холод — все эти качества обшарпанного города представлены в нашем примере в высокой степени.

Примеры, извлеченные из [Нкр], указывают на то, что контекстуальными синонимами прилагательного *обшарпанный* могут становиться такие слова, как *затхлый*, *замшелый*, *запущенный*:

(59) В любом случае, этот *обшарпанный и затхлый подвал* был поистине сакральным местом для его обитателей (А. Геласимов) [Нкр].

(60) *Обшарпанный, с замшелой кровлей,* с окнами, затянутыми *мутью* полиэтилена, с садом, *засохшим полностью…* (А. Иличевский) [Нкр].

(61) Шестнадцатиподъездная «хрущевская» пятиэтажка…в спальном районе Екатеринбурга ничем не отличается от миллионов других в России. Таков же подъезд № 9, *обшарпанный, грязный. «Как на помойке живем»,* — констатировала первая же попавшаяся жительница дома (С. Авдеев) [Нкр].

(62) *Обшарпанный флигель* во дворе я нашла уже быстро, поднялась *по запущенной лестнице…* (Эмма Герштейн) [Нкр].

(63) Так Стелла оказалась в коммуналке в центре Одессы: фанерный стол, *потертая клеенка* на кухне, общая плита, *длинный обшарпанный коридор,* объединяющий три семьи (Письма с того света // Труд-7, 2009.07.15) [Нкр].

Эти примеры говорят о том, что прилагательное *обшарпанный* употребляется для описания конкретных предметов (в широком смысле этого слова), имеющих отношение к отдельным зданиям города или их частям: подвал, подъезд, флигель, коридор. Когда же это прилагательное использовано для описания того состояния, в котором находился весь город *в целом*, оно приобретает иное, более широкое метафорическое значение, связанное с обозначением гнетущей атмосферы, которая царила в неживом, разрушенном пространстве, переставшем, по сути дела, быть городом в полном смысле этого слова.

Что касается прилагательных *торжественный*, *розовый*, *светлый*, то все они в равной степени являются контекстуальными антонимами слов *обшарпанный*, *злой*, *холодный*, *пыльный*.

Смысловая полярность этих прилагательных объясняется, в первую очередь, их разнонаправленной оценочностью, которую можно определить как «*постоянное* трагическое» (страшная разруха, вызванная войной) vs *«мимолетное* радостное и счастливое (короткое видение, созданное внезапным появлением солнечного света). Читатель понимает, что вечернее солнце приходит на очень короткое время, и после его захода обшарпанность и «злость» города (речь идет о военном Сталинграде) становятся еще более заметными.

Задание: Опишите какой-либо ландшафт (здание, улицу, городской двор и проч.), который преобразился в лучшую сторону под влиянием внезапно появившегося солнечного света. В своем описании используйте прилагательные *злой* и *розовый*. Последнее — в значении ‘такой, который заключает в себе только радостное, приятное, ничем не омраченное’.

Возвращаясь к синтаксическим построениям, в рамках которых реализуется стилистический прием антитезы, отметим, что одной из распространенных конструкций является перечислительный ряд, члены которого выполняют одну и ту же синтаксическую роль в предложении. Приведем пример:

(64) Моя мечта надменна и проста:

Схватить весло, поставить ногу в стремя

И обмануть медлительное время,

Всегда лобзая новые уста;

А в старости принять завет Христа,

Потупить взор, посыпать пеплом темя

И взять на грудь спасающее бремя

Тяжелого железного креста!

(Н.С. Гумилев)

В рамках инфинитивных конструкций, выполняющих одну и ту же синтаксическую роль в предложении, использованы существительные, образующие тезу контраста. Это — *весло*, *стремя*, *новые уста*. Второй член противопоставления создается существительными иного плана — *завет Христа*, *пепел* (которым посыпают темя, часто в переносном смысле), *спасающее бремя креста*.

Вопрос: Как вы думаете, почему в первом члене противопоставления использованы глаголы активного действия — *схватить* (*весло*), *поставить* (*ногу в стремя*), а во втором члене антитезы, напротив, глаголы внутреннего переживания?

Приведем еще один пример, иллюстрирующий аналогичное синтаксическое явление, — использование с целью создания антитезы нескольких однородных членов предложения:

(65) В одно мгновенье видеть Вечность,

Огромный мир — в зерне песка,

В единой горсти — бесконечность,

И небо — в чашечке цветка.

(У. Блейк. Перевод С.Я. Маршака)

Перечень дополнений к глаголу *видеть* позволяет свести воедино целый ряд антитез, скрепленных единой мыслью — «большое в малом»:

мгновенье vs *вечность*;

зерно песка vs *огромный мир*;

единая горсть vs *бесконечность*;

чашечка цветка vs *небо*.

Метафоры в приведенных выше поэтических строках строятся на разных смысловых основаниях: *мгновение и вечность* — это метафора времени; *песчинка и огромный мир* — метафора, в основе которой лежит понятие величины; *горсть и бесконечность мира* — способность человека вместить в себя вселенную; наконец, *чашечка цветка и небо* — это метафора сходства: небо нередко сравнивается с перевернутой чашей.

Синтаксическое сходство метафор (как было отмечено выше, здесь мы имеем дело только с одним членом предложения — дополнением) и вместе с тем разнообразие их «сюжетов» создает спаянное лексико-синтаксическое единство, в рамках которого происходит накопление метафорических смыслов.

Задание: Ниже приводится английский оригинал рассматриваемого нами четверостишия. Сравните оригинал и его перевод на русский язык. В чем вы видите сходство, в чем различие? Желательно, чтобы ваш ответ был мотивированным.

(66) To see the world in a grain of sand,
And to see heaven in a wild flower,
Hold infinity in the palm of your hand,
And eternity in an hour.

(William Blake)

Одной из наиболее распространенных синтаксических конструкций, в рамках которой реализуется стилистический прием антитезы, является синтаксический параллелизм. Приведем пример:

(67) It might have been well for Mr. Dombey if he had thought of his own dignity a little less; and had thought of the great origin and purpose of the ceremony (his son's Baptizing — H.P.) in which he took so formal and so stiff a part, a little more. His arrogance contrasted strangely with its history (Ch. Dickens).

Две синтаксически параллельные структуры строятся на одном и том же грамматическом материале (придаточное предложение нереального условия): *if he had thought of his own dignity a little less* vs (*if he*) *had thought of…. the ceremony a little more*.

Здесь в отношение контраста вступают следующие лексические единицы: *his own dignity*; *so formal and so stiff a part*; *arrogance* vs *origin*; *purpose*; *history of infant Baptism ceremony*.

Писатель не говорит о том, каков смысл описываемой им церемонии (только упоминает ее происхождение и цель), справедливо полагая, что читателю его времени это хорошо известно. По определению теологов этот смысл формулируется как ‘the priceless gift of becoming a child of God, the sign and means of God’s love, Baptism having spiritual value for the infant’.

Антитеза предстаёт таким образом в следующем смысловом контрасте: «formal and stiff arrogance» vs «the sign of God’s love». При этом существительное *arrogance* приобретает дополнительное приращение смысла. Так, помимо словарного значения ‘having exaggerated opinion of one’s own importance; conceit’, данное существительное в данном контексте реализует значение, которое можно сформулировать следующим образом: ‘absolute indifference to *spiritual* values due to overbearing self-importance’.

Вопрос: Какую роль играют прилагательные *formal* и *stiff* в приобретении существительным *arrogance* дополнительного (приращенного) контекстуального смысла?

Особый интерес представляет антитеза, реализуемая в *каждой строфе* поэтического произведения. Например (для удобства анализа строфы пронумерованы):

(68) **Song**

1. Here’s to the maiden of bashful fifteen:

Here’s to the widow of fifty;

Here’s to the flaunting extravagant queen,

And here’s to the housewife that’s thrifty.

Chorus. Let the toast pass, —

Drink to the lass,

I'll warrant she'll prove an excuse for the glass.

2. Here's to the Charmer whose dimples we prize;

Now to the maid who has none, Sir;

Here's to the girl with a pair of blue eyes,

And here's to the nymph with but one, Sir.

Chorus. Let the toast pass, etc.

3. Here's to the maid with a bosom of snow:

Now to her that's as brown as a berry;

Here's to the wife with a face full of woe,

And now to the damsel that's merry/

Chorus. Let the toast pass, etc.

4. For let' em be clumsy, or let 'em be slim,

Young or ancient, I care not a feather;

So fill a pint bumper quite up to the brim,

So fill up your glasses, nay, fill to the brim,

And let us e'en toast them together.

Chorus. Let the toast pass, etc.

(Richard Brinsley Sheridan. From "The School for Scandal")

Задания и вопросы:

1. В первой строфе обратите внимание на антитезу *the maiden of bashful fifteen* vs *the widow of fifty*. Как вы думаете, в каком значении употреблено здесь прилагательное *bashful*? Сравните ваше предположение с данными толкового словаря, желательно более полного.

Какое из толкований этого слова вступает в наиболее яркий смысловой контраст (образуя при этом антитезу) с существительным *widow*?

2. Проделайте то же самое в отношении причастия *flaunting* и прилагательного *extravagant*. Какие значения этих слов образуют, вместе с прилагательным *thrifty*,

стилистический прием антитезы? Особое внимание обратите на существительное *housewife*. Каков его «вклад» в создание антитезы?

3. Познакомьтесь с переводом на русский язык рассматриваемых нами поэтических строк:

(69) За подростка несмелых пятнадцати лет;

За вдовицу на пятом десятке;

За слепящую блеском и роскошью свет;

За живущую в скромном достатке.

Хор. Дайте вина,

Выпьем до дна,

Клянусь вам, что этого стоит она.

(Здесь и далее перевод М. Лозинского)

Благодаря использованию каких языковых средств переводчику удалось сохранить антитезный контекст первой строфы? Какие вы заметили отступления от оригинала?

Обратите внимание на вторую строфу.

Вопросы: Благодаря каким языковым средствам в переводе этой строфы, помимо антитезы, сохранен также стилистический прием создания комического эффекта?

За красотку, чьи ямочки трогают нас,

И за ту, что без ямочек, разом;

За прелестницу с парой лазоревых глаз

Иль хотя бы с одним только глазом.

Хор. Дайте вина и т.д.

В третьей строфе, а также в ее переводе, обратите внимание на использование, наряду с антитезой, приема аллитерации (*as **b**rown as a **b**erry*). Какова роль этого фонетического приема в данном конкретном случае?

За девицу, чья грудь **б**елоснежно **б**ела,

И за ту, что **ч**ерней **ч**ерной **н**очи;

За жену, чья улыбка всегда весела,

И за ту, чьи заплаканы очи.

В последней, четвертой, строфе оригинала выделите пары слов, образующих смысловой контраст противопоставления. Удалось ли переводчику сохранить этот контраст? Удачен ли его выбор соответствующих прилагательных?

Молода, пожила, неуклюжа, стройна —

Это всё, господа, пустословье,

Наливайте же в чашу побольше вина,

Чтобы чаша была выше края полна,

Чтобы выпить со мной их здоровье.

Хор. Дайте вина и т. д.

Задание и вопрос:

Еще раз обратите внимание на следующие контрастные по своему смыслу словосочетания:

maiden of fifteen — widow of fifty; *подросток — вдовица*;

queen — housewife; *слепящая свет блеском и роскошью — живущая в скромном достатке*;

bosom of snow — (*bosom*) *as brown as a berry*; *белоснежно бела — черней черной ночи*.

full of woe — merry; *улыбка весела — очи заплаканы*.

clumsy — slim; *неуклюжа — стройна*;

young — ancient; *молода — пожила*.

В основном эти словосочетания имеют характер логических противопоставлений. Они не осложнены контекстуальными приращениями и преобразованиями.

Вопрос: Почему же, в своей совокупности, они образуют стилистический прием антитезы?

Приведем еще один пример поэтического текста, целиком построенного на антитезе:

(70) **ТОТ ДРУГОЙ**

Я жду, исполненный укоров:
Но не веселую жену
Для задушевных разговоров
О том, что было в старину.

И не любовницу: мне скучен
Прерывный шепот, томный взгляд, —
И к упоеньям я приучен,
И к мукам горше во стократ.

Я жду товарища, от Бога
В веках дарованного мне
За то, что я томился много
По вышине и тишине.

И как преступен он, суровый,
Коль вечность променял на час,
Принявши дерзко за оковы
Мечты, связующие нас.

(Н.С. Гумилев)

В стихотворении можно выделить следующие антитезы:

жена, *любовница* vs *товарищ* (*дарованный от Бога*);

вышина и *тишина* vs *задушевные разговоры о старине*, а также *прерывный шепот*;

томный взгляд, *упоенья* vs *муки*;

вечность vs *час*;

оковы vs *мечты*;

упоенья vs *муки*;

я (начало стихотворения) vs *другой* (название стихотворения).

Большая часть антитез объединена по признаку «иметь» (разочаровывающий прошлый опыт поэта) vs «не иметь», только томиться и ждать.

В рамках этого противопоставления происходят определенные семантические сдвиги и приращения. Так, согласно данным толковых словарей прилагательное *веселый* (*веселая жена*) может указывать на: а) чувство веселья, испытываемое самим человеком; б) на чувство, доставляющее веселье (или какое-либо другое ощущение) другому человеку (ср.: *мне грустно потому, что весело тебе*).

В рассматриваемом нами стихотворении первое значение отступает на второй план. Мы понимаем, что поэт сосредоточен исключительно на своих собственных ощущениях и переживаниях.

Определенные смысловые сдвиги происходят и в паре существительных *вышина* и *тишина*. В контексте стихотворения тишина противопоставлена не только разговорам и шепоту, но также всему образу жизни, который тяготит поэта. Таким образом, простая антитеза (звук vs отсутствие каких-либо звуков) усложняется и углубляется.

Далее. В поэтическом тексте существительные *тишина* и *вышина* становятся контекстуальными синонимами. Это происходит благодаря тому, что оба слова в одинаковой степени теряют своё основное предметно-логическое значение. Так, *тишина* — это уже не отсутствие слышимых звуков, а состояние души поэта, о котором сказано «Душа полна священной тишиной» (Баратынский). В свою очередь, и *вышина* в поэтическом тексте — это не ‘пространство, высоко отстоящее от земной поверхности’ (словарное определение)’, а состояние, к которому стремится душа поэта.

Примечательно, что в поэтических текстах существительные *вышина* и *тишина* могут употребляться как близкие синонимы (приводимые ниже примеры заимствованы из [Нкр]):

(71) И стоит осиротелая

И немая *вышина,*

Как пустая башня белая,

Где туман и *тишина*

(О. Мандельштам) [Нкр].

(72) Когда же солнце вас расплавит,

Серебряные облака,

И будет *вышина* легка,

И крылья *тишина* расправит?

(О. Мандельштам) [Нкр].

(73) Отрадно лежать там, где люди не ходят,

Где боговнимаемая *тишина,*

Где самые низкие мрачные своды —

Лазурно-сияющая *вышина.*

(Б. Б. Божнев) [Нкр].

(74) Над тобою глубока *вышина,*

Под тобою чутка глубина,

Безмятежна твоя *тишина*

(Л. Л Кобылинский) [Нкр].

В поэтическом тексте *тишина* может сопрягаться со словом *Бог*:

(75) Здесь нет людей,

Здесь *тишина,*

Здесь только Бог да я…

(Г.Галина) [Нкр].

В приведенных выше примерах синонимия существительных *тишина* и *вышина* подчеркнута словами другой части речи. Это, в первую очередь, прилагательные *осиротелая*, *немая*, *пустая*, которые, в свою очередь, тоже являются контекстуальными синонимами. Такими же синонимами являются прилагательные *боговнимаемая*, *недосягаемая*, *лазурно-сияющая*.

Если позволительно говорить о наличии обобщенной ситуации в поэтическом тексте и о языковых средствах ее выражения, то синонимичное сближение слов (имеются в виду существительные *вышина* и *тишина*) в рамках *ограниченного* текстового пространства превращается в легко прослеживаемый повторяемый прием, используемый столь не похожими друг на друга поэтами.

Итак, рассмотренный выше материал позволяет сказать, что антитеза как стилистический прием (в отличие от простого логического противопоставления) представляет собой чрезвычайно благодатный материал для смыслового анализа синонимичных и антонимичных возможностей слова.

Это объясняется, в первую очередь, контекстуальным (отчасти весьма неожиданным) сближением слов в рамках структуры противопоставления. Неожиданности этого сближения в немалой степени способствует использование в рамках антитезы таких стилистических приемов, как метафора, сравнение, эпитет и оксюморон.

Н.К. Рябцева (Институт языкознания РАН)

N.K. Riabtseva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Концепция преподавания перевода Питера Ньюмарка и ее теоретическое и практическое значение

Teaching translation studies by Peter Newmark and their theoretical and practical impact

Аннотация

В статье систематизируются принципы и методы преподавания перевода, разработанные известным британским ученым П. Ньюмарком, и показывается их теоретическое и практическое значение. Особое внимание уделяется новым актуальным методическим и дидактическим установкам в обучении переводу и задачам, которые они ставят перед современной лингвистикой.

The paper systematizes Peter Newmark's main ideas concerning translation-teaching and shows his contribution to theoretic and applied translation studies. Special attention is paid to state-of-the-art methodical and didactic procedures in teaching and learning translation and their impact on contemporary linguistics.

Ключевые слова

переводоведение, принципы и методы преподавания перевода, «переводческие ловушки»

translation studies, methodical and didactic procedures in teaching translation, «translation traps»

Концепция преподавания перевода П. Ньюмарка отличается целым рядом ярких и конструктивных особенностей и представляет собой систему принципов и методов

перевода, обучение которым основано на комплексе четких методических и дидактических установок.

Самой важной исходной установкой в концепции преподавания перевода П. Ньюмарка выступает формирование цельной профессиональной личности переводчика, который должен не только владеть профессиональными переводческими знаниями, но и быть сознательным приверженцем гуманизма, культурных ценностей и высоких моральных норм поведения. А самой важной чертой концепции П. Ньюмарка является ее прямая связь с новыми потребностями, тенденциями и технологиями современного, постоянно изменяющегося мира, который ставит перед переводчиком и преподавателем новые проблемы, открывая им, тем не менее, и новые возможности и перспективы.

В основе концепции П. Ньюмарка лежит глубокое убеждение в том, что перевод должен быть основан на истине, которая включает в себя фактуальную, моральную, логическую, эстетическую и лингвистическую истину — соответствие оригиналу: «Translation is a weapon of and for the truth» [6, 143]; «The translator's first loyalty is neither to the writer nor to the reader but to the truth» [6, 204]. Перевод в значительной степени имеет отношение к морали в том смысле, что всякое искажение оригинала аморально, и когда переводчик переводит, он имеет дело с истиной в большей степени, чем со своей или чужой культурой: «When he translates, he is concerned with the truth rather than his own or "the other" culture» [6, 24, 39]. Служение истине, а не идеологии (издателю, заказчику и т.д.) — предназначение переводчика и его ответственность перед миром, сущность его профессии, возвышающей ее и делающей благородной и «миссионерской» [6, 204, 213; 2; 3; 4; 7; 8].

Более того, перевод как важнейший компонент современной жизни, наравне с языком и реальностью, непосредственно связан еще и с «естественными правами» — не только с правами человека, но и с правами живой природы: human, animal and environmental or natural rights. Поэтому, например, такие уничижительные обозначения по отношению к человеку, как *cabbage*, *vegetable* и т. п. нарушают не только права человека, но и природы, и их следует избегать при переводе [6, 27, 31]. Особую моральную

ответственность переводчик несет, в частности, при переводе таких явлений, как обозначения малочисленных народностей и языков, описание внешности и др. характеристик личности, которые могут оказаться пейоративными (уничижительными и т.п.), ср. прямое и «политкорректное» описание соответствующих явлений: *minor*, *rare* vs. *minority languages*/*nations*; *ugly* vs. *cosmetically different; underdeveloped* vs. *overexploited*; *uneducated* vs. *alternatively schooled* и др. [6, 30, 52].

Основным моральным постулатом перевода П. Ньюмарк считает следующий: «Переводчик не обязан переводить утверждение, которое он считает аморальным, или которое содержит фактическую ложь, только если он специально на это не укажет». В целом обсуждение «морального измерения» в переводе должно положительно влиять на уменьшение вреда «от несправедливости и неравенства в мире» [6, 31—32].

Исходные положения

В качестве исходных положений в концепции преподавания перевода П. Ньюмарка выступают следующие.

1. Перевод с языка на язык принципиально отличается от способности говорить и писать на иностранном языке и потому является автономным предметом профессионального обучения.

2. В современный период глобализации и устранения политических, государственных, религиозных и т.п. границ, перевод постоянно расширяет сферу своей деятельности, интегрируется со смежными профессиями и становится все более мощным и распространенным культурным инструментом международного взаимодействия, особенно в области экономической и гуманитарной кооперации, культурного обмена, бизнеса, туризма и др. Функции, содержание и предназначение перевода стремительно изменяются и расширяются также в результате геополитических и социальных изменений в мире: распада многонациональных государств, политических и военных конфликтов, нарастания потока беженцев, интенсивной миграции и эмиграции и др. [6, xii].

3. Перевод постоянно должен быть в фокусе внимания общественности, административных органов местного управления, парламентариев всех уровней, работников культуры, науки и туризма, издателей и т.д., и обязательно — уполномоченных по правам человека. Их заботой должно быть, в том числе, снабжение всех административных, юридических, культурных, медицинских, образовательных, развлекательных и т.п. центров, а также транспорта, связи и городской инфрастуктуры дву- и многоязычными надписями, названиями, инструкциями и прочей жизненно важной информацией, которая должна быть доступна не только гражданам данной страны, но и иностранцам — туристам, рабочим и специалистам, беженцам и т.п. [6, 8, 9, 11, 42, 79 и др.].

4. Важнейшим предметом в обучении переводчиков является курс «Принципы и методы перевода», который состоит в объяснении сущности перевода, техник выявления переводческих проблем и их решений, а также в переводческой обработке исходного текста [5; 6, 49—50, 163]: «To translate is to choose» [6, 115]. Хороший учебник по переводу должен содержать небольшие тексты разной тематики, их переводы и комментарии к ним [6, 78].

5. Курс обучения профессиональным навыкам перевода в общем случае включает следующие компоненты: (I) Исходные методологические установки. (II) Принципы организации занятия по переводу. (III) Принципы переводческого анализа текста. (IV) Трудности в переводе и принципы их решения. (V) Принципы формирования чувства языка. Особого внимания в преподавании перевода заслуживают разного рода «переводческие ловушки» и «профессиональные переводческие ошибки».

Исходные методологические установки

1. В общем виде (письменный) перевод представляет собой перенос значения текста с одного языка на другой как можно более точно, «экономно» и гладко («agreeably written»), для новой читательской аудитории, с сохранением стиля исходного текста: текст перевода должен естественно и непринужденно читаться. Техники перевода текстов зависят от их характера: различаемые в этом отношении авторские

(«авторитетные») и информативные тексты переводятся по-разному: первые — как можно более точно и полно по отношению не только к содержанию, но и форме его выражения, вторые — так, чтобы быть предельно понятными адресату (подробнее см. [9]).

При этом переводить «экономно» не значит обязательно «кратко». Например, «Гамлет», содержащий блестящую сатиру на многословие «самоодурманивающегося» любителя монолога Полония (точь-в-точь современный парламентарий!), представляет собой и самую длинную, и самую сжатую пьесу, ср. драматическую иронию в словах Полония — «Brevity is the soul of wit», и резкое замечание Гертруды: «More matter with less art» [6, 100—101].

2. Несмотря на то, что перевод с одного языка на другой является, по определению, лингвистической деятельностью, помимо практических лингвистических знаний профессиональному переводчику необходимы практические знания еще из целого ряда смежных дисциплин: Это логика (изложения), литературоведческий анализ текста и его эстетических особенностей, стилистическое редактирование, предметные знания, культурологические аспекты перевода, а также права человека, которые переводимый текст не должен нарушать [6, 35, 102].

3. Переводческая обработка/анализ исходного текста заключается, в первую очередь, в выявлении всех содержательных и формальных «проблем» его понимания; это, в первую очередь, разного рода неоднозначности, неточности, непоследовательности, стилистические недочеты и т.п. Важнейшей задачей переводчика при этом в переводе не-авторских текстов является «доработка» текста: устранение неясностей, прояснение содержания, улучшение качества изложения и т.д., а также комментирование мест, которые остались непроясненными, которые несут ложную информацию, нарушают права человека и т.д. [6, 147].

4. В переводе должны сохраняться все виды значений: денотативные, коннотативные и прагматические. Перевод художественного текста должен воспроизводить все тонкости языка оригинала и его стилистические эффекты [6, 147].

5. Обучение переводу должно сопровождаться обучением работы со словарями и справочниками, обычными и электронными, традиционными и новыми [6, 217]. Так, важнейшим принципом работы со словарями является сравнение двуязычных словарей с одноязычными, а также с энциклопедиями и др. типами справочников [6, 78, 85].

Основные принципы организации занятия по переводу

1. На каждом занятии следует делать упор на анализе двух-трех конкретных переводческих проблем. Начинается занятие с вопроса «О чем текст?», ответ на который должен быть «референциальным», а не «лингвистическим», повторяющим название. Так, текст под названием «Десять лет финансовых инноваций» может быть о новых принципах «дерегулирования экономики» [6, 22]. Далее следуют вопросы: «К какому типу относится текст: авторскому или нет? Художественному или нет?», «Как, каким языком текст написан?», «Что нужно обязательно сохранить в переводе?».

2. Преподаватель должен уметь уверенно объяснять, чем один вариант перевода отличается от другого, в противном случае его студенты потеряют к нему уважение. В процессе обучения нужно обязательно делать обобщения и после этого приводить аналогичные примеры, иллюстрирующие это.

3. Тексты, отбираемые преподавателем для перевода, должны быть разных стилей и жанров; они берутся из реальной коммуникативной практики — газет, журналов, документов и т.д. При этом важнейшей чертой большинства, особенно разного рода технических документов и отчетов, является то, что они часто написаны недостаточно хорошим языком, небрежно, путано, с опечатками, ошибками и прочими недочетами [6, 11]. Важнейшей задачей переводчика здесь становится создать такой текст перевода, который был бы лишен всех этих недостатков, хорошо читался и был бы полностью понятен новому адресату. Самой сложной проблемой при этом становится понимание неудачно или плохо выраженных и сформулированных мыслей. В связи с этим П.Ньюмарк подчеркивает, что в предельно компактном виде перевод — это «точный и элегантный перенос смысла текста на одном языке в текст на другом языке для нового читателя — представителя другой культуры» [6, 119].

К сожалению, в специальной литературе не часто можно встретить мнения переводчиков о качестве переводимых ими текстов, несмотря на то, что они весьма поучительны. Так, П. Ньюмарк приводит «крик души» переводчика, которому приходится переводить многословные и маловразумительные тексты, буквально «кишащие» политико-экономическими жаргонизмами: «I am fed up translating verbose politico-economical jargon-riddled nonsense which I then have to inject with any meaning I can infer from the atmosphere… I'm increasingly being asked now to revise English economic texts which Italian professors are keen to write in English… I have to truncate endless sentences of Italianised syntax. What to do? Re-write? Re-interpret? (Jane Dunnett)» [6, 36]. При этом ясно, что никто специально не пишет плохо, просто авторами текстов часто бывают специалисты, недостаточно свободно владеющие письменной, в частности, научной речью. Поэтому все соответствующие проявления должны быть при переводе распознаны и устранены [6, 14—15], и поэтому, в частности, и нужен переводческий анализ текста и обращение к справочной литературе.

4. Важнейшим принципом проверки выполненного перевода является его по меньшей мере трехкратное чтение: сначала просто как текст, затем сравнивая его пословно и по предложениям с оригиналом, затем чтение вслух, с проверкой его звучания и оформления знаками препинания, особенно с точки зрения эмфазы, порядка слов и т.п. [6, 176]. Особое внимание следует уделять фактической информации, и особенно разного рода именам собственным, названиям и т.д. Так, например, в современном мире географические названия часто изменяются, заменяются на новые и т.п., что требует обращения к разного рода справочникам и, соответственно, нередко оказывается необходимым введение дополнительной информации в текст перевода [6, 182].

Основные принципы переводческого анализа текста и приемы его перевода

1. Чтобы определить тактику и стратегию перевода текста, необходимо установить/знать следующее: (1) источник текста оригинала (автора, издателя, издание, в котором он размещен, время создания и публикации текста); (2) предполагаемого

адресата текста перевода; (3) тематику текста (и содержащего его издания); (4) качество изложения. В первом случае это помогает определить жанр текста и роль в нем различных видов лексики: терминов, профессионализмов, коллоквиализмов, архаизмов и т.д. Во втором случае это помогает определить, нуждается ли текст в «литературной обработке», дополнительных пояснениях, упрощении и т.п. Тематика текста позволяет определить его ключевые точки и понятия: контраст, эмфазу, основную идею и т.д. В последнем случае переводчик решает, нуждается ли изложение в улучшении [6, 89].

Так, «*прием придания тексту качественного вида*» используется, чтобы сделать текст перевода (в первую очередь, нехудожественного) более понятным и прозрачным. В связи с этим следует не только разбивать длинные предложения на более короткие, но и повторять ключевые связующие компоненты текста. Особенно важно «расшифровывать» разного рода дейктики типа нем. *demnach*, *darüber hinaus*, *dies*, франц. *pour cela*, англ. *that* и т.п. В девяти случаях из десяти к ним следует добавлять поясняющие слова и конструкции, ср. *according to this* (*model*), *for that* (*reason*), *the government can attain this* (*object*) и т.п. [6, 88].

Особое внимание при этом следует уделять повторам как в оригинале, так и в переводе. Так, повтор может быть намеренным или ненамеренным. Намеренные повторы в тексте оригинала несут организующую и эмфатическую функцию. Повторы, которые представляют собой избыточный элемент текста, являются стилистическим недочетом, который в тексте перевода следует устранить [6, 151—152]. При этом важно знать, что в отдельных культурах, особенно во французском языке, повторы считаются дурным тоном и избегаются при помощи местоимений, описательных оборотов, аналогов и т.п. (ср. *Валери Жискар д'Эстен* vs. *бывший президент Франции*). Особенность перевода повторов заключается в том, что в языках, не имеющих грамматического рода, местоимения заменяются на те существительные, которые они замещают. Переводчик, в свою очередь, часто вынужден намеренно прибегать к повтору ключевого понятия, особенно если он разбивает чересчур длинные предложения на более короткие.

«*Прием добавления смысловых уточнений*» заключается в использовании дополнительных уточняющих определений там, где для понимания текста нужны, например, специальные знания. Так, немецкий технический термин *Verwerfungen* (‘faults’) при переводе, особенно нетехнического текста, может получить уточнение, ср. *geological faults* [6, 140].

2. Переводческий анализ текста необходим также в связи с различными типами неоднозначности или неопределенности в исходном тексте. Так, неоднозначность может быть лексической, грамматической, синтаксической, концептуальной и прагматической. Каждая из них требует анализа контекста или привлечения дополнительных экстралингвистических, в том числе и культурологических знаний [6, 113]. Анализ контекста при этом заключается в определении принципов его развертывания. Так, в развертывании текста важнейшую роль играет контраст или продолжение мысли. Показательно, что, например, многие французские коннекторы способны выражать и то, и другое, ср. франц. *d’autre part* = ‘moreover’ vs. ‘on the other hand’, *alors que* = ‘when’ vs. ‘whereas’, *tout en* (*faisant*) = ‘while’ vs. ‘although’. Для разрешения такой лексической неоднозначности часто необходим анализ целого абзаца [6, 17].

Грамматическая неоднозначность может проявляться в неопределенности границ грамматической конструкции. Так, формально одно и то же прилагательное может относиться не только к определяемому им, но и к следующему за ним существительному; например, в *slow neutrons or electrons* только знание того, что именно нейтроны, а не электроны бывают «медленными», позволяет правильно распознать лингвистическую конструкцию. Однако чаще всего определения в подобных конструкциях относятся к обоим именам.

Неоднозначными могут быть и целые синтаксические обороты. Так, абсолютный причастный оборот типа *This being so* может выражать целый комплекс логических связей в тексте. Подобные конструкции особенно характерны для французского языка, и при их переводе на английский они заменяются (в зависимости от контекста) на придаточное каузальное, условное, темпоральное и т.п., вводимое соответствующими

коннекторами (*since, because, if, when, while* etc.). В концептуальном отношении расхождения (неоднозначности) между языками возникают, когда одному слову одного языка соответствует два родственных понятия в другом языке, ср. *politics* vs. *policy*. Здесь могут оказаться полезными наблюдения типа того, что *politics* часто используется с определенным артиклем, а *policy* — с указательными или притяжательными местоимениями [6, 19].

3. Нередко в текстах бывают непонятные или недостаточно конкретные места. Существует несколько способов «обработки» таких текстов — «*защитные переводческие приемы*». Главный из них — поместить недостаточно определенное выражение «в кавычки»; другое средство — квадратные скобки, а также помета *sic!*, примечание или комментарий к тексту [6, 170].

4. Особую проблему представляет собой перевод широкозначной лексики («holdall words»): слов типа *affair, element, spirit, case, essence, essential, make* и многих других. Так, нередко эта лексика может использоваться и в узкоспециальном значении; например, франц. *Les agents* (*recherchaient une gestion plus efficace de leurs finances*) может означать и ‘Both parties’, и ‘The brokers’ [6, 19]. Характер значения определяется контекстом — словосочетанием или тематикой текста. Например, франц. *gros oeuvre* это не только ‘a large work’, но и ‘shell’ или ‘external skeleton’ (of a building), в зависимости от контекста [6, 123].

5. «*Приемы перевода сносок*». Перевод сносок зависит от характера переводимого текста («авторский» vs. «неавторский», художественный vs. информативный) и от их содержания. Особенности в переводе сносок в художественном произведении заключаются в том, что они часто требуют введения дополнительной информации, предназначенной специально для читателей перевода. В нехудожественном (например, информационном) тексте сноски часто оказываются избыточными [6, 151].

6. Эвфемизмы vs. «дисфемизмы»: приемы перевода. Эвфемизмы — это обычно необидные или более положительные слова или выражения, заменяющие обидные, оскорбительные, неприятные, неприличные и т.п. Эвфемизмы особенно актуальны в

таких областях, как религия, физиология, состояния рассудка, болезни, смерть, пьянство, наркомания, насилие, преступность и т.п. Эвфемизм или смягчает высказывание, или скрывает правду. Он может быть ироничным, стандартным или «авторским» (оригинальным). Эвфемизмам противостоят «дисфемизмы» — слова и выражения, намеренно передающие пейоративный смысл. И те, и другие имеют прямое отношение к табу и предрассудкам, которые противостоят правам человека и политкорректности, которая, собственно, и занимается эвфемизацией общения. Помимо того, что эвфемизмы следует переводить как можно более точно, переводчик должен тем или иным образом указать, что эвфемизм вуалирует аморальное или преступное действие, ср. *убрать* (*к.-л.*), *пришить* и т.д. [6, 141—142].

7. Особенности технического перевода: 1. Чем более специален текст, тем менее важно хорошее знание исходного языка. 2. Чем более текст ориентирован на технические детали, тем менее важны знания о культуре исходного языка. 3. Чем хуже написан технический текст, тем лучше должен уметь писать переводчик. 4. Чем более техничен текст, тем более важны знания о предмете изложения [6, 45].

Трудности в переводе и принципы их решения

Существует прямая связь между характером/содержанием текста и трудностью его перевода. Так, с точки зрения содержания и тематики П. Ньюмарк разделяет тексты на пять видов: межкультурный, информационный, социальный (общественно-политический, научный, технический и т.п.), художественный и поэтический. С точки зрения техники и трудности перевода каждый вид заканчивается там, где начинается следующий.

Так, в «межкультурных текстах» (перевод драмы, культурных новостей, общественных объявлений, предписаний и т. п.), перевод которых должен вызвать тот же прагматический эффект, что и оригинал, национально-специфичные понятия и выражения оригинала заменяются на соответствующие/аналогичные в языке перевода. В переводе информационных текстов главное — фактуальная информация, а форма ее выражения второстепенна, поэтому здесь допускается определенная стилистическая

«доработка» текста переводчиком. «Социально значимые тексты» переводятся более близко к тексту и как можно более полно. В переводе художественной литературы, где важны коннотации, аллегории и символы, а также звук, эмоции и чувства, перевод должен еще передавать и эстетические особенности оригинала. В поэтическом переводе необходимость передачи последних явлений наиболее сильна и потому вынуждает переводчика жертвовать некоторой семантической информацией. Как ни печально, информативные тексты, которые в наименьшей степени нуждаются в «близком к тексту» переводе, более всего ему поддаются, особенно если в них мало этноспецифических реалий. Поэзия, напротив, более всего нуждается в близком к тексту переводе, но менее всего ему поддается [6, 137—138, 177].

В целом, трудности в переводе напрямую связаны с характером переводимого текста и вытекающим из него требованием точности его перевода, которое в методическом отношении формулируется в виде учета ряда переводческих принципов.

1. «Принцип перевода текста в зависимости от его характера». Понятие точности перевода в значительной степени зависит от характера переводимого текста. В наибольшей степени в этом отношении противостоят художественный и информативный текст. В первом случае точность относится не только к содержанию текста, но и к его форме, а также коннотациям. Так, если выражения: нем. *Der Weg war lang*, франц. *Le chemin était long*, ит. *La via era lunga* в семантическом отношении равнозначны в обоих типах текста, то в коннотативном, «художественном» отношении понятия “way” и “long” могут нести дополнительную информацию, подразумевать нечто большее, и потому передаваться другими лексическими средствами [6, 63].

2. «Принцип одинаковой частотности» заключается в том, что любые соотносимые характеристики оригинала и перевода должны быть аналогичны друг другу по своей частотности (характерности) для обоих языков и для данного жанра: это общеупотребительность слова, его терминологичность, устойчивость коллокации или грамматической конструкции, залог, наклонение, порядок слов, метафоричность, идиоматичность, пунктуация и т.д. [6, 136]. Например, казалось бы, такое

интернациональное слово, как *profession* на деле оказывается неравнозначным по частотности употребления в разных языках. Например, во французском языке оно более распространено, чем в английском, поэтому французское *socio-professionnel* соответствует английскому *socio-economic*, *professions intermédiaries — intermediate occupations*, *formation professionnelle — vocational training*, *adresse professionnelle — business address*, *journal professionnel — trade paper*, *association professionnelle — trade association*. На немецкий языкэто слово чаще переводится как *Beruf, Berufung, Gewerbe* [6, 33].

3. «Принцип перевода названий» вытекает из характера переводимого текста: название «авторского», художественного или официального, текста следует передавать как можно более точно, а содержащиеся в нем имена собственные нельзя изменять (или заменять чем-либо другим). Так, произведение Йейтса (Yeats) «Byzantium» должно так же выглядеть на любом языке, и никакие замены, например, на «In Search of the Infinite», недопустимы: это будет преступлением перед автором и истиной [6, 41]. Аналогично и с названиями других произведений искусства. Так, если название картины (известного) художника в оригинале звучит как «My Dead Mother», то перевод должен точно его воспроизводить, а не «перефразировать», ср. «The Artist's Mother in Death» [6, 184].

В целом же все типы названий можно разделить на «дескриптивные» и «аллюзивные» (символизирующие тему текста или указывающие на ее главную черту). Если в первом случае название можно и нужно переводить как можно более точно, то во втором, особенно если текст не является «авторским», оно чаще заменяется на дескриптивное или содержащее аналогичную аллюзию, понятную принимающей культуре [6, 77].

4. «Принципы перевода разговорной речи» определяются тем, что разговорная речь непосредственно связана с местом и временем ее произнесения и потому она обычно не переводится близко к тексту. Так, в английском языке она характеризуется не в последнюю очередь использованием лексических и грамматических сокращений, неправильными грамматическими формами, идиоматичностью (ср. *a pig in a poke*),

метафоричностью (ср. *hotbed*) и др. Принципы ее перевода можно обобщить следующим образом: естественность звучания, уместность, компенсаторность (аналогичными явлениями в языке перевода), умеренность в ее стилизации [6, 37—38].

В целом можно сказать, что трудности в переводе текста определяются его характером, содержанием и формой. Так, чем более художественен текст, чем далее он отстоит хронологически, чем менее определенен и чем более он тематически разнообразен, чем более в нем разговорной речи и культурно-специфических реалий, тем труднее его переводить [6, 170].

5. «Принципы проверки перевода». Чтобы проверить правильность выбора переводного эквивалента, можно использовать «обратный перевод» на иностранный язык, а также сравнить синонимичный и антонимичный перевод [6, 29].

Среди множества самых разнообразных профессиональных ошибок переводчика особо выделяются две из них: интерференция — translationese, и трансференция — translatorese [6, 141]. Translationese — это частный тип интерференции, который влечет искажение смысла оригинала, например, при использовании «ложных друзей переводчика», ср. франц. *génial* vs. англ. *genial*. Translatorese — это частный тип «трансференции», который заключается в неоправданном использовании слова или словосочетания в прямом значении, когда более оправдано переносное. Так, франц. *On a beau dire, ils n'apprennent rien* переводится не как **One may speak in vain, they won't learn anything*, а как *Whatever you say, they won't learn anything*. Трансференция формирует как бы особый «подъязык», создаваемый переводчиком, когда у него не хватает языковых ресурсов, чтобы более приемлемо выразить исходную мысль.

«Переводческие ловушки»

1. Самой опасной переводческой ловушкой являются интернационализмы, среди которых более всего встречаются «ложные друзья переводчика» — имеющие одну и ту же или сходную форму (написание), но различающиеся по значению в двух или более языках. При этом различия в значении могут быть как значительными, так и едва уловимыми. Многие из таких слов развивают свой тип многозначности в данном языке и

нередко бывают широкозначными. Так, франц. *affaire* имеет около тридцати значений. «Ложным друзьям переводчика» противостоят «истинные друзья переводчика» (false vs. true friends). Это интернациональные слова разных языков, имеющие полностью или почти полностью совпадающие значения. Чаще всего и те, и другие имеют греко-латинское происхождение, содержатся не только в родственных, но и в неродственных языках, имеют тенденцию к проникновению в другие языки (в меньшей степени в китайский, арабский, финский и исландский языки), особенно благодаря американским научно-техническим публикациям. Важно, что «истинных друзей» намного больше, чем ложных, особенно в научно-технической области, где, тем не менее, содержится и ряд ключевых «ложных друзей» [6, 125; 2, 162; 9].

С одной стороны, проблема состоит в том, что многие преподаватели перевода, особенно с французского языка на английский, не рекомендуют использовать в качестве переводных эквивалентов интернационализмов «родственные» слова и выражения языка перевода, считая их буквализмами, и утверждают, что, например, франц. *ambitions* по-английски следует передавать как *aspirations* или *aims*, *organiser — to rearrange*, *chaos — disorder*, *sans corps — disembodied*, *indivis — indistinct*, *dialogue — conversation* и т. п. На самом деле в большинстве случаев такой перевод оказывается менее точным: соответствующая лексика, как правило, оказывается моносемантичной и потому контекстно независимой, следовательно, ее следует передавать аналогичным интернациональным выражением, а не его синонимом [6, 68]. Тем более это относится к лексике, имеющей греко-латинское происхождение, ср. франц. и англ. *organisation, ambition.* Тем не менее, соответствующая тенденция наблюдается и в некоторых словарях. Так, почти ни в одном англо-французском или франко-английском словаре нет соответствия *formidable* (франц.) — *formidable* (англ.), хотя оно вполне естественно, особенно когда в тексте говорится о серьезных вещах, ср. *des effectifs formidables* [6, 81, 154, 164].

С другой стороны, большое количество интернационализмов и греко-латинизмов действительно являются «ложными друзьями переводчика» и представляют собой

«переводческие ловушки». Так, контрпримером к ранее сказанному служит франц. *rénovation*, которое в большинстве случаев не может быть переведено на английский язык как *renovation*. Его перевод каждый раз будет зависеть от его коллоката, ср. *to renew one's subscription/strength, to revive a literary genre, to restore morals, to renew a title*, но: *to renovate a building/furniture* [6, 84].

Так, одним из самых семантически обманчивых интернационализмов является определение *technical*. Исходно, в греческом языке, оно обозначало 'craft' (ремесло) или 'art' (искусство). В настоящее время оно используется в большом количестве значений (process, procedure, industrial, infrastructure, practical, complex, difficult, technological и др.), причем его сочетаемость может отличаться в разных языках, поэтому часто это понятие приходится «восстанавливать» из контекста (как подразумеваемое), ср. франц. *biologie* ('laboratory analyses', ср. «биохимический анализ крови»), которое подразумевает *actes techniques*, т.е. «*use of technical equipment*» [6, 43]. Кроме того, в результате детерминологизации или употребления в разговорном языке интернациональное слово может почти полностью потерять свое исходное значение, ср. англ. *officious* — 'meddlesome' vs. 'arrogant' [6, 48].

Аналогично обстоит дело и с такими распространенными понятиями, как франц. *concept*, нем. *Koncept,* англ. *concept*. Они не всегда взаимозаменимы в контексте, что объясняется историей их возникновения в каждом из этих языков и их содержанием. Так, во французском языке понятие *concept* появилось в 1404 г. и использовалось долгое время только в философии. В настоящее время оно входит в такие широко употребительные понятия, как *concept de base* ('basic concept'), *concept publicitaire* ('advertising concept'), *test de concept* ('concept testing'). В немецком языке *Koncept* стал широко употребляться только с 1950-х гг. по отношению к таким областям, как планирование, проектирование, мыслительная деятельность и др., где образует словосочетания, обозначающие 'train of thought' или 'balance of mind'. Поэтому англ. *concept* обычно соответствует в немецком языке слову *Begriff.* В англ. языке *concept*

появился в XVI веке и в настоящее время ближе к франц. *concept* в значении ‘basic idea’ [6, 35—36].

Следует заметить, что в настоящее время греко-латинизмы используются в немецком языке гораздо более активно, чем еще 50 лет назад. Это объясняется тем, что преобладавшее до конца Второй мировой войны негативное отношение к греко-латинизмам сменилось, благодаря влиянию (американского) английского языка и американской культуры (радио, кино и телевидению), на противоположное [6, 82]. В общем случае можно сказать, что большинство греко-латинизмов во французском и английском языках соответствуют друг другу по значению, если только они не являются «ложными друзьями переводчика». Так, во французско-английском глоссарии ЕС франц. *organisation* входит в 75 устойчивых словосочетаний, но только в двух случаях из них переводится на английский не как *organization*, а как *body* [6, 82].

В данном контексте следует обратить внимание на то, что в романских языках латинизмов гораздо больше, чем в других европейских языках, особенно в области обозначения человеческих качеств, а также в области административной и юридической терминологии, поэтому при переводе с романских языков увеличивается и количество «ложных друзей переводчика». Тем не менее, подавляющее большинство таких слов в английском языке, а их сотни тысяч, включая и научно-техническую терминологию (особенно оканчивающуюся на *-ion*, *-ty*, *-ism*), переводятся своими латинскими аналогами в других европейских языках. Поэтому частые рекомендации преподавателей перевода избегать такого решения неправомерны. Так, лексика типа франц. *désordre, tensions, confusion, polluer* и мн. др. выступает в качестве «истинного друга переводчика» [6, 125—126, 141, 192, 209].

Отдельной проблемой в данном контексте выступает наличие в современных, особенно европейских, языках множества слов и выражений на латыни, которые в большинстве случаев превратились в интернационализмы, как, например, *curriculum vitae*. Такие выражения отличаются компактностью и прозрачностью и потому становятся удобным номинативным инструментом (а также свидетельствуют о том, что

преподавание латыни не потеряло своей актуальности). В большинстве случаев они включаются в текст перевода в неизменном виде [6, 6].

В современных европейских языках образуется множество новых слов по старым греко-латинским моделям. Наиболее распространены такие «полунеологизмы» в романских языках, ср. франц. *sociocentriste.* При их переводе на английский и немецкий языки следует учитывать следующее обстоятельство: если в тексте такие понятия используются терминологически, то при переводе можно использовать транслитерацию. Но при переводе общетематических текстов лучше давать их менее претенциозные соответствия в виде «объяснительного перевода», ср. *centered on (their own) society* [6, 61]. Это объясняется тем, что в английском языке греко-латинизмы менее частотны, чем во французском, поэтому, несмотря на то, что, например, франц. *préfiguration* безусловно означает ‘prefiguration’, по-английски более естественно будет звучать *advance indication*, *indication* или *warning* [6, 203].

Кроме того, в большинстве европейских языков существует множество «интернациональных» префиксов и суффиксов, преимущественно греко-латинского происхождения (*non-*, *pro-*, *re-*, *anti-*, *pre-*, *post-*, *co-*, *ante-*, *bi-*, *-ist*, *-ism*, *-istic*, *-ation* и т.п.), которые в принципе могут быть присоединены к любому слову, подходящему по смыслу. Часто это будет уже «полунеологизм», достоинством которого является его семантическая прозрачность, в том числе и в межъязыковом отношении. Такие средства позволяют переводчику не «изобретать» совершенно новое слово, а использовать имеющиеся в языке потенциальные ресурсы [6, 154].

2. Особого рода переводческими ловушками являются *варианты* в написании одних и тех же слов, названий, терминов, в том числе и медицинских, особенно если это транслитерации, и особенно если вариативно их начало. Особая «головная боль» переводчика — имена собственные. Они могут быть ему неизвестны, написаны с ошибками или опечатками; они могут быть транслитерированы не по правилам, они могут входить в терминологические словосочетания или географические названия и т.д., ср. *Чехов* vs. *Chexov, Tchekhov, Tshekhov*. В любом случае их написание следует

проверять по справочникам и по возможности сопровождать примечаниями [6, 90, 35, 48]. Обо всех замеченных неточностях или ошибках, включая фактические, обязательно следует сообщать адресату или издателю [6, 51].

3. Настоящую переводческую ловушку представляют собой акронимы. Они могут быть международными (UNO) или внутринациональными. Последние далеко не всегда можно найти в словаре. Здесь помогут следующие приемы: значение акронима может быть указано в другом месте текста или в библиографии к нему; он может быть интернационализмом, англицизмом или транслитерацией из третьего языка, а также сокращением из первых букв или слогов словосочетания, и, наконец, содержать опечатку или относиться к прошлому. Часто акроним похож на неологизм. Если он является именем собственным какой-либо фирмы, то его не надо расшифровывать, часто достаточно минимального объяснения, ср. *IKEA, the Swedish takeaway furniture superstore*. Следует заметить, что в настоящее время в разных странах и в разных областях акронимы более всего основаны на английском языке и, кроме того, часто оказываются преходящими и быстро исчезают [6, 93—94, 100, 132].

4. Особую проблему при переводе могут составить метафоры, которые хотя и представляют собой в некотором смысле «обман», являются очень эффективным средством содержательного, экономного и выразительного описания чего-либо. Метафоры бывают следующих видов: мертвые, клише, стандартные, новые, оригинальные, а также универсальные, культурные и индивидуальные (авторские). Их перевод может быть основан на следующих процедурах: использование аналогичного образа; использование другого образа, редукция к значению, адаптация стандартной/общеупотребительной метафоры; использование аналога, сочетание смысла и образа [6, 26, 97, 111, 144, 184, 201]. Особым типом метафор можно считать идиомы, которые представляют собой, по существу, «расширенные стандартные метафоры» (extended standard metaphors), и распадаются на универсальные и культурно-специфичные. В последнем случае они переводятся: (1) исходя из другого, аналогичного образа, (2) с потерей метафоричности, (3) иногда буквально. Например: англ. *to be over*

the moon — франц. *être aux anges*; англ. *you are asking for the moon* — нем. *du verlangst das Unmögliche* vs. франц. *tu demandes la lune*. «Грамматические» идиомы (включающие служебные слова типа предлогов) нельзя перевести буквально [6, 40, 73].

5. Большинство разнообразных «дискурсивных» коллокаций — выражений типа *I am sorry*, имеют два и более значений в языке. Так, в английском оно может означать или ʻI regret I did this’, или ʻI regret that this has happened (through no fault of mine)’, которые при переводе должны передаваться по-разному [6, 42]. Аналогично и выражения типа *How often?*, которое может означать и ʻHow many times?’ и ʻHow frequently?’. Так, в английском языке вопрос *Why?* может иметь четыре значения [6, 79].

Принципы и техники формирования чувства языка

Обучение переводу неразрывно связано с обучением «чувству языка», особенно родного, и с развитием навыков качественного литературного изложения мыслей, чувства стиля, меры и т.д., а также с умением анализировать и сопоставлять языковые средства родного и иностранного языка, выявлять их особенности и т.п.

1. *Техника формирования чувства языка* связана с навыками распознавания различных типов языковых значений: лексических и грамматических, синтаксических и синтагматических, денотативных и коннотативных, дескриптивных и оценочных, общих и специфических, универсальных и этнокультурных, стилистических и терминологических, архаических и исторических, и мн. др. Так, особые коммуникативные значения имеют: порядок слов (эмфаза), знаки препинания (тире, двоеточие, скобки, кавычки, отточие и т.п.), шрифты, звукосочетания (аллитерация, ассонанс, ономатопея), интенсификаторы и деинтенсификаторы и др. [6, 64, 171].

Техника формирования навыков литературного изложения мыслей включает, помимо прочего, умение распознавать признаки не только литературного языка, но и художественного изложения. К ним относятся: (1) образность, аллегоричность и коннотативность; (2) звукосимволичность (значение звукосочетательности); (3) ритмическая организация; (4) концентрированное выражение мысли (отсутствие лишних слов); (5) полисемантичность, идиоматичность и символичность (особенно имен

собственных); (6) широкое использование лексики, описывающей чувства, ощущения, отношения, личностные качества и т.п.; (7) эстетическое и дидактическое измерение. При переводе художественного произведения денотативный смысл не так важен, как коннотативный, особое внимание следует уделять ключевым словам и понятиям, эстетическому звучанию перевода и др. [1; 5; 6, 102—103, 114, 202].

Кроме того, переводчик должен чувствовать различные стилистические и содержательные недостатки переводимых им (и вообще любых) текстов, особенно трюизмы, общие места, тавтологии, банальность, пошлость, избыточность, многословие и т.п. [6, 116]. Так, в любом тексте, особенно в научном, и, в частности, в переводоведческом, повторение таких малоинформативных слов, как *of course*, *surely*, *after all*, *apparently*, *actually*, и тем более злоупотребление ими делает изложение поверхностным и стилистически ущербным [6, 9]. Соответственно, *техника формирования навыков «гладкого» письма/перевода* подразумевает умение выполнять множество разнообразных операций по упрощению изложения и четкому выделению его основных положений. Так, большое количество широкозначных слов (во французском. языке это *évolution, élément, phénomène, affaire* и др.) в переводе, особенно на английский язык, может быть опущено [6, 86].

2. В переводческом отношении лексика языка организуется следующими координатами: горизонтально она содержит функциональные слова (местоимения, предлоги и т.п.), которые синтагматичны, контекстно зависимы и связаны линейными связями; вертикально она содержит ключевые слова, термины и повторяющиеся понятия, которые парадигматичны, связаны глубинными связями и часто оказываются контекстно независимыми [6, 108]. При этом в денотативном отношении наиболее важна предметная лексика, далее — глагольная, потом абстрактные имена, прилагательные и наречия. Причем абстрактная лексика более всего отражает идеологию и потому имеет множество синонимов как в исходном языке, так и в языке перевода. Соответственно, в заголовке типа *«A nasty odour in Parliament»* только *Parliament* будет инвариантным в переводе [6, 112].

3. В межъязыковом отношении особенностью английского языка по сравнению с другими европейскими языками является, например, то, что он различает числительное *one* и неопределенный артикль *a*, что часто игнорируется переводчиками, как и то, что он имеет два эмфатических времени: настоящее и пошедшее: *do love, did love* [6, 92]. В жанре сообщений английский язык оказывается более «деловым» («matter of fact»), чем французский, ср.: *l'aube de ce siècle* vs. *the beginning of the century* (ср. **dawn*), *les fidèles du parti* vs. *the party's supporters* (ср. *?party faithful*) [6, 116]. Посессивные конструкции в английском языке считаются синонимичными генитивной конструкции с предлогом *of*. Но между ними есть существенная семантическая разница: в отличие от конструкции *Mozart's works*, выражение *the works of Mozart* более архаичное и торжественное, в нем предлог подчеркивает значение своего объекта [6, 62]. Во французском и немецком языках абстрактные существительные чаще используются во множественном числе, чем в английском, поэтому выражения типа нем. (*trotz vieler*) *Unstabilitäten* следует передавать английскими конструкциями типа (*unstable*) *situations/periods of instability* [6, 124]. Во французском языке заметна тенденция использовать одиночные отглагольные существительные, тогда как в английском — с уточняющими определениями, ср. франц. *l'opinion, aspirations* vs. англ. *public opinion, workers' aspirations* [6, 159].

4. Переводчику важно следить за теми изменениями и инновациями, которые происходят в языке, культуре, обществе, в мире и т.д. Так, «анимализм» в языке постепенно становится все менее активным. В результате, например, в английском языке добродетели, страны, реки, города и даже суда теряют грамматический женский род, происходит их «дефеминизация». Тем не менее, возникающие новые понятия вполне могут получить персонифицированную характеристику, ср. франц. *le mécanicien,* нем. *die Lokomotive* [6, 12]. Далее, в современном английском и французском языках все более явно наблюдается тенденция к расширению использования скобок (как более экономного способа выразить смысл 'например', 'сравни' и др.), а также кавычек (как средства введения неологизма или выражения иронии) [6, 91]. Кроме того, кавычки стали

использоваться переводчиками для обозначения буквального перевода, ср. франц. *l'enterprise citoyenne* vs. 'citizen company'.

В современных английском, немецком, а также славянских языках стало появляться все больше «фразовых существительных», а также словосочетаний с дефисным написанием, ср. нем. *Durchbruch* ('break through'), *Durchsetzung* ('carrying through'), рус. *бизнес-лингвистика*. Соответствующие явления свидетельствуют о появлении новых межъязыковых соответствий, ср. *business linguistics*. В современном языке Канады, в отличие от Франции, выражение 'права человека' звучит более политкорректно, ср. *les droits de l'homme* vs. *les droits de la personne* [6, 86, 122, 91, 41]. В современном английском языке широко используются такие «политкорректные» понятия, как *unwaged, ethnic, committed, gender, alternative, caring, grass roots, supportive* и т.п., которым соответствуют «антагонистические» определения (*paternalistic, divisive, patronising, Bourbons, emotional*), а также такие «модные» компьютерные понятия, как *menus, interfaces, scenario, module, on stream, in synch, infrastructure, mindset*. Они употребляются для описания типичных ситуаций и проблем современной жизни и выступают в качестве ключевых слов современной культуры. Их следует передавать столь же типичными ключевыми словами, относящимися к культуре языка перевода [6, 45].

Как мы смогли убедиться, множество наблюдений, сделанных П. Ньюмарком относительно соотношения европейских языков и их особенностей с переводческой точки зрения, оказывается чрезвычайно полезными и интересными и в лингвистическом отношении.

Справочная литература

В принципе, современная переводческая практика ставит перед лингвистикой вообще, а также перед лексикографией, корпусной и прикладной лингвистикой целый ряд проблем по совершенствованию имеющихся словарей и созданию новых и принципиально новых типов и видов словарей и справочников.

Современный переводчик нуждается в самых современных справочниках, созданных в том числе и с помощью современной корпусной лингвистики и других компьютерных технологий. Помимо обычных одноязычных, двуязычных и многоязычных словарей, необходимы (многоязычные) словари антонимов, синонимов, неологизмов, архаизмов, словари цитат и крылатых выражений, пословиц и поговорок, фразеологизмов и коллокаций, разговорной речи, акронимов, сокращений, особенно медицинских и технических, персоналий (особенно типа «International Who's Who?»), а также терминологические, энциклопедические, этимологические и контекстологические многоязычные тезаурусы, конкордансы и справочники [6, 14, 83, 85, 99, 100, 126, 203].

Все типы словарей и справочников должны основываться на большом корпусе текстов, которые, в свою очередь, должны содержать сведения об их временной отнесенности [6, 132, 173]. Важную информацию должны давать частотные словари и словари, составленные на основе параллельных текстов. Так, в трех случаях из десяти франц. *choix* переводится на английский язык как *decision*, а глагол *proposer* как *to recommend* [6, 26]. Очень важна для переводчика и такая статистическая информация, как средняя длина предложения в разных стилях и жанрах в родном и иностранном языке. Так, П. Ньюмарк считает, что для английского языка характерны более короткие предложения, чем в других европейских языках [6, 36].

Совершенствование имеющихся словарей подразумевает уточнение содержащейся в них информации и введение новой, дополнительной [6, 164]. Так, английские толковые словари (Коллинз, Оксфорд, Лонгман) французскому понятию *amour propre* дают короткие и потому неточные соответствия 'self-respect' и 'self-esteem'. Более полное определение соответствующего понятия, взятого из словаря «Le Petit Larousse», следующее: «an acute feeling of personal dignity and value, which causes one to suffer for being underrated and, often as a consequence, to want to impose oneself on the esteem of others» [6, 45].

Характерным недостатком традиционных двуязычных словарей является также отсутствие перекрестных отсылок к составным частям словаря и внутри них. Так, нем.

Wissensshaftler и его соответствия — англ. *scholar*, *scientist* и франц. *spécialiste*, должны указывать еще и друг на друга. И хотя в словарях не предусмотрена возможность перевода англ. *scholar* и франц. *spécialiste* как *Wissensshaftler*, такой вариант может пригодиться в определенных контекстах [6, 140, 183].

Нуждается в дальнейшей детальной и подробной разработке и система словарных помет. Так, традиционные словари сленга могут быть расширены и дополнены за счет неологизмов и сокращений, которые широко используются, например, в английском разговорном профессиональном языке. На основе соответствующих корпусных данных при этом в такой словарь желательно включать данные о частотности, времени возникновения, употребления и выхода из употребления, степени распространения, уровня разговорности и сниженности лексики и т.д. [6, 186].

В переводческом и вообще в межкультурном аспекте было бы очень желательно включать в одноязычные и двуязычные словари информацию о коннотациях. Более того, весьма желательно составление специальных словарей коннотаций, а также символов и знаков, которые очень нужны переводчикам. Например, в немецком языке не так давно возникший эвфемизм *guest workers* подразумевает иностранцев, и, в первую очередь, турок. Вообще, более всего коннотаций у предметной общеупотребительной лексики. Так, в английском языке *gold* может подразумевать такие понятия, как *virtue, excellence, scarcity, brightness* и др. Важно еще, чтобы в таких словарях указывалось время возникновения коннотации и/или период ее использования [6, 93].

Словари как проводники культуры должны включать всю современную лексику, в том числе и из художественных произведений. Так, «Гамлет» представляет собой неотъемлемую часть современной английской культуры и современного английского языка. Поэтому вся лексика, в том числе и ономастическая, содержащаяся в этом произведении, должна быть отражена в словарях. Поэтому удивительно, что ни в *«The Collins English Dictionary»*, ни в других словарях нет слова *mobled* (‘muffled’) [6, 210].

В свете происходящих в мире культурных и прочих изменений значительного совершенствования требуют и разного рода разговорники, двуязычные и многоязычные.

Все они должны начинаться с вежливых обращений (типа *Please, Excuse me, Thank you, I beg your pardon* и т.п.). Далее, они обязательно должны включать разного рода противопоставления, касающиеся человеческих качеств (*bad*/*good, kind*/*unkind*), физических свойств предметов (*thick*/*thin, long*/*medium*/*short*), действий и их отрицаний (*work*/*idle, do*/*undo, go*/*return*), а также грамматически равноценные словообразовательные и др. форманты, межъязыковые соответствия на фонетическом уровне (ср. исп. *grand-eza* — англ. *great-ness*), сведения о культурных запретах и т.п. [6, 194].

В целом современная справочная лингвистическая и энциклопедическая литература должна также отражать происходящую в настоящее время конвергенцию европейских языков и культур [6, 218].

Теория перевода и преподавание

Смысл теории перевода должен заключаться в помощи переводчикам в принятии решений через указание на возможные их варианты и на достоинства и недостатки каждого из них, а также в формулировке переводческих рекомендаций. Теория должна быть проверяема на практике [6, 22, 39], иметь строгие дефиниции и собственную методологию, опираться на представительный иллюстративный языковой материал и отвечать на главный вопрос: когда следует переводить дословно, а когда это сделать невозможно [6, 47, 49, 66, 106].

В идеале теория перевода должна быть представлена в виде таблицы, состоящей из трех колонок. В первой должно помещаться определенное лингвистическое явление, представляющее переводческую проблему (от знака препинания до целого предложения/высказывания). Во второй — все контекстуальные детерминанты его перевода, включая лингвистические и референциальные. В третьей — все возможные методы и процедуры выбора вариантов перевода. Так, *Knesset* в определенных контекстах (например, в неофициальных типах текста) может быть передан как *Israeli Parliament*», и как *Knesset* — в более официальных сообщениях [6, 44, 65].

В целом практически ориентированная теория перевода — «практическое переводоведение», отличается от теоретического моделирования перевода тем, что формулирует методы и принципы перевода: «A or the theory of translation, which is a method and an aim of translating, should not be confused with translation theory, translation studies, 'translatology', *Übersetzungswissenschaft* etc., which is all you want to know about translation but never think of asking» [6, 107]. «Translation theory is the identification, generalization, diversification, contextualization, variation and proposed solution of particular translation difficulties» [6, 196].

В научном отношении соответствующие принципы и методы перевода должны формулироваться в том числе и в ходе диссертационных исследований по переводу, в которых обязательным компонентом должны выступать комментарии и объяснения диссертанта о принятых им переводческих решениях. Причем само существование и одобрение подобных научных трудов и присуждение за них ученой степени должно способствовать поднятию престижа переводческой профессии [6, 207].

Современное развитие переводоведения показывает, что классические произведения художественной литературы и поэзии не только периодически нуждаются в новом, более современном переводе, но и в более точном, более близком к оригиналу [6, 107, 198]. Кроме того, подобно тому, как художники выставляют несколько вариантов своего произведения, переводчики поэзии могли бы публиковать несколько вариантов перевода одного и того же поэтического произведения, что может быть полезно и интересно не только в эстетическом, но и в теоретическом отношении [6, 41].

Переводческая деятельность предельно противоречива во многих отношениях, но особенно — с точки зрения ее оплаты. Так, чем проще перевести текст, тем больше за него платят; чем труднее текст (особенно поэтический), тем больше времени уходит на его перевод, тем менее ценятся усилия переводчика; чем более необычен текст по форме или по содержанию, тем меньше платят за его перевод; чем более однотонен и утомителен текст (например, статистический), тем более он полезен, и тем больше платят за его перевод.

Основные и дополнительные цели перевода, его преподавания и изучения

Главной задачей перевода было и остается достижение взаимопонимания и мирного сосуществования между народами, государствами и отдельными личностями на основе тех истин, которые они разделяют и которые позволяют преодолевать существующие культурные различия. Это осуществляется благодаря точной передаче социальной, научной, технической и т.п. информации и знаний и их распространению; объяснению культурных особенностей населения одной страны населению другой страны; переводу художественной литературы и др. При этом возникает возможность сравнивать языки, культуры и принципы коммуникативного взаимодействия в синхронном и диахронном отношении, находить в них общее и культурно-специфическое, а также обогащать свой язык и культуру новыми понятиями, явлениями и принципами, помогать осваивать иностранный язык и культуру и т.п. [6, 47].

Современный мир и тенденции к глобализации в нем ставят перед лингвистами, переводчиками и всеми деятелями культуры принципиально новые социальные и просветительские задачи, которые можно решить, в первую очередь, создавая разнообразные национальные и межнациональные постоянные комиссии и комитеты по изучению языковых закономерностей, потребностей и особенностей в преподавании родного и иностранного языка, перевода, национальной и мировой литературы и т.п., а также по разработке методических и дидактических принципов их стандартизации, оптимизации, совершенствования и распространения [6, 180].

Практикам, преподавателям и теоретикам перевода стоит больше внимания уделять будущему перевода, его перспективам и тенденциям развития, а не только его прошлому и настоящему. Тем более что в процесс перевода вовлекается все больше языков. При этом именно перевод способен стать проводником не только взаимопонимания, но и точности, ясности и упорядоченности понятий, отношений и перспектив, дружественности межнациональных контактов и доверительности коммуникации, повышения ее лингвистических стандартов и повышения ее международного значения [6, 221].

Литература

1. Рябцева Н.К. Концепция перевода Питера Ньюмарка и ее теоретическое и практическое значение // настоящий сборник.

2. Newmark, P. Approaches to Translation. Oxford, 1981.

3. Newmark, P. A Textbook of Translation. New York: Prentice Hall, 1988.

4. Newmark, P. About Translation. Multilingual Matters, 1991.

5. Newmark, P. Paragraphs on Translation. Clevedon: Multilingual Matters, 1993.

6. Newmark, P. More Paragraphs on Translation. Clevedon: Multilingual Matters, 1998.

7. Newmark, P. A Translator's Approach to Literary Language // Across Languages and Cultures. 2001, N. 2 (1).

8. Newmark, P. Non-Literary in the Light of Literary Translation // The Journal of Specialized Translation. 2004, N. 1.

9. Thody, Ph., Evans, H. Faux Amis and Key Words. Athlone Press, 1985.

Содержание

Проблемы описания языка

Н.М.Абакарова (ИЯз РАН)
О прецедентных текстах в английском художественном дискурсе……. 3 стр.
А.А.Ануфриев (ИЯз РАН)
Об одном типе конструкций с испанскими глаголами эпистемической оценки…… 13 стр.
П.С.Дронов (ИЯз РАН)
Буквализм как способ создания оригинальных метафор и проблема их перевода (на примере повести В.В.Набокова «Пнин»)…….… 23 стр.
Е.Р.Иоанесян (ИЯз РАН)
Специфика предикатов, отражающих разные способы концептуализации времени в языке……... 30 стр.
А.В.Калашников (НИУ ВШЭ; ИЯз РАН)
Современные требования к статьям в зарубежных научных журналах…. 121 стр.
В.И.Карпов (ИЯз РАН)
Лексикографические трудности при описании несловарных лексем…... 134 стр.
С.В.Костылева (МГЛУ)
Ортонимы в языковом сознании носителей языка…….…. 145 стр.
М.А.Павликова (ИЯз РАН)
О диахронической сопряженности категорий временной отнесенности и вида в английском языке……..…..… 156 стр.
М.М.Руссо (ИЯз РАН)
Исчезающие и возникающие органы……... 173 стр.
Н.К.Рябцева (ИЯз РАН)
Концепция перевода Питера Ньюмарка и ее теоретическое и практическое значение…….…. 200 стр.
Е.Г.Свинчукова (ИЯз РАН)
Русская колористика: диахронический аспект……...… 248 стр.
М.М.Сизов (ИЯз РАН)
Об эксперименте словосложения в романе И.С.Рукавишникова «Проклятый род»……... 259 стр.
Т.Е.Янко (ИЯз РАН)
Сегментация устного дискурса на материале корпусов звучащей речи… 275 стр.

Проблемы преподавания языка

К.А.Головкин (ИЯз РАН)
Интеграционный курс как способ адаптации иммигрантов в Германии ... 293 стр.
Н.А.Капустина (ИЯз РАН)
Вопросы обучения аудированию на послевузовском этапе языковой подготовки иностранных учащихся…….. 300 стр.
Н.В.Мощинская (ИЯз РАН)
Дидактические компоненты формирования вторичной языковой личности……. 309 стр.
О.В.Наумова (ИЯз РАН)
Технология обучению чтению и переводу научной и технической литературы специалистов неязыковых специальностей……. 323 стр.
Н.М.Разинкина (ИЯз РАН)
Антитеза (учебный материал с вопросами и заданиями на материале английского и русского языков)…… 345 стр.
Н.К.Рябцева (ИЯз РАН)
Концепция преподавания перевода Питера Ньюмарка и ее теоретическое и практическое значение……. 400 стр.

Об авторах

Ануфриев Александр Александрович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: colombaaa@list.ru
Головкин Кирилл Владимирович, аспирант Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН; e-mail: kir-golovkin@yandex.ru
Дронов Павел Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: nord.dronov@gmail.com
Иоанесян Евгения Рафаэлевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: ioanevg@mail.ru
Калашников Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики (НИУ-ВШЭ); e-mail: remkas@mail.ru
Капустина Наталия Алексеевна, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: nkapust@gmail.com
Костылева Светлана Валерьевна, соискатель кафедры психолингвистики Московского государственного лингвистического университета; e-mail: swks@yandex.ru
Мощинская Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: nataliamosch@rambler.ru
Наумова Ольга Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: study2004@rambler.ru
Павликова Марина Аркадьевна, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: ya.usakov@yandex.ru
Разинкина Нина Марковна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, заведующая секцией английского языка Института языкознания РАН; e-mail: n.razinkina@gmail.com
Руссо Максим Михайлович, соискатель сектора типологии Института языкознания РАН; e-mail: maks.rousseau@gmail.com
Рябцева Надежда Константиновна, доктор филологических наук ведущий научный сотрудник, зав. сектором прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: nadia_riabceva@mail.ru
Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, и.о. доцента кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: elena-neutral2@rambler.ru
Сизов Михаил Михайлович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: mmsizov@mail.ru
Янко Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: Tanya_yanko@list.ru